

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

*Материалы второго международного
научно-образовательного форума
25–26 сентября 2018 г.*

Нижний Новгород – 2018

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

УДК 81'272 (063)

ББК 95.4

Я 412

Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. / Ответственный за выпуск руководитель Центра координации научно-исследовательской деятельности, проф. М.А. Викулина. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. – 300 с.

ISBN 978-5-85839-332-0

В сборник вошли материалы выступлений участников второго международного научно-образовательного форума, организованного Нижегородским государственным лингвистическим университетом имени Н.А. Добролюбова. Материалы также включают приветствия, поступившие в адрес участников форума. Заключительная часть содержит сведения об авторах.

Материалы адресованы магистрантам, аспирантам, докторантам, специалистам в области философии, психологии, педагогики, лингвистики, переводоведения и всем, кому интересна проблема языковой политики и лингвистической безопасности.

ISBN 978-5-85839-332-0

© НГЛУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение ректора НГЛУ проф. Б.А. Жигалева	6
Приветствия в адрес участников форума	7
<i>Ариян М.А.</i> Социальное развитие студентов лингвистического вуза и культура безопасности	13
<i>Багиян А.Ю.</i> Профессиональная идентичность как интегральный компонент государственной языковой политики	17
<i>Бурова И.В., Федосеева О.И.</i> Внедрение инновационных педагогических технологий как средства реализации языковой политики государства	21
<i>Воробьева Е.И.</i> Проектирование образовательной программы магистратуры по прикладной лингвистике: сопряжение российских и европейских подходов	25
<i>Глумова Е.П.</i> Языковая политика Российской Федерации в области обучения иностранным языкам	30
<i>Глушченко О.А.</i> Применение манипулятивных технологий при описании образа чиновника в медийном тексте	37
<i>Голубева Н.А.</i> Прологомены к лингвистике молчания для обеспечения лингвистической безопасности	43
<i>Евчик Н.С.</i> Диагностика системных несоответствий в языковой перцептивной базе индивида как гарант лингвистической безопасности перевода	48
<i>Жарёнова Н.В.</i> Особенности лингвистической политики Швейцарии	53
<i>Жиганова А.В.</i> О некоторых особенностях современных новостных сообщений	57
<i>Кабанова И.Н., Колобова И.С.</i> Язык военного конфликта в аспекте лингвистической безопасности	61
<i>Карпова О.М.</i> Словари русского языка в цифровую эпоху	67
<i>Колобова С.А.</i> Лингвистическая безопасность граждан как императив государственной политики современной России	71
<i>Колобов О.А., Хохлышева О.О.</i> Управляемый хаос в глобальном измерении и возможности укрепления лингвистической безопасности народонаселения «русского мира» в конкретных условиях общепланетарной неопределенности	76
<i>Краева И.А.</i> Интернализация науки и образования: векторы развития в системе непрерывного лингвистического образования (НЛО)	81
<i>Краева О.Л.</i> Изучение языка и смысла в русской философии	86
<i>Кувакова И.М.</i> Государственная языковая политика, лингвистическая безопасность и современные «вызовы»	90
<i>Кузнецова Е.И.</i> Информационная безопасность социальной среды в контексте проблем глобализации: социально-философский аспект	98
<i>Лакхайн Барбара (Barbara Lachhein).</i> Язык в зеркале времени – взгляд практика (<i>Sprache im Spiegel der Zeit – aus der Sicht des Praktikers</i>)	104
<i>Лешканова Е.О.</i> Роль переводческих глоссариев на микро- и макроуровне в обеспечении лингвистической безопасности	111

<i>Макшанцева Н.В., Королева С.Б.</i> Сайт «Национальные мифы о России» как фактор культурной дипломатии	115
<i>Михайлова Е.В., Солодова Е.С., Мелека В.Ю.</i> Особенности модификаций фразеологизмов в англоязычных версиях Корана	122
<i>Никонова Ж.В., Соловьева Е.В.</i> Лингвокультурные особенности немецкого политического дискурса (на примере текстов выступлений членов бундестага)	128
<i>Ножевникова Е.Г., Формозов С.Б.</i> «Рунглиш» в языковой среде современной России	133
<i>Оберемко О.Г.</i> Языковая политика России и региона по изучению различных иностранных языков	141
<i>Осокина Н.К., Кузина М.А.</i> Психолингвистические механизмы восприятия и понимания аутентичных текстов на слух	143
<i>Панченко Ю.Ю.</i> Электронная коммуникативная проектная деятельность как одно из средств развития у обучающихся готовности к позитивному межличностному и межнациональному общению	149
<i>Парит Аруноаст.</i> Отношение к слову «интеллект» в русском сознании (анализ анкетирования русских, проживающих в России)	155
<i>Петрова О.В.</i> Языковая картина мира, национальный геополитический код и языковая политика	160
<i>Плаутина Н.Ю.</i> Агрессивное невербальное поведение мужчин и женщин в современной английской прозе	168
<i>Поршнева Е.Р., Макшанцева Н.В.</i> Преподавание родного языка в межкультурном контексте как основа профессиональной языковой личности переводчика	174
<i>Прокопьева Н.Н., Матвеева И.В.</i> Аксиологическая лексика как фактор внутренней речевой безопасности (на материале немецкоязычного политического дискурса)	181
<i>Пыхина Н.В.</i> Поликультурное воспитание подростков средствами иностранного языка	186
<i>Розанова И.Л.</i> Развитие профессиональных навыков у студентов-переводчиков младших курсов с применением современных аудиовизуальных и компьютерных технологий	191
<i>Рудакова Е.К., Уткина А.С.</i> Языковой фактор интеграции на пространстве СНГ	196
<i>Савруцкая Е.П., Семенов Д.В.</i> Проблемы интеграции мигрантов в коммуникативное пространство европейской цивилизации: лингвистический аспект	201
<i>Савченко И.А.</i> Язык в контексте процессов социокультурной интеграции и дезинтеграции	207
<i>Самойлова М.П.</i> Реализация принципов государственной политики РФ в области языковой безопасности в преподавании в НГЛУ курса «История»	210
<i>Сдобников В.В.</i> «Расширение смыслов» в медиа-дискурсе, или еще одно препятствие для успешной коммуникации	216

<i>Сорокоумова Г.В.</i> Психологический тренинг как эффективный метод профилактики коммуникативных барьеров	223
<i>Татаурова Е.М.</i> Коммуникативный тренинг в старшей школе как средство формирования готовности к осуществлению межкультурного общения.....	227
<i>Тырыгина В.А.</i> Глобализационный индекс этнической идентичности	232
<i>Устинкин С.В., Морозова Н.М.</i> Этнолингвистический конфликт в национальных регионах ПФО	239
<i>Фортулатова В.А.</i> Коммуникативная компетенция как стратегия образовательного процесса в вузе	244
<i>Чичерина Ю.В.</i> Формирование культурной идентичности личности школьника в процессе обучения чтению на иностранном языке	248
<i>Чусуван Критсада.</i> Словообразование в русском языке: «русский и иноязычный префиксоид + слово» в процессе преподавания и изучения РКИ	253
<i>Ширяева Т.А.</i> Глобальный английский язык в контексте идей лингвистической экологии	260
<i>Шокина И.М.</i> Программа подготовки к квалификационным экзаменам ООН в МГЛУ: традиции и инновации	264
<i>Шурыгина О.В., Федотова Ю.И.</i> Проблема формирования психологической готовности переводчика	268
<i>Эгон Хайн.</i> Смешанный язык как пример языковой деградации в постглобалистском мире	271
<i>Эйтаро Хираи.</i> Языковая политика Японии в эпоху императорского правления	277
<i>Юдина Н.В., Селиверстова О.А.</i> Внешняя языковая политика и лингвистическая безопасность: конфликт интересов или возможности сотрудничества?	281
<i>Ястремская И.Г.</i> Вторичная номинация немецких цветообозначений в социально-политическом дискурсе	286
Сведения об авторах	291

О Б Р А Щ Е Н И Е

**ректора
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова**

проф. Бориса Андреевича ЖИГАЛЕВА

Дорогие читатели!

Мы с вами живем в эпоху, которую без преувеличения можно назвать эпохой глобальной коммуникации. Геополитические изменения, итогом которых становится рост межнациональной миграции, развитие Интернета и технологий связи, упрочение социальных, деловых, культурных и научных контактов обеспечивают беспрецедентный по объему информационный обмен. Роль, которую в нем играет языковая политика государства, трудно переоценить: лингвистические аспекты безопасности выступают на первый план каждый раз, когда речь идет о происходящей на наших глазах цивилизационной трансформации современного мира. Интенсивное взаимодействие разных стран и политика поликультурализма внутри государства должны базироваться на тщательном изучении языковых процессов и тенденций. Поэтому от ученых-лингвистов, литературоведов, социологов, специалистов в области страноведения и методики обучения иностранным языкам напрямую зависит, насколько гуманитарно ориентированной будут внешняя и внутренняя политика в целом.

Надеюсь, что этот сборник докладов, прозвучавших в рамках международного научно-образовательного форума «Языковая политика и лингвистическая безопасность», состоявшегося в Нижнем Новгороде, станет важным этапом в поиске междисциплинарных подходов к изучению различных аспектов лингвистической безопасности, попыткой комплексного анализа межкультурной коммуникации – от частных филологических изысканий до культурологической и социологической систематизации накопленного опыта.

В конечном итоге научная цель форума – получение знаний, которые будут способствовать укреплению позиций русского языка внутри России и по всему миру, более глубокому пониманию культурных кодов, выраженных в языках других этносов.

Борис Жигалев

***П*РИВЕТСТВИЯ
В АДРЕС
УЧАСТНИКОВ ФОРУМА**

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Организаторам и участникам
II Международного образовательного форума
«Языковая политика и лингвистическая безопасность»

Сердечно приветствую организаторов и участников II Международного образовательного форума «Языковая политика и лингвистическая безопасность», организуемого Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н.А.Добролюбова.

Ваше творческое начинание утверждается в качестве востребованной площадки, способствующей укреплению общенационального единства, утверждению в обществе непреходящих нравственных ценностей, популяризации русского языка и российской культуры за рубежом. Кроме того, проект вносит заметный вклад в развитие международного гуманитарного сотрудничества, поддержание доверия и взаимопонимания между народами.

Убежден, что и на этот раз форум пройдет в созидательном, дружеском ключе, будет содействовать упрочению профессиональной солидарности. А реализация его насыщенной программы позволит выдвинуть новые, перспективные инициативы, в том числе в интересах наращивания межкультурного диалога.

Желаю вам плодотворных дискуссий, установления взаимопользных контактов и всего самого доброго.

 С.СЛАВРОВ

г.Москва, « » сентября 2018 года

**Приветствие
полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Приволжском федеральном округе Комарова И.А.
организаторам и участникам
II Международного образовательного форума
«Языковая политика и лингвистическая безопасность»**

Уважаемые организаторы и участники форума!

Нижегородский государственный лингвистический университет на протяжении многих лет собирает на своих мероприятиях ведущих специалистов в сфере языкознания. И сегодняшний форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность» является этому ярким примером.

В современном мире понимание процессов в сфере языкознания - важная составляющая обеспечения национальной безопасности страны. Ежедневно в международной, внутривополитической, экономической и других сферах мы видим: даже одно слово, высказывание, мысль может оказать решающее влияние на глобальные процессы. Особое место в этой связи занимают средства массовой информации, дипломатические структуры, государственные служащие, которые в своей работе обязаны давать точные и взвешенные оценки событиям и процессам.

Обсуждение вопросов лингвистической безопасности и языковой политики в настоящее время актуально и для представителей экспертного сообщества, и органов государственной власти.

Уверен, что форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность» станет регулярной площадкой для научных и экспертных дискуссий по современным проблемам языкознания.

Желаю участникам мероприятия интересных обменов мнениями и новых контактов, а также профессионального и личностного роста!

И. Комаров

25 сентября 2018 года, г.Н.Новгород

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИССИЯ ПО РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Миусская пл., д. 7, стр. 1, Москва, ГСП-3, 125993, тел.: (495) 221-83-63, факс: (499) 251-60-04, сайт: www.oprf.ru

Уважаемые коллеги!

Комиссия по развитию образования и науки Общественной палаты Российской Федерации приветствует участников II Международного научно-образовательного форума «Языковая политика и лингвистическая безопасность». Ваш форум проходит на берегах Волги в аудиториях одного из ведущих лингвистических вузов нашей страны – Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н.А.Добролюбова, чьи научные школы и выпускники известны далеко за пределами нашего отечества.

Тема форума необычайно актуальна. Сегодня мы являемся свидетелями острого обострения вопросов, связанных с проблемами языковой политики, повышенным вниманием общества к вопросам изучения и преподавания языков. К сожалению, в последнее время нередко эти вопросы переходят из плоскости научных дискуссий в плоскость остро политических, а порою и военных конфликтов. Притча о языке, приписываемая древнегреческому баснописцу Эзопу, в веке XXI обрела вторую жизнь и звучит сегодня очень актуально не только в мире, но и в нашей стране.

В Российской Федерации - многонациональном и многоязычном государстве- вопрос государственного (русского языка) и родных (национальных) языков всегда находился в сфере особого внимания. От того, насколько грамотно и профессионально эти вопросы решаются зависит единство нашего государства, его существование.

В нашем отечестве сложилась система изучения и преподавания русского и родных языков, обеспечивающая условия для сохранения языкового многообразия в нашей стране и ее единства. Поправки, принятые к федеральному Закону «Об образовании в Российской Федерации», летом 2018 года Комитетом по образованию и науке Федерального собрания, призваны закрепить конституционное право свободы выбора каждым учеником изучения родного языка и обеспечения равенства доступа к получению образования на государственном (русском языке) для любого обучающегося.

Именно с целью сохранения языкового разнообразия нашей страны, поддержки преподавания родных языков принято решение о создании специального фонда, ориентированного на издание качественной учебной литературы для системы общего образования. Фонд позволит обеспечить российскую школу качественными современными учебными изданиями. Полагаем, что в числе тех, кто будет создавать эти книги будут и представители этого форума.

Известно, что Словом мир был сотворен, будем надеяться, что им он может быть и сохранен.

На повестке дня Вашего форума много важных и очень непростых вопросов. Мы желаем Вам интересных и содержательных дискуссий, продуктивных и реалистичных решений, большой и содержательной работы.

Председатель Комиссии

М.А. Погосян

**Общероссийская общественная организация
«Ассоциация учителей литературы и русского языка»**

119072, г. Москва, ул. Тверская, д.9/17, стр.5 Телефон: (495)246-01-98 E-mail: aurilm@yandex.ru
ОГРН 1147799003120, ИНН/КПП 7710481245/ 771001001

Исх. №78
от 24 сентября 2018 г.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Участникам и гостям II Международного научно-образовательного форума
«Языковая политика и лингвистическая безопасность»

Уважаемые коллеги!

Общероссийская Ассоциация учителей литературы и русского языка приветствует участников II Международного научно-образовательного форума «Языковая политика и лингвистическая безопасность». Ваш форум проходит на волжских берегах в одном из ведущих лингвистических вузов нашей страны – Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н. А. Добролюбова.

Тема форума необычайно злободневна, а для нас, учителей русского языка и литературы, близка и по-особому важна. Катастрофическое падение уровня речевой культуры, безответственное и неуважительное отношение к слову свидетельствует о серьезных проблемах в преподавании языка, недооценке языкового фактора в формировании национального самосознания, сохранении культурного кода нации и единства нашего государства.

Сегодня необходимо большее внимание уделять языковой политике в нашей многонациональной и многоязычной стране. Вопросы изучения русского и родных языков в многоязычном государстве требуют постоянного внимания. От одного необдуманного и неправильного шага в подходах к изучению языков в многоязычном и многонациональном обществе может зависеть очень многое. На наших глазах примеры соседней Украины, стран Балтии. Допустить таких сценариев мы не имеем права, а потому вопросы языковой политики сегодня особенно актуальны на первых ступенях обучения, в школе.

Первые шаги в совершенствовании подходов к ведению языковой политики в сфере общего образования в новых, очень непростых условиях откровенной языковой агрессии предпринимаются. Они связаны и с развитием образовательного законодательства, и с усилением внимания к качеству учебных изданий для системы общего образования, совершенствованием механизма итогового контроля по русскому и иностранным языкам за курс общеобразовательной школы. Но этого недостаточно, и мы надеемся, что Ваше представительное и высокопрофессиональное собрание позволит открыть новые горизонты в решении проблем развития языкового законодательства в условиях серьезных вызовов современности, обеспечения лингвистической безопасности и выработки новых подходов к преподаванию языков в условиях реального билингвизма и поликультурности.

Слово – особый инструмент, который требует особого подхода, ответственного и профессионального. Мы желаем Вам интересной и плодотворной работы на площадках форума, на земле, где родились Болдинские шедевры Пушкина, а русская проза заговорила на русском литературном языке.

С уважением,
Председатель Координационного совета
Общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей литературы и
русского языка»

Л.В.Дудова

УДК 378.147 : 81'272

ББК 81

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА И КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ

М.А. Ариян

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы культуры безопасности и пути её обеспечения в процессе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: культура безопасности, субъект безопасности, коммуникативная состоятельность, социальная ответственность, познавательная мотивация.

SOCIAL DEVELOPMENT AT A LINGUISTIC UNIVERSITY AND SAFETY CULTURE

M. Ariyan

Summary. The article looks at the problems of safety culture and ways of providing it in the process of language teaching.

Key words: safety culture, safety subject, communicative sustainability, social responsibility, motivation for learning.

В эпоху активизации межнациональных конфликтов и становления многополярного мира особую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением национальной безопасности и единства народа Российской Федерации. В связи с этим в описание разнообразных сфер жизни страны и терминологическое поле многих отраслей знаний вошел термин «культура безопасности», который обозначает всестороннее и глубокое понимание важности проблем безопасности для жизни и будущего развития страны и человечества в целом и целенаправленную деятельность для решения этих проблем.

О культуре безопасности можно говорить в ситуации, когда значительная группа людей осознает её важность, а каждый член группы поддерживает её нормы и чувствует личную ответственность за её сохранение и поддержание.

В последние годы исследователи придают особое значение культуре лингвистической безопасности как части национальной безопасности страны. К источникам опасности причисляют, в частности, однополярную ориентацию общества на один из мировых языков [1]. В связи с этим в рамках модернизации образования в Российской Федерации предполагается возврат к языковому плюрализму и включение в число изучаемых помимо традиционных английского, немецкого и французского языков, языков стран-соседей и некоторых восточных языков.

Лингвистическую безопасность отдельной личности связывают с тем, что создание высказывания не должно наносить вред или нести угрозу автору высказывания или воспринимающей его аудитории.

Обладая культурой безопасности, субъект реализует безопасные решения в формулировке своих мыслей, находит пути снижения или полной ликвидации опасности, не искажая и не упрощая суть проблемы.

Как известно, в сферу использования языка включено всё «социальное пространство». Язык выступает важнейшим интегратором общества. Он сохраняет единство народа и активно «сопротивляется» его социальной дифференциации. Основные характеристики языка, по утверждению исследователей, соотнесены с личностными особенностями индивида и обеспечивают личностные, интеллектуальные и социальные функции человека [2]. Поэтому важнейшее назначение языка – являться средством общения как формы социального взаимодействия и присвоение социального опыта. Кроме того, язык позволяет человеку осознавать собственное «Я», обеспечивает возможность самовыражения и саморегуляции. Обозначенные функции языка позволяют говорить о его личностно образующей значимости и способности являться инструментом развития.

Таким образом, межличностное речевое общение имеет социальную природу. Характер взаимодействия личностей, их социальные отношения определяют выбор тех или иных речевых действий. Накопление личностью социального опыта позволяет расширять их репертуар. Происходит процесс социализации индивида, важнейшим средством которого является язык (речь) как некое общественное явление. Важнейшую роль в этом процессе, безусловно, играет родной язык обучающихся, но и значимость иностранного языка как средства социализации не следует недооценивать. Иностранный язык обладает широкими возможностями и позволяет индивиду овладевать стратегиями и тактиками, механизмами и нормами взаимодействия в социальной сфере [3].

В ходе социально-коммуникативного взаимодействия на иностранном языке в условиях социально заострённых проблемных ситуаций приобретает опыт точного, социально приемлемого и лингвистически безопасного способа формулирования мысли.

Субъектом безопасности может явиться только свободная и самостоятельная личность, которая осознаёт необходимость обеспечения безопасности и обладает правами и обязанностями по её обеспечению. Речь может идти о некотором культурно-лингвистическом иммунитете граждан, который делает их невосприимчивыми к информационно-психологическому манипулятивному воздействию.

Свободной и самостоятельной можно считать личность, отличающуюся высокой степенью социального развития, социальной компетентностью. Под последней мы понимаем комплекс знаний, навыков, умений, социальных характеристик, обеспечивающих эффективное социально-адекватное взаимодействие личности с различными собеседниками, в т. ч. – в межкультурной сфере. Другими словами, это личность, отличающаяся наличием социально-ценных качеств, социального опыта в рамках родной и иной культур, что обеспечивает возможность эффективного и безопасного взаимодействия в межкультурной сфере.

Среди социально-ценных качеств и социальных характеристик личности, свидетельствующих о высоком уровне её социального развития, рассмотрим следующие: коммуникативная состоятельность, социальная ответственность и стремление к познанию и самосовершенствованию.

Как известно, нарушение общения, неумение решать проблемы коммуникации ставят под угрозу лингвистическую безопасность. Неумение порождать высказывания, гарантирующие безопасность их автора, свидетельствуют о несформированности такого качества, как коммуникативная состоятельность. Под коммуникативной состоятельностью мы понимаем такое качество личности, которое обеспечивает ей возможность, пользуясь различными средствами коммуникации, реализовать собственное коммуникативное намерение и добиться взаимопонимания, в т. ч. – в ситуациях межкультурного общения [4].

Коммуникативная состоятельная личность умеет чётко формулировать свои мысли, излагать необходимое содержание доступным для собеседника языком, слушать и слышать собеседника. Всё это позволяет минимизировать «разрывы» в коммуникации и, как следствие, избегать непонимания. Коммуникативно состоятельные речевые партнёры характеризуются позитивными установками в межличностных отношениях, формирование которых происходит в подростковом и юношеском возрасте. Именно в этот период способом гармонизации отношений личности с окружающим миром является, прежде всего, гармонизация межличностного общения.

Взаимопонимание наступает лишь при условии личностной и эмоциональной «открытости» для общения, умения и готовности выражать свою точку зрения и стремления понять точку зрения собеседника. Коммуникативная состоятельность предполагает способность адаптироваться к социальному окружению, устанавливать и поддерживать оптимальные межличностные отношения, сохраняя иммунитет к попыткам манипулятивного воздействия со стороны окружающих.

Социальная ответственность понимается нами как качество личности, обеспечивающее способность к внутренней саморегуляции её деятельности и общения и формирующееся в процессе усвоения универсальных (общечеловеческих) социальных ценностей, норм, правил. В качестве объекта ответственности могут выступать отдельные люди, животные, окружающая среда, духовные, социальные, материальные ценности.

Культура безопасности не исключает, а предполагает стремление и способность человека делать правильный нравственный выбор, признавая приоритет общечеловеческих ценностей.

Социальная ответственность тесно связана с таким значимым качеством личности, как толерантность. Данное качество характеризует отношение к другому как к равнодостоинной личности, предполагает сознательное подавление чувства неприятия иных убеждений, образа жизни, внешности, манеры речи, вкусов и т. п. и непосредственно связано с культурой безопасности. Оно

справедливо рассматривается как необходимое условие сохранения цивилизации.

Очевидно, что ксенофобия может проявляться на разных уровнях и всегда провоцирует конфликты. На бытовом уровне национальная нетерпимость, этнический снобизм препятствуют взаимопониманию и создают серьёзную угрозу безопасности. В связи с этим толерантность признаётся сегодня важнейшим условием общественного единения людей различных культурных традиций, убеждений, верований. Обладание этим качеством открывает путь для социального взаимодействия людей, понимающих степень своей ответственности за собственную жизнь, благополучие своей страны, судьбы мира.

Как известно, развитие личности учащегося во многом определяется его познавательно-образовательной мотивацией. Обучение приобретает черты развивающего, если оно поддерживает высокую мотивацию к мыслительной деятельности человека. Познавательная активность учащихся в ходе изучения иностранного языка во многом определяется отношением школьников к зарубежному сверстнику, стране изучаемого языка, позитивной установкой на речь на иностранном языке. Качественные изменения, происходящие в процессе развития учащегося, проявляются, прежде всего, в познавательной сфере. Стремление и способность повышать уровень образования являются важнейшим фактором личного успеха и личностной лингвистической безопасности, социально ценной установкой, влияющей в конечном счёте на эффективность процесса развития.

Большое значение имеют желание и способность повышать общую культуру, осваивать новые виды деятельности, потребность в познании и самопознании и широта познавательных интересов.

Лингвистическая безопасность субъекта тесно связана с его познавательной активностью, что является одним из проявлений стремления к самосовершенствованию. В такой ситуации школьник в той или иной степени является творцом своей жизни, т. к. сам ставит перед собой цели и находит пути их достижения и, следовательно, может рассматриваться как субъект собственного развития и собственной лингвистической безопасности.

Концепция социально развивающего обучения иностранным языкам связана не только с процессами становления личности самого обучающегося в различных сферах, но и гарантирует иммунитет к различным манипулятивным воздействиям извне.

Таким образом, культура безопасности личности предполагает наличие у неё достаточно высокого интеллектуального уровня, самосознания, ответственности и стремления к самосовершенствованию.

Высокая степень социального развития позволит противостоять манипулятивному воздействию на его представления о себе, своей стране и её месте в современном мире. Поэтому повышение культуры безопасности напрямую связано с социальным развитием личности студента.

Литература

1. Халеева, И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111.
2. Зимняя, И.А. Психология обучения неродному языку: на материале русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1989. 219 с.
3. Ариян, М.А. Социально развивающий подход к обучению иностранным языкам в средней школе // Иностранные языки в школе. 2012. № 10. С. 2–9.
4. Ариян, М.А. Социальное развитие школьников средствами иностранного языка // Нижегородское образование. 2016. № 2. С. 89–96.

УДК 81'272

ББК 81.1

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ¹

А.Ю. Багиян

***Аннотация.** В работе проводится системный обзор экстралингвистических и лингвистических факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование, совершенствование и трансформирование профессиональной идентичности индивида, осуществляется комплексный лингвистический анализ рассматриваемого понятия с последующим выведением авторской методики концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. В исследовании аргументированно обосновывается релевантность и доминантный характер рассматриваемого феномена в процессе выстраивания государственной языковой политики. Особый акцент делается на базовых элементах распространения и популяризации профессионально-научных знаний как ключевых катализаторах культурно-образовательного потенциала нации.*

***Ключевые слова:** профессиональная идентичность, языковая политика, социолингвистика, социальная когниция, концептуальное лингвопроектирование, популяризация.*

PROFESSIONAL IDENTITY AS AN INTEGRAL COMPONENT OF THE STATE LANGUAGE POLICY

A. Bagiyan

***Summary.** The paper provides an overview of extralinguistic and linguistic factors rendering direct merge on formation, improvement and transformation of individual's professional identity, and carries out complex linguistic analysis of the mentioned notion with the subsequent emphasis on the author's method of conceptual linguistic engineering of professional identity. The relevance and dominant character of the considered phenomenon in the course of forming of the state language policy with deep arguments is proved in the research. Particular emphasis is placed on basic elements of distribution and popularization of professional and scientific knowledge as key catalysts of any nation's cultural and educational potential.*

***Key words:** professional identity, language policy, sociolinguistics, social cognition, conceptual linguistic engineering, popularization.*

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «Концептуальное лингвопроектирование профессиональной идентичности в инновационной экономике: лингвокогнитивное, социо-лексикографическое и прагма-аксиологическое моделирование русскоязычного и западноевропейского научно-популярного дискурса» по гранту президента Российской Федерации (№ МК-6895.2018.6; руководитель – А.Ю. Багиян).

Наблюдая за основными тенденциями, доминирующими на современном этапе развития лингвистической мысли, можно с уверенностью утверждать, что на протяжении последних десятилетий в рамках современной гуманитарной парадигмы образовался целый комплекс исследований различной векторной направленности, посвященных изучению единого и в то же время чрезвычайно многопланового феномена – идентичности. В широком смысле под данным термином стоит понимать структура эго, т. е. внутреннюю динамическую самосозидающуюся организацию способностей, потребностей, убеждений, индивидуальной истории человека [1; 2]. По справедливому замечанию И.С. Семененко, наблюдаемый сегодня взрыв интереса к вопросам идентичности в определенной степени является ответом на усложнение институциональных основ, стремительный рост многообразия общественной среды и проявление новых факторов, угрожающих личностному самостоянию человека и экзистенциальным основаниям его жизни [3, с. 19]. Таким образом, сложность и многоаспектность исследуемого феномена, подкрепляемая его исследованием с позиций целого ряда научных дисциплин, позволили ему занять прочные позиции в общественном сознании и в связи с этим оказаться встроеным в довольно широкий исследовательский контекст, включающий изучение его сущностных характеристик, экстралингвистических и лингвистических факторов, социопрагмакоммуникативной составляющей и пр.

Наряду с повышенным интересом к вопросам идентичности в гуманитарной исследовательской среде, важно отметить имеющуюся на настоящий момент расплывчатость в вопросах комплексного конструирования и анализа данного явления с учетом связанных с ним социально-культурных трансформаций и подчас рискогенных ситуаций [4, с. 3]. Так, одним из направлений, нуждающихся, на наш взгляд, в четко очерченной структурно-параметрической системе и устранении целого ряда теоретико-практических лагун, является аспект концептуального лингвопроектирования феномена идентичности.

Учитывая широкий диапазон гиперо-гипонимических отношений понятия «идентичность», в фокусе наших исследований находится именно профессиональная идентичность как один из наиболее существенных элементов, необходимых для выстраивания положительной динамики социального развития современного общества, равно как и всего культурно-образовательного потенциала нации.

Итак, принимая во внимание обозначенную выше важность исследования феномена профессиональной идентичности именно в аспекте выстраивания новой методологии анализа, конструирования социолингвистического каркаса и применения полученных результатов в целях совершенствования государственной языковой политики, считаем особо актуальным проведение исследований в области концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности как интегрального элемента языковой политики государства.

В рамках описываемого исследования нами осуществлен комплексный лингвистический анализ понятия «профессиональная идентичность» в аспекте его использования в рамках подходов: психологический, социологический, педагогический, философский, этнокультурологический и лингвистический. По результатам проведенного анализа мы пришли к выводу, что профессиональная идентичность является многогранным феноменом, для которого характерна комплексная структура, многоаспектная направленность разного рода исследовательских парадигм. Именно инкорпорирование сильных сторон каждого из обозначенных подходов для создания комплексной лингвистической методики изучения профессиональной идентичности и является конечной целью нашего исследования.

Согласно нашей основной гипотезе, социолингвокогнитивный аспект концептуального каркаса феномена профессиональной идентичности выстраивается с помощью его концептуального лингвопроектирования, которое заключается в лингвокогнитивном, прагма-аксиологическом, социолексикографическом и лингвоэкологическом моделировании определенного профессионального дискурса, его научно-популярной составляющей.

При рассмотрении профессиональной идентичности с предложенных нами позиций становится очевидной связь данного феномена с языковой политикой любого государства. Ведь язык является оружием и материалом мышления, ключевым средством (само-)идентификации, самовыражения и развития индивида; это одно из обязательных условий возникновения этнической общности, символ и защита группового единства, сохранения этнокультурной самобытности» [5]. В определении языковой политики как лингвистического термина мы придерживаемся мнения Д.Ю. Гилунова, согласно которому данное явление «детерминируется взаимодействием целенаправленной деятельности государственных структур, с одной стороны, и реакций общественности на происходящие в языковом пространстве изменения, с другой стороны, такое двунаправленное воздействие общества на язык происходит в социальных институтах и имеет определенные дискурсивные формы и способы осуществления» [6, с. 4].

Представленное определение, обозначенные ранее базовые функции языка в аспекте его социальной реализации свидетельствуют, с одной стороны, о правильности выбора непосредственно профессиональной идентичности как объекта нашего исследования, и, с другой стороны, о чрезвычайной важности аспекта государственной политики в процессе формирования профессиональной идентичности индивида, равно как и необходимости концептуального лингвопроектирования данного феномена. Важно подчеркнуть существенную для данного исследования взаимонаправленность: государственная политика в значительной степени обуславливает развитие и трансформирование профессиональной идентичности индивида / социума, однако и само эволюционирование профессиональной идентичности оказывает определен-

ное влияние на государственную языковую политику и способствует необходимости проведения ее периодической корректировки.

Аспект распространения и популяризации профессионально-научных знаний как ключевых катализаторов культурно-образовательного потенциала нации представляется нам одним из базовых и наиболее существенных для правильного выстраивания языковой политики любого государства. Данное обстоятельство в первую очередь регламентируется просвещением населения посредством его ознакомления с ведущими тенденциями в области научно-технического комплекса государства. Именно по этой причине в рамках исследования мы склонны анализировать не только сугубо научный, но и научно-популярный дискурс.

Таким образом, представленная методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности, по нашему мнению, имеет целый ряд преимуществ: требуемый для проведения исследования большой корпус фактических данных, явный лингвистически разноплановый характер методики обеспечивают значительный уровень валидности и верифицируемости полученных данных и выводов; использование представленной методики в значительной степени совершенствует ряд направлений современной лингвистики, имеющих стратегическое значение для дальнейшего развития науки о языке; результаты исследования могут иметь существенную роль для корректировки и выстраивания новой языковой политики государства с целью улучшения всего культурно-образовательного потенциала нации.

Литература

1. Эриксон, Э. Идентичность. Юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
2. Marcia, J.E. The ego identity status approach to ego identity // *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research* / J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer and J.L. Orlofsky. New York: Springer-Verlag, 1993. P. 3–41.
3. Семенов, И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. 992 с. С. 18–32.
4. Дидковская, Я.В. Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе: Дис. ... д-ра соц. н. Екатеринбург, 2016. 327 с.
5. Низгулов, Т.С. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих языковую политику России на федеральном уровне // *Наука и бизнес: пути развития*. 2014. № 5 (35). С. 200–202.
6. Гилунов, Д.Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции: Дис. ... д-ра филол. н. Волгоград, 2015. 301 с.

УДК 378.147:81'272

ББК 74.58

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

И.В. Бурова, О.И. Федосеева

Аннотация. В статье обосновывается необходимость применения инновационных педагогических технологий как эффективного механизма реализации языковой политики государства, выделяются основные составляющие педагогической технологии, освещается опыт проведения фестиваля «Ярмарка педагогических технологий» в Нижегородском государственном лингвистическом университете при поддержке фонда «Русский мир».

Ключевые слова: педагогическая технология, учебно-воспитательный процесс, языковая политика государства в сфере образования.

INTRODUCTION OF INNOVATIVE PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES AS A TOOL OF THE STATE LANGUAGE POLICY IMPLEMENTATION

I. Burova, O. Fedoseeva

Summary. In the article the necessity of the implementation of the innovative pedagogical technologies as the effective mechanism of implementation of the state language policy is justified; the main components of pedagogical technology are singled out; as well as the experience of holding the festival «Fair of pedagogical technologies» in Nizhny Novgorod State linguistic University with support of the Fund «Russian world» is highlighted.

Key words: pedagogical technology, educational process, state language policy in education field.

Развитие образовательных процессов в современном обществе, огромный опыт педагогических инноваций, авторских школ и учителей-новаторов, результаты психолого-педагогических исследований постоянно требуют обобщения и систематизации. Одним из средств решения этой проблемы является технологический подход, применение понятия «технология» к сфере образования, к педагогическим процессам. Технологический подход к обучению и воспитанию, который зародился в 60-70-е гг. XX в., привлёк педагогов-практиков идеей управления учебно-воспитательным процессом.

Педагогическая технология – это научно обоснованная система деятельности, которую человек старается применить в целях преобразования окружающей среды. Технологический подход получил развитие прежде всего в Англии, США, Японии. Программированное обучение способствовало распространению технологического подхода в учебно-воспитательном процессе.

Идея технологического подхода в учебно-воспитательном процессе была принята не сразу. Однако интерес к педагогическим технологиям возрастал. В Казани разрабатывалась технология проблемного обучения, в других регионах внедрялось программированное обучение. В 70-е гг. ушедшего столетия получила популярность методика В.Ф. Шаталова, который создал эффективную учебно-воспитательную технологию. С внедрением технологий

воспитания, образования в практику сформулированы главные признаки технологизации учебно-воспитательного процесса: унификация в системе массового образования и воспитания, стандартизация, вынесение творческого процесса на более высокий уровень организации, упорядочивание воспитательной системы. Технология – это совокупность знаний о способах и средствах обработки чего-либо. Согласно М.В. Кларину, педагогическая технология – это системная совокупность и порядок формирования всех личностных и инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей.

В педагогической практике возникают такие явления, которые характеризуют естественное и объективное движение к технологизации, в т. ч. – в воспитательном процессе. В соответствии с данным подходом педагогическая технология – это совокупность психолого-педагогических установок, которые определяют специальный набор форм и методов, способов, приёмов обучения. Примером может служить разработка технологий анализа педагогических ситуаций, игровой деятельности, разрешения конфликта, общения, требования, которые возникли не на пустом месте, а путём систематизации уже известных идей.

Воспитание – сложный процесс, это организованная деятельность педагогов и воспитанников по реализации целей образования в условиях педагогического процесса. Воспитательные технологии – это модель совместной деятельности, которая содержит систему научных приёмов и методов, способствующих установлению отношений между воспитателем и воспитанниками, при которых оптимально достигаются конкретные воспитательные цели. Эффективность воспитательных технологий зависит от педагогических усилий. К ним относятся, прежде всего, индивидуальные способности человека, его культура, интересы, увлечения. Характер воспитательных технологий зависит от отношения к ребёнку. Им определяется тип технологии: авторитарная, сотрудничества, свободного воспитания. Правила, из которых состоит технология, являются средством реализации уважения к воспитаннику. Правила может выполнять любой педагог, труднее соблюсти все условия уважительного отношения к детям, т. к. в них отражается внутренняя мировоззренческая позиция педагога.

Современные технологии воспитания реализуют комплексный подход, выполняя обязательные требования:

- воздействуют на воспитанников по трём направлениям – на сознание, чувства и поведение;
- положительный результат достигается при органичном слиянии воспитания и самовоспитания личности;
- единство и координация усилий всех социальных институтов, имеющих отношение к воспитанию, – средства массовой информации, литература, семья, школа, искусство, органы правопорядка, коллектив – это непременное условие комплексного подхода;

- наличие системы конкретных воспитательных дел;
- комплексный подход предполагает системный подход к процессу воспитания и управления им.

Основными качествами современных педагогических технологий являются системность, научность, структурированность, управляемость. Педагогическое мастерство воспитателя состоит в том, чтобы нужное содержание отобрать, применить оптимальные методы и средства обучения в соответствии с поставленными задачами.

Любая современная педагогическая технология представляет собой синтез достижений педагогической науки и практики, сочетание традиционных элементов прошлого опыта и того, что рождено общественным прогрессом, гуманизацией и демократизацией общества. Анализ существующих педагогических технологий, разработка на их основе учитывающих современные реалии инновационных технологий должны лежать в основе реализации языковой политики государства в сфере образования. Такой подход возможен при условии широкого обсуждения актуальных вопросов внедрения педагогических технологий, обобщения и обмена опытом практической работы. Представим результаты проведения фестиваля «Ярмарка педагогических технологий» (к 90-летию со дня рождения российского педагога-новатора И.П. Волкова), который прошёл 25 апреля 2018 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова при поддержке фонда «Русский мир». Участниками фестиваля стали преподаватели, аспиранты и студенты Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, Марийского государственного университета, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, Нижегородской академии МВД России, Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, лицей-интерната «Центр одаренных детей», учителя школ и преподаватели центров дополнительного образования г. Нижнего Новгорода. Среди зарубежных участников – более 100 студентов из Китая, Кореи, Германии, Алжира, Казахстана, Молдовы, Турции, Узбекистана, Украины, Франции и др.

Пленарное заседание открыла руководитель Центра научно-исследовательской деятельности НГЛУ, член-корреспондент Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор М.А. Викулина.

Гостями фестиваля стали представители Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева – заведующий кафедрой методики дошкольного и начального образования, канд. пед. наук, доцент Н.В. Кузнецова и канд. пед. наук, доцент О.И. Чиранова. Они рассказали об опыте создания «электронного конструктора методических пазлов», позволяющего учителю проектировать урок с опорой на созданный банк методических ресурсов.

Особый интерес участников фестиваля вызвали результаты научного исследования «Этнопедагогический потенциал проектной деятельности в формировании толерантности старших подростков», проведённого в Марийском государственном университете. Доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики, канд. пед. наук, доцент М.Р. Шамтиева и педагог, автор проекта Е.В. Гребнева рассказали об опыте проведения фестиваля национальных культур и создания учащимися межкультурного школьного фильма.

Кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии НГЛУ организовала работу секций «Цель одна – дорог много», «Учим творчеству», «Творческая книжка школьника», «Организация и методика работы творческой комнаты», «Знание – фундамент творчества», «Школа будущего». Своими творческими разработками педагогических технологий с участниками фестиваля поделились педагогические работники образовательных организаций: педагоги-практики, преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, специалисты дополнительного образования. Мастер-класс «Таксономия Блума, или шесть граней творчества» провёл канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации А.Ю. Курмелёв.

Участники обсудили актуальные вопросы внедрения педагогических технологий, обобщили опыт работы, представили практико-ориентированные проекты, разработки учебных занятий и воспитательных мероприятий.

Проведенный фестиваль позволил:

- обсудить проблемы технологизации образования;
- подтвердить высокую общественную значимость разработки педагогических технологий в условиях изменяющегося информационно-образовательного пространства;
- обсудить возросший дисбаланс между сферой образования и социальным заказом, необходимость адаптации образовательной среды к новым условиям развития личностного потенциала обучающихся;
- систематизировать и распространить передовой педагогический опыт по разработке и внедрению новых педагогических технологий среди российских и зарубежных преподавателей и студентов педагогических специальностей.

Программа фестиваля и электронный сборник статей участников (243 страницы) размещены на сайте НГЛУ:

<http://www.lunn.ru/news/yarmarka-pedagogicheskikh-tehnologiy>;

<http://www.lunn.ru/page/festival-yarmarka-pedagogicheskikh-tehnologiy-25042018>.

Значимость и перспективы использования результатов проекта:

- фестиваль позволил популяризовать идеи отечественной педагогической науки среди отечественных педагогов и зарубежных студентов;
- фестиваль способствовал привлечению творчески работающих педагогов, российских и иностранных студентов педагогических специальностей

к изучению передового педагогического опыта, современных педагогических технологий (технологии педагогического общения, технологии педагогической оценки, технологии создания ситуации успеха, технологии педагогического требования, технологии организации групповых воспитывающих ситуаций, технологии коллективной творческой деятельности);

– фестиваль получил высокие оценки за организацию мероприятия от непосредственных его участников, позволил поддержать творчески работающих педагогов, способствовал повышению значимости педагогической профессии;

– по отзывам представителей целевой аудитории, фестиваль позволил в процессе обсуждения теории и практики педагогических технологий углубить профессиональный опыт и раскрыть значимость отечественных разработок перед российскими и зарубежными студентами педагогических направлений подготовки.

УДК 378.4

ББК 74.48

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ МАГИСТРАТУРЫ ПО ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: СОПРЯЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПОДХОДОВ

Е.И. Воробьева

Аннотация. В статье представлен опыт Северного (Арктического) федерального университета по проектированию международной магистерской программы по прикладной лингвистике, направленной на подготовку современного учителя иностранного языка. Описываются технологии разработки образовательной программы с позиций Болонского процесса, пути сопряжения европейских и российских образовательных стандартов.

Ключевые слова: Болонский процесс, результаты обучения, сопряжение российских и европейских подходов к проектированию образовательных программ

DESIGNING MASTER'S DEGREE PROGRAMME IN APPLIED LINGUISTICS: ALIGNING RUSSIAN AND EUROPEAN APPROACHES

E. Vorobyeva

Summary. The article covers the process of designing a new master's degree programme in applied linguistics based on the learning outcomes approach. The central ideas concern the aligning process of Russian and international educational standards.

Key words: Bologna process, learning outcomes, aligning Russian and European approaches to designing degree programs.

Вхождение России в Болонский процесс стало стимулом модернизации высшего образования и перехода на трехуровневую модель: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Перед университетами встала задача разработки новых образовательных программ, которые бы соответствовали принципам Болонского процесса и способствовали интернационализации российского образования.

Для успешной конкуренции на международном рынке образовательных услуг и подтверждения высокого качества образования Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова активно модернизирует портфель образовательных программ вуза, уделяя особое внимание магистерским программам, делая ставку на их уникальность (арктическая специфика), научно-исследовательскую составляющую и международное сотрудничество [1, с. 25].

Модернизация образовательных программ САФУ осуществляется в основном в рамках международных проектов с европейскими странами, Китаем, США. Одним из значимых для университета проектов стал проект по программе TEMPUS «ALIGN: обеспечение соответствия между академическими программами и национальными рамками квалификаций» (номер проекта: 543901-TEMPUS1-2013-1-AM-TEMPUS-JPGR), реализованный в 2013–2016 гг. совместно с партнерами из Бельгии, Великобритании, Ирландии, Германии, Польши, Армении, Украины и России. Общая цель проекта состояла в повышении прозрачности, согласованности и универсальности национальных рамок квалификаций стран-участников через создание и реализацию механизмов по их гармонизации. В рамках данного проекта освоены компетенции по проектированию новых образовательных программ, что позволило модернизировать ряд магистерских программ университета и кардинальным образом изменить подходы к разработке, оценке и запуску новых образовательных программ в САФУ.

В данной статье на примере англоязычной магистерской программы по прикладной лингвистике покажем один из этапов модернизации программы: технологию проектирования образовательных результатов как ключевой категории Болонского процесса.

Миссия магистерской программы *Applied Linguistics: Teaching English as a Foreign Language* предусматривает профессиональную подготовку высококвалифицированных учителей, способных преподавать английский язык в разнообразных образовательных контекстах.

Данная магистерская программа является международной и открыта для приема как иностранных, так и российских студентов. В этой связи одной из главных для команды разработчиков стала задача сопряжения российских и европейских подходов и прежде всего в проектировании ожидаемых результатов обучения по программе.

Как отмечается в Болонских документах, результаты обучения (*learning outcomes*) – это утверждение того ожидаемого, что ученик будет знать, понимать и / или в состоянии будет сделать в конце периода обучения. Результаты обучения представляют собой один из существенных стандартных блоков, обеспечивающих прозрачность в пределах систем высшего образования и квалификаций европейского пространства. В рамках «подхода на основе результатов» они имеют значения для определения квалификаций, проекта

учебного плана, обучения, изучения и оценки, так же как опорные точки проверки качества [2].

В рамках Болонского процесса результаты обучения рассматриваются на трех уровнях: в индивидуальном описании учреждений высшего образования (в качестве единиц / модулей курса и образовательных программ); на национальном уровне (для описания квалификаций, квалификационных рамок и режимов проверки качества); и на интернациональном уровне (для более широкого признания и целей прозрачности). Они важны для понимания квалификаций в обществе, например, учениками и предпринимателями [3]. Принцип структурированности планируемых результатов обучения отмечается и отечественными исследователями как ключевой в ходе проектирования новых образовательных программ [4, с. 137].

Для разработки образовательных результатов по программе необходимо учесть несколько факторов. Прежде всего, требования ФГОС ВО по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика» и компетенции выпускника, предусмотренные российским образовательным стандартом. Для иностранных студентов программа должна была стать понятной и прозрачной как в области результатов обучения, содержания, так и технологий обучения и оценки. Учитывая это, разработчики программы проанализировали ряд ключевых документов в сфере европейского и российского высшего образования, в профессиональной сфере «Преподавание иностранных языков»: Европейскую рамку квалификаций и дескрипторы, определяющие уровни квалификаций, Национальную рамку квалификаций Российской Федерации, Национальные рамки квалификаций других стран (например, Ирландии), отраслевые рамки (в нашем случае – международные требования к подготовке учителя иностранного языка, материалы проекта *Tuning Russia*), профессиональный стандарт педагога и др.

Важным этапом проектирования стало сопряжение российских и европейских подходов к результатам обучения. При формулировании результатов обучения прежде всего учли требования европейской и национальной рамок квалификаций к уровню магистратуры. С учетом требований документов сформулированы 10 ожидаемых результатов обучения по магистерской программе *Applied Linguistics: Teaching English as a Foreign Language* (табл. 1).

Таблица 1. Матрица соотношения рамок квалификаций и результатов обучения

European Qualifications Framework (EQF), Level 7, Master	National Qualification framework of RF (NQF), Level 7, Master	Programme Learning Outcomes
Highly specialized knowledge, some of which is at the forefront of knowledge in a field of work or study, as the basis for original thinking	Capable of selecting sources and searching for information necessary for further development of professional activities and / or company	LO-1: Demonstrate in-depth knowledge and critical understanding of theories, principles, concepts and methodologies in applied linguistics and language pedagogy LO-2: Analyze and describe the role of English as lingua franca and its implica-

and / or research		tions for language learning and teaching
Critical awareness of knowledge issues in a field and at the interface between different fields	Capable of creating new applied knowledge in a certain field or at the interfaces of different fields	LO-3: Examine and critically appraise methodologies and techniques relevant for research in applied linguistics and language pedagogy
Specialized problem-solving skills required in research and / or innovation in order to develop new knowledge and procedures and to integrate knowledge from different fields	Capable of achieving development goals in the field of professional activity by employing new methods and approaches including innovative ones. Develop new methods, approaches and technologies	LO-4: Apply appropriate TEFL approaches and methodologies in varying educational contexts. LO-5: Design syllabi, lesson plans and teaching materials appropriate to target learner groups. LO-6: Apply a variety of assessment strategies to evaluate and reflect on English learners' achievements and progress
Manage and transform work or study contexts that are complex, unpredictable and require new strategic approaches	Define strategy, manage processes and activities (including innovative ones), make decisions at the level of institutional structures and their subdivisions	LO-7: Plan and implement an independent research project in English language didactics
Take responsibility for contributing to professional knowledge and practice and / or for reviewing the strategic performance of teams	Take responsibility for the performance results of organizations or subdivisions making constituent parts of large-scale institutional structures	LO-8: Communicate complex ideas clearly both in written and oral English in professional and social settings. LO-9: Demonstrate a range of generic skills including information processing and time management, team and project work, IT and autonomous learning. LO-10: Self-evaluate and take responsibility for continuing professional development

Так как программа направлена на подготовку учителя английского языка, ключевую роль в разработке результатов обучения имел Профессиональный стандарт педагога [5].

Анализ стандарта позволил определить трудовые действия педагога, на которые нацелена программа, и учесть их в результатах обучения. Соотношение трудовых действий педагога и результатов обучения по программе представлено в табл. 2.

Таблица 2. Матрица соотношения трудовых действий педагога и результатов обучения

	Occupational Activities	Programme Learning Outcomes
1	Teaching according to National requirements and standards	LO-1, LO-4, LO-8
2	Course Design	LO-5
3	Participation in study programme development and implementation	LO-5, LO-7
4	Lesson planning and practical teaching	LO-1, LO-5, LO-8

5	Systematic analysis of teaching process	LO-2, LO-7, LO-10
6	Monitoring and evaluation of students' achievements	LO-8
7	Development of learning skills and learners' autonomy	LO-1
8	Development of ICT competence	LO-9
9	Development of motivation for learning	LO-1, LO-4
10	Testing and Assessment (differentiation and individual approach)	LO-6

Образовательные результаты по программе соотнесены с компетенциями образовательного стандарта по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика» и представлены в виде матрицы.

В содержание программы вошли учебные модули *Linguistics and Communication Studies, Philosophy and Psychology of Education, Language Teaching Methodology, English Language module, Research and Practice module, Module of State Final Certification*. При этом каждый модуль программы имеет собственные результаты обучения, которые соотносятся с результатами обучения по всей программе. В соответствии с уровнем результатов обучения по модулям определены технологии обучения и технологии оценки результатов обучения. Разработчики подготовили полное описание образовательной программы в виде буклета для студента (*Students' Handbook*).

По завершению проекта программа успешно прошла процедуру международной общественно-профессиональной аккредитации.

Полученный в ходе проекта опыт проектирования переносится на другие образовательные программы САФУ, тем самым обеспечивается качество и конкурентоспособность университета на рынке образовательных услуг.

Литература

1. Бугаенко, О.Д., Воробьева, Е.И., Иванова, Е.Е., Стрелкова, С.Ю. Модернизация системы управления качеством образовательной деятельности // Аккредитация в образовании. 2016. № 6 (90). С. 22–25.

2. A Framework for Qualifications of the European Higher Education Area. Bologna Working Group on Qualifications Frameworks // Ministry of Science, Technology and Innovation, 2005 // Электронный ресурс. URL: http://ecahe.eu/w/images/7/76/A_Framework_for_Qualifications_for_the_European_Higher_Education_Area.pdf (дата обр.: 02.09.18).

3. Болонский процесс: результаты обучения и компетентностный подход (книга-приложение 1) / Под науч. ред. д-ра пед. н., проф. В.И. Байденко. М.: Исслед. центр проблем кач-ва подг-ки спец., 2009. 536 с.

4. Воробьева, Е.И., Стрелкова, С.Ю. Принципы разработки совместной магистерской программы по гуманитарным направлениям подготовки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 134–140.

5. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель). Пр. Мин-ва труда и соц. защиты РФ от 18 окт. 2013 г. № 544 // Электронный ресурс. URL: <http://профстандартпедагога.рф> (дата обр.: 02.09.18).

УДК 81'272 (470+571); 372.881.1

ББК 81.2-9

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е.П. Глумова

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления языковой политики Российского государства с учетом современных социально-экономических и политических условий. Особое внимание уделяется процессу обучения иностранным языкам. Выделяются положительные и отрицательные факторы языковой политики применительно к иностранным языкам.

Ключевые слова: языковая политика государства, обучение иностранным языкам, многоязычие, родной язык, неродные языки.

LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

E. Glumova

Summary. The article reveals the main directions of the language policy of the Russian state, taking into account the current socio-economic and political conditions. Particular attention is paid to the process of teaching foreign languages. The positive and negative factors of language policy in relation to foreign languages are highlighted.

Key words: language policy of a state, teaching foreign languages, multilingualism, native language, foreign language.

Российская система языкового образования имеет глубокие исторические корни. Многоязычие и поликультурная среда формировали основы для сохранения и развития собственных традиций в обучении языкам межнационального и международного общения на разных этапах эволюционного пути общества. В дореволюционной России язык являлся средством воспитания уважения к культуре и образу жизни других народов.

Сегодня обучение языкам относится к ведущим факторам, в значительной мере определяющим успех межкультурных контактов в деловой и профессиональных сферах деятельности. Процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили модернизацию содержания языкового образования в России. Язык выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами. Одновременно язык – это ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур.

Культуросозидательная, ментальнообразующая и социально-воспитательная функции языка закреплены в таких основных документах Министерства образования России, как Национальная доктрина образования Российской Федерации, Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации», Концепция модернизации структуры и содержания общего образования и др. [1, с. 3].

К настоящему времени в российской системе языкового образования произошли значительные позитивные изменения, как в организационном, так

и содержательном аспектах. Успешно развиваются традиции школ (классов) с углубленным изучением иностранного языка. В многопрофильных гимназиях создаются классы гуманитарного, естественнонаучного, экономико-математического, художественно-эстетического профилей. Обучение иностранному языку в этих гимназиях осуществляется по программам, разработанным преподавателями вузов и учителями-методистами.

Изменения социально-экономических и политических условий неизбежно влекут за собой изменения требований к системе образования по иностранным языкам, к её основным составляющим, к характеру отношений в ней. Прежде всего это проявляется в отношении общества к иностранному языку вообще и конкретному языку в частности, к людям, говорящим на иностранном языке, в требованиях, которые общество предъявляет к уровню иноязычного образования своих граждан на каждом конкретном этапе социально-экономического развития. Социально-экономические и политические факторы определяют социальный заказ общества по отношению к уровню и качеству владения его гражданами иностранным языком. Социальный заказ выражается в престижности / непрестижности знания иностранного языка и в общественной потребности в людях, практически владеющих иностранным языком как средством общения. Социальный заказ – это стратегический ориентир языковой политики в области обучения иностранному языку. Чем выше общественная потребность в знании языка и специалистах, владеющих одним или несколькими иностранными языками, тем более значимыми становятся прагматические аспекты обучения предмету. Чем выше в обществе потребности в новых профессиональных, личных, культурных научных контактах с носителями иностранного языка, с достижениями культуры разных стран и чем реальнее возможность реализовать эти контакты, тем естественно выше статус иностранного языка как средства общения и взаимопонимания.

В настоящее время этот статус становится еще более значимым как следствие определенных факторов, характерных для современного общества:

- расширения экономических, политических, культурных связей между странами;
- доступа к опыту и знаниям в мире, большому информационному богатству, в т. ч. в результате развития международных средств массовой коммуникации;
- миграции рабочей силы;
- межгосударственной интеграции в области образования и, следовательно, возможности качественного образования у себя в стране и за рубежом. Изучение иностранного языка на должном уровне есть показатель современного образования.

Открытость политики любого государства мировому сообществу стимулирует процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой деятельности. Мир становится всё «меньше и меньше», меняется понятие «сообщества людей». Представители разных национальностей начина-

ют всё более ощущать свою принадлежность к сообществу большего порядка, чем та «национальная общность», к которой они принадлежат. В обиход западноевропейских политиков, педагогов и методистов вошел термин «мобильность», который понимается как:

- право свободного передвижения и повсеместного проживания в пределах стран, входящих в Европейское содружество;
- право быть свободным в получении профессионального образования не только в своей стране, но и в соседних государствах;
- способность человека к адаптации к современным условиям проживания в мультикультурном обществе;
- учение даже на элементарном уровне устанавливать контакт с носителями языка;
- способность преодолевать возможные трудности, возникающие в процессе контакта с чужой культурой и её носителями; умение проявлять толерантность к чужой культуре [2, с. 16].

В изменившихся условиях человек в своей повседневной, в том числе профессиональной, жизни всё чаще сталкивается с иностранным языком. Интеграционные общественные процессы меняют не только статус иностранного языка в обществе, но и выполняемые им в этом обществе функции. Приоритетными становятся установление взаимопонимания между народами; обеспечение доступа к многообразию мировой политики и культуры.

Знание иностранного языка становится в современном обществе необходимой частью личной и профессиональной жизни человека. Это вызывает потребность в большом количестве граждан, практически владеющих одним или несколькими иностранными языками и получающих в связи с этим реальные шансы занять в обществе более престижное положение. Новая социально-экономическая и политическая ситуации обуславливают повышение требований к уровню языковой подготовки обучаемых всех категорий.

Условия жизни в новом миллениуме формируют социальный заказ общества по отношению к подготовке его граждан по иностранному языку. Сегодня социальный заказ общества по отношению к иностранному языку в связи с наличием реального выхода на иную культуру и её представителей выражается не просто в практическом знании иностранного языка, а и в умении использовать этот язык в реальной коммуникации. Материалы Совета Европы указывают на то, что акцент в отношении языковой политики должен быть сделан на сохранении и умножении богатого наследия в виде языкового и культурного многообразия, являющегося источником взаимного обогащения, на стимулировании процессов диалога культур, изыскании новых форм сотрудничества.

Языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве.

Языковая политика призвана разумно удовлетворять общественные и личные потребности в изучении иностранного языка, практические нужды межнационального общения в пределах страны.

Содержание языковой образовательной политики в современных социально-экономических и политических условиях:

1. На уровне образовательных процессов по иностранному языку необходимо:

а) в условиях массового обучения иностранному языку более четко дифференцировать цели обучения применительно к потребностям разных категорий учащихся. Прагматический аспект обучения иностранному языку в настоящее время самым тесным образом связан с наличием реального выхода на иную культуру и её представителей: не просто знание языка, а умение использовать его в реальной коммуникации;

б) конструировать процесс обучения иностранному языку как процесс познания учащимися иной культуры и, следовательно, осознания ими своей принадлежности к определенному социокультурному сообществу.

2. На уровне системы как социально-культурной сферы деятельности по приобщению граждан общества к иностранному языку важна постановка вопроса о приобщении каждого члена нашего общества, желающего добиться в обществе личных и профессиональных успехов, по меньшей мере, к двум иностранным языкам.

3. Изменения, происходящие как на геополитическом уровне, так и внутри России, требуют новых подходов к решению языковых проблем в государстве:

- развитие подлинного многоязычия;
- развитие национальной культуры на базе родного языка;
- стимулирование изучения наряду с русским и родным языками иностранного языка как реального средства общения и взаимопонимания с представителями других культур.

4. Стимулирование многоязычия в новых геополитических и внутривнутриполитических условиях в России диктует необходимость развивать многовариантную систему иностранных языков:

- расширить «номенклатуру» изучаемых в школе иностранных языков с учетом региональных условий;

- использовать возможности включения в учебные планы школ второго иностранного языка с разработкой соответствующих программ;

- исключить возможные тупиковые варианты, когда изучаемый в школе иностранный язык не представлен в учебных планах высших учебных заведений;

- развернуть просветительскую работу с общественностью и прежде всего – с родителями, разъясняя общеобразовательную ценность любого иностранного языка.

Всё это в целом будет способствовать созданию благоприятного контекста для развития многоязычия в стране, взаимопониманию и взаимодействию представителей разных культур в условиях межкультурной коммуникации.

Государственная образовательная политика в области обучения иностранным языкам основывается на признании важности развития всех языков и создании необходимых условий для развития двуязычия и многоязычия на территории России.

Образовательная политика нашего государства применительно к иностранным языкам основана на идее плюрализма. В школах страны изучаются не только языки ведущих стран мира (английский, немецкий, французский, испанский и т. д.), но в пограничных регионах языки соседей (китайский, японский, польский, болгарский, финский, шведский, норвежский и т. д.). Увеличение числа изучаемых в школе иностранных языков учитывает социально-экономические и культурно-исторические связи нашей страны, её этнокультурные реалии [1, с. 4–5].

Каждый регион нашей страны имеет свою социально-экономическую специфику, свои приоритетные международные связи, свои образовательные возможности, свои потребности в кадрах, для которых тот или иной иностранный язык может быть приоритетным. Так, например, в Калининграде, ряде регионов Урала, Средней Волги традиционно тесные экономические связи с Германией, имеется много совместных предприятий, и от будущего специалиста требуется в первую очередь овладение немецким языком.

Каждая конкретная школа имеет свою образовательную ситуацию: наличие или отсутствие квалифицированных кадров по тому или иному иностранному языку, свои традиции обучения этому учебному предмету. Родители и учащиеся выбирают изучаемый язык, исходя из своих интересов и потребностей.

В январе 2000 г. в России принята Концепция новой структуры и содержания общего среднего образования, предполагающая, что в содержание образования должны быть обязательно включены иностранные языки. Поэтому согласно этой Концепции, начиная со 2-го класса начальной школы, вводится изучение английского, немецкого, французского, испанского языков [3, с. 4].

В целях обновления содержания обучения иностранным языкам создан новый базисный план, предусматривающий обязательное изучение иностранного языка со 2-го по 4-й класс в начальной школе при 2 часах в неделю; в основной школе (5–10-е классы) при 3 часах в неделю, а на старшей ступени обучения в школе (11–12-е классы) изучение иностранного языка является обязательным и предусматривает два уровня: общеобразовательный (с учебной нагрузкой 2 часа в неделю) и профильный (с учебной нагрузкой 3 часа в неделю).

Таким образом, реализуется принцип непрерывного языкового школьного образования в области изучения иностранных языков, что соответствует современным потребностям личности и общества.

Основу Федерального стандарта по иностранному языку составляют концептуальные положения:

1. Федеральный компонент стандарта по иностранному языку для всех ступеней обучения нацелен на комплексную реализацию личностно ориентированного, деятельностного, коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов к обучению иностранным языкам.

2. Деятельностная направленность: акцент ставится на развитии иноязычной коммуникативной компетенции ученика в единстве всех её составляющих (языковой, речевой, социокультурной, компенсаторной, учебно-познавательной компетенции), в формулировке требований к уровню подготовки выпускников средней школы на каждой из её ступеней.

3. Диалог культур как результат социокультурной направленности обучения иностранным языкам ориентирует на усиление культуроведческого аспекта в содержании обучения иностранному языку, приобщая школьников к культуре страны / стран изучаемого языка, помогая им лучше осознать культуру своей собственной страны и развивая у них умения её представлять средствами иностранного языка.

4. Федеральный компонент образовательного стандарта построен с учетом особенностей иностранного языка как учебного предмета, в число которых входят межпредметность, многоуровневость, полифункциональность.

5. Воспитательный и развивающий потенциал стандарта реализуется:

– в целенаправленной постановке задач воспитания и развития личности ученика средствами иностранного языка, его интеллектуальных и когнитивных способностей, нравственных качеств;

– в социокультурной / культуроведческой направленности предметного содержания речи;

– в выделении учебно-познавательной и компенсаторной компетенции в качестве обязательных компонентов целей и содержания образования.

6. Увеличение сроков изучения иностранного языка позволяет осуществить реальную разгрузку школьников, а введение иностранного языка в начальную школу – использовать наиболее благоприятный сензитивный период в развитии детей для начала его изучения.

7. В базисном учебном плане впервые законодательно закреплена возможность изучения второго иностранного языка. Оно может быть начато в основной школе и продолжено на старшей ступени за счет школьного компонента базисного учебного плана.

8. Межпредметные связи иностранного языка с другими учебными предметами. Впервые в языковом образовании достигнута межпредметная соотношенность в подходах к изучению как родного, так и неродных языков, включая иностранные.

9. Формирование информационной культуры школьников при изучении иностранного языка. Это касается умений:

- осуществлять поиск нужной информации по заданной теме в иноязычных источниках различного типа;
- отделять основную информацию от второстепенной;
- передавать содержание информации адекватно поставленной цели (сжато, полно, выборочно);
- развернуто обосновывать суждения, давать определения, приводить доказательства и иллюстрировать с помощью примеров [4, с. 8; 5].

К положительным факторам современной языковой политики можно отнести:

1. Вариативность моделей языкового образования.
2. Включение предметной области «Иностранный язык» в образовательное пространство начальной школы.
3. Профильное обучение на старшей ступени общего среднего образования разных типов школ.
4. Развитие интеграционных моделей языкового образования на разных ступенях обучения.
5. Усиление значимости национально-регионального компонента в содержании обучения иностранному языку.
6. Реализацию лично ориентированного подхода как новой парадигмы языкового образования.
7. Создание концепции стандартов обучения иностранному языку в соответствии с социальным заказом общества на этапе вхождения России в европейское образовательное пространство.
8. Обеспечение образовательного процесса новыми программами и новыми учебно-методическими комплектами по иностранному языку, отвечающими современным требованиям образования.
9. Активное внедрение новых педагогических и информационных технологий в процесс обучения иностранному языку.
10. Повышение научно-методического уровня и профессиональной культуры учителей иностранного языка.

Вместе с тем образовательная политика в области обучения иностранному языку носит зачастую неуправляемый характер. Это проявляется:

- в неоправданном сокращении школ и классов с изучением немецкого, французского, испанского языков со сложившимися богатыми традициями и опытом;
- в потере национальных педагогических кадров – квалифицированных учителей, преподающих данные языки;
- в вытеснении из учебных планов неязыковых вузов немецкого, французского и испанского языков, которые изучала в школах определенная часть абитуриентов, и введении только английского языка; в педагогических вузах,

как показывают государственные стандарты, ведущей тенденцией становится ориентация на подготовку учителя одного иностранного языка.

Для современного языкового образования необходимы междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, ориентация на межкультурный аспект овладения языком.

Новые задачи предполагают изменения в требованиях к уровню владения иностранным языком, определение новых подходов к отбору содержания и организации материала, использование адекватных форм и видов контроля.

Литература

1. Бим, И.Л., Сафонова, В.В., Щепилова, А.В. Методическое письмо О преподавании иностранного языка в условиях введения Федерального компонента государственного стандарта общего образования // Иностранные языки в школе. 2004. № 5. С. 2–12.
2. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. 2-е изд. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
3. Копылова, В.В. К проблеме модернизации содержания общего образования // Иностранные языки в школе. 2002. № 5.
4. Пассов, Е.И. Концепция высшего профессионального педагогического образования (на примере иноязычного образования). Липецк, 1998. 68 с.
5. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Иностранные языки в школе. 2004. № 4.

УДК 811.161.1'33 : 070

ББК 81.1

ПРИМЕНЕНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОПИСАНИИ ОБРАЗА ЧИНОВНИКА В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

О.А. Глущенко

Аннотация. Статья посвящена анализу манипулятивных тактик в рамках стратегии дискредитации чиновника в текстах современных российских СМИ, содержит анализ приемов открытого и имплицитного понижения репутации чиновника.

Ключевые слова: репутация, дискредитация, стереотип чиновника, медийный текст.

THE USE OF MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN THE DESCRIPTION OF THE IMAGE OF THE OFFICIAL IN THE MEDIA TEXT

O. Glushchenko

Summary. The article is devoted to the analysis of manipulative tactics within the strategy of discrediting the official in the texts of modern Russian media, contains the analysis of methods of direct and implicit decrease of reputation of the official.

Key words: reputation, discrediting, stereotype of the official, media text.

В современных СМИ образ чиновника встречается в разных жанрах и темах как сквозной и наделенный стабильной оценкой. Основной удар волны критики всего, что связано с функционированием государства, приходится на чиновника. Филологи отмечают, что образ чиновника в политическом дискурсе XXI в. относится к самым непривлекательным. Дискредитация чинов-

ника в медийных текстах осуществляется лексико-семантическими, контекстуально-риторическими и иными средствами. Стратегическая установка на понижение репутации чиновника и поддержание негативного стереотипа достаточно устойчива. Рассмотрим, как реализуются манипулятивные тактики при моделировании образа российского чиновника в текстах региональных и федеральных СМИ последнего десятилетия (материал извлечен путем сплошной выборки из Национального корпуса русского языка по ключевому слову «чиновник») [1].

Чиновник в большинстве текстов именуется родовым обозначением «чиновник» в единственном числе (при этом в контексте возникает обобщенный образ чиновника, подкрепленный сочетаемостью «любой чиновник», «каждый чиновник», «российский чиновник» и т. п.) или во множественном числе. Нам встретился неологизм «получиновник»: *присутствие чиновников и получиновников чуть было не превратило пресс-конференцию то ли в митинг, то ли в подобие партийного собрания с разбором персонального дела Мальцева*. «Получиновник» связан по роду деятельности с государственным аппаратом, усвоил ценности и образ мыслей чиновника, но не занимает конкретную должность в государственном учреждении.

В контекстах представлена альтернативная официально принятой на государственной службе классификация чиновников. Во-первых, есть противопоставление по уровню занимаемой должности: с одной стороны, *крупные, высокопоставленные, большие чиновники, чиновники самого высокого ранга, «заоблачных рангов»* и т. п., с другой – *низшие, мелкие, маленькие чиновники, чиновники на низовом уровне* и т. п.: *особенно чиновники на низовом уровне; российские чиновники «заоблачных рангов» предпочитают выяснять отношения в тиши своих высоких кабинетов; такая ситуация больших и маленьких чиновников не волнует*. Во-вторых, есть разговорная типизация чиновников по ведомственной принадлежности: *мидовские, минздравовские, спортивные* и т. п. *чиновники*. В-третьих, используется общераспространенное территориальное деление чиновников: *московские, столичные, ростовские* и др.

Совокупность чиновников именуется словами с негативной экспрессией: *ведомственная машина (кого), клика (кого), стена (кого + отрицательный характеризатор): ведомственную машину крупных чиновников; клика вороватых чиновников давит на президента*.

Безоценочная лексика с семантикой совокупности людей (*армия, хор, штат* и т. п.) в контекстах о чиновниках, как мы считаем, теряет нейтральность: *кольцо вокруг армии чиновников сжимается; поет хор чиновников; посаdit штат чиновников*.

Прием повтора способствует достижению смысла избыточной численности чиновников в государстве: *папки доказательств о коррумпированности и колоссальных злоупотреблениях множества и множества высокопоставленных чиновников*.

Эпитетами с негативной оценкой к слову *чиновник* выступают отрицательные характеристики – *амбициозный, тщеславный, злокозненный, коррупционный (коррупционер), феодал, ушлый, мафиозный, неэффективный, с сомнительной репутацией, вор* и др.: *амбициозные и тщеславные чиновники обладали неограниченной властью; ну узнает народ, что чиновник – вор; чиновник всюду – феодал; не сворачивать решительные действия против чиновников-коррупционеров; самый мафиозный чиновник; ушлые чиновники могут оформить в качестве таковых хоть дворец.*

Введение в контексты о чиновниках стилистически или экспрессивно маркированных слов (*горстка, деформация, катастрофа* и др.), слов из тематического блока «Криминал» косвенно способствует снижению репутации госслужащих: *совокупности чиновников, бандитов, магнатов; жалуются не на криминал, а на чиновников; горстка курируемых чиновниками безынициативных групп; деформация реальной картинки федеральных чиновников не смущает; искать какого-нибудь высокопоставленного чиновника, который мог по грязным денежным делам заказать убийство.*

В контекстах о чиновниках используются глаголы с семантикой противозаконной деятельности: *увести (деньги), растащить, брать взятки, воровать, пытаться подкупить* и др.: *деньги «увели» чиновники; некоторые чиновники берут взятки; растащена чиновниками.*

Описание действий, производимых чиновниками, нередко представлено в общеотрицательных предложениях, что подчеркивает фактическое бездействие взамен ожидаемой активности (*не умеют, не приложили усилия, не пустили, не решили, не услышали, не волнует* и т. п.): *высокопоставленные мидовские чиновники не умеют работать со стратегической информацией; ни один чиновник не приложил усилия; чиновники губернского города только в силу своего невежества не поинтересовались; чиновники ее, правда, не услышали.*

Чиновник вовлечен в деструктивные для общества процессы и состояния: произвол, своеволие, торможение развития, взяточничество, саботаж, коррупционное давление, угрозы, нарушение процедур, лоббирование, вмешательство, казнокрадство, злоупотребление и т. п.: *произвол судебных чиновников; резкое торможение со стороны чиновников; своеволие различных чиновников; у чиновников появятся новые возможности коррупционного давления на бизнес; в этом лобби фигурируют чиновники минздравов; встретила полный саботаж со стороны чиновников; говорят об очередном произволе и непрофессионализме российских спортивных чиновников; доносы о казнокрадстве своих чиновников.*

Мнение чиновника называется субъективным или ошибочным, а типичные для него модальные состояния – нежелание, неспособность к созидательным действиям: *часто решение зависит от субъективного мнения чиновника; нежелание или неспособность городских чиновников реагировать на запросы.*

Проявление творчества в чиновничьей среде представляется оксюмороном: *креативные чиновники (о неуместной креативности)*.

В то же время максимальная активность чиновников связана с порождением циркуляров: *чиновники написали положение о новой бюрократической структуре; чиновники только плодят регламентации, лицензии, всякого рода разрешения, мутные законы*.

Акцентируются два типичных психологических состояния чиновника – равнодушие ко всему или раздраженность: *ничто его не волнует, этого чиновника от литературы, ничто не трогает, не восхищает, не смешит и не сердит; вбегает разгневанный чиновник, требует прекратить работу; рывкнул партийный чиновник и совершенно перестал походить на свой первомайский портрет*.

Чиновник как прямой объект воздействия вовлечен в следующие состояния и процессы: *заставлять, убрать, изблещать, обвинять, арестовать, расстрелять, подкупать (купить), сокращать, уволить, умолять и т. п.* В контексте формируется стереотип работника-бездельника или работника-вредителя, который нуждается во внешнем воздействии, надзоре или же в ограничении активности: *заставит чиновников чуть-чуть считать беженца за человека; обвинил региональных чиновников в нарушении законодательства; подкупают чиновников на деньги; сокращать число чиновников; чиновника арестовали на рабочем месте*.

Внедряется мысль о необходимости контроля над чиновником, потому что ему нельзя доверять: *ужесточая требования к чиновникам; внедрение систем постоянного контроля за чиновниками*.

Чиновник становится адресатом таких действий, как дарение подарков, оплата, получение льгот (нахождение рядом с кормушкой), вымывание денег, «холодный душ», изменение менталитета, люстрация: *не возил подарков чиновникам; «холодным душем» для чиновников стало сообщение; необходимо изменить менталитет чиновников; частный случай вымывания денег из населения в пользу чиновников и подведомственного бизнеса; стали выгодной кормушкой для отставных правительственных чиновников*.

При создании отрицательного образа чиновника широко применяются метафоры и сравнения. В качестве основы для смыслового переноса и уподобления выступают зооморфные образы (собака, попугай, насекомое-паразит). Базовым для переноса становится представление о немотивированной агрессии животного (кусающая собака, неуправляемая свора собак): *надо нажимать на господ инвесторов и чиновников, норвящих куснуть; ...гигантской сворой безнаказанных, алчных чиновников, приватизировавших само государство*. Характеристика однотипного, несамостоятельного и нетворческого поведения чиновника сформирована через сравнение с попугаем: *чиновники, как попугаи, видят, что большой начальник душит прессу, и повторяют то же самое на своем уровне*. Смысл ненужности, избыточности современного количества чиновников заложен в уподоблении их паразитам,

насекомым: *плодить «паразитов»: переводить людей в чиновники; чиновники – это такое сугубо надстроечное сословие, которое сейчас просто поедает страну.* В контексте есть противопоставление людей и чиновников для закрепления идеи бессмысленного существования чиновника.

Другой основой для образной характеристики чиновника является карикатурный образ человека боязливого, недалекого, бездуховного, алчного и мелкого в плане проявления душевных качеств: *попали в потные и загребущие ладошки полуостровных чиновников, радующие их сердца купюры; чиновники, достигшие вершины власти, жаждали покоя и комфорта; внутри черепных сосудов региональных чиновников булькнуло непривычное; разрушить непробиваемую стену чиновников, трясущихся за свои кресла в силу понимания своей ненужности.* Такой чиновник также противостоит обычным гражданам, поэтому с ним надо сражаться, к нему надо пробиваться, стучаться и иными активными действиями выводить его из постоянного апатичного состояния: *сражался с медицинскими чиновниками; стучалась к чиновникам.*

Идея отсутствия необходимых профессиональных знаний у чиновника выражается и прямо, и метафорически: *½ деклараций российских чиновников о доходах за прошлый год содержали ошибки; чиновники нашлепали кучу ошибок; министерские чиновники еще не выучили наизусть новые правила; чиновников приходится учить едва ли не с нуля.*

Мы отмечаем и прием трансформации привычного оборота в языковой игре для придания нового смысла тексту: *Дворцы – чиновникам, развалины – детям.* Употребление в параллельных синтаксических конструкциях антонимичных наименований (*дворцы – развалины*) позволяет представить чиновников и детей как две стороны не столько социально-возрастного, сколько морально-этического противостояния. Получатель такой провокационной информации (читатель как объект манипулирования) восстанавливает широкий ассоциативный контекст: дети – это наше все, наше будущее, это святое, они достойны лучшего, а их этого светлого и лучшего лишают взрослые злые люди – чиновники, следовательно, детство надо защищать от чиновников. На чувство социальной справедливости у гражданина наслаивается острая ненависть к чиновникам, что проецируется на представления о несправедливости современного государства. Показателен в этом смысле заголовок-призыв: *Чиновникам по детству – люстрация.*

Таким образом, в номинативно-оценочном плане чиновник изображается преимущественно как отрицательный персонаж, на котором лежит вина за все социальные неудачи. И виноват чиновник, с одной стороны, как личность (ленив, безынициативен, алчен, неумен и т. д.), с другой стороны, как обезличенный представитель государственной системы, как будто бы противостоящей своим гражданам.

Для дискредитации образа чиновника используются определенные тактические модели построения текста или его фрагментов. Рассмотрим некоторые из них.

Тактика уничижительного или некорректного названия лица: *чиновник-феодал, коррумпированный чиновник, бездушный чиновник* и т. п.

Тактика сопоставления чиновника или результатов его труда с заведомо негативно оцениваемыми лицами, фактами и т. д.: *узнали другие чиновники и воспользовались ситуацией для обогащения себя, своего клана, родственников; приходится много платить чиновникам – всякие там взятки, откаты; эффективность труда чиновника измеряется количеством бумажек, им изготавливаемых.*

Тактика намек для возбуждения у читателя подозрения к чиновникам: *насколько деформирована оптика у чиновников и можно ли верить рейтингам; если бы не было личных интересов чиновников, не играли бы они в эти игры.*

Тактика дискредитации образа чиновника при помощи создания иронического, сатирического или саркастического контекста: *чиновник должен быть честен, исполнительен и недалек; примодненные чиновники бегали за ней; бороться с нынешней ультрабюрократической самозащитой чиновников; бывший высокий партийный чиновник считал себя благодетелем рода человеческого.*

Тактика подачи алогичной информации: *девелоперы сами бегают за чиновниками с мешками денег.*

Тактика отрицательной характеристики чиновника через перечисление общественно значимых «хороших» дел, которые он теоретически мог совершить, но не сделал: *требовал, чтобы чиновники, оставив столицу, отправились работать непосредственно на предприятия, в шахты, в деревню.*

Тактика отрицательной характеристики внешности человека: *чиновник скривил губы, сложились глубокие складки к подбородку.*

Тактика лести, коварной похвалы: *чем выше мы поднимаемся по бюрократической лестнице, тем совершеннее умы чиновников.*

Приемы организации текста гармонируют с номинативно-экспрессивным наполнением текста и его выразительными средствами и усиливают отрицательную оценку образа чиновника, транслируемую в современных СМИ.

Итак, моделирование образа чиновника в медийном тексте применяется в номинативно-описательных и оценочно-прагматических целях. Чиновник – это удобный объект для критики и общественного осуждения, он выставляется как источник многих неприятностей гражданина, на чиновника можно возложить всю ответственность и за все, обвиняя его, так сказать «выпустить пар» общественного гнева. Как следствие, диапазон тактик дискредитации чиновника будет только расширяться, а в медийном пространстве не иссякнет новый материал для аналогичных филологических исследований. Такая типичная позиция современных СМИ (критиковать государство через чиновника) не позволяет увидеть успехи и достижения чиновников (и, как следствие, достижения государства).

Литература

1. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.

УДК 811.112'42

ББК 81.432.4

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ЛИНГВИСТИКЕ МОЛЧАНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.А. Голубева

Аннотация. Статья посвящена феномену молчания как неотъемлемому компоненту языковой коммуникации и предметам исследования лингвистики молчания как направления в науке о языке.

Ключевые слова: прагматика молчания, функциональный смысл, presupпозиция, импликатура, инференция, табу.

PROLEGOMENA TO THE LINGUISTICS OF SILENCE TO ENSURE LINGUISTIC SECURITY

N. Golubeva

Summary. The article is devoted to the phenomenon of silence as an indispensable component of linguistic communication. The author analyses linguistics of silence and its subjects of research as a direction in the language science.

Key words: pragmatics of silence, functional meaning, presupposition, implication, interference, taboo.

Феномену молчания в речи как универсальному явлению, которое присуще человеку с момента его рождения до неизбежной тризны, уделено немало исследовательского внимания. Как антипод говорению, которое, как известно, не может длиться непрерывно и сопровождается паузами, молчание как знак «неплавной речи» (О.В. Александрова) является объектом исследования многих научных дисциплин.

Лингвистический интерес отечественных и зарубежных ученых к данному феномену объясняется общей тенденцией в языкознании к значительному расширению объектов исследования, к выходу за рамки анализа чисто языкового общения (О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, Н.П. Гаман, И.Н. Горелов, Е.Ф. Груздева, С.В. Крестинский, Г.Г. Почепцов, Т.А. Флоренская, Н.В. Штыкова, Э. Эстерберг; *B. Fraser, D. Kamper, R. Rathmayr, H. Schröder, W. Stadler, S. Ullman, F. Ulsamer, K. Unrath-Scharpenack, Ch. Wulf*).

Особенность лингвистики молчания кроется в мудрейшей мысли Л.Н. Толстого: «Люди учатся, как говорить, а главная наука – как и когда молчать» [1, с. 581]. Таким образом, объектом исследования лингвистики молчания является ответ на вопрос «как и когда молчать». Объект исследования не является принципиально новым, скорее, как уже известный в мировой лингвистике, однако требующий каждый раз нового осмысления в рамках определенной национальной культурной парадигмы.

Лингвистический аспект молчания детерминируется его функциональным смыслом, который реализуется разными способами – вербальным и не-

вербальными – и имеет непосредственный выход в молчание как априорный компонент дискурса. Достаточно вспомнить слова из песни И.О. Дунаевского и М. Матусовского, «ведь порою и молчание нам понятней всяких слов».

Будучи связанным с функциональным смыслом (для чего?), с одной стороны, и конкретной дискурсивной средой, с другой, молчание становится исследовательской областью когнитивно-дискурсивной парадигмы изучения языка, у истоков которой стояла Е.С. Кубрякова [2]. Ответ на вопрос «Когда молчать?» находится в области прагматики. Центральным принципом речевого поведения, по П. Грайсу, является принцип кооперации, по которому, коммуниканты должны иметь единую цель общения; она должна быть понятна всем его участникам и достигать эту цель, внося собственный вклад. При этом в русле лингвистики молчания один из постулатов гласит о том, что общение не должно содержать информации больше, чем нужно [3], что явно указывает на стратегию умолчания говорящего. Одной из максим принципа вежливости, по Дж. Личу, является максима такта, когда нельзя без желания собеседника затрагивать темы о его личной жизни, религиозных убеждениях и др. [4].

На вопрос «Как молчать?» «прагматика молчания» предлагает несколько способов вербального и невербального речевого поведения. Первый имеет выход, прежде всего, на семантический уровень языка. Так, интерпретация немецкого глагола *schweigen* – «молчать» приводит нас к отрицательному значению его антонима *sagen* – «говорить», в семантических вариантах *kein Wort sagen (verlieren)* – «не проронить ни слова», *keinen Mucks geben* – «не издать ни звука», *kein Wort über die Lippen bringen* – «не произнести ни слова», *nichts von sich hören lassen* – «не давать о себе знать», *nichts erzählen* – «ничего не рассказывать», *zu einem bestimmten Thema nichts sagen* – «ничего не сказать на конкретную тему», *zu einer Anschuldigung, einem Vorwurf schweigen (ein Geheimnis nicht verraten)* – «не выдать секрет на обвинение, упрек», *still sein (betroffen, ergriffen, ratlos, verlegen sein)* – «молчать (быть пораженным, взволнованным, растерянным, смущенным)» [5, S. 880].

Кроме *schweigen*, который подчеркивает длительность акта молчания, функционируют префиксальные глаголы, передающие семантические нюансы: *stillschweigen* в значении *keine Antwort geben (die Antwort schuldig bleiben)* – «промолчать», *sich ausschweigen (hartnäckig schweigen)* – «отмалчиваться», *wie das Grab schweigen* – «молчать (быть нем.) как могила», *in sieben Sprachen schweigen* – «хранить полное молчание», *totschweigen* – «замалчивать», *beharrlich / eisern schweigen* – «упорно / железно молчать».

Schweigen требует в качестве актанта одушевленный или неодушевленный субъект в значении *etw. macht keine Geräusche mehr ≈ etw. ist verstummt (der Donner, die Musik)* и как непереходный глагол исключает прямое дополнение: *Ich habe lange über den Vorfall geschwiegen*. Для обозначения адресата, по отношению к которому умалчивается информация, или предмет умолча-

ния, употребляется глагол *verschweigen* (*j-m etw. mit Absicht nicht sagen*) – «умолчать» [5, S. 1080].

Императивами выступают формы *Schweig(e)! Schweigen! Stillgeschwiegen!* Последние две формы являются «анонимным императивом», так как реализуют общую обращенность ко всем сразу и ни к кому конкретно. Они реализуют речевой акт «запрет» уже совершаемого речевого акта и имеют стилистический и гендерный аспект мужского общения.

Schweigen относительно редко употребляется как номинатор речевого действия, чаще он называет второстепенное действие как предикативный атрибут: *schweigend nicken / sehen / sitzen / zuhören*; ср. *Schweigend gekommen, schweigend gegangen*. – «Молча пришел, молча ушел». Предпочтительнее использование субстантивированного инфинитива во фразеологических оборотах: *das Schweigen bewahren (behaupten) / brechen* – «хранить / нарушить молчание», *eine Frage mit Schweigen umgehen* – «обойти вопрос молчанием». Сравним далее пословицу *Reden ist Silber, Schweigen ist Gold*. – «Слово – серебро, молчание – золото»; выражение из трагедии Шекспира «Гамлет» *der Rest ist Schweigen* в значении «к сказанному больше нечего добавить, а дальше – тишина» [6, с. 505]. Значению *Schweigen* нередко сопутствует темпоральное, модальное и другие значения – *betretenes / beredtes / eisiges / tiefes* ~ – «наступившее / красноречивое / ледяное / глубокое ~», *sich in Schweigen hüllen* – «загадочно (таинственно) молчать», *durch Schweigen antworten* – *antworten* *многозначительным молчанием*, *j-n zum Schweigen bringen* – «заставить кого-л. замолчать», перен. «зажать кому-л. рот» [7, с. 739–740]. В лексическую парадигму *schweigen* следует включить грамматикализованные формы: *geschweige denn (geschweige denn, dass)*, производную от *geschwiegen* (устар. форма) – «умалчивать, скрывать» с вариантом *geschwiegen* – «не говоря уж о том, что», инфинитивную группу *ganz zu schweigen* – «я уж молчу», *verschwiegen* – «молчаливый», которые, как и субстантивированный инфинитив *das Schweigen*, утратили свое категориальное грамматическое значение, подверглись функциональному перерождению, став существительным, коннекторами (связующими словами), прилагательным и на этом основании являются грамматическими прецедентными единицами [8]. Например:

(1) *Viele behandelte Probleme konnten hier nicht ausdiskutiert, geschweige denn gelöst werden* [9, S. 176].

(2) *Dies hat ernsthafte Auswirkungen auf die innenpolitische Lage Lettlands und anderer EU-Mitgliedstaaten, ganz zu schweigen von der Sprachgefährdung* (<http://context.reverso.net>; eingesehen 22.08.2018).

Обязательной областью лингвистики молчания является когнитивная база человека. Содержание слова выступает в качестве точки доступа к широкому объему знаний, которые соотносятся с определенным концептом или структурой концептуальной области [10]. Однако не во всех знаках информация находит своё полное выражение, но при этом она подразумевается, т. е. передается имплицитно и базируется на интерпретационных способностях

человека. Скрытые смыслы формируются либо непосредственно в речевой ситуации (речевой смысл), либо латентными семантическими признаками слова (системно-категориальный смысл), «подсказываются» благодаря нашим знаниям о мире и имплицитно логические смыслы (причинно-следственные и выводные отношения), прагматические отношения, культурные и ценностные стереотипы [11].

Скрытые смыслы имеют опыт когнитивного моделирования в виде концептов «пресуппозиция» и «импликатура» [12]. Пресуппозицию Г. Фреге (автор этого термина) трактует как имплицитный ресурс знаний, «молчащие предположения» (допущения) [13, S. 25]. Пресуппозиции призваны когнитивно и семантически «контролировать» ситуацию, которая актуализируется предложениями. Но интерпретация была бы затруднительна без процесса инференции, который позволяет выйти за пределы лексикографических значений ментального лексикона и закреплять за словоформами больше содержания. Таким образом, инференция понимается как когнитивная операция, «домысливание» или восстановление информации, процесс извлечения имплицитных смыслов в ходе ее интерпретации. При анализе скрытых смыслов не менее актуален процесс импликации. Если пресуппозиция понимается как конвенционально-закрепленное, то импликатура – как вариабельно употребляемое (речевое) имплицитное знание. Она является пропозициональной составляющей в интерпретациях высказывания и понимается как инферированная информация, относящаяся к ситуации общения и зависящая от намерения и поведения участников при обмене информацией [14].

Одним из предметов лингвистики молчания наряду с рассмотренными выше является паузация (паузирование), которая является обязательным фрагментом членораздельной устной речи. Функции пауз, прерывающих плавный поток речи, могут реализовать разные смыслы [15]. Они связаны с работой органов речи, эмоциональным состоянием говорящего, с логическим развертыванием текста. Эти ментальные и психические процессы понимаются как «феномены хезитации» [16], а паузы, обслуживающие их, называются «паузы хезитации», или «паузы нерешительности» [17, с. 369], и вызывают интерес исследователя при анализе тема-рематического членения высказываний [18], привлечения внимания слушающего и дискурсообразования в целом [19].

Для обеспечения лингвистической безопасности, избежания конфликтных ситуаций общения, необходимо учитывать культурно-специфическую природу молчания (К.А. Богданов, К. Вульф, Р. Ратмейер и др.). Так, молчание в музеях, театрах, библиотеках, церквях имеет межкультурную значимость. Исходя из сказанного, к культурно и национально обусловленным предметам исследования лингвистики молчания можно отнести «табу». В различных культурах есть темы, на которые не принято или нельзя говорить. Этот стиль речевого поведения органично вписывается в «максимум такта» Дж. Лича, о которой речь шла выше. Как правило, не подлежат обсуж-

дению сексуальные практики, темы, связанные с физиологией тела, болезнью или смертью близких, вероисповедания и др. Табу затрагивают вопросы не только вербальной, но и невербальной коммуникации. Некоторые жесты в одних культурах запрещены, а в других разрешены или имеют другое значение [20]. Вместе с тем табу не следует расценивать как молчание, потому что через различные вспомогательные средства (намек, замену слов, использование эвфемизмов и др.) можно выразить мысли о табуированных объектах. Из сказанного вполне естественно вытекает обращение к молчанию как семиотическому знаку дискурса и диалога, поскольку лингвистика идет от изучения собственно языковых факторов через исследование паралингвистических средств к познанию разных уровней коммуникации.

Особенность каждого направления лингвистики кроется в том, что сам материал исследования подсказывает специфические методики его исследования. Когнитивный подход к языку – это объяснительная теория, которая постулирует неразрывную связь языка и мышления и реконструкцию когнитивной структуры по фактам естественного языка (А.Е. Кибрик, Е.С. Кубрякова). Поэтому для интерпретации молчания, отражающего глубинные когнитивные основы речевого поведения, целесообразно отталкиваться, на наш взгляд, от гипотезы, провозглашающей когнитивную мотивированность языковой формы [21], т. е. лингвистическая реконструкция когнитивной структуры и может стать оптимальной методикой лингвистики молчания.

В заключение заметим, что одной из задач настоящей статьи явилось устойчивое стремление ее автора популяризировать одно из интереснейших направлений лингвистических научных изысканий – лингвистику молчания и предметы ее исследования.

Литература

1. Мудрость тысячелетий: энциклопедия / Авт.-сост. В. Балязин. М.: Олма-Пресс, 2004. 848 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Grice, P.H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts P. Cole, Je. L. Morgan (ed.). New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
4. Leech, G.N. Principles of Pragmatics. London, NY: Longman, 1983. 250 p.
5. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache: М.: Изд-во «Март», 1998. 1 248 S.
6. Немецко-русский фразеологический словарь / Ред. д-ра К. Малиге-Клаппенбах. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык. 1975. 656 с.
7. Немецко-русский словарь. 80 000 слов / Под ред. А.А. Лепинга, Н.П. Стреховой. Изд. 5-е, стер. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 987 с.
8. Голубева, Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Дис. ... д-ра филол. н. Н. Новгород, 2010. 417 с.
9. Vater, H. Referenz-Linguistik / München: W. Fink Verlag, 2005. 206 S.
10. Evans, V., Green, M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
11. Бондарко, А.В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. 2006. № 1 (22). С. 22–32.

12. Linke, A., Nussbaumer, M. Konzepte des Impliziten: Präsuppositionen und Implikaturen // Brinker K., Antos G. (Hrsg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein Internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband 1. Berlin / New York: de Gruyter, 2000. S. 435–448.
13. Frege, G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien // G. Patzig (ed.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962 (=1918).
14. Grice, P. Logic and Conversation // Pragmatics / Ed. by Steven Devis. New York / Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 305–315.
15. Александрова, О.В. Когнитивно-дискурсивные функции молчания в речи // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. 2017. С. 516–518.
16. Goldman-Eisler, F. Psycholinguistics, Experiments in Spontaneous Speech. London: Academic Press, 1968. 169 p.
17. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия. 1990. 685 с.
18. Гаман, Н.П. Семиотика предидирующей паузы: Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1977. 22 с.
19. Кибрик, А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / ред. А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 595–634.
20. Schröder, H. Tabu // Электронный ресурс. URL: http://tabu.sw2.cuv-frankfurt-o.de/Tabu_pdf/tabu_artikel_1999.pdf.
21. Кибрик, А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Ред. А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29–59.

УДК 811.133.1'25 (045)

ББК 81.471.1–77

ДИАГНОСТИКА СИСТЕМНЫХ НЕСООТВЕТСТВИЙ В ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЦЕПТИВНОЙ БАЗЕ ИНДИВИДА КАК ГАРАНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРЕВОДА

Н.С. Евчик

***Аннотация.** Статья освещает актуальность и методику выявления у индивида слухо-перцептивных несоответствий системе используемого языка с целью обеспечения лингвистической безопасности перевода путем устранения непонятых смысловых единиц.*

***Ключевые слова:** перцептивная база языка, имплицитное и эксплицитное в речи, акцентно-ритмическая структура речи, лингвистическая безопасность.*

DIAGNOSTICS OF SYSTEMIC INCONSISTENCIES IN THE LANGUAGE PERCEPTION BASE OF THE INDIVIDUAL AS A GUARANTEE OF LINGUISTIC SAFETY OF TRANSLATION

N. Evchik

***Summary.** The article highlights the relevance of and methodology of revealing the individual auditory-perceptual inconsistencies with the language system used in order to ensure linguistic safety of translation by means of eliminating misunderstood semantic units.*

***Key words:** language perception base, the implicit and explicit in speech, accentual-and-rhythmic structure of speech, linguistic safety of translation.*

С позиций нейропсихофизиологии речи перевод представляет собой деятельность мозга по идентификации знаков, действующих в рамках одного языкового кода и трансформации их в знаки кода другого языка, что дает основание рассматривать данный процесс как перекодирование. Исходя из этого, перевод следует квалифицировать как изменение корреляции знаков, сопрягающихся внутри одной лингвосистемы, относительно столь же тесно взаимодействующих знаков внутри другого системного образования [1]. Изменить корреляцию – это значит идентифицировать в воспринятом сигнале и в артикуляции иноязычной речи другие признаки относительно тех, которые индивид уже научился идентифицировать в родном языке. При этом признаки могут быть теми же, но в другой системе языка они могут вступать в иные отношения.

При оценке качества перевода ставится важнейшее условие, которое выдвигается как фундаментальное требование его лингвистической безопасности: смысл сообщения в обоих кодах должен быть эквивалентным. В противном случае деятельность переводчика теряет качество, а ее продукт расценивается как недопустимый, т. е. опасный для использования, поскольку он дезинформирует и вводит в заблуждение при поиске смысла сообщения.

Принято считать, что переводческая деятельность непременно обязывает к использованию двух языков: языка оригинала и языка перевода. Однако нейропсихофизиологическая трактовка перевода как процесса перекодирования выводит на возможность использования данного понятия в рамках деятельности индивида на одном языке. Следует учитывать, что до того, как возникнет необходимость в поиске внешне выражаемой корреляции между двумя языками, индивид при изучении как родного, так и иностранного языка проходит путь своего лингвистического развития внутри действующей в нем системы. Для разъяснения данного подхода следует ввести понятие перцептивной базы языка и схематически рассмотреть ее внутреннее устройство. Именно оно проливает свет на то, что перекодирование сопровождает работу переводчика задолго до того, как потребуются его знания для выполнения последовательного или синхронного перевода с одного языка на другой.

С учетом того, что речь является прижизненно формирующейся функцией, включающей два противопоставленных и одновременно взаимосвязанных звена – речевосприятие и речепроизводство – с центральным представительством в коре головного мозга, перцептивная база языка выступает целостным полисенсорным образованием. Звено речевосприятия включает слуховую, зрительную и тактильную функциональные системы, звено речепроизводства – энергетическую, генераторную и резонаторную [1]. Будучи зависимым от речевосприятия, речепроизводящее звено включается в работу, создавая сенсомоторные схемы, информация о которых обрабатывается и регистрируется в памяти также в виде кодов. Данные коды, имея слуховую, зрительную и тактильную природу, требуют тренировки. Об их фундаментальной важности и сложности формирования свидетельствует тот факт, что дан-

ные коды внутри одного языка отличаются друг от друга больше, чем коды двух разных языков. Именно в перекодировании тактильно-кинестетических сигналов в артикуляторные, зрительных – в буквенно-графические, слуховых – в акустико-фонологические и заключаются основные сложности на этапах подготовки индивида к переводческой деятельности. Именно здесь необходимо проводить диагностику системных несоответствий в языковой перцептивной базе индивида, которая, будучи своевременно откорректированной, при обращении к двум языкам выступит затем гарантом качества – лингвистической безопасности перевода.

Исследование процесса восприятия речи направлено на поиск ответа на вопрос о том, как человек воспринимает смысл сообщения, переданного ему при посредстве артикуляции другим индивидом. Качество восприятия зависит от степени сформированности перцептивной базы языка, которое будет обеспечено, если в процессе поступления на слуховой канал потока иноязычной речи у реципиента постоянно происходит соответствие воспринятых единиц смысловому содержанию звучащей речи и перцептивная база не допускает внутреннего смущения, когда переводчик по мере осуществления перевода сам ощущает, что входит в ситуацию опасности: в тех или иных местах содержание перевода явно не соответствует смыслу, заложенному автором. И поэтому актуально выяснение того, как непрерывный речевой сигнал декодируется в отдельные, доступные пониманию дискретные единицы, которые принято называть звуками речи. Сложность решения данной проблемы происходит по той причине, что между артикуляторными, акустическими, перцептивными единицами и их языковыми коррелятами нет однозначного соответствия. Во-первых, оттого что артикуляторный, акустический и перцептивный коды имеют разную субстанцию, и переход индивида от одного кода к другому в рамках одного языка требует формирования эталонов каждого из них и тренировки в ловкости перекодирования с тем, чтобы адекватно воссоздать исходно задуманную мысль. Во-вторых, следует учитывать, что минимальной дискретной единицей речевосприятия и речепроизводства, т. е. декодирования речевого сигнала, так же, как и его кодирования, является не собственно звук, а слог. Выступая полем для реализации фонем, он выстраивает речевой поток в специфически расчлененные слоговые цепи, создавая тем самым просодию звучания. Просодия слоговых цепей формируется в соответствии с задуманным смыслом сообщения и складывается в устах говорящего индивида в «причудливый узор облеченных в звуки мыслей». Каждый отдельный язык характеризуется своеобразием просодии и поэтому в постижении закономерностей артикуляции и адекватной перцептивной расшифровки звучащего речевого сигнала в виде создаваемых просодических узоров, свойственных данному языку, и состоит задача его освоения. Особые усилия от индивида требуются для артикуляторной и перцептивной обработки иноязычного речевого сигнала.

По мнению американского исследователя Стьюдерт-Кеннеди, процесс восприятия речи подразделяется на стадии: слуховую, фонетическую, фонологическую и лексико-синтактико-семантическую [2]. Не обсуждая номинацию предложенных стадий, обратим внимание на то, что ученый подчеркивает, что именно на фонетической и фонологической стадиях возникают наибольшие сложности при восприятии иноязычной речи. Проистекает это оттого, что главное свойство, определяющее процесс восприятия речи, заключается в его категориальном характере, поскольку речевой сигнал всегда воспринимается как член какой-либо категории. При этом процессор, т. е. та часть языкового аппарата человека, которая в процессе понимания анализирует коммуникативные единицы с точки зрения фонологии, морфологии, синтаксиса и семантики, хорошо различает разные категории и плохо – элементы категории. Этим объясняется тот факт, что человек испытывают трудности при восприятии иноязычной речи, поскольку он в первую очередь различает те признаки, которые несут категориальную нагрузку в его родном языке.

На фоне совокупной структуры просодической системы любого языка выделяется ритм, как явление, имеющее свой сугубо оригинальный характер, а это значит – неповторимость в каждом из них. Осуществляясь в слоговых цепях посредством чередования ударных слогов со слогами безударными через более или менее одинаковые временные интервалы, ритм в артикулируемой речи создает, таким образом, ее структуру. Для декодирования речи в перцептивной базе реципиента должны активизироваться языковые обобщения эквивалентных структур и, пройдя сравнение по правилам, выработанным в процессе их формирования, вывести индивида, воспринимающего иноязычный речевой сигнал, на понимание сообщения, т. е. придать ему эксплицитность. Степень эксплицитности воспринимаемого сообщения находится в прямо пропорциональных отношениях с количеством адекватно идентифицированных акцентно-ритмических структур, поскольку именно они выступают остовом всех типов смысловых единиц. При этом сами акцентно-ритмические структуры имплицитны: их слоговой состав, обеспечивающий посредством своего вербального наполнения план содержания, формируется в процессе динамики речи спонтанно и поэтому на уровне столь же динамичного текущего восприятия характеризуется отсутствием явно контролируемых компонентов плана выражения.

При проведении экспериментальных исследований, направленных на анализ процесса восприятия иноязычной речи, следует учитывать, что психофизиологические аспекты деятельности испытуемых носят имплицитный характер не только для них самих, но и для педагога / исследователя. Стремление раскрыть этот исключительно тонкий по дифференциации адаптивный процесс привело нас к использованию методики плюс- и минус-сегментации для оценки перцептивной интерпретации опознаваемых смысловых единиц фоностилистически сложной иноязычной речи. Оценка проводилась с приме-

нением данных, полученных в исследовании В.И. Бельтюкова, согласно которым «отличное» понимание происходит при 91 % адекватно идентифицированных структурах смысловых единиц, «хорошее» – при 85 %, тогда как 77 % адекватно воспринятых единиц обеспечивают «предельно удовлетворительный уровень» понимания речи, понимание менее 70 % смысловых единиц определяется как «минимальное и неустойчивое», а еще более низкие показатели идентифицированных смысловых единиц речи определяются как «порог срыва связи» [3, с. 61].

В зависимости от состава группы участников (основная и контрольная) на одном и том же перцептивном материале, который представлен радиоспектаклем на французском языке с темпом речи 5,7 слогов/сек., выявлено два разных результата:

1) в контрольной группе адекватность восприятия составила всего 43 %; перцептивные погрешности в слоговой структуре иноязычных смысловых единиц наблюдались в 57 % и связаны в 48 % с явлением минус-сегментации, приводящим к отсутствию эксплицитности воспринимаемого сообщения; даже в тех случаях, когда произнесенные и перцептивные единицы содержали адекватное количество слогов, их акцентно-ритмическая структура отличалась от аутентичной, в результате чего можно сделать вывод о том, что такое восприятие несет информацию о значительных системных несоответствиях в языковой перцептивной базе индивида;

2) в основной группе проецирование адекватного характера воспринимаемых акцентно-ритмических структур на результат акта коммуникации обнаруживает в языковом сознании индивида системное соответствие на 87 %, которое является вполне достаточным, чтобы обеспечить лингвистически безопасный перевод иноязычного сообщения в условиях высокой фоностилистической сложности.

Для фактологического доказательства изложенных утверждений приведем иллюстрации с результатами оценки степени системности перцептивной базы индивида в соотношении с качеством воспринятых акцентно-ритмических структур смысловых единиц, ведущим к их частичному пониманию (далее – ЧП), либо полному непониманию (далее – ПН).

Пример плюс-сегментации и ее результат как полное непонимание (ПН) смысловых единиц:

Эталон: *Comment je pourrais te 'les ...* (6 слогов). – Как я смогу тебе их ...

Перцептивный вариант ПН: *Comment je pourrais te éve'iller?* (7 слогов). – Как я смог бы тебя разбудить?

Наличие минус-сегментации с разным количеством слогов при их суммировании, приведшее к полному непониманию (ПН) услышанного:

Эталон: *'Ah, ca y 'est.* (1+3 слога) – А-а, вот так.

Перцептивный вариант ПН: *'Ah, une 'feuille* (1+2 слога) – А-а, листок.

Эталон: *Le fac 'teur a appor'té...* (2+4 слога) – Почтальон принес...

Перцептивный вариант ПН: *Chaque 'soir à par'tir...* (2+3 слога) – Каждый вечер, начиная с...

Пример случаев, когда общее число слогов в воспринятых акцентно-ритмических структурах смысловых единиц адекватно эталону, однако их внутреннее распределение отличается от него, что приводит к частичному пониманию (ЧП) воспринятого отрезка речи:

Эталон: *J'avais vraiment 'pas besoin de 'ça ce ma'tin* (5+3+3 слога) – Мне и правда сегодня утром это совсем было ни к чему.

Перцептивный вариант ЧП: *Je n'ai 'pas vraiment besoin de 'ça ce ma'tin* (3+5+3 слога). – Мне и правда сегодня утром это совсем ни к чему.

Таким образом, проведенная процедура диагностики со всей очевидностью показывает, что лингвистическая безопасность перевода, а значит, и результативность акта иноязычной коммуникации зависит от степени соответствия эталонов в языковой перцептивной базе индивида скрытой от прямого наблюдения акцентно-ритмической структуризации аутентичной иноязычной речи.

Литература

1. Евчик, Н.С. Перцептивная база языка при норме и патологии слуха. Минск: Изд-во МГЛУ, 2000. 305 с.
2. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002.
3. Бельтюков, В.И. Роль слухового восприятия при обучении тугоухих и глухонемых произношению. М.: АПН РСФСР, 1960. 423 с.

УДК 81'272(494)

ББК 81.432.4

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ШВЕЙЦАРИИ

Н.В. Жарёнова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности языковой политики Швейцарии. В эпоху глобализации актуальной проблемой является сохранение национальной идентичности. Швейцария предлагает свой путь решения данной задачи.

Ключевые слова: языковая политика, национальная идентичность, многоязычие, образовательные стратегии, воспитание языковой культуры.

SPECIAL FEATURES OF SWISS LANGUAGE POLICY

N. Zharyonova

Summary. The article addresses special features of linguistic policy in Switzerland. In the times of globalization keeping national identity is a topical problem. Switzerland offers its own way of solving the problem.

Key words: language policy, national identity, multilingualism, educational strategy, developing language culture.

В эпоху глобализации лингвистическая политика любого современного государства направлена на сохранение и поддержание национального языка /

национальных языков, поскольку язык является наиважнейшим инструментом формирования самоидентификации нации [1]. Актуальность проблемы сохранения национальной идентичности обусловлена тем, что наряду со многими позитивными изменениями, происходящими в результате интеграционных процессов, такими, как рост мировой экономики, укрепление сотрудничества между странами на политическом, научном, культурном уровнях, утрачивается самобытность народов, происходит нивелирование национальных черт. Задача поддержания духа нации, охрана культурной и этнической уникальности решается в разных странах по-своему (подробнее см. [2, с. 54–63]. В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть, каким образом Швейцарская Конфедерация строит свою языковую политику?

Швейцария представлена в мировом сообществе четырьмя государственными языками: немецким, французским, итальянским и ретороманским. Изначально Швейцарская конфедерация, образованная в 1291 г., определялась как немецкоязычная страна, этот статус закреплен за ней до 1798 г., и лишь при образовании Гельветической республики в 1798 г. равноправными объявлены немецкий, французский языки, вскоре к ним присоединен итальянский. Впервые правовое положение швейцарского многоязычия закреплено конституцией 1848 г., 109-я статья которой объявляла национальными языками Конфедерации немецкий, французский, итальянский. Ретороманский признан четвертым национальным языком в 1938 г., а в результате народного голосования в 1999 г. он стал четвертым официальным языком Швейцарии. Таким образом, можно говорить о четырех больших языковых регионах. По статистическим данным последних лет (2010) 73,3 % швейцарцев являются немецкоязычными, 23,4 % – франкоязычными, 6,1 % говорят на итальянском языке, 0,7 % (35`000) – на ретороманском и 8,9 % – на других языках [3]. Традиционно языковые регионы соотносятся с определенными кантонами [4, S. 1883] (табл. 1).

Таблица 1. Языковые типы швейцарских кантонов

<i>Одноязычные кантоны</i>	
немецкоязычные кантоны (включая полукантоны) (17)	Цюрих, Люцерн, Ури, Швиц, Обвальден, Ницвальден, Гларус, Цуг, Золотурн, Базель-Штадт, Базель-Ланд, Шафхаузен, Аппенцель-Ауссерроден, Ааргау, Аппенцель-Иннерроден, Санкт-Галлен, Тургау
франкоязычные кантоны (4)	Женева, Ваадт / Во, Нойнбург, Юра
италоязычный кантон (1)	Тессин / Тичино
<i>Двуязычные кантоны</i>	
франко-немецкий кантон (1)	Берн
немецко-французские кантоны (2)	Фрибур, Валлис
<i>Трехязычный кантон</i>	
немецко-ретороманско-	Граубюнден

итальянский кантон	
--------------------	--

Следует отметить, что вследствие высокой мобильности населения языковые зоны Швейцарии не представляют собой неподвижных гомогенных единиц. Значительные группы носителей того или иного языка постоянно проживают на территории иноязычных кантонов, в результате чего в каждом языковом ареале представлены все четыре государственных языка (данные приводятся по [5, S. 19], табл. 2).

Таблица 2. Соотношение языков в разных языковых ареалах Швейцарии (в %)

	<i>Немец.</i>	<i>Франц.</i>	<i>Итал.</i>	<i>Ретором.</i>	<i>Др. языки</i>
Немецкоязычный	85,7	1,6	4,3	0,4	8,0
Франкоязычный	6,6	77,0	4,2	0,1	12,4
Италоязычный	9,6	1,8	83,1	0,2	5,3
Ретороманский	21,0	0,3	2,2	73,3	3,1

Языковую ситуацию в Швейцарии можно определить, таким образом, как сосуществование языков двух групп – германской и романской, три из которых представлены своими маргинальными ареалами: немецкий – южным, французский – восточным, итальянский – северным [6, с. 15]. Ретороманский составляет центрально-северный ареал всей системы романских языков.

Современные исследования проблем языкового контактирования в швейцарском ареале опровергают распространенное мнение о паритетной ко-экзистенции языков Конфедерации. Соотношение немецкого, французского, итальянского и ретороманского языков в различных областях человеческой деятельности – далеко не пропорционально и по территориальному признаку, и по количеству говорящих на данных языках. Так, в двуязычных кантонах конституированное равноправие языков не всегда находит адекватное практическое воплощение. Во франкоязычном кантоне Валлис, к примеру, представитель немецкоязычной общины должен говорить по-французски на заседании кантонального парламента. В немецкоязычном Берне проживает по данным исследования, проведенного в рамках проекта *Romands in der Deutschschweiz und ihr Mundarterwerb*, в 2 раза больше франкоговорящего населения по сравнению со всем немецкоязычным ареалом страны. Однако немецкоязычное большинство в кантональном парламенте использует местный бернский диалект, что, разумеется, вызывает недовольство у представителей франкоязычной общины [7, S. 124].

Учитывая специфику языковой ситуации в Швейцарии, каждый государственный служащий в правительственных органах кантонов должен как минимум понимать другие языки. Однако результаты статистического опроса, проведенного В. Хауком, выглядят далеко не оптимистически [8, S. 150–151]:

- больше трети немецкоязычных служащих владеют только немецким;
- четверть франкоязычных чиновников говорит только по-французски;

– 0,6 % говорящих на итальянском языке не понимают ни немецкого, ни французского.

С теми служащими, кто все же владеет несколькими языками, дело обстоит следующим образом:

– 94,7 % немецкоязычных швейцарцев говорят по-французски. При этом лишь 10,6 % понимают итальянский;

– 92,8 % франкоговорящих швейцарцев понимают немецкий, 13,8 % – итальянский;

– 91,2 % италоговорящих понимают немецкий и 96,3 % – французский.

Вышеизложенные факты непростых взаимоотношений языков на территории Швейцарии позволяют понять, почему для страны первостепенное значение приобретают вопросы этнической консолидации нации. Языковой вопрос (*Sprachenfrage*) здесь становится синонимом вопроса национального (*Nationalfrage*). Швейцария проводит политику, поддерживающую единство и равноправие языков и культур. В 1939 г. учрежден институт *Pro Helvetia*, благодаря деятельности которого и происходит активный культурный обмен между разноязычными ареалами при сохранении местного своеобразия. Согласно закону Швейцарской федерации, принятому 17 дек. 1965 г., обществу поручается поддержание швейцарской культурной жизни и сохранение своеобразия страны с особым вниманием к народным традициям.

В 2010 г. вступил в силу так называемый Закон о языках страны и взаимопонимании между языковыми общностями (*SpG = Bundesgesetz über die Landessprachen und die Verständigung zwischen den Sprachgemeinschaften*) [9], целью которого стало оказание поддержки языковым меньшинствам и многоязычным кантонам. Также на государственном уровне обсуждалась возможность запрета на изучение английского как первого иностранного языка в школах, однако этот законопроект был отклонен, т. к. каждый кантон имеет конституционное право выносить свои решения по образовательным вопросам. Таким образом, на данный момент единственным способом сохранить языковую уникальность Швейцарии является совершенствование языковой компетенции населения.

Литература

1. Жарёнова, Н.В. Этнолингвистическая самоидентификация швейцарцев // Язык и культура: сб. материалов X Междунар. науч-практ. конф.; под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. С. 196–201.

2. Евдокимова, А.А. Глобализация и национальные языки // Вестник МГЛУ. Сер. Культура. Культурология. М.: МГЛУ, 2012. № 14. С. 54–63.

3. Bundesamt für Statistik. Sprachen und Religionen // Электронный ресурс. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/%20statistiken/bevoelkerung/sprachen-religionen/sprachen.html> (дата обр.: 20.08.2018).

4. Sonderegger, St. Die Entwicklung des Verhältnisses von Standardsprache und Mundarten in der deutschen Schweiz // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin-New York: de Gruyter, 1982. S. 1873–1938.

5. Durmüller, U. Mehrsprachigkeit im Wandel. St. Gallen, 1996. 108 S.

6. Бородина, М.А. Становление и функционирование многоязычия в Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Домашнев. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974. С. 7–23.

7. Siebenhaar, B. Stilistische Varianz in der Sprache eines in der Deutschschweiz lebenden Romands // Syntax und Stilistik der Alltagssprache. Beiträge der 12. Arbeitstagung zur alemannischen Dialektologie / Hrsg. A. Ruoff, P. Löffelad. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997 (a). S. 123–134.

8. Hauck, W. Die Amtssprachen der Schweiz. Anspruch und Wirklichkeit // Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven. IDS. Berlin-New York: de Gruyter, 1990. S. 147–163.

9. Die Schweiz hat ein Sprachengesetz // Электронный ресурс. URL: <https://www.20min.ch/schweiz/news/story/Die-Schweiz-hat-ein-Sprachengesetz-22151293?httpredirect> (дата обр.: 15.08.2018).

УДК 811.111'27 : 070

ББК 81

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННЫХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ

А.В. Жиганова

Аннотация. В статье рассматривается специфика новостных сообщений на материале современных англоязычных СМИ. Анализируются дискурсивные и жанровые характеристики новостного текста, его мультимодальная природа, лингвистические особенности на настоящем этапе.

Ключевые слова: социолингвистика, новостные сообщения, медиадискурс, мультимодальность, ложные новости, английский язык.

ON SOME SPECIFIC FEATURES OF MODERN NEWS REPORTS

A. Zhiganova

Summary. The article examines the specificity of news reports in modern English print media. In the focus of the study there are discursive and genre characteristics of news reports, their multimodal nature, and linguistic features at the current stage.

Key words: sociolinguistics, news reports, media discourse, multimodality, fake news, the English language.

В условиях развития информационных технологий, увеличения языковых контактов, расширения социально-экономического и политического взаимодействия сообществ в современном мире представляется необходимым обратить внимание на то, как выбор лингвистических ресурсов участвует в конструировании социальной реальности. В фокусе внимания находится лингвистическая природа социальных и культурных процессов и структур [1, р. 271]. Социолингвистическое изменение определяется социально обусловленным использованием языковых ресурсов в коммуникативном действии [2, р. 5–6].

Высокая роль средств массовой информации объясняет особую значимость медиадискурса, который репрезентирует процессы лингвистической инновации и изменений. Как справедливо отмечает Т.Г. Добросклонская, «[в] современных условиях обострения информационного противостояния особое значение приобретает всесторонний анализ новостных текстов, которые фор-

мируют информационную картину мира, конструируют образ события, оказывая влияние на индивидуальное восприятие и общественное мнение. Кроме того, новости выполняют важнейшую структурирующую функцию, являясь стержневым компонентом массмедийного дискурса, вокруг которого выстраивается весь остальной медиаконтент, можно сказать, что новости – это несущая опора пространственно-временной организации нескончаемого потока медиаматериалов» [3, с. 13]. Возникновение отдельного направления в лингвистике *news linguistics* (новостная лингвистика) и распространение термина «новостной дискурс», относящегося к широкому корпусу новостных текстов, свидетельствуют об интересе лингвистов к данному типу дискурсивной практики [3, с. 14].

Несмотря на то, что изучение дискурса новостей продолжается с 70-х гг. XX в., как правило, основное внимание исследователей уделялось структуре новостей, без учёта многих значимых контекстуальных измерений коммуникации, в связи с чем существует потребность в междисциплинарном подходе к исследованию новостных сообщений.

Как зрители или читатели, мы, как правило, не обладаем необходимыми возможностями для определения достоверности того или иного сообщения, но реальные события проходят отбор и становятся новостями только по факту включения в новостные репортажи. Мы знаем, что разные газеты освещают события по-разному – как по содержанию, так и по форме [4, р. 11].

Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что новостные сообщения как дискурс и как жанр подвергаются ряду изменений. По мнению С.В. Ивановой, «наблюдение над медиатекстами убеждает, что изучаемый тип текста претерпевает значительные трансформации своей информационной структуры» [5, с. 220].

В первую очередь фактологическая составляющая новостных сообщений становится второстепенной, и «газетные статьи, безусловно, содержат новости, но есть основания полагать, что новости преподносятся в виде историй, а не информационной сводки» [6, р. 7–8]. При этом многие сообщения, появляющиеся в современном информационном пространстве, воспринимаются частью аудитории как ложные (*fake news*) и неправдоподобные. Кроме того, любой аспект лингвистической структуры – фонологический, синтаксический, лексический, семантический, прагматический или текстуальный может нести идеологическое значение [7]. М. Халлидэй отмечает: «Природа языка тесно связана с требованиями, которые мы ему предъявляем, с функциями, которые он должен выполнить. Определенная форма, взятая грамматической системой языка, тесно связана с социальными и личными нуждами, которым этот язык должен служить» [8, р. 141].

Во многом изменения относятся не только к содержанию, но и формату новостных сообщений. По типу дискурса новостная аналитическая статья как часть массово-информационного дискурса представляет собой разновидность институционального дискурса, в котором взаимодействие происходит в рам-

ках заданных статусно-ролевых отношений [9]. Особенностью современных новостных сообщений становится их мультимодальность. Цифровые средства массовой информации распространяют технологии массовой коммуникации и делают возможными гибридные комбинации личностного и институционального дискурсов [2, p. 6]. Газеты и журналы содержат, помимо новостей, рекламу, комментарии и изображения, особенно если речь идет об онлайн-версиях изданий. Мы движемся к среде, характеризующейся разнообразными переплетающимися и развивающимися формами мультимодальных, интерактивных, сетевых форм коммуникации [10, p. ix].

Это не может не накладывать отпечаток на язык медиа, который, по мнению ряда исследователей, становится более разговорным [11], [12]: *Trump was able to fend off the Russia story because he exploited political journalism's herd instinct and its love for a he-said-she-said storyline* (*Mother-Jones: July-August, 2017*).

Возможно говорить об упрощенном языке (*reductive language*) газетных статей [13, p. 222], сдвиге к более популярной речи и большей игре слов, меньшей информативности в заголовках и текстах статей: [*H*]is agents' response to the turmoil has been to "double down and [say], 'Hey, we're gonna keep on moving'" (*Time: May 3, 2018*).

Следует отметить ориентацию на обыденный стиль общения с целью преодоления разрыва между институтами и аудиторией [14], [15]. Происходит стирание границ между личным и общественным, размывание языковых норм, возникают гибридные комбинации разговорного и письменного языка, или формальных и неформальных стилей. А. Белл, сравнивая новостные сообщения в начале и конце XX в., приходит к выводу о том, что моментальность передачи сообщения оказала влияние на усиление разговорного стиля [16].

Создание эффекта просодии устной речи достигается за счет использования пауз между синтагмами:

- ***End of the line. All change please. Rail services on the East Coast main-line will be brought back under government control for a third time*** (*The Independent: May 18, 2018*).

- *Davos, it has been said, is where billionaires go to talk to millionaires about the problems of the working class. Which means Trump should be right at home* (*Time: February 5, 2018*).

Структура новостей становится более эксплицитной, стиль ориентирован на диалог и журналисты позиционируются более как эксперты, нежели чем просто репортёры [17]:

- ***Out of order? The Future of International System.***
- ***Will the Liberal Order Survive?***
- ***Will Washington Abandon the Order?*** (*Foreign Affairs: January-February 2017*) – вопрос в заголовках предполагает ориентацию на адресата, вовлечение его в предполагаемый диалог.

Или же дается своеобразный ответ на предполагаемый вопрос читателя (при виде картинки с новорожденными малышами): *No, you aren't imagining all those strollers. There are more moms* (*Time: February 5, 2018*).

У. Шмитц рассматривает семиотическую экономию как тенденцию лингвистического изменения и отмечает трансформацию мультимодальной композиции текстов. Сравнивая издания местной газеты от 1946 до 2012 гг., он приходит к выводу о том, что последние содержат более короткие и синтаксически менее сложные тексты. Исследуя веб-сайты этих самых газет, он констатирует, что они имеют мультимодальную структуру: нет ни единого текста, чья когерентность создается исключительно через письменные средства. Традиционная автономия письменных текстов отсутствует, письменный текст встроен в мультимодальное окружение. Шмитц выделяет следующие тенденции в письменных текстах в медиаокружении: уменьшение автономно когерентных главных текстов, уменьшение длины текста, увеличение паратекстов и неписьменных элементов – фотографий, графики, видео, пиктограмм [18].

Таким образом, в современном новостном дискурсе можно наблюдать тенденции, сближающие его с речью, такие как диалогичность и ориентация на обыденный стиль коммуникации.

Литература

1. Fairclough, N. & R. Wodak Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction / T. van Dijk (ed.). London: Sage, 1997. P. 258–284.
2. Androutsopoulos, J. Mediatization and Sociolinguistic Change. Key Concepts, Research Traditions, Open Issues. 2014. P. 3–48.
3. Добросклонская, Т.Г. Информационная модель как инструмент анализа новостного дискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 1. С. 7–11.
4. Fowler, R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge. 254 p.
5. Иванова С.В. Медиатекст «новость» как полидискурсивная гибридная практика // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы всерос. науч. конф. 2018. С. 220–221.
6. Reah, D. The Language of Newspapers. Routledge, 1998. 126 p.
7. Kress, G. Linguistic Processes and Sociocultural Values. Deakin (Victoria): Deakin university, 1985. 101 p.
8. Halliday, M.A.K. Language Structure and Language Function // New Horizons in Linguistics / Lyons J. (ed.). Penguin, Harmondsworth, 1970. P. 140–165.
9. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
10. Livingstone, S. On the Mediation of Everything // Journal of Communication. 2009. № 59 (1). P. 1–18.
11. Androutsopoulos, J. From the Streets to the Screens and Back Again: On the Mediated Diffusion of Variation Patterns in Contemporary German. LAUD Linguistic Agency, A:522, University of Essen, 2001 // Электронный ресурс. URL: <http://www.linse.uni-due.de/laud-downloadliste.html?articles=from-the-streets-to-the-screens-and-back-again-on>

the-mediated-diffusion-of-ethnolectal-patterns-in-contemporary-german&file=tl_files/laud/A522.pdf (дата обр.: 15.09.2018).

12. Coupland, N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 224 p.
13. Seymour-Ure, C. *The British Press and Broadcasting Since 1945*. Wiley, 1996. 304 p.
14. Fairclough, N. *Media Discourse*. London: Arnold, 1995. 214 p.
15. Fairclough, N. *Conversationalization of Public Discourse and the Authority of the Consumer // The Authority of the Consumer / R. Keat, N. Whiteley & N. Abercrombie (eds.)*. London: Routledge, 1994. P. 253–268.
16. Bell, A. *Poles Apart: Globalization and the Development of News Discourse Across the Twentieth Century // News Media Language / J. Aitchison and D. M. Lewis (eds.)*. London: Routledge, 2003. P. 7–17.
17. Luginbühl, M. *Genre Profiles and Genre Change. The Case of TV News // Mediatization and Sociolinguistic Change / J. Androutsopoulos (ed.)*. Berlin-Boston: de Gruyter, 2014. P. 305–330.
18. Schmitz, U. *Semiotic Economy, Growth of Mass Media Discourse, and Change of Written Language Through Multimodal Techniques. The Case of Newspapers (Printed and Online) and Web Services // Mediatization and Sociolinguistic Change / J. Androutsopoulos (ed.)*. Berlin-Boston: de Gruyter, 2014. P. 279–304.

УДК (811.111'38 : 811.161.1'38) : 327 : 070

ББК 81

ЯЗЫК ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.Н. Кабанова, И.С. Колобова

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности освещения сирийского конфликта англоязычными и российскими СМИ, выделяются языковые средства, используемые в политическом медиадискурсе с целью создания определенной картины политической действительности в условиях военного конфликта.*

***Ключевые слова:** политический медиадискурс, сирийский конфликт, речевое воздействие, информационная война, язык военного конфликта.*

LANGUAGE OF MILITARY CONFLICT WITHIN THE CONTEXT OF LINGUISTIC SECURITY

I. Kabanova, I. Kolobova

***Summary.** The article highlights specific features of presentation of Syrian conflict in English and Russian mass media, studies linguistic means used by political mass media discourse for the purpose of creating a certain political reality in the situation of military conflict.*

***Key words:** political mass media discourse, Syrian conflict, persuasion, information war, language of military conflict.*

В современном мире политический медиадискурс является одним из наиболее коммуникативно значимых разновидностей политического дискурса; его специфичность заключается в широком охвате аудитории и воздействующем манипулятивном потенциале; этот вид дискурса способствует формированию взаимосвязи между политическим деятелем и широкой общественностью. Управление общественным мнением происходит посредством от-

бора и интерпретации информации в интересах той или иной стороны. Именно этот фактор лежит в основе информационных войн – информационное противоборство является одним из ключевых инструментов войны, оно приводит к дезинформации и поляризации современного социума.

Анализ материалов качественной прессы – *The Telegraph*, *The New York Times*, *The Spectator*, *The Independent*, «Российская газета», «Ведомости» – на тему сирийского конфликта (всего проанализировано 9 англоязычных и 8 русскоязычных статей за период с 2011 по 2017 гг.) показал, что базовой стратегией является стратегия дискредитации, в основе которой лежит интенция, направленная на умаление авторитета оппонента, при этом для англоязычных СМИ наибольший интерес представляет личность В.В. Путина и Москва, как собирательный образ России. Для российской прессы обращение к персонам руководителей государств, вовлечённых в международный конфликт, менее типично.

Англоязычные издания утверждают, что президент России В.В. Путин преследует свои личные интересы, отдавая приказ разместить российские войска в Сирии: война на Ближнем Востоке является способом заявить о себе и вернуться на мировую арену в качестве лидера «сильной России», страны с развитым экономическим и военным потенциалом. С этой целью в англоязычных СМИ используются различные языковые средства, в т. ч.:

- метафорическое квазиотждество с негативной коннотацией «*a booster of Putin's prestige*» [1]; *booster* – *an action or thing that improves or increases something* [2]; гиперболический эпитет «*a startling comeback*» [1]; *startling* – *very surprising, astonishing, or remarkable* [3];

- негативно окрашенные номинации: *Mr. Putin has effectively marginalized the United States* [4]; *marginalize* – *to treat someone or something as if they are not important* [2]; *President Vladimir Putin of Russia dabbled with the United States* [4]; *dabble* – *to take a slight and not very serious interest in a subject, or try a particular activity for a short period* [2].

Представители российской прессы в свою очередь также не уверены в намерениях Америки, упоминая последствия её вмешательства в локальные конфликты в других странах Востока. Автор одного из материалов занимает весьма агрессивную позицию: он обвиняет Америку в пособничестве террористам и применении нечестных политических стратегий, характеризуя США с помощью:

- синонимичных эксплицитно-оценочных прилагательных, таким образом создается эффект нагнетания отрицательной оценочности: «**лживые**» (обещания), «**невыполнимые**» (обещания), «**двуличная**» (политика Вашингтона) [5];

- олицетворения: «**США не внесли значительного вклада в борьбу с боевиками. Они убили очень много невинных людей, в основном женщин и детей**» [6].

Главным последствием эскалации гражданской войны в Сирии стало распространение международного терроризма и укрепление его позиций. Основным объединяющим фактором для Запада и России стала необходимость остановить террор, но, по мнению некоторых изданий, цели у каждой из стран были свои, односторонние, не способствующие совместной борьбе против террористических группировок. Англоязычные СМИ считают, что действия России, которые получили название *military intervention*, стали причиной негативных последствий, а именно усугубления военного положения в Сирии и повсеместного разрушения городов и убийства мирных граждан. Например, действия России описываются следующим образом:

- ...*decisive Russian military intervention has substantially altered the situation in Moscow's favour* [7];
- ...*including rebuilding the cities that Russia helped destroy* [4].

Следует подчеркнуть, что западная пресса далеко не первый раз обвиняет Россию в посягательстве на чужие территории. Ранее издание *The Spectator* опубликовало материал [1], посвященный присоединению Крыма к России, в нем использовались контекстуальные синонимы «*intervention*» – *interference by a state in another's affairs* [2] и «*annexation*» (*of Crimea*) – *act of adding territory to one's own territory by appropriation* [3].

Согласно материалам российской прессы, США не готовы сотрудничать с Россией по вопросу борьбы с терроризмом, так как заинтересованы в содействии боевикам и пособничестве им; Америка пытается создать видимость заинтересованности в окончании сирийской войны, при этом не следует принятым соглашениям и не выполняет международные договоренности. Позиция российской прессы отражается с помощью:

- разговорных фразеологических единиц: «Всегда трудно **вести двойную игру**» [8]; «Соединенные Штаты **льют воду на мельницу** террористов, оказывают им неприкрытую поддержку (...)» [9];
- зооморфных метафор и сравнений: «У наших американских коллег есть иллюзия, что терроризм **можно приручить, приманить, приучить** к чему-то. Это невозможно, – цитирует РИА Новости Захарову. – **Терроризм как змея**: ты отвернешься – и он ужалит. Играть с ним нельзя» [10]; прямое цитирование создает эффект объективности и беспристрастности сообщения.

Ключевой особенностью информационной и идеологической войны можно считать тот факт, что каждая из сторон конфликта интерпретирует одно и то же событие с противоположных позиций, а значит, вектор внимания и обвинения также смещается коренным образом. Примером является следующая ситуация, возникшая осенью 2017 г., получившая широкое освещение в СМИ. С позиции прессы США, американская авиабаза дезинформирована российскими военными о местоположении баз террористов, в результате чего американские истребители нанесли удар по поселениям мирных жителей. Следующие фрагменты указывают, что ответственность за случившееся

должна нести исключительно российская армия, автор выражает свою позицию посредством применения:

- конструкции эмфатического выделения ремы в конвергенции с ограничительной частицей *only*: *It was **only the Russians** who told the US air force they were bombing Syrian forces* [11];

- эвфемизма, называющего убийство невинных людей лексемой *mis-take*: *The Syrians have never believed the American claim that they made a “**mis-take**”* [11].

Российская пресса считает, что обвинение Москвы в данном случае является попыткой переложить вину и ответственность на другое государство, поскольку американская армия действует по приказу собственного руководства. Позиция России описывается так:

- **«За примерами далеко ходить не надо.** То американцы якобы **«нечаянно»** нанесут удары по сирийским ВС, после чего боевики ДАИШ идут в контратаку. То опять же **«случайно»** атакуют гражданские объекты, в результате чего гибнут сотни мирных жителей. И это далеко не полный список **«ошибок»** коалиции» [12].

При описании действий США автор заключает лексемы в кавычки, таким образом меняя их словарное значение: единицы «нечаянно», «случайно», «ошибок» в данном контексте используются в противоположном значении, и наличие кавычек лишь подчеркивает преднамеренность действий.

Еще одной точкой столкновения в данном конфликте является статус группировки «Джебхат-ан-Нусра», которую Россия считает террористической и ведет против неё войну, в то время как США это мнение не разделяют и настаивают на прекращении огня, смещая акценты с частного вопроса об указанной группировке на ситуацию в целом и обвиняя Россию в том, что с целью оправдать своё вмешательство в сирийский конфликт каждая военная организация Сирии признается опасной, террористической, т. е. подверженной физическому устранению, уничтожению.

- *Russia defines all armed opposition in Syria as terrorist and **regularly mislabels** them either as Islamic State or al-Nusra to justify their strikes* [13].

В российских СМИ содержится встречное обвинение: если США не позволяют вести обстрел позиций этой группировки, вероятнее всего, они заинтересованы в сотрудничестве с ней:

- «Представитель МИД РФ считает, что действия Соединенных Штатов, которые не дают уничтожить “Джебхат-ан-Нусру” (запрещенная в России группировка) – “явное проявление того, что **они ее оберегают**”» [10].

Одной из причин конфронтации России и США по сирийскому вопросу является поляризация мнений в отношении поддержки воюющих сторон: Россия выступает на стороне официального руководства Башара Асада, а Америка поддерживает оппозицию, считая необходимым свергнуть его режим. Американские издания не стесняются в выражениях, частотно используя отрицательно-оценочные номинации, например:

- *Britain's envoy, Matthew Rycroft, goes even further, accusing Vladimir Putin of teaming up with the Syrian dictator Bashar Assad "to carry out war crimes"* [14];

- *For two years, while bolstering Mr. Assad's brutal regime* [4];

- *(...) save for the cynical brutality of President Bashar al-Assad and his chief allies, Russia and Iran* [4].

Российская пресса предлагает зеркально противоположную позицию, обвиняя США в пособничестве террористам, называя их «друзьями» и «клиентами» Америки, используя прием «навешивания ярлыков»:

- «Но боевики, среди которых наверняка были **«друзья Вашингтона»** из **«умеренной оппозиции»**» (...) [5];

- «Более резкого, драматического, радикального разрыва между американскими клятвами в приверженности мирному решению и тем, что они делают, как они себя ведут в контактах со своими **клиентами в Сирии**, чем сейчас, мы не наблюдали очень давно» [15].

СМИ неизменно применяют рычаги воздействия на общественное мнение. При этом и англоязычные, и русскоязычные издания используют схожие приёмы для достижения общей цели – сформировать необходимую картину политической действительности. В исследуемых материалах российские издания используют стратегии, направленные на создание негативного образа Запада, обвиняя его в пособничестве террористам, англоязычные СМИ, напротив, заинтересованы в умалении авторитета России, президента страны, считают Россию виновной в убийстве мирных граждан, разрушении поселений.

Ключевой особенностью информационной войны является предъявление зеркальных обвинений противоборствующих сторон в адрес друг друга. Далеко не всегда эти обвинения имеют весомую аргументацию и доказательства. Более того, анализ фактического материала позволяет утверждать, что ссылка на какой-либо источник или статистические данные не всегда является достоверной, поскольку информация об одном и том же событии может содержать данные, в которых цифры разнятся в несколько раз:

- *It was hard to greet the announcement last week of a new cease-fire in Syria without wariness. In six years of fighting, **more than 400,000 people** have been killed and entire cities devastated* [4];

- «Жертвами вооруженного конфликта в Сирии стали **более 300 тысяч человек**, заявил генсек ООН Пан Ги Мун» [16].

Таким образом, даже статистические данные, призванные свидетельствовать о реальном положении дел, не могут быть достоверным источником информации, т. к. они фабрикуются в интересах определенной стороны.

Современные СМИ, с одной стороны отражая политическую действительность, способствуют в то же время усугублению и обострению положения в ситуации военного конфликта. Основной сферой интереса противоборствующих сторон в информационной войне является человеческая психика –

состояние массового адресата, его восприятие конфликта, манипуляция индивидуальным и массовым сознанием. Предоставляя общественному мнению исключительно выгодные факты под правильным углом зрения и соответствующим образом фильтруя информацию, пресса изменяет своему исходному предназначению – информированию общества о текущем положении дел. Приоритетной в условиях информационной войны становится воздействующая (оценочная) функция, функция создания определенного мнения, что ставит под угрозу информационную безопасность социума.

Литература

1. For Putin, Syria has gone from being an asset to a dangerous liability, Owen Matthews // Электронный ресурс. URL: <https://www.spectator.co.uk/2017/04/for-putin-syria-has-gone-from-being-an-asset-to-a-dangerous-liability/> (дата обр.: 09.07.2017).

2. Cambridge International Dictionary of English // Электронный ресурс. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обр.: 02.07.2017).

3. Oxford Dictionary // Электронный ресурс. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обр.: 25.06.2017).

4. Can Russia Make Peace as Well as War? // Электронный ресурс. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/31/opinion/can-russia-make-peace-as-well-as-war.html> (дата обр.: 24.09.2017).

5. Цинизм по-американски, Максим Макарычев // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2016/10/22/ssha-vozveli-dvojnye-standarty-v-glavnyj-postulat-svoej-politiki.html> (дата обр.: 30.09.2017).

6. Глава МИД Сирии заявил о скорой победе над боевиками ДАИШ // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2017/09/24/glava-mid-sirii-zaiavil-o-skoroj-pobede-nad-boevikami-daish.html> (дата обр.: 30.10.2017).

7. What Russia Learns From the Syria Ceasefire: Military Action Works // Электронный ресурс. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/what-russia-learns-syria-ceasefire-military-action-works> (дата обр.: 30.10.2017).

8. Путин рассказал, чего добивается Россия в Сирии и кто обманул весь мир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/10/22/613973-putin-rasskazal> (дата обр.: 10.02.2017).

9. Дипломаты уходят в тень? Евгений Шестаков // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2016/09/29/predstavitel-gosdipa-priglasil-terroristov-primenit-silu-protiv-rf.html> (дата обр.: 18.10.2017).

10. Захарова рассказала о попытках США «приручить» террористов // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2016/11/04/zaharova-rasskazala-o-popytkah-sshapriruchit-terroristov.html> (дата обр.: 30.10.2017).

11. The West might hardly believe it, but it now seems the Syrian war is ending – and Assad is the victor, Robert Fisk // Электронный ресурс. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/syrian-war-ending-bashar-al-assad-won-robert-fisk-syria-middle-east-israel-british-troops-a7933966.html> (дата обр.: 15.11.2017).

12. Лавров заявил о смертельно опасных провокациях США в Сирии // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2017/10/04/mid-rossii-vashington-vedet-v-sirii-dvojnuu-igru.html> (дата обр.: 07.10.2017).

13. How Russia and Iran took advantage of Syrian peace talks to choke Aleppo, Kyle Orton // Электронный ресурс. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/how-russia-and-iran-took-advantage-of-syrian-peace-talks-to-choke-aleppo-kyle-orton>

iran-took-advantage-of-syrian-peace-talks-to-choke-aleppo-a6877396.html (дата обр.: 30.09.2017).

14. So now we know: Russia is as powerless in Syria as the West, Sarah Lain // Электронный ресурс. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/09/26/so-now-we-know-russia-is-as-powerless-in-syria-as-the-west/> (дата обр.: 27.08.2017).

15. В МИД РФ рассказали о клятвах и догмах госдепа США, Владислав Воробьев // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2016/10/18/v-mid-rf-rasskazali-o-kliatvah-i-dogmah-gosdema-ssha.html> (дата обр.: 30.08.2017).

16. Число погибших за время конфликта в Сирии превысило 300 тысяч человек // Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/syria/20160921/1477534470.html> (дата обр.: 08.12.2017)

УДК 81'374

ББК 81.411.2-4

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

О.М. Карпова

Аннотация. Статья посвящена отечественным словарям XXI в. Акцент делается на антропоцентрическом характере справочных ресурсов, которые создаются через профессиональные, корпоративные, коммерческие и волонтерские лексикографические проекты.

Ключевые слова: цифровая эпоха, справочные ресурсы, антропоцентрический, пользователь, словарь.

RUSSIAN DICTIONARIES IN DIGITAL ERA

О. Karpova

Summary. The article describes Russian dictionaries in the XXI century with special reference to anthropocentric character of modern lexicography based on professional, cooperative, commercial and volunteer projects.

Key words: digital, reference resources, anthropocentric, user, dictionary.

Лингвистические и энциклопедические словари современного русского языка, которые пользователи еще в середине XX в. привыкли видеть в печатной форме, сегодня представлены в Интернете на специальных справочных сайтах, в приложениях к мобильным телефонам. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку в последние годы мировая лексикография переживает эпоху диджитализации (*digitalization* – термин электронной лексикографии) – отказ от использования печатных словарей в пользу электронных [1].

С появлением теоретической и, главное, прикладной электронной лексикографии в отечественной лексикографии, имеющей солидные исторические традиции создания академических толковых словарей национального языка, сформировались новые черты, не всегда отвечающие целям и задачам традиционного толкового словаря русского языка [2]. Прежде всего, в конце XX в. – начале XXI в. в России появляются толковые словари, в которых несколько нарушена их основная характеристика – нормативность. В толковые словари русского языка их авторы начинают включать большое количество ненормативной лексики. Это, прежде всего, сленг, термины, заимствования

из иностранных языков (главным образом, из английского языка), лексика сниженного стилистического тона и многие другие группы лексики.

Такая ситуация наблюдается в известной серии толковых словарей русского языка конца XX в. – нач. XXI в. под редакцией Г.Н. Складневской, которая одной из первых российских лексикографов представила пользователю словарь живого русского языка. Обычно эти слова исключались из нормативных академических словарей и служили материалом для регистрации и лексикографического описания в специальных словарях русского языка: сленга, диалектизмов, новых слов, языка писателей, терминов различных предметных областей, фразеологизмов и т. д. [3]. Ситуация ненормативности наблюдается в справочнике Г.Н. Складневской, где регистрируются не только слова, характеризующие новую экономическую и политическую реальность (например: рынок, перестройка, контрперестройка, постперестроечный), но и многочисленные *заимствования*: кутюр, лейбл, прайс-лист, промоутер, секьюрити, имидж, сингл, слоган; *сленг*: балдеж, лимон (миллион), лажа, вешать лапшу на уши, на халяву, затрахать; *жаргон*: грины, стипуха, шпора, удочка (удовлетворительная оценка); потрясно, классно, обалденно, убойный, клевый, ржать, кайф, балдеть, прокол, ишачить, пахать, заказать (убить); в т. ч. *тюремный жаргон*: шмон, баланда, стукач, блатной, перо. Впервые в корпусе словаря особое внимание уделено *молодежному жаргону*, сложившемуся на рубеже XX–XXI вв., например, байк, видак, висеть (не реагировать на вопросы), въехать (понимать), жутик (фильм ужасов), забугорье, закидон, запасть (понравиться), крутой, мобильник, которые в настоящее время стали привычными и не всегда воспринимаются носителями языка как неологизмы.

В последующих изданиях данного словаря появилось значительное количество новых слов, особенно из сферы *политики*: конфронтировать, фундаменталист; *армии и порядка*: дедовщина, КГБ, декриминализация, захват, группа захвата; *религии и веры*: Бог, Богородица, буддизм, йога, всенощная; *еды и напитков*: гамбургер, чизбургер, тоник, попкорн, сникерс; *музыки*: поп, рок, рейв, рэп; *одежды*: карго, топ, шазюбль, слаксы; *масс медиа*: хит-парад, брифинг, триллер, экспресс-камера, пресс-клуб, пресс-экспресс. В словаре появились и *наименования новых профессий*: сотрудник пиар-службы, пиаровец, пиарщик, продюсер, диск-жокей, кооператор. Пользователи высоко оценили такой репертуар входных единиц в словарях Г.Н. Складневской, которая не только открыла новую страницу в русской лексикографии, но и придала ей антропоцентрический характер. Таким образом, современные отечественные лексикографы стали учитывать запросы и требования пользователя при составлении словарей русского языка нового поколения. Причем наибольшее признание словари под редакцией Г.Н. Складневской получили у читателей, изучающих русский язык как иностранный [4].

Включение в словник ненормативной лексики вполне объяснимо, поскольку словарь всегда являлся отражением состояния общества. Так, в эти годы в русский язык проникло много новых понятий и слов, что не могло не

войти в новые справочники, поскольку российское общество значительно изменилось, начиная с 90-х гг. XX в. Появились новые слова из сферы политики, моды, спорта, новых информационных технологий и т. д. Ситуация языковых изменений в русском языке неоднократно описывалась в работах отечественных ученых, среди которых особо выделяются исследования М.А. Кронгауза [5]. В последние годы возникло и движение за чистоту русского языка, которое сводится к информационной безопасности общества, когда эталоном в современном словоупотреблении выступает родное, а не заимствованное слово [6, р. 714]. Это движение объединило людей разных профессий: политиков, ученых, студентов, преподавателей, музыкантов, писателей, – наиболее активных членов российского общества.

Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время продолжается и создание нормативных академических словарей, которое сосредоточено в авторитетных отечественных издательствах и в Российской академии наук. И те, и другие можно найти и на определённых сайтах, где размещаются разные типы современных и исторических словарей русского языка. Таким наиболее посещаемым сайтом является авторитетный справочно-информационный портал Gramota.RU – русский язык для всех [7], государственная программа и одноименный сайт «Словари XXI века» [8]. Необходимо отметить, что на сайте «Словари XXI века» представлены авторитетные общие и специальные словари русского языка для различных групп пользователей, среди которых много школьных и учебных словарей.

В цифровую эпоху в мире стремительно развивается корпусная лексикография, когда все известные толковые словари национальных языков (английского, немецкого, нидерландского, итальянского и т. д.) основываются на языковых электронных корпусах (например, *British National Corpus*, *Bank of English* и т. п., включающих более 500 млн слов). В России также создан Национальный корпус русского языка, который стал основой для составления новых типов словарей русского языка для общих и специальных целей [9].

Корпус является уникальной информационно-справочной системой, которая включает тексты в электронной форме на русском языке во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и всесторонне отражает современное состояние русского языка. В его структуру входит ряд специальных подкорпусов: газетный, диалектный, поэтический, акцентологический и т. п. Эти подгруппы дают возможность пользователю получить любую информацию по русскому языку, предоставляют языковой материал для составления различных типов специальных словарей русского языка. Корпус отличается простотой информационного поиска и доступностью информации, что привлекает как носителей языка, так и иностранцев, изучающих русский язык во всем мире.

В репертуаре русской интернет-лексикографии появились сегодня версии наиболее авторитетных словарей не только для общих, но и, главным образом, для специальных целей. Это словари языка писателей (Ф.М. Достоев-

ского, А.С. Пушкина, М.А. Шолохова), многочисленные учебные словари для школьников, студентов, широкого круга пользователей. Большой спрос у современных пользователей имеют терминологические двуязычные словари (русско-иностранные и иностранно-русские) новых предметных областей (страховой медицины, логистики, новых информационных технологий, связей с общественностью, пожаротушения и т. п.). Более того, по данным исследователей Ивановской лексикографической школы, отечественные и зарубежные пользователи нередко ищут на справочно-информационных порталах толково-энциклопедические словари, страноведческие и культурологические словари, словари пословиц и цитат [10].

В последнее время в отечественной печатной и электронной лексикографической среде работают представители: профессиональной (*professional*), волонтерской (*volunteer*) и коммерческой (*commercial*) лексикографии. Их сотрудники не всегда являются профессионалами-лексикографами, однако обращаются к составлению различных типов справочников по ряду причин. Одной из таких причин является отсутствие в репертуаре современной отечественной лексикографии компетентных терминологических словарей новых предметных областей или культурологических справочников по истории и культуре России.

Большинство словарей нового поколения составлено в электронном и интернет-форматах и строится на новых принципах с использованием инновационных методов компьютерной лексикографии, что требует от составителей знания новых информационных технологий, новых терминов [11]. Так, последней новинкой отечественной электронной лексикографии являются словари для мобильных телефонов, так называемые *apps-dictionaries*, которые широко востребованы особенно в молодежной среде. Среди них встречаются как общие, так и специальные словари русского и других языков.

В заключение необходимо отметить, что создание словарей нового поколения вообще и в отечественной лексикографии в частности призвано отвечать запросам и требованиям пользователя, и носит ярко выраженный антропоцентрический характер. Вот почему требования различных групп пользователей (школьников, студентов, переводчиков, преподавателей и т. п.) тщательно и постоянно изучаются посредством методов анкетирования и окулографии (*eye tracking* – когда по специальной программе прослеживается количество обращений читателя к определенному справочнику). Таким образом, авторы новых типов справочников русского языка, представленных во всех форматах (печатном, электронном, Интернет), стремятся всесторонне отразить особенности современного русского языка в сфере фиксации.

Литература

1. Карпова, О.М. Словарь как инструмент пользователя информационного пространства // Новая экономика и региональная наука. 2018. № 2. С. 46–52.
2. Карпова, О.М. Словари современного русского языка в свете новых тенденций западноевропейской лексикографии // Вестник Воронежского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 160–164.

3. Karpova, O.M. Language Situation in Russia Today with Special Reference to New Russian Dictionaries // Proceedings of the 12th EURALEX International Congress, Torino, Italia, September 6–9. Torino: Edizioni dell'Orso Alessandria, 2006. P. 1249–1254.
4. Скляревская, Г.Н. и др. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Языковые изменения. М.: Фолио-Пресс, 2002.
5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2017.
6. Karpova, O.M. Russian Lexicography // Oxford Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume 10. Oxford: Elsevier, 2005. P. 704–715.
7. Справочно-информационный портал Gramota.RU – русский язык для всех. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/slovari/28_102 (дата обр.: 10.09.2018).
8. Словари XXI века. URL: <http://slovari21.ru> (дата обр.: 11.09.2018).
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обр.: 11.09.2018).
10. Денисов, К.М., Карпова, О.М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник ИванГУ. 2018. Вып. 1 (18). С. 39–44.
11. Ахренова, Н.А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка Интернета // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. № 3. С.8–14.

УДК 81'272 (470+571)

ББК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН КАК ИМПЕРАТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.А. Колобова

***Аннотация.** Лингвистическая безопасность граждан в рамках новейшей стратегии пространственного развития Российской Федерации приобретает особый смысл. Качество ее обеспечения на практике реально способствует общему прогрессу страны, имеющей огромный потенциал действия на мировой арене как великой державы.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность, государственная безопасность, лингвистическая безопасность, концепция пространственного развития Российской Федерации.*

LINGUISTIC SECURITY OF CITIZENS AS THE IMPERATIVE OF THE STATE POLITICS OF CONTEMPORARY RUSSIA

S. Kolobova

***Summary.** Linguistic security in the ranks of the contemporary strategy of Russian territorial development occupies the principal position. The quality of the practical realization really supports the main trend of the universal progress of country acting as a superpower on the world arena.*

***Key words:** national security, state security, linguistic security, the concept of the territorial development of the Russian Federation.*

В современных условиях глобальной нестабильности особую роль приобретает универсальное концептуальное обоснование всей динамики государственных действий, включая основные аспекты более качественного обеспечения безопасности (всеобщей, государственной, общественной, личностной, лингвистической и пр.) [1, с. 3].

Федеральным законом от 28.07.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172) в целях реализации основных положений Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в соответствии с Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации предусматривается разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации [там же].

Документ четко фиксирует основные положения пространственного развития:

- приоритеты совершенствования системы расселения на территории РФ и механизмы стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения;
- направления изменения структуры экономики РФ в региональном аспекте;
- перспективные конкурентные преимущества и экономическая специализация субъектов РФ в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающие принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития;
- прогноз (оценка) потребности субъектов РФ в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализацией и прогнозов социально-экономического развития соответствующих территорий;
- прогноз (оценка) потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий;
- перечень потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития, основанный на комплексной оценке и анализе условий и потенциалов пространственного развития РФ;
- варианты территориального размещения национальных технологических платформ;
- направления интеграции РФ в единое евразийское и мировое экономическое пространство;
- состав макрорегионов на территории РФ;
- результаты отнесения городов и регионов РФ к определенным типам [1, с. 4].

Он определяет особое значение мощных вызовов для Российского государства, общества и безопасности населения страны сейчас и в обозримом будущем [1, с. 6].

К первому вызову относится центростремительный вектор (градиент), предполагающий максимальное усиление роли Москвы во взаимодействии с различными регионами [там же]. В результате значительных центростремительных тенденций, с одной стороны, произошло сжатие ранее освоенного пространства, многочисленными подтверждениями чего стали заброшенные поля в сельской местности и промышленные зоны крупных, средних и малых

городов, заметно увеличившееся число ставших «малодеятельными» участков железных и автомобильных дорог и др. С другой стороны, и одновременно, произошло заметное экономическое уплотнение пространства городов-центров федерального, регионального и муниципального уровней [1, с. 6]. Таким образом, усиливается важность своевременного формирования соответствующего адекватного ответа власти и общества именно за данный вызов [там же].

Второй вызов пространственному развитию России в значительной степени связан с первым, поскольку обусловлен невиданными в практике зарубежных федераций межрегиональными контрастами, очень существенной неравномерностью современного развития российских регионов. Зачастую межрегиональные различия настолько существенны, что отстающим субъектам РФ потребуются даже не десятки, а сотни лет, чтобы достичь уровня современных развитых российских регионов, что свидетельствует о наличии в пределах одной страны контрастов межконтинентального размаха (сродни контрастам, например, между странами Европы и Африки) [1, с. 7].

Высокая степень межрегиональной дифференциации предъявляет особые требования к государственному регулированию пространственного развития, остро ставя вопрос об обеспечении выполнения конституционных гарантий прав граждан, проживающих на различных по стартовым условиям территориям – в сельской или в городской местности, в крупнейших городах Европейской части страны или в зоне Севера, Сибири, на Дальнем Востоке. Современным ответом на указанный вызов выступает созданный за последние два десятилетия беспрецедентный по своему удельному весу в бюджетах разных уровней трансфертноперераспределительный механизм, работа которого направлена на сокращение межтерриториальных различий в условиях жизни населения.

Адекватный ответ на указанный вызов предполагает необходимость обеспечения пространственного выравнивания страны более эффективными инструментами, с одной стороны, нацеленными на более экономное и рациональное, с меньшими транзакционными издержками, с меньшими потерями распределение созданного национального богатства, а с другой стороны, позволяющими избежать иждивенческих настроений, опасности «привыкания» к гарантированной государством помощи и поддержке у депрессивных территорий РФ и соответствующих региональных элит. На формирование эффективного ответа на указанный вызов предстоит нацелить не только механизмы государственного управления, но и силы самоорганизации – в виде мобильности людей и фирм, обеспечивающих пространственные передислокации производительных сил России к местам их наибольшей эффективности [1, с. 8].

Третий вызов пространственному развитию России тесно связан с ее сегодняшним, в значительной степени неблагоприятным, геополитическим положением в мире, с актуальными проблемами безопасности, обусловли-

вающими абсолютно новую роль ее границ и приграничных территорий. В настоящее время, когда на смену периоду беспрецедентной открытости 1990-х гг. пришел период соперничества и конфронтации России с развитыми странами мира, существует реальная угроза сохранения санкционного экономического и политического давления на страну в течение достаточно продолжительного времени. Высока также вероятность искусственного поддержания режима геополитической нестабильности на многих границах России. (Применительно к данному вызову, который имеет человеческое, инфраструктурное, технологическое и институциональное измерения, необходим четкий расчет вариативности адекватного ответа в сугубо государственных и общественных интересах) [там же].

Четвертый вызов пространственному развитию России обусловлен ее слабой инфраструктурной обустроенностью: значительное несоответствие пространств страны и форм его современного инфраструктурного, технико-технологического обустройства может быть охарактеризовано как коммуникационный (или сетевой) разрыв. Так, даже вблизи федеральных центров высокоскоростные автомобильные (даже платные) и железнодорожные магистрали все еще остаются редкостью, как и устойчивая и гарантированная высокоскоростная широкополосная связь. Для многих удаленных от городов-центров российских территорий – зон российской периферии характерны транспортная и электронная недоступность. (Адекватный ответ на данный вызов предполагает поиск решений сразу для нескольких крупных групп проблем) [1, с. 9].

Пятый вызов пространственному развитию России носит институциональный характер, поскольку связан с чрезвычайной унификацией норм и правил пространственного обустройства страны и недостаточной проработанностью территориального блока федерального законодательства. Для России, с ее колоссальным разнообразием природных, социальных и экологических условий, важно обеспечить отражение территориальных различий в федеральном законодательстве, устанавливающем заведомо различные градации для Севера и Арктики или для староосвоенной умеренной центральной зоны, особо выделяющем проблемные территории разных типов, и т. д. (Новая формула адекватного ответа в данном случае, безусловно, необходима, поскольку именно она может выступать важнейшей предпосылкой социально-экономического выравнивания условий развития таких различных территорий Российской Федерации) [1, с. 10].

В целом же для современной реальности характерно доминирование достаточно жесткого федерального стандарта с очень незначительной «свободой маневра», с незначительными поправками на региональную специфику и местные условия. Наблюдается практически полное однообразие норм и правил, очень слабо отражающих пространственную специфику страны, как в рамках федерального законодательства, так и на региональном и муниципальном уровнях, проявляющееся в виде дублирования одних и тех же зако-

нодательных норм в десятках субъектов Российской Федерации на региональном уровне и в полном отсутствии местной специфики в законодательстве муниципального уровня. Чрезмерная унификация российского законодательства в сфере пространственного развития тормозит институциональные инициативы «снизу», с уровня местных сообществ, лишая местные власти и бизнес стимулов к творческому, инновационному поиску новых оптимальных и точно подобранных именно для местных условий норм и правил. Результатом становится усугубление разрыва между российскими городами-центрами и периферией, постоянное воспроизводство стагнации на отставших и депрессивных территориях России [1, с. 10].

Своевременное блокирование вышеперечисленных опасных вызовов для государства и общества Российской Федерации должно предполагать создание новых, более благоприятных условий для комплексного развития российского федерализма путем точного учета региональной специфики в нормативных правовых актах федерального уровня, всемерного поощрения законотворческого поиска в сфере пространственного развития региональных органов власти и органов местного самоуправления, стимулирования распространения апробированных институциональных новшеств и передовых практик, нацеленных на саморазвитие территорий, от одних регионов и муниципальных образований к другим [там же].

Стратегия пространственного развития России должна максимально учитывать всевозможные инновации применительно к безопасности личности, общества, государства [2, с. 15].

Следует обратить внимание и российских государственных структур, и общественных институтов на то, что важнейшим фактором, влияющим на мировую политику, является глобализация, которую целесообразно оценивать по-новому с учетом насущных потребностей безопасности в целом, а личностной и лингвистической в особенности [3, с. 7].

На федеральном уровне все, что связано с языковой политикой и лингвистической безопасностью, целесообразно привести к общему смысловому знаменателю. В Конституции РФ целесообразно четко обозначить концептуальное положение о русском народе как основном носителе традиций государственности [4, введ.].

Проекты, направленные на усиление лингвистической безопасности российских граждан, в общем контексте стратегии пространственного развития государства целесообразно подчинить общей концептуальной цели, которая является лингвокультурным единением всех народов России. При этом русскому языку, литературе, искусству, истории целесообразно утвердить закономерности во всех смыслах. Приоритет и корреляция конкретных практических усилий власти и общества в России применительно к личностной безопасности граждан не только возможны, но и необходимы. Соответствующим образом целесообразно развивать всевозможные программы русско-

го языка и литературы повсеместно (и внутри страны, и за рубежом) [4, введ.].

Целесообразно на любом уровне власти в России адекватно оценивать новое качество глобализации, которое состоит не только в том, что повышается уровень взаимозависимости и взаимной уязвимости государств [5, с. 44]. Фактически глобализация ограничивает возможности правительств отдельных стран для суверенного формирования своих обществ и самостоятельного решения проблем, затрагивающих национальные территории. В результате наряду с глобализацией в области экономики возникает новая глобальная система политических отношений. Она является всеобъемлющей системой, состоящей из множества взаимосвязанных подсистем. При этом взаимосвязанная глобальная система просто не может позволить сбоя в какой-либо из составляющей ее подсистем [5, с. 44]. Что остается правительству России? Реализовывать стратегию пространственного развития, укрепляя единство страны. Гармонизировать международные отношения. Действовать в национальных интересах своего народа, обеспечивать безопасность граждан, утвердить лингвокультурную оригинальность на всех уровнях общества и государства на практике.

Литература

1. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М.: Минэкономразвития РФ, 2016. С. 1–10.
2. Безопасность личности, общества, государства: моногр. в 2 т. / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. Н. Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ, 2008. 608 с.
3. Ефимов, В. Глобальное управление и человек. Как выйти из матрицы. СПб.: ИГ «Весь», 2014. 608 с.
4. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».
5. Балувев, Д.Г. Личная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение: Автореф. дис. ... д-ра полит. н. Н. Новгород: ННГУ, 2014.

УДК 811.161.1'272

ББК 81

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ И ВОЗМОЖНОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ «РУССКОГО МИРА» В КОНКРЕТНЫХ УСЛОВИЯХ ОБЩЕПЛАНЕТАРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О.А. Колобов, О.О. Хохлышева

Аннотация. С учетом фактора, распространяющегося по всей планете управляемого хаоса, особо значимой проблемой, настоятельно требующей качественного решения, является лингвистическая безопасность народов «русского мира». Именно данное обстоятельство приводит к стратегическому осмыслению базовых концептов лингвистической безопасности для того, чтобы культурная и социально-политическая жизнь всех простых людей, составляющих современный русский мировой порядок, получила наконец-то принципиально новое системное измерение в интересах всего чело-

вечества. Безопасность граждан, таким образом, станет главнейшим фактором нового качества жизни стран и народов, даже в условиях общепланетарного управляемого хаоса.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, «русский мир», «русский мировой порядок», «управляемый хаос», концептуальное определение нового качества личностной безопасности граждан, глобальная неопределенность, люди доброй воли.

**CHAOTIC GOVERNANCE IN THE GLOBAL DIMENSION
AND THE REAL POSSIBILITIES OF THE STRENGTHENING
OF THE LINGUISTIC SECURITY OF THE POPULATION
OF THE “RUSSIAN WORLD” IN THE CONCRETE
CONTEMPORARY CONDITION OF THE ALL-PLANET UNCERTAINTY**

O. Kolobov, O. Khokhlysheva

Summary. *The problems of Linguistic Security in the conditions of the ruling chaos on a global uncertainly continue to be crucial for all people of the world but for the citizens of “Russian world”, “Russian world order” especially. All depends for the states and society’s attempts taking care about new dimension of the all planet uncertainly. The Linguistic Security must be the real factor of the quality’s improvement of the living conditions of all peoples of the good will on our planet.*

Key words: *linguistic security, “Russian world”, “Russian world order”, ruling chaos, conceptual dimension of the overall security of citizens in the conditions of the global uncertainty, the people of the good will.*

Фундаментальные изменения в современном мире с учетом фактора лингвистической безопасности постоянно требуют когнитивного измерения различных обстоятельств, связанных с ростом по экспоненте научных знаний, включающих информационные и коммуникационные технологии, что ведет к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, т. к. последние не способны своими силами создать необходимую инфраструктуру защиты жизненных интересов народа; глубинными изменениями в процессе миграции реальные силы, которые уже привели к формированию того глобального антропотока, способны усугубить общее положение дел на планете; феноменом глобализации и интернационализации, обостряющих решение проблем национальной культуры и языковой самобытности [1, с. 52].

Не случайно именно в связи с данным важным обстоятельством особое значение приобретает образование, причем то, которое направлено на утверждение оптимальной модели качественного взаимодействия различных национальных культур. В связи с этим для правильного понимания смысла всех происходящих на земном шаре этнокультурных процессов необходима всесторонняя оценка теории и практики управляемого хаоса с непременным расчетом всевозможных лингвокультурных норм, в особенных обстоятельствах способных консолидировать массы на путь к прогрессу и процветанию или, наоборот, привести мир к катастрофе [2, с. 21].

В мире происходят сложные процессы, которые с трудом поддаются анализу. Что они собой представляют? Может ли за хаотичным «броуновским движением» скрываться невидимый на первый взгляд порядок? Во все времена ученые искали ответ на этот вопрос.

В XX веке яркую попытку «упорядочить» хаос предприняли бельгийский физик российского происхождения Илья Пригожин и видный философ науки Изабелла Стенгерс. Позднее, основываясь на их исследованиях, свою теорию управляемого хаоса предложил американский дипломат, политолог и военный теоретик Стивен Р. Манн. Предпринятая им попытка осознать взаимоотношения государств и существующих в их границах человеческих сообществ с позиций прагматизма, видящего порядок в качестве инструмента реализации национальных и прочих интересов, получила широкий резонанс и заслуживает пристального внимания, особенно на фоне актуальной напряженности в международных отношениях [2, с. 21]. Более того, именно она характеризует концептуальную направленность всех усилий сознательных граждан и мудрых правителей различных государств мира, направленных на решение ключевых задач, связанных с лингвистической безопасностью в самых различных вариантах последней, разумеется. Основу концепции управляемого хаоса представляют работы С. Манна «Теория хаоса и стратегическое мышление» (1992) и «Реакция на хаос» (1998). Относительно определения С. Манн пишет: «Хаос – это не совсем удачное выражение для такой дисциплины. Слово вызывает ассоциации с бесформенностью и чистой случайностью, которые осложняют концептуальную задачу. «Нелинейная динамика» менее перегруженный и более описательный термин, но хаос – это широко употребляемый научный ярлык, так что мы будем применять именно это слово. Парадигма хаоса не противоречит классической парадигме. В действительности теория хаоса происходит от классической физики и математики, но она превосходит их. Классический подход описывает линейное поведение отдельных объектов; теория хаоса описывает статистические тенденции очень многих взаимодействующих объектов» [2, с. 21].

Данные стратегические констатации с акцентом на универсальной нелинейности восприятия сложной международной действительности, в т. ч. и прежде всего связанные с безопасностью граждан любого государства. Концепция управляемого хаоса, таким образом, является основополагающей для рассмотрения лицами, принимающими решения (ЛПР) исключительно в интересах своих граждан. Она крайне необходима для качественного моделирования и правильного концептуального обоснования доктрины и программ технологического обеспечения лингвистической безопасности [2, с. 22]. Последние крайне важны для реализации в любом формате и, в частности, для «русского мира», идеологическое обоснование которого в современных условиях особенно важно, а для России тем более. Именно русский мир способен быть реальным остовом противодействия управляемому хаосу на всей планете [2, с. 22].

Именно в рамках «русского мира» сегодня должна быть организована универсальная система обеспечения безопасности на лингвокультурной основе, в полном соответствии с национальными интересами государства, разумеется [там же]. Поэтому сложнейшие исторические, социально-политические,

культурные процессы прошлого, настоящего и возможного будущего настоятельно требуют правильного понимания и четкого толкования смыслов. «Внимание к феномену понимания, – справедливо отмечает В.С. Швыров, – его природе, роли, значению в научно-познавательной деятельности является одной из характерных особенностей современного этапа развития философского и методологического исследования науки» [3, с. 8]. Это чрезвычайно важно для концептуального обоснования стратегии национальной безопасности России. Собственно проблема понимания анализируется в связи с историческим сознанием, проблемой времени, процессами смыслообразования, использования символов и метафор [там же]. Ее непременно следует рассматривать в контексте перспективы реализации кардинальной тенденции современного исследования науки с учетом фактора анализа результатов последней к делам, связанным с реализацией доктрины лингвистической безопасности России сейчас и в обозримом будущем.

Человечество в целом или универсально организованный по промыслу Божьему мир всех людей, живущих на Земле, настоятельно требует ценностного измерения всех без исключения фрагментов единого целого применительно к человеческой жизнедеятельности в широком историческом континууме [3, с. 8]. «История есть там, где живут люди, – справедливо отмечает К. Ясперс, – из чисто природного человеческого существования вырастают наподобие организмов самостоятельные формы жизни, имеющие начало и конец, они ни в коей мере не взаимосвязаны, но иногда могут соприкоснуться и мешать друг другу. Шпенглер насчитывает – 8, Тойнби – 21, подобное историческое образование, основываясь на своих концепциях истории как целостности... Человечество имеет единые истоки и общую цель» [там же]. Что касается русского мира, то он универсален и целостен по природе своей. Это качество делает его хорошо защищенным теоретически и практически и действующим исключительно в интересах людей доброй воли, которая заслуживает того, чтобы быть поддержанной государством абсолютно во всех измерениях, в т. ч. и прежде всего в лингвокультурном.

Для этого сакральные смыслы происходящего должны максимально быть зафиксированы в документах, регулирующих важнейшее дело гражданской безопасности, защиты языка и культурной оригинальности всех, кто живет в русском мире. Мир, как универсальный смысловой конструкт, всегда апеллировал, апеллирует и будет апеллировать к правильно организованной и по-настоящему концептуальной власти [3, с. 8].

Само словосочетание «Русский мир» призвано объяснять суть мощнейшего цивилизационного воздействия «всего света», «всех людей», объединенных приверженностью к русскому языку и культуре на основе консенсуса тех традиционных конфессий (в первую очередь, христианства и мусульманства), ценности учений которых проецируются в широком историческом континууме на общественную и государственную жизнь многих народов планеты, оказавшихся способными контролировать громадное пространство и ут-

верждать в пределах последнего весьма своеобразный порядок, создающий реальные предпосылки удерживания козней диавольских в целях процветания человечества [3, с. 17].

Для консолидации русского мира на сугубо ценностной основе, которой необходима соответствующая национальная политика государства, сутью которой непременно должно стать укрепление русского мира и преодоление хаоса в умах и делах всего человечества [3, с. 82].

По логике своей практика управляемого хаоса непременно должна привести к появлению действительно нового порядка независимо от козней противников последнего. Этот новый порядок, разумеется, непременно должен быть русским.

Россия как великая держава, всегда контролирующая громадное пространство, занимала и продолжает занимать особое положение в глобальной системе мировых координат. Она находится не между Востоком и Западом, а над Востоком и Западом. Господь управляет ее народом напрямую, минуя правительство. Русский мир при этом настоятельно требует качественных изменений в своем развитии. Императивом российской державности должны стать: собирание русских земель, качественное решение демографических задач применительно, прежде всего, к русскому народу, повсеместное обеспечение русского присутствия на планете. В результате миссия России непременно окажется выполненной, так как действительно будет исполнена роль удерживания всех людей в противостоянии Антихристу. Задача по отражению происков глобальной толпы, настроенной радикально против русского мирового порядка и выполняющей злую волю финансово-промышленной олигархии планеты, конечно же, будет решена, а человечество непременно окажется спасенным от гибели.

Правители России в своей стратегии должны исходить из смысловых характеристик богатого русского прошлого, поддержки русского языка и культуры русских людей, способных жить в аккорде с представителями других национальностей. Именно данное обстоятельство является наиважнейшим и для власть имущих, и для народа в целом, олицетворяющего последнюю цитадель спасения человечества – русский мир.

Литература

1. Ефимов, В.А. Глобальное управление и человек. Как выйти из матрицы. СПб.: ИГ «Весь», 2014. 608 с.
2. Колобов, О.А., Хохлышева, О.О. Концепция управляемого хаоса и новый мировой порядок // Поиск-НН. № 8–9 (182–183). Август-сентябрь, 2015. С. 20–21.
3. Колобов, О.А. Трактат о русском мире и российской державности. Научное издание. Н. Новгород, 2016. 167 с.

УДК 378.4
ББК 74.58

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ
НЕПРЕРЫВНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НЛО)**

И.А. Краева

***Аннотация.** В современных условиях невозможно развитие национальной высшей школы в отрыве от мировых интегративных процессов, без учета изменяющихся потребностей мирового рынка. Интернационализация науки и образования становится важной компонентой подготовки компетентного специалиста. Созданная в МГЛУ система непрерывного лингвистического образования (далее – НЛО) позволяет выстраивать взаимодействие как с национальными, так и межнациональными целевыми аудиториями и развивается как система преемственных уровней: по вертикали и горизонтали. Для формирования общей интернациональной лингвистической среды в МГЛУ инициирована серия пилотных проектов, реализуемых в социальном и виртуальном пространстве.*

***Ключевые слова:** международные образовательные программы, академическая мобильность, международные вузовские сети, экспорт образовательных услуг и научных достижений.*

**INTERNATIONALIZATION OF SCIENCE AND EDUCATION:
VECTORS OF DEVELOPMENT IN THE SYSTEM
OF LIFELONG FOREIGN LANGUAGE LEARNING**

I. Kraeva

***Summary.** In modern conditions, it is impossible to develop a national higher school in isolation from the world integrative processes, without taking into account the changing needs of the world market. The internationalization of science and education becomes an important component of the training of a competent specialist. The system of lifelong foreign language learning created in MSLU allows to build interaction with both national and international target groups and develops as a system of successive levels: vertically and horizontally. A series of pilot projects implemented in the social and virtual space was initiated to form a common international linguistic environment in the MSLU.*

***Key words:** international education programmes, academic mobility, international university networks, export of education expertise and scientific achievements.*

В современных условиях в связи с развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшей школой встают новые задачи – подготовить профессиональные кадры, способные эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка.

Все более становится очевидным, что развитие национальных систем высшего образования невозможно вне глобальных процессов и тенденций, без учета потребностей мирового рынка труда. Решить вопросы реформирования и развития высшей школы отдельных стран уже нельзя исходя из критериев национального уровня, а лишь при условии усиления международного компонента в организации подготовки компетентного специалиста, что предусматривает интернационализацию высшего образования и науки.

В рамках отдельно взятого вуза интернационализация подразумевает повышение его конкурентоспособности, что происходит на нескольких институциональных уровнях за счет разработки совместных международных образовательных программ, повышения уровня академической мобильности студентов и преподавателей, создания региональных и международных вузовских сетей, а также усиления научной составляющей в них, совместных научных исследований в рамках международных программ, экспорта образовательных услуг и научных достижений.

Интеграция и интернационализация научных исследований реализуется посредством проведения совместных исследований, международных конференций и участия в них, публикации результатов научных исследований в зарубежных журналах, проведения научных исследований при предоставлении международных грантов.

Московский государственный лингвистический университет (далее – МГЛУ) как центр науки и культуры занимает достойное место в системе интернационализации непрерывного лингвистического образования.

За многолетнюю историю МГЛУ стал международно значимым образовательным и научно-исследовательским центром в области лингвистики и гуманитарного знания. В университете обучаются студенты не только из Москвы и различных регионов Российской Федерации. Добротное образование могут получить студенты, аспиранты, докторанты и стажеры из России, зарубежных стран, государств СНГ и ШОС. Обучающимся предлагаются различные инновационные основные образовательные программы бакалавриата, магистратуры и специалитета. В 2018 г. обучение ведется на 39 иностранных языках – основных европейских, в т. ч. скандинавских, восточных и языках стран Содружества независимых государств и Грузии.

На протяжении многих лет в вузе успешно реализуется выстроенная и апробированная концепция непрерывного образования, создана институциональная цепочка: «центр довузовской подготовки – предуниверситарий – университет – институты повышения квалификации», которая в полной мере обеспечивает устойчивое существование университета в сфере гуманитарного знания и лингвистического образования.

Институциональная цепочка позволяет выстраивать взаимодействие с различными целевыми аудиториями как национальными, так и интернациональными: 1) школьниками г. Москвы и других субъектов РФ, школ-партнеров из зарубежных стран; 2) родительской общественностью (информационные дни, видеоконференции в режиме онлайн, подготовка и проведение ВсОШ, Евразийской лингвистической олимпиады и др.); 3) учителями и методистами, работающими в системе школьного образования России и зарубежных стран; 4) преподавателями вузов различных субъектов РФ, зарубежных вузов-партнеров; 5) студентами гуманитарных вузов РФ, стран СНГ и ШОС, других стран; 6) заинтересованными лицами.

Концепция непрерывного образования в МГЛУ:

формирование общей интернациональной лингвистической среды

В рамках концепции непрерывного интернационального лингвистического образования МГЛУ в 2016 г. стартовала серия пилотных проектов, реализуемых в социальном и виртуальном пространстве. Остановимся ниже на них.

Занимательная наука. Выбранный формат – это портретное интервью, виртуальное знакомство с ведущими учеными МГЛУ, рассказывающими о своих Учителях, научных направлениях, совместных международных проектах, о том, как грамотно написать научную работу, подготовить доклад и ответить на сложные, нередко каверзные, вопросы аудитории. Цель проекта теоретико-практическая: с одной стороны, показать весь спектр научных направлений, который представлен в нашем вузе, и, с другой стороны, познакомиться с научными достижениями университета в области лингвистического образования в контексте интернационализации гуманитарного знания (см. <http://www.linguanet.ru/science/%20zanimatelnaya-nauka/>).

Автор-сессия (<http://www.linguanet.ru/science/informatsionno-bibliotechnyy-tsentr/avtor-sessii/>).

Виртуальные выставки (<http://www.linguanet.ru/science/informatsionno-bibliotechnyy-tsentr/virtualnye-vystavki/>).

Молодой профессионал. В учебном телевизионном центре МГЛУ с использованием профессионального оборудования сняты видеосюжеты по творчеству Шекспира в год празднования юбилея великого драматурга: отрывки подготовленной монологической и диалогической речи из драматических произведений, сонеты, научно-исследовательские студенческие доклады-презентации (*Iambic Pentameter, Original Pronunciation of Shakespeare, Sonnet 116 read in OP, etc.*), серия интервью спонтанной речи *What do you know about Shakespeare?* с участием студентов МГЛУ и иностранных студентов г. Гранада (Испания), авторский студенческий перевод с русского языка на английский стихотворения «1616-1949» С.Я. Маршака (см.: <http://www.linguanet.ru/science/studencheskaya-nauka/molodoy-professional/>).

Всероссийская олимпиада школьников по «новым» языкам (китайскому, испанскому и итальянскому) (см.: <http://www.linguanet.ru/science/vserossiyskaya-olimpiada-shkolnikov/>).

Конкурс «Экологическая безопасность языков и культур: Создаём вместе единую лингвистическую среду!», объявленный МГЛУ при поддержке Общественного совета Департамента образования г. Москвы (условия конкурса опубликованы на официальном сайте ФГБОУ ВО МГЛУ: http://www.linguanet.ru/science/studencheskaya-nauka/?ELEMENT_ID=1586).

Помимо этих проектов можно говорить о том, что в МГЛУ сложилась уникальная система непрерывного лингвистического образования, которая характеризуется вариативностью условий изучения языков на разных образо-

вательных уровнях – от дошкольного до послевузовского, дистанционного (полного или смешанного) изучения иностранных языков.

Отечественная система основного и дополнительного лингвистического образования развивается как система преемственных уровней: (по вертикали) – дошкольное – школьное – вузовское – послевузовское и внутри каждого уровня (по горизонтали) – за счет вариативных форм организации изучения языка.

Вариативность условий изучения иностранного языка обеспечивает обучающимся возможность выбора образовательного контекста, удовлетворения индивидуальных потребностей, построения индивидуальной образовательной траектории в области изучения языков и культур.

Дальнейшее развитие системы предусматривает расширение языкового образовательного поля, спектра изучаемых языков, направленность на полилингвальное и поликультурное образование во всех звеньях системы [1]. Расширение поля языкового образования обеспечивается в условиях современной образовательной среды за счет автономного изучения языков.

В качестве факторов устойчивого развития системы лингвистического образования выступают ее отличительные черты:

- целостность и преемственность,
- непрерывность,
- ориентация на личность обучающегося как приоритетного субъекта образовательной деятельности,
- компетентностный подход к формированию многоязычной и поликультурной личности.

Целостность системы лингвистического образования, ее открытость обеспечиваются прежде всего единством ориентации на обучение межкультурному общению во всех его сферах, включенностью национальной системы в мировой образовательный контекст. Лингвистическое образование как основа межкультурной коммуникации преследует цель формирования межкультурной коммуникативной компетенции в различных сферах деятельности и профессионального общения на основе системного подхода к обучению иностранным языкам и иноязычным культурам. Преемственность отдельных звеньев системы лингвистического образования основывается на единых сопряженных образовательных стандартах различных ступеней – довузовской, вузовской и послевузовской.

Непрерывным, как известно, является образование, всеохватывающее по полноте, индивидуализированное по времени, темпам и направленности, предоставляющее каждому возможность реализации собственной программы его получения. В соответствии с концепцией непрерывного образования ее центральной идеей является категория постоянного развития человека как субъекта деятельности и социума на всем протяжении его жизни.

Системообразующим фактором непрерывного образования является категория субъектности и осознанная потребность в постоянном развитии

личности каждого человека, его самореализации и выборе образовательной стратегии. Следует подчеркнуть, что в основе концепции непрерывного образования не «конечность» образовательного результата, а способность личности к самореализации и саморазвитию.

Проводимые опросы и исследования показывают все возрастающую популярность непрерывного образования. Мы полагаем, что интерес обусловлен, прежде всего, требованиями межкультурного взаимодействия, обеспечить которые может ряд ключевых параметров непрерывного образования: интенсивность и естественность обучения, профессионализация, реализуемая через иностранный язык; научность, достигаемая в процессе обмена опытом во время научно-практических конференций, семинаров, совещаний, обсуждения учебных планов и программ; мотивированность, реализуемая в результате кропотливой работы с обучающимися и профессорско-преподавательским составом вузов, благодаря тому обстоятельству, что «знакомый учащимся языковой материал оценивается как новая ступень в изучении языка, а не как повторение и тренировка известного, что само по себе важно, т. к. повышает заинтересованность и усиливает мотивацию обучения»; популярность, обеспечиваемая внедрением эколого-социального подхода [2]² в образовательное пространство; коммуникативность, обеспечиваемая постоянным контактом обучающихся с носителями языка, погруженностью в различные ситуации и условия межкультурного общения; вариативность, достигаемая за счет возможности расширения и программы включенного обучения дополнительными курсами, представляющими интерес для обучающихся иностранному языку.

Таким образом, очевидна необходимость развития межвузовского и международного сетевого сотрудничества, сопровождающегося расширением спектра предоставляемых образовательных услуг, как в процессе реализации контактного (межличностного), так и дистанционного (компьютерно-опосредованного) обучения в рамках НЛО.

Литература

1. Коряковцева, Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. завед. М.: Изд. Центр «Академия», 2010. 192 с.
2. Научно-методические основы формирования инновационной системы языковой подготовки в неязыковом вузе // Вестник МГЛУ. Вып. 12 (698). Сер.: Педагогические науки. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 28.

² Под эколого-социальным подходом мы понимаем формирование социально-культурной среды, обеспечивающей равные возможности и ответственность за практические действия для различных национально-языковых сообществ, через освоение лингвистического пространства [2, с. 28].

УДК 81 : 1 (470)

ББК 81

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И СМЫСЛА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

О.Л. Краева

Аннотация. В статье рассмотрены методологические подходы к изучению языка и смысла, сложившиеся в русской философии. Осуществлено сравнение их с основными подходами, свойственными западной философской мысли. Определены преимущества в изучении языка и смысла, характерные для отечественной философии и науки, их соответствие современному типу научной рациональности. Выявлено научное значение концептуального анализа языка русскими мыслителями для изучения и решения проблем языка в условиях информационного общества.

Ключевые слова: смыслодержание и смыслообразование языка и текста, понимание, философия языка, философско-антропологический подход, диалектический подход, нелинейный подход, полиморфизм языка, поливариантность объяснения, смысловая природа личности, языковая личность.

THE STUDY OF LANGUAGE AND MEANING IN RUSSIAN PHILOSOPHY

O.L. Kraeva

Summary. The article deals with the methodological approaches to the study of language and meaning that have developed in Russian philosophy. Their comparison with the basic approaches peculiar to the Western philosophical thought is carried out. The advantages in the study of language and sense, characteristic of the national philosophy and science, their compliance with the modern type of scientific rationality. The scientific significance of the conceptual analysis of the language by Russian thinkers for the study and solution of language problems in the information society is revealed.

Key words: meaning-making of language and text understanding, philosophy of language, philosophical-anthropological approach, dialectical approach, nonlinear approach, a polymorphism of the language, the multivariate explanation of the semantic nature of the individual, linguistic personality.

Обращение к вопросам изучения языка и смысла в русской философии имеет для условий информационного общества особое значение. Информационная эпоха наполняет человеческое общество новыми типами коммуникаций, информационных технологий, которые оказывают влияние на существующие естественные языки и на появление новых языков. Тексты и их смыслодержание, которыми наполнена современная информационно-коммуникативная реальность, актуализируют языковую и смысловую природу человека, а вместе с этим – и философские проблемы понимания и полиморфизма языка. Русская философия, отличающаяся богатой традицией в изучении языка и смысла, способна ответить на многие из этих вопросов и открыть новые пути изучения языка, значимые для современных его особенностей, связанных с информационной эпохой.

Прежде всего следует отметить, что русская философская мысль в рассмотрении вопросов языка, текста, их смыслодержания отличается своим подходом и его концептуальными особенностями. Свою философию языка

русские мыслители основывают на философско-антропологическом подходе, открывая в языке, речи, тексте, полиморфизме языка их антропологическую укорененность и связанность с особенностями человеческой личности. При этом просматривается амбивалентность философии языка и философской антропологии, когда концептуальные подходы к проблемам языка и смысла служат открытию новых направлений философско-антропологических исследований.

Благодаря глубинной связанности языка и личности именно через язык и его полиморфизм мир органично воспринимается человеком, входит в пространство его сознания, становится достоянием всей его личности, поэтому и в изучении человека на первый план начинает выступать его языковая и смысловая природа. Такой подход активизирует и развитие философской антропологии, и философии языка, и их интегрирующие возможности относительно наук о языке, что в связи с особенностями современных коммуникаций многократно усиливает интерес к наследию прошлого в русской философской мысли, чтобы опереться на имеющиеся здесь концептуальные традиции в изучении языка.

Вышеизложенное объясняет, почему внимание многих русских мыслителей привлечено к проблеме понимания. Значительный вклад в изучение этого вопроса внесли В.В. Розанов, Ф.М. Достоевский, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, С.П. Макарычев.

Особенно современно звучит проблема понимания у В.В. Розанова. Высказанные им мысли оцениваются как актуальные для постнеклассического, т. е. современного и перспективного в будущем типа философствования. В своей работе 1886 г. «О понимании» он рассматривает различия между знанием и пониманием, их связь с природой человека, т. е. проводит антропологическую точку зрения.

В.В. Розанов, проводя границу между знанием и пониманием, открывает те стороны научного познания (ему посвящена работа), которые связаны с особенностями познающего субъекта и природой человека, что в свою очередь открывает путь для изучения нелинейных процессов в научном познании, связанных с проблемой понимания. Тем самым с пониманием в науке связана поливариантность объяснения явлений действительности, научных фактов. С нею в свою очередь связаны интерпретация и использование герменевтических методов в науке, вопрос о плюрализме истины и т. п. тенденции современной науки. Она сродни многозначности языка и тем интересна для проблемы языка и смысла [1].

Таким образом, опыт русской философии в данной области примечателен тем, что она развивает подходы к пониманию языка и смысла, которые актуальны и современны для науки сегодняшнего дня и отвечают принципам научной картины мира.

Постнеклассической рациональности и принципу самоорганизации в современной научной картине мира соответствует и идея В.В. Розанова о том,

что понимание имеет открытый характер. Оно открыто для введения новых объясняющих и пополняющих знаний, а замкнутый характер приобретает только тогда, когда становится совершенным. Здесь В.В. Розанов, по сути дела, раскрывает устроенность, организацию понимания, которая проявляет себя как самоорганизация.

Этот подход имеет свои аналоги в решении русскими философами проблемы языка и смысла, в частности в решении вопроса «организации» смысла. Примечательна в этом отношении точка зрения Г.Г. Шпета. Он видит бытие слова в постоянном выходе за его пределы и тем самым открытости. По его мнению, смыслообразование даже для отдельного слова происходит на основе синтеза, связи «по смыслу», которое осуществляется в предложении, фразе, высказывании. Большое значение он придает диалектике синсемантики и автосемантики, т. е., по сути, диалектике слова как открытой системы [2]. В результате слово предстает в единстве и противоположности своего собственного значения и значения, которое оно приобретает в определенном контексте. Тем самым онтология слова предстает как нелинейная, а построение смысла – как самоорганизация. Это открывает широкие возможности изучения «организации» смысла с точки зрения системности и динамики, что дает наиболее полную картину бытия языка, смысла, и на этой основе – понимания. Таким образом, так же как в решении проблемы понимания раскрываются многие стороны проблемы языка и смысла, так и решение проблемы языка и смысла раскрывает глубины понимания. И, как следует из вышеизложенного, многое дает в этом плане нелинейный подход и принцип самоорганизации, находящиеся на вооружении у современной науки. Свое применение они находили у русских мыслителей еще в прошлом.

Обозначенные идеи и подходы в отношении языка и смысла развиты отечественной философией XX в. В частности, концепция языка отечественного ученого В.В. Налимова и его вероятностная модель языка строится на нелинейном подходе к языку и смыслу. Он исходит из того, что существует единый материально-семантический универсум, в который включен и в котором живет человек. Он наполнен смыслами, пронизывает жизнь человека, потенциален, и актуализируется человеком, который распаковывает смыслы, переводит их из потенциального состояния в актуальное. Такова концептуальная основа его вероятностной модели языка, соединяющей философский и языковедческий подходы к проблеме языка и смысла. В ней он утверждает полиморфизм (множественность смыслов) языка и связанную с этим его нелинейность: знак всегда имеет поле смыслов, а не один какой-то смысл. Особенно активизируется нелинейность в общении людей, обмене смыслами. Соответственно, в его учении находят свое развитие представления о смысловой природе личности, и они соотношены с вероятностным, нелинейным подходами, которые он использует в понимании языка и смысла. Он рассматривает личность в ее изменчивости, многомерности, динамике, в ее открыто-

сти миру. Личность выступает генератором и преобразователем смыслов, совершает действия, порожденные смыслами [3].

Для В.В. Налимова и личность, и мир текстуальны: мир – это множество текстов, человек – это текст, способный сам себя интерпретировать.

Таким образом, язык и смысл – центральные и системообразующие категории всей философской концепции В.В. Налимова. На фоне того, что он занимался вероятностными моделями и для других наук, становится очевидным то, какое значение он придавал проблеме языка и смысла, ставя ее в центр своей философии. Решение этой проблемы в духе новых научных подходов и парадигм вполне естественно для XX столетия, где они уже были намечены. Но вместе с тем, как мы видели, русская философия предыдущего столетия сумела их предвосхитить, и, будучи представлены в философии В.В. Налимова в наиболее концентрированном и всеохватывающем виде, они являются продолжением традиций русской философии.

В связи с отмеченными нами новыми подходами в рассмотрении языка и смысла следует обратить внимание на ту параллель, которая существует между учением В.В. Налимова о смысловой природе личности и учением о языковой личности, которое нашло развитие как в отечественной, так и в западной философии XX века. В отечественной философии понятие языковой личности мы встречаем в работах Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, А.Н. Портнова. Развивая учение о языковой личности, они тем самым углубляют представление о ее смысловой природе, которое имеет место в русской философии.

Поиски отечественной философии в области изучения связи языка, смысла и человеческой природы находятся вполне в русле тех исследований, которые осуществляют западные мыслители, и даже предвосхищают некоторые из них. Однако, не отрицая ее заслуг и влияния, русские философы все же отмечают довольно существенные отличительные особенности, которые имеются в их подходе к решению проблем философии языка. В частности, в предисловии к своей работе «Философия имени» А.Ф. Лосев, сумевший раскрыть в своих трудах специфику русской философии, пишет о том большом значении, которое имеют для развития философии языка феноменологическое учение Гуссерля и его школы, учение Кассирера «о символических формах». Вместе с тем, отстаивая и применяя диалектический подход и метод в философском анализе имени (языка), он отмечает и его принципиальные отличия, свойственные и русским мыслителям, о которых говорилось выше.

Учение А.Ф. Лосева продолжает и развивает традиционные подходы отечественных мыслителей, помогая осмыслить те черты, которые свойственны методологии русских мыслителей в области исследования языка и смысла. Опираясь, как уже было сказано, на диалектику, А.Ф. Лосев проводит водораздел между нею и другими подходами к изучению языка, открывая в диалектике возможности именно смыслового объяснения. Он видит в диалектике способность «объяснить смысл во всех его смысловых же связях, во

всей его смысловой, структурной взаимосвязанности и самопорождаемости» [4, с. 13] и обосновывает использование диалектики в изучении языка и смысла ее универсальными методологическими возможностями. Например, именно диалектика, считает он, раскрывает единство и противоположность единого и многого, осуществляя их диалектический синтез в «целом». Сопоставив этот тезис с изложенными выше взглядами отечественных мыслителей на полиморфизм языка, легко увидеть применимость диалектики для объяснения этого явления.

А.Ф. Лосев считает диалектический подход в изучении языка и смысла более предпочтительным в связи с его большей реалистичностью по сравнению, например, с феноменологическим подходом. Реализм диалектики наряду с другими достоинствами данного подхода, о которых пишет А.Ф. Лосев в своей книге, проявляет себя в анализе языка и смысла русскими философами.

Таким образом, русской философии языка свойственны существенные особенности, отличающие ее от западной философии и вместе с тем созвучные новейшим тенденциям современной науки. В соответствии с этим методологические основы изучения языка и смысла, разработанные и используемые русской философской мыслью, не просто остаются актуальными и значимыми для науки, но и обретают новую перспективу.

Литература

1. Розанов, В.В. О понимании. СПб.: Наука, 1994. 541 с.
2. Шпет, Г.Г. Язык и смысл // Шпет Г.Г. Внутренняя теория слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. Иваново: ИвГУ, 1999. 304 с.
3. Золотухина-Аболина, Е.В. В.В. Налимов. М.–Ростов н/Д.: ИЦ «МарТ», 2005. 128 с. (Философы XX века. Отечественная философия).
4. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений. Философия имени. М.: Правда, 1990. 656 с.

УДК 351/354

ББК 81.2Рус

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ «ВЫЗОВЫ»

И.М. Кувакова

Аннотация. Государственная языковая политика, включающая лингвистическую безопасность, как в едином глобальном мире информационно-цифровых технологий, так и в России представляет собой самоорганизующийся феномен – мультисоциомедийный интерфейс.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, государственная языковая политика, самоорганизация, современные «вызовы», управление, контроль, государственная власть.

STATE LANGUAGE POLICY, LINGUISTIC SECURITY AND MODERN “CHALLENGES”

I. Kuvakova

Summary. The state language policy, including linguistic security, both in the single global world of information-digital technologies and in Russia, is a self-organizing phenomenon – a multisociomedical interface.

Key words: linguistic security, state language policy, self-organization, modern «challenges», management, control, government.

Цивилизационное самодвижение – поступательное, согласующееся с законами развития мира «идей и вещей», «всеобщего блага» (Платон), непрерывное и «восходящее» (в главном) «движение вперед» – испытывает недостаток самоорганизующихся начал и остро нуждается в объединяющих, а не конфронтирующих идеалах, конструктах-«скрепах», именно по причинам этно-национального разнообразия, многослойности. Мировоззренческие (идеальные, идейные, идеологические, пр.) образцы, смыслоценностные, социокультурные ориентиры, национальное самоосознание и институциональные эталоны «со-бытия» (общность, язык, мораль, культура, пр.), включая приоритеты духовно-интеллектуального, принципы гуманистического и примеры созидательного мышления, требуют защиты этнической самобытности, соблюдения как личных, так и общих, коллективных прав, свобод и безопасности, в т. ч. лингвистической. Здесь же многообразие вариантов добрососедско-уважительных, дружеских, миролюбивых, союзнических, партнерских отношений или иных, противоположных примеров поведения и решений, мешающих международному сотрудничеству, замедляющих самодвижение и развитие мировой цивилизации. Так, при оценивании последнего укажем только на три, определяющих сущность замедления, проблемы: с одной стороны, налицо нарушение общих (природных) законов непрерывного и направленного (эволюционного, в русле расширяющейся спирали) развития по пути «восходящих» перемен; с другой – наличие в языке и речи явлений, порождающих процессы дисбаланса и оцениваемых как нарушения (искажения фактов, ложные сведения, клевета, провокация, грубые выражения при широкой свободе мнений и выбора средств словоизложения); с третьей – поиск комплекса мер противодействия пропаганде национальной исключительности, расового превосходства, «языку вражды», любого рода социокультурному противостоянию, конфликту; поддержки гражданского и национального самоосознания, защиты чести и достоинства, выбора и изучения языка, государственной политики, лингвистической безопасности и т. д.

Государственная языковая политика, включающая лингвистическую безопасность, как в едином глобальном мире информационно-цифровых технологий, так и в России, на всем постсоветском пространстве, представляет собой самоорганизующийся феномен – мультисоциомедийный интерфейс.

Указанное подразумевает исследование многообразия тематических скринингов (от англ. *Screening*) и скриншотов (от англ. *screenshot*, букв. «снимок экрана») – от образного ряда, мифов, обрядов, верований и обычаев, этически и эстетически оправданных, художественных, литературных, кино-, СМИ и интернет-форм коммуникации, искусств и противодействия наруши-

телям цивилизованных «церемоний» до укоренения эталонных принципов общения, образцов и правил делового взаимодействия, предприимчивого, взаимовыгодного и равного партнерства, целей и приоритетов долгосрочного решения важных вопросов, касающихся границ дозволенного и практик изучения языка.

3 августа 2018 г. президент РФ Владимир Путин подписал закон об изучении родных языков [1], что стало закономерным продолжением курса на укрепление многонационального единства, российской государственности, развитие прав и свобод человека. Об этой последовательной политике свидетельствуют послания и выступления всех без исключения президентов новой России. Так, в речи В.В. Путина на съезде Общества русской словесности (26.05.2016) подчеркнуто, что «роль русского языка в такой многоликой, многонациональной, красивой стране, как Россия», состоит «...еще и в том, чтобы создавать единую российскую нацию... Сбережение русского языка, литературы и нашей культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире» [2].

Представляется целесообразным выделить главные цели государственной языковой политики и лингвистической безопасности, принципиальные моменты концептуализации основных направлений, декларируемых в общенациональных приоритетах на высшем уровне политического руководства страны. «В современную эпоху, характеризующуюся целым рядом противоречивых трансформаций глобального масштаба, которые несут угрозу безопасному существованию стран и народов, подрывают глубинные основания национальной идентичности, провоцируют этнополитические столкновения и т. д. особое внимание уделяется проблемам сохранения и развития русского языка – государственного языка нашей страны» [2].

К главным программам и целям российской языковой политики и лингвистической безопасности по праву относятся:

- нацпроекты по сбережению и развитию национальной и гражданской идентичности, этнокультурной самобытности;
- программы и мероприятия по обучению родному языку народов территорий России и на постсоветском пространстве;
- меры по сохранению, укреплению и развитию государственного языка – фундамента общероссийского согласия и мира;
- передача поколениям духовного и культурного наследия России (русский язык, история, литература, языки народов Российской Федерации) и достижений всех гуманитарных областей;
- укрепление авторитета России в вопросах национальной преемственности, ее этнического, культурного разнообразия и сложного национально-государственного устройства в социокультурном, социолингвистическом и глобальном пространствах;
- применение общих подходов, решений и достижения целей в научной, образовательной, социально-экономической, информационно-

управленческой, миграционной и иных сферах;

- выработка единства приоритетов, принципов и целей языковой политики в регионах РФ, правил защиты, развития, изучения и обучения языку, контроля и лингвистической безопасности;

- обеспечение гражданского единства, укрепления государственности, суверенитета и целостности России с целью гармонизации межнациональных отношений, международных связей;

- продвижение духовных и культурных преимуществ, политических и экономических интересов регионов и России в мире;

- разработка национальной доктрины «Русского языка...», принципов равноправного участия в диалоге мировых культур и цивилизаций.

Выделим в дополнение к сказанному концептуальные моменты и основные направления государственной языковой политики.

Впервые в новой России проблематика, затрагивающая сферы государственной политики и русского языка, обозначена в послании Федеральному собранию 1994 г. президента РФ Б.Н. Ельцина. Остро стоявший «русский вопрос» был «напрямую» связан с «сохранением и укреплением федеративного государства» и «национальным самочувствием русских», ведь в России русских – 83 % населения». И хотя им «не угрожают ассимиляция, забвение родного языка, утрата национальной самобытности... нельзя отрицать наличия... проблем, с которыми сталкиваются русские... в некоторых республиках Федерации и районах, граничащих с зонами межнациональных конфликтов», где должны применяться «основные принципы демократической национальной политики: национальный паритет с другими народами на территории всех субъектов Федерации, в частности равенство в использовании родного языка в официальных отношениях, общественной и культурной жизни» [3].

Российская политика и приоритеты общего курса на созидание, социальное и культурное развитие, на достижение мира и добрососедского международного сотрудничества в логике цивилизованного демонстрируют приверженность теме государственной поддержки русского языка [4]. Неоднократно (с 2000 г.) к вопросам государственной языковой политики и лингвистической безопасности обращался президент России В.В. Путин [5].

Среди важнейших объектов обеспечения информационной безопасности в сферах духовно-интеллектуальной и общественной жизни России в Доктрине информационной безопасности РФ (подписана президентом 09.09.2000 г.) выделены «русский язык как фактор духовного единения народов многонациональной России, язык межгосударственного общения народов государств-участников Содружества Независимых Государств; языки, нравственные ценности и культурное наследие народов и народностей Российской Федерации» [6]. В послании 2010 г. В.В. Путина среди задач по реализации эффективной государственной языковой политики особый акцент сделан на информационно-телекоммуникационных средствах и технологиях, на «цифровом доступе» и расширении «пакета» обязательных телеканалов «в боль-

шинстве приграничных регионов»; на строительстве «государственной сети цифрового телевидения»: «...мы научили всемирную сеть русскому языку» [7]. В 2012 г. принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [8] и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. 13.06.2012 г.); в 2015 г. – Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [1].

В России проживают представители 193-х национальностей. Они говорят на почти 300 языках и диалектах [9]; в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 в качестве языка обучения, 59 – предмета изучения. «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ» [10]; на русском говорят более 96 % граждан [11]. «Этот многонациональный мир – уникальное преимущество России» [12]. «Такого уровня защиты этнокультурных прав граждан, я могу смело это сказать, – говорит президент России В. Путин, – наверно, нет ни в одной европейской стране...» [13].

Разумеется, есть и продолжение этих объективно необходимых для нашей страны и мирового сообщества инициатив, свидетельствующих, например, о необходимости соблюдения признанных и принятии новых международных стандартов в области прав человека и национальных меньшинств. Так, по инициативе России в СНГ принята Декларация о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод, учреждена Комиссия по правам человека, одобрены ее статус и целый ряд основополагающих принципов. Но впереди еще большая работа и подписание странами СНГ совместных конвенций и программ развития, проектов по обеспечению прав национальных религиозно-конфессиональных, культурных и языковых меньшинств.

В соответствии с новым законом об изучении родных языков (2018) федеральные государственные образовательные стандарты всех уровней (дошкольного, начального и основного общего) образования «обеспечивают возможность получения образования на родных языках, изучения государственных языков республик РФ, родных языков из числа языков народов России, в т. ч. русского языка как родного языка [14].

Принятие нового закона дает возможность школьникам самим решать, какой язык будет им родным, что позволит «гарантировать права обучающихся, у которых нет иного родного языка, кроме русского» (Глеб Кузнецов, член Общественной палаты РФ, председатель экспертного совета экспертного института социальных исследований – ЭИСИ). В России статус «государственных» имеют 36 языков и, наряду с этим, «во всех субъектах в качестве государственного определен также русский язык». Закон не исправляет ошибки государственной языковой политики последних лет, когда «система поддержки изучения и преподавания родных языков в России ухудшилась: исчез це-

лый ряд исследовательских институтов, система подготовки педагогов по языкам коренных и малочисленных народов, проблемы с учебниками и с образовательными стандартами». При этом, новый закон «не предполагал и не предполагает перевод государственных языков национальных республик из обязательной школьной программы в факультативную» (Вячеслав Никонов, председатель комитета ГД РФ по науке и образованию).

В начале марта 2018 г. в беседе о «цифровизации экономики» (с министром информации и коммуникаций Казахстана Дауреном Абаевым) президент Казахстана Нурсултан Назарбаев заявил о том, что на повестке дня стоит вопрос расширения сферы применения казахского языка: «Процесс перехода на латиницу является исторически важным для нашего народа. Вместе с тем необходимо продолжить работу по повышению статуса казахского языка. Деятельность парламента и правительства должна осуществляться только на государственном языке. В то же время нельзя ущемлять права граждан в этом вопросе. Для этого есть возможности синхронного перевода». Уже на утро новое заседание правительства прошло на казахском языке [15]. После заявления Н. Назарбаева казахстанский телеканал (КТК) показал сюжет о том, что в стране «бум записи на курсы государственного языка, по 500 человек в день (среди них и министры)», как пишет «Новая газета», обращая внимание общественности и предлагая скорую, ироничную реакцию [16].

Среди «вызовов» государственной языковой политики и лингвистической безопасности укажем на недостаточный конституционный статус государственного языка и языков народов России – в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с русским языком «официально употребляется» национальный язык; неизбежный и необходимо быстрый «переход на латиницу», связанный с технологиями «цифровизации» в сочетании с возможностями региональных политик «трехъязычия» [17]; на множество моментов, когда человек «не владеет» национальным языком в совершенстве, но является «истинным патриотом», или когда в регионе – уже сложилось «абсолютное национальное большинство» (как казахов, 64 % по последней переписи 2009 г.) и они хотят разговаривать (или могут говорить только) на своем родном языке. Здесь же стоят проблемы изменения законодательства [18]; поддержки русского языка, являющегося «межнациональной скрепой»; определения пределов «достаточно нервных реакций СМИ» (как однозначных оценок «антироссийских», «антирусских» актов [19]) или границ федеральной, региональной и стран СНГ политик «языковой толерантности», если есть достаточно сфер деятельности, где можно добиться успеха, не зная государственного языка (исключение – госслужба, где в идеале приветствуется «трехъязычие»). В качестве задач эффективной государственной языковой политики необходимо рассматривать реализацию программ совершенствования механизма возвращения в страну соотечественников, проживающих за рубежом, и дистанционного образования на русском языке, международных школьных олимпиад по русскому языку, «создание центров до-

вузовской подготовки, изучения русского языка в образовательных учреждениях начального профессионального образования в странах с наиболее интенсивными миграционными потоками», организацию пунктов проведения ЕГЭ по российским стандартам, например, в странах СНГ на базе центров русского языка [20]; поддержку школ в СНГ и других государствах, которые ведут преподавание на русском языке, включая поддержку учителей, помощь с учебниками, материальной базой; взаимное признание документов о школьном образовании со всеми странами СНГ и дружескими зарубежными государствами – «качественному образованию на русском языке необходимо придать глобальный характер» [21]. Остроактуальны вопросы авторитета и распространения русского языка за пределами России, включая «... уникальный опыт, который передали нам наши предки. Россия веками развивалась как многонациональное государство... государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые ... нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире». Роль СМИ «в деле межнационального единства огромна... И поэтому язык, которым мы пользуемся, действительно имеет непреходящее значение» [22]. И далее: «... как общее достояние многих народов, русский язык никогда не станет языком ненависти или вражды, ксенофобии или национализма...». [23] Отсюда особое внимание Дню русского языка, ежегодно отмечаемому в день рождения А.С. Пушкина, концепции, нацпроектам, федеральной целевой программе «Русский язык...» и пожелание «избегать излишней латинизации нашего языка [24]. Система трудовых патентов должна быть дифференцированной и стимулировать приток в Россию прежде всего профессиональных, образованных специалистов, знающих русский язык, близких к нашей культуре» [25].

Обозначенные проблемы сохранения и развития русского языка, основные приоритеты и направления государственной языковой политики, безусловно, требуют продолжения курса реформ, пристального внимания, участия в принятии решений и контроля широкой общественности и научного сообщества в целях «гармонизации межнациональных отношений».

Литература и примечания

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. 13.06.2012 г.). URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-podderzhki-i-prodvizhenija-russkogo-jazyka/> \l "100005.

2. См. подроб.: Зязиков, М.М. Русский язык и приоритеты государственной политики РФ в языковой сфере. <https://izborsk-club.ru/author/zyazikov> (обр. 12.08.2018 г.). Зязиков Мурат Магометович, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, эксперт Изборского клуба.

3. Цит. по: Сайт «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» // Электронный ресурс. URL:http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf_old/58-poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html.

4. В посланиях президента РФ Д.А. Медведева (07.05.2008 – 07.05.2012 гг.) подчеркивалось историческое значение национальной самобытности и роль русского языка в сохранении культурно-цивилизационного единства России, конкретизировались основные направления и механизмы государственной языковой политики. Например, в

послании 2009 г. подчеркивалось, что «... мы обязаны беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии, помогать сохранению богатых национальных традиций народов России ... всемерно развивать и совершенствовать программы обучения русскому языку, который является основой межнационального общения и единства нашей страны. На одной из ... встреч с учителями им правильно замечено: «Хватит уже переставлять ударения в словах, надо заняться реальными проблемами, которых в нашей стране достаточно...» (Цит. по: Вестник Российской нации. 2009. № 5, с. 17).

5. См. подроб.: Путин, В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 2003 г. «... нужна эффективная иммиграционная политика. Выгодная для страны и удобная для людей... жителей Содружества Независимых Государств... тех, кто близок нам и с кем мы хорошо понимаем друг друга. С кем говорим на одном языке. Это люди нашей с вами общей российской культуры» (Цит. по: Сайт Президента России // Электронный ресурс. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>).

Он же: Послание Президента Федеральному Собранию 2005 г. (канун 60-летия Великой Победы): «Наш народ сражался против рабства... за право жить на своей земле... говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстаивал свое право на самостоятельное развитие. Он дал тогда нашей Родине будущее... Победа была достигнута не только силой оружия, но и силой духа всех народов, объединенных в то время в союзном государстве... И Россия, связанная с бывшими республиками СССР, а ныне независимыми государствами, единством исторической судьбы, русским языком и великой культурой, не может оставаться в стороне от общего стремления к свободе» (Цит. по: Сайт Президента России // Электронный ресурс. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>).

Он же: Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5; Он же: Послание Президента Федеральному Собранию // Вестник Российской нации. 2012. № 6; Он же: Послание Президента Федеральному Собранию // Вестник Российской нации. 2014. № 1; Он же: Обращение Президента Российской Федерации к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества // Вестник Российской нации. 2014. № 2; Он же: Послание Президента Федеральному Собранию // Вестник Российской нации. 2015. № 1; Он же: Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку // Вестник Российской нации. 2015. № 3.

Он же: Русский язык – «... естественный *духовный каркас нашей многонациональной страны*. Его знать должен каждый. Языки народов *России* – тоже ...», 20.07.2017 г. // Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9o40Dnktvwc> (обр. 12.09.2018 г.); др.

6. Цит. по: Сайт Совета Безопасности Российской Федерации // Электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>.

7. Путин В.В. «Это важно просто даже для нашей страны. Доменная зона.рф открыта и быстро набирает популярность. Я считаю, что это тоже наше достижение» (Цит. по: Вестник Российской нации. 2010. № 6. С. 16).

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2016. № 1. С. 221–253.

9. Цит. по: Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 12–13.

10. Цит. по: Вестник Российской нации. 2012. № 6. С. 253.

11. Цит. по: Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 13–14.

12. Цит. по: Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 12–18.

13. Цит. по: Вестник Российской нации. 2011. № 6. С. 17–18.
14. Цит. по: РИА Новости // Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/society/20180803/1525929962.html> (обр. 12.08.2018 г.).
15. Пару фраз на русском языке сказал лишь министр образования (Ерлан Сагадиев), за что тут же получил виртуальных «шапалаков» (с казахского – пощечина). Претензии были ко всему правительству: если никаких проблем с общением на казахском не было – чего вы ждали 26 с лишним лет? С умеренных позиций «защитника русского языка» выступила сенатор Дарига Назарбаева: «Русский язык никто не отменял, я сделала депутатский запрос на том языке, на котором мне было удобно. Мы все стараемся исполнять поручения президента. Никто ... не отменял русский язык, этого, наверное, и не будет. Нужно уважать и других жителей... нельзя перебарщивать в этих вопросах». В дополнение можно указать на то, что, с одной стороны, межнациональная политика в Казахстане вполне толерантная, в том числе и в отношении тех, кто не знает государственный язык, а с другой – на повестке дня стоит вопрос расширения сферы применения казахского языка (политолог А. Косанов).
16. Цит. по: Сайт «Новой газеты». И вырвать русский ваш язык? Назарбаев заявил, что власть в Казахстане должна разговаривать только на казахском: что из этого получилось. № 24 от 7 мар. 2018 // Электронный ресурс. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/03/05/75708-i-vyrval-russkiy-vash-yazyk> (обр. 12.09.2018 г.).
17. Как продолжение «казахского» примера: можно говорить на казахском, русском и формально на английском (Д. Абаев).
18. Например, расширить применение госязыка по типу Норвегии, где он является обязательным в определенных сферах и, помимо прочего, в сфере добычи нефти.
19. Показателен факт, что в марте 2018 г. в Интернете появилась https://www.petitions247.com/2_7, авторы которой требуют исключить из Конституции Казахстана статью о статусе русского языка, хотя «... большой популярности это предложение... пока не вызывает. Впрочем, вполне вероятно... от того, что написана петиция тоже на русском» <https://www.novayagazeta.ru/authors/67463>.
20. Цит. по: Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 15.
21. Цит. по: Вестник Российской нации. 2012. № 6. С. 17–18.
22. Цит. по: Вестник Российской нации. 2011. № 1–2. С. 11.
23. Цит. по: Сайт Президента России // Электронный ресурс. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>.
24. Цит. по: Сайт Президента России // Электронный ресурс. URL: <http://kremlin.ru/events/state-council/47324>.
25. Цит. по: Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 16.

УДК 316.77 : 004.056

ББК 81

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Е.И. Кузнецова

Аннотация. В современном глобализирующемся мире главным фактором развития всех сфер социального пространства является инновационный характер информационно-коммуникативных процессов, обусловленный развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий, что привело не только к значительному увеличению плотности информационных потоков, изменению конфигурации коммуникатив-

ных отношений, но и значительному увеличению информационных рисков. В статье предпринята попытка рассмотреть проблему языковой безопасности в контексте более широкого понятия – информационная безопасность – и выявить факторы в развитии медиасреды, которые можно рассматривать как угрозы в процессе социального познания.

Ключевые слова: информационная безопасность, социальная среда, медиатизация, информационная глобализация.

INFORMATION SECURITY OF THE SOCIAL ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

E. Kuznetsova

Summary. In today's globalizing world, the main factor in the development of all spheres of social space is the innovative nature of information and communication processes, due to the development of computer and tele-communication technologies, which has led not only to a significant increase in the density of information flows, changes in the configuration of communication relations, but also a significant increase in information risks. The article attempts to consider the problems of language security in the context of a broader concept – information security – and to identify the factors in the development of the media environment, which can be considered as a threat in the process of social cognition.

Key words: information security, social environment, communication, information, globalization.

На современном этапе развития техногенной цивилизации в предметное поле различных отраслей социогуманитарного знания входят проблемы информационной безопасности, что обусловлено стремительным ростом компьютерных технологий, средств телекоммуникации, информационных услуг, наукоемких технологий, приводящим к приоритетной роли информационной сферы в жизни общества. В то же время информатизация становится одним из конфликтогенных факторов, которые предвещают опасные последствия для развития всего человечества. Исследователями проблемы отмечается дуальный характер влияния процессов информатизации на развитие общества: ценность информации как стратегического ресурса в современном глобализирующемся мире [1], информационная агрессия и рост манипулятивных интернет-технологий [2], радикальная трансформация основных структур человеческой жизнедеятельности, в рамках которой «развитие сетевого принципа становится характерным для многих сфер социального взаимодействия, которые все в большей мере включают неформальные связи, возникающие под влиянием интеграционных процессов, правила поведения, принципиально отличающиеся от устоявшихся традиционных норм» [3, с. 131]. Эффект, вызванный инновационным характером технико-технологической обеспеченности свободного доступа к информационным источникам и ресурсам, обусловил значительные изменения в структуре коммуникативного пространства и проявился в нарастании процессов интеграционного и глобализационного характера в пространстве социальной коммуникации, которое характеризуется как информационная глобализация.

В технологическом аспекте информационная глобализация определяется стандартизацией и унификацией информационных потоков, условиями распространения и потребления информации, введением новых форм и средств коммуникации. Анализ социокультурного проявления этого феномена выявляет новые модели взаимодействия, формирование общих культурных представлений и навыков культурной жизни, информационного и символического обмена между культурами – все, что транслируют кросскультурные потоки информации. При этом изменению подвергается весь культурный контекст, традиционные ценности, механизмы социализации индивида. Как одна из наиболее значительных тенденций социального развития информационная глобализация приводит к культурной гомогенизации, к экспансии политических институтов, к формированию транснациональным капиталом унифицированных культурных символов, в процессе чего «меняются средства и культурный контекст, в котором происходит производство и воспроизводство национальных культур и идентичностей» [4, с. 387]. Глобальное измерение информационно-коммуникативного пространства устанавливает новые координаты поведения и деятельности человека, системы социальных связей и отношений на макроуровне, новые «силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения» [5, с. 45]. Особенность последнего фактора такова, что субъекты формирования информационных потоков остаются невидимыми потребителю информации, модели культурного поведения, основанные на переплетении и пересечении культурных проявлений, гибридизации культурных форм, усваиваются неосознанно, рациональный компонент в выборе культурного содержания уступает силе эмоционального воздействия. Влияние этих факторов ставит общество перед проблемой культурно-информационной безопасности граждан, необходимости защиты информационной среды общества, качества его информационных ресурсов, информационных условий существования граждан.

Понятие информационной безопасности трактуется как состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие, сохранность информационных ресурсов, состояние и защищенность законных прав личности и общества в информационной сфере. Вместе с тем одним из важнейших компонентов проблемы информационной безопасности является задача установления сбалансированных интересов личности, общества и государства. В документах, рассматривающих вопросы безопасности информации, наряду с угрозами, связанными с утечкой информации по техническим каналам и ведущими к наступлению неприемлемых негативных последствий (ущерба) для обладателя информации, обозначены характеристики самой структуры информационной безопасности: конфиденциальность, целостность и доступность информации. Представляется, что к разряду уязвимостей, приводящих к возникновению новых угроз безопасности информации или к повышению возможности реализации существующих, можно отнести и уязвимости, возникающие в результате дей-

ствия факторов, связанных с качеством текстов, наполняющих информационные потоки. В этом случае можно рассмотреть такую характеристику, как целостность текста, то есть достоверность, полноту информации и методов ее обработки.

Из трех характеристик, обеспечивающих информационную безопасность, две имеют технологическую природу: под конфиденциальностью понимается обеспечение доступа к информации авторизованным пользователям, а доступность связана с обеспечением доступа к информации и связанным с ней активам авторизованных пользователей по мере необходимости. Характеристика «целостность» имеет социокультурное измерение и относится к принципам текстовой деятельности, предполагает обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки. Здесь уже мы должны говорить о семантических аспектах проблемы, даже если они и не квалифицированы на этом уровне. Это прежде всего – ясность речи, точность и полнота характеристик предмета – социальной ситуации, события, процесса. Человек действует в мире в соответствии с тем, как он познает его, в основе адекватных социальных действий должно лежать знание, адекватно отражающее изменения, происходящие в социальной практике. Предполагаемая потенциальная эффективность текстов зависит от того, насколько в их смысловой структуре представлены важнейшие элементы: факты, обобщения, нормы, оценки; возможен ли логический переход от отдельных фактов и событий к их обобщению на основе тех или иных признаков, свойств, отношений; возможно ли установить абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта. Эти принципы структурирования текста проявляют в его структуре такое свойство, как ситуативность, формируют проблемный подход, позволяющий соотносить авторскую аргументацию и предложенные пути решения проблемы с конкретными жизненными ситуациями, что, безусловно, приводит к прагматическим эффектам, делает текст социально значимым для аудитории.

Высокая интенсивность информационных потоков, являющаяся отличительным признаком современной социальной коммуникации, влияние технологических новаций эпохи интегрированных компьютерных и телекоммуникационных технологий обуславливают необходимость осознания обществом угрозы новых информационных рисков, вызванных тотальной медиаопосредованностью социальной практики.

Медиатизация социальной действительности признается одной из наиболее значимых тенденций информационной глобализации. Знание о том, что происходит в мире, современный человек в большей степени получает из системы массмедиа, которая является одним из важнейших звеньев в системе социального взаимодействия. Влияние информационной глобализации на коммуникативное пространство привело к увеличению структур опосредования в социальной коммуникации, появлению новых субъектов коммуникации, которые благодаря новым медиа обретают не только доступ к общест-

венно значимой информации, но и становятся субъектами ее производства и информационно-коммуникативного обмена, что, безусловно, можно рассматривать как фактор, способствующий созданию динамического равновесия коммуникативного пространства. Появление альтернативных источников информации, новых медиа, блогосферы обусловило изменение многосторонней целостности медиасистемы; главным образом трансформации культурного характера, которые затрагивают сферу познания, ценностных ориентаций, способов коммуникации. Более свободные условия доступа в информационный мир неинституционализированным агентам создали новые информационные шумы, вызвали образование «коммуникативных лакун» в информационной деятельности, выступили фактором, создающим уязвимость информационной безопасности: увеличился риск использовать недостоверную информацию из сетевых источников, извращенное толкование событий, манипулирование информацией со стороны тех или иных представителей общества. В связи с обозначившейся конкурентной нишей в глобальной компьютерной сети медиасистема также начала применять в сетевом пространстве, менее жестко регулируемом, более агрессивные методы подачи информации. Кроме того, хаотичность ресурсов в интернет-пространстве создает позиции нестабильности, которые также встают в ряд угроз информационной безопасности, даже если на первый взгляд таковыми и не выглядят. Разбалансированность восприятия информации становится барьером в процессе социального познания, а вследствие этого и в дальнейшем характере социальных действий.

Существенной стороной современного информационно-коммуникативного пространства, связанной с его медиатизацией, является превалирование в его структуре визуальной информации. Усвоение культурных значений в глобальном мире происходит посредством аудиовизуальных образов, в связи с чем одной из фундаментальных проблем взаимодействия языка экрана и аудитории является проблема экранной репрезентации реальности. Рецепция визуальной образности представляет собой сложный процесс, предполагающий понимание семиотического аспекта экранной коммуникации. Символический порядок экранной коммуникации имеет свои конвенции, доступ к которым происходит на разных уровнях подготовленности аудитории. Электронные образы не отражают мир, а создают его иллюзию, механизмы обработки образов приводят к появлению симулякров, что создает нерепрезентативную медиареальность, или псевдореальность, сконструированную медиатехнологиями. Информационная среда наполняется имиджами, замещающими реальные объекты и ситуации, что разрушает целостную картину происходящих социальных событий.

Можно отметить и другие причины, приводящие к информационной уязвимости: избыточность информации сочетается с неспособностью отбирать из множества источников нужную информацию, что лишает ее боль-

шинства прагматических свойств; доступность источников обесценивается анонимностью коммуникации.

Таким образом, анализ структуры информационной безопасности показывает, что наряду с технико-технологическими ее компонентами – конфиденциальностью и доступностью, которые регулируются законодательством и другими актами и в большей степени доступны наблюдению, весьма значимую роль играет и смысловая сторона информационных продуктов, выражающаяся в целостности текста, что зачастую не подлежит юридической регламентации, особенно в той сфере коммуникации, которая не ограничена требованиями профессиональных норм, например медиасистемы, и к тому же не всегда подчиняется нормам речевого поведения, например в социальных сетях и блогосфере. Реализация конституционных прав граждан, на наш взгляд, наряду с правом гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, правом гражданина на личную и семейную тайну, тайну переписки, обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам, должна предусматривать, в т. ч., и меры по защите личности от воздействия манипулятивных стратегий тотальных сетевых медиа.

Ответом на обозначенные в статье вызовы информационной безопасности могут быть усилия, направленные на акцентирование не только технологических сторон проблемы, но и ее более широких гуманитарных аспектов; формирование медиальной культуры граждан, создания образовательных проектов для достижения коммуникативной компетентности, развитие интерпретационной культуры массовой аудитории. Вместе с тем одним из аспектов обеспечения информационной безопасности в современном мире, где существуют информационные риски, может рассматриваться задача установления социального доверия и сотрудничества как компонентов политической и гражданской культуры.

Литература

1. Оганов, А.А. Культура в эпоху глобализационных перемен // *Философия и общество*. 2012. С. 64–75.
2. Говорухина, К.А. Информационно-коммуникационные технологии в контексте глобализации и информационной безопасности // *Вестник ПАГС*. 2010. № 4. С. 28–33.
3. Семенов, Е.Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // *Вестник КостромГУ*. 2010. № 1. С. 130–134.
4. Хелд, Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: *Праксис*, 2004. 576 с.
5. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: *Прогресс-Традиция*, 2001.

УДК 81'25:378.147

ББК 81.2Нем

SPRACHE IM SPIEGEL DER ZEIT – AUS DER SICHT DES PRAKTIKERS

Die Themen der Gegenwart in Deutschland, die sprachlich hinterlegten Konzepte sowie zugrunde liegende Regeln und Empfehlungen

Barbara Lachhein

***Zusammenfassung.** Interkulturelle Begegnungen in einer Welt wachsender Internationalisierung rücken zunehmend in den Fokus der Aufmerksamkeit. Sprache bildet dabei den sichtbaren Teil der Kommunikation, dahinter liegende Werte, Normen, Einstellungen und Annahmen bleiben zunächst im Verborgenen.*

Aktuelle Themen in Deutschland betreffen hauptsächlich die Europäische Union, Migration, Digitalisierung oder den Klimawandel. Die Themen werden in Wort und Bild aufbereitet angeboten – konzeptuell hinterlegt in leichter Sprache, gegendert, politisch korrekt, gemäß Regeln und Empfehlungen von Institutionen, wie dem Duden, der Gesellschaft für deutsche Sprache, dem Verein Deutscher Sprache und Universitäten.

Der Beitrag enthält eine Übersicht über den aktuellen Sprachgebrauch anhand ausgewählter Beispiele und den zum Verständnis, besonders zur Übersetzung / zum Dolmetschen, erforderlichen Kontext.

***Schlüsselwörter:** Entschlüsselung, Leichte Sprache, Gender, Politisch korrekte Sprache, Anglizismen, Duden-Ausgabe 2017, Wörter des Jahres, Unwort des Jahres.*

ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ – ВЗГЛЯД ПРАКТИКА

Главные темы в Германии, языковые концепции, стоящие за ними, правила и рекомендации

***Аннотация.** В условиях растущей интернационализации и глобализации межкультурные контакты всё больше попадают в центр внимания. Язык отражает только одну, видимую часть коммуникации, в то время как большая часть коммуникации – нормы, ценности, позиции и основные исходные допущения – скрыты.*

Главные вопросы, поднимаемые сейчас в Германии, касаются Европейского Союза, миграции, цифровой революции или изменения климата. Эти темы рассматриваются с использованием текста и изображений, подкрепляются конкретными концепциями, такими как «лёгкий язык», гендер или политическая корректность, и фиксируются согласно правилам и принципам таких организаций и ассоциаций как издательство Duden, Общество немецкого языка (ФРГ), Ассоциация немецкого языка (ФРГ) и университеты.

Работа на простых примерах показывает критический подход к преобразованию и интерпретации языка.

***Ключевые слова:** декодирование, концепция «лёгкого языка», гендер, политкорректность, англицизмы, издание Duden-2017, слова года, слова-табу года*

LANGUAGE AS A MIRROR OF THE SOCIETY – FROM THE VIEW OF A PRACTITIONER

The main topics in Germany, linguistic concepts behind them, rules and recommendations

***Summary.** In a world of increasing internationalization and globalization intercultural encounters have become the focus of attention. The language represents only one, visible part of the communication, whereas the majority of the communication – norms, values, attitudes and basic assumptions – exist in a hidden area.*

Current topical questions in the German society touch on subjects, such as European Union, Migration, Digitisation or Climate Change. These subjects are being offered by using

text and images – substantiated with concrete concepts, like Easy-to-read, Gender or Political Correctness, according to rules and principles in the institutions, like the Duden, relevante associations Gesellschaft für deutsche Sprache, Verein Deutscher Sprache and universities.

Using practical examples the paper presents a critical approach to the language translation and interpretation.

***Key words:** decoding, easy-to-read-concept, gender-concept, political correctness, anglicisms, Duden-Edition 2017, words of the year, taboo words of the year.*

Was ist los in Deutschland?

“Niemand weiß mehr genau, wie man diskriminierungsfrei formulieren soll, der normale Sprecher oder Schreiber kommt da nicht mehr mit”, so fasst Holger Klante vom Verein Deutscher Sprache die Sprachverwirrung unserer Zeit in einem Zeitungsinterview zusammen.

Ist das wirklich so?

Als theoretischer Erklärungsansatz soll das übertragene Eisbergmodell von Perlitz [1] dienen, womit interkulturelle Begegnungen in einer Welt wachsender, wirtschaftlicher Internationalisierung zunehmend in den Fokus der Aufmerksamkeit rücken.

Das Modell folgt der Annahme, dass Sprache, Rituale, Kleidung, Umgangsformen sichtbar zu Tage treten, während Werte, Normen, Einstellungen und Annahmen unbewusst, und somit als weitreichende Ursache von Missverständnissen, im Verborgenen liegen. Hier bietet sich der Vergleich mit einem Eisberg an, dessen größerer, nicht sichtbarer Teil unter der Wasseroberfläche liegt.

Schlägt man in Deutschland eine Tageszeitung auf, schaltet Radio, Fernsehen oder den Rechner ein, springen Themen der Gegenwart ins Auge, wie Europäische Union, Migration, Klima oder Digitalisierung.

Die Themen werden in Wort und Bild aufbereitet angeboten – konzeptuell hinterlegt in leichter Sprache, gegendert, politisch korrekt, gemäß Regeln und Empfehlungen von Institutionen, wie dem Duden, der Gesellschaft für deutsche Sprache, dem Verein Deutscher Sprache und Universitäten.

Was verbirgt sich hinter den Konzepten?

Leichte Sprache soll die selbstständige Informationssuche und damit Selbstbestimmung von erwachsenen Menschen verbessern, die aus unterschiedlichen Gründen, vorübergehend oder dauerhaft, Probleme mit einem komplexen Satzbau haben und Fremdwörter nicht verstehen.

Sie ist aus der Inklusionsdebatte hervorgegangen und Teil dieser [2].

Das Ziel besteht darin, die Verständlichkeit der deutschen Sprache und damit gesellschaftliche und politische Teilhabe für Menschen mit kognitiven Einschränkungen oder geringen Deutschkenntnissen zu ermöglichen.

Grundsätze leichter Sprache folgen besonderen Sprach- und Rechtschreibregeln sowie Empfehlungen zu Typografie und Medieneinsatz [3].

Empfohlen wird die Anwendung des Konzeptes in amtlichen Mitteilungen.

Einige Behörden, wie der Deutsche Bundestag [4], verwenden auf ihrer

Webseite neben der normalen Sprache auch die leichte Sprache.

Im öffentlichen Raum ist eine entsprechende systematische Verbreitung zu beobachten.

Beispiele sind Artikel in der Bundestags-Zeitung “Das Parlament” [5], die Wahlbenachrichtigung in Schleswig-Holstein zur Landtagswahl im Mai 2017 [6] oder als ein Thema Schulunterricht [7].

Das Konzept der “Leichten Sprache” erfasst zum gegenwärtigen Zeitpunkt die Themen Inklusion und Migration.

Ein weiteres Konzept, welches dem öffentlichen Sprachgebrauch zugrunde liegt, ist das Gender-Konzept. Im Duden ist nachzulesen: “**Gender** ist eine soziale Kategorie bezüglich der Geschlechtsidentität des Menschen” [8].

Inzwischen gibt es an verschiedenen Universitäten Lehrstühle für Genderforschung. Zuspitzend in dieser Diskussion hatte sich Lann Hornscheidt vom Zentrum für Transdisziplinäre Geschlechterstudien der Berliner Humboldt-Universität, bis 2016, hervorgetan. Der Geschlechterneutralität verpflichtet, wurden Vorschläge in der x-Form unterbreitet. So könnte die Anrede einer leitenden Person im Hochschulbetrieb Professx lauten, die von Studierenden Studentx [9].

Neben der Kritik am ausschließlich von Spezialisten ausgearbeiteten Konzept, wird hauptsächlich mit der Umständlichkeit im Sprachgebrauch sowie der Unvereinbarkeit des Geschlechts und des grammatischen Genus argumentiert.

Ämtern, Behörden, Universitäten wird die Anwendung einer gendergerechten Sprache empfohlen. So werden Studenten häufig aufgefordert, wissenschaftliche Arbeiten geschlechterneutral zu formulieren. Ein Verstoß könnte mit Abzügen bei der Beurteilung oder Ablehnung der Arbeit geahndet werden.

Ein drittes Konzept, welches im Verborgenen liegt, sich jedoch auf die Sprache auswirkt, ist die Political Correctness. Die Bundeszentrale für politische Aufklärung in Zusammenarbeit mit der Abteilung Germanistische Sprachwissenschaft an der Technischen Universität Braunschweig bietet folgende Erklärung an: “Political Correctness ist eine Einstellung, die alle Ausdrucksweisen und Handlungen ablehnt, durch die wodurch jemand aufgrund seiner ethnischen Herkunft, seines Geschlechts, seiner Zugehörigkeit zu einer bestimmten sozialen Schicht, seiner körperlichen oder geistigen Behinderung oder sexuellen Neigung diskriminiert wird; Abkürzung: PC” [10].

Wie gehen verschiedene relevante Institutionen mit aktuellen Themen und Konzepten um?

1. Das bibliographische Institut Duden

Das bibliographische Institut Duden legt mit der Herausgabe der Stichwortsammlung “Der Duden” das Regelwerk der deutschen Sprache in Rechtschreibung und Wortbedeutung vor.

Die Duden-Redaktion gibt verschiedene Standardnachsschlagewerke zur deutschen Sprache heraus. Die aktuelle, 27. völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage enthält 145 000 Stichwörter, die Urfassung von 1880 enthielt 27 000.

Kriterien für die Neuaufnahme von Wörtern sind die **Häufigkeit** der

Nutzung und das Vorkommen in verschiedenen Textsorten. Der Duden folgt dem Anspruch, die Realität des Sprachgebrauchs abzubilden. So sind in die letzte Ausgabe 5000 Wörter neu aufgenommen worden, zum Beispiel !Willkommenskultur!, aufgrund politischer Debatten oder Wörter englischen Ursprungs wie “facebooken”, “liken”, die in die Alltagssprache Eingang gefunden haben oder ein Wort deutschen Ursprungs “entfreunden”.

“Urban Gardening” ist ein Beispiel, welches das Thema Umwelt / Klima berührt.

Außerdem sind 2017 einige wenige Rechtschreibänderungen, wie das vom Rat für Rechtschreibung beschlossene große Eszetts hinzugekommen. Der neue Buchstabe ist erforderlich für Passangaben, Internetaktivitäten, bei Banken, Behörden – dort, wo Datenverarbeitungsprogramme eine Großschreibung vorsehen.

Alle drei bis fünf Jahre wird das Nachschlagewerk aktualisiert.

Ende 2017 erschien im DUDEN-Verlag das Nachschlagewerk “Richtig gender”. Dieser “Gender-DUDEN” soll dazu anleiten, angemessen, verständlich und amtlich geregelt, zu schreiben [11].

2. Die Gesellschaft für Deutsche Sprache

Die Gesellschaft für Deutsche Sprache, mit Sitz in Wiesbaden, beabsichtigt, durch die Wahl der “Wörter des Jahres” die Aufmerksamkeit auf die Sprache im Spiegel der Zeit zu lenken – erstmals 1971 und regelmäßig jährlich seit 1977.

Wörter und Wendungen werden ausgewählt, “die das politische, wirtschaftliche und gesellschaftliche Leben eines Jahres sprachlich in besonderer Weise bestimmt haben” [12].

Quellen bilden verschiedene Medien, Einsendungen von Bürgern. Eine Jury, die sich aus dem Hauptvorstand der Gesellschaft sowie wissenschaftlichen Mitarbeiterinnen und Mitarbeitern zusammensetzt, wählt zum Jahresende zehn daraus Wörter, die im öffentlichen Sprachgebrauch dominant hervorgetreten sind.

Während die Duden-Redaktion nach der Häufigkeit der Nutzung und des Vorkommens in verschiedenen Textsorten auswählt, müssen die “Wörter des Jahres” signifikant und populär sein. Die Favoriten sollen den “sprachlichen Nerv” des ablaufenden Jahres treffen und auf diese Weise einen Beitrag zur Zeitgeschichte leisten [13].

So belegten 2017 “Jamaika-Aus”, “Ehe für alle” und “#MeToo” die vorderen Plätze. Die “Wörter des Jahres” implizieren innenpolitische Themen und setzen zur Erschließung der Bedeutung einen ganz bestimmten Wissenshintergrund voraus.

3. Aktion Unwort des Jahres

Als Gegenbewegung zu den “Wörtern des Jahres” hat sich eine Gruppierung aus der Gesellschaft für Deutsche Sprache herausgelöst und die “Aktion Unwort des Jahres” hervorgerufen.

Deren Vertreter sind der Meinung, dass sprachliche Ausdrücke dadurch zu Unwörtern werden, dass sie von Sprechern in der Öffentlichkeit entweder gedankenlos oder mit kritikwürdigen Intentionen verwendet werden.

Auf der Webseite der Aktion heißt es: “Die Aktion versteht sich als Vermittler öffentlichen Unbehagens an bestimmten Sprachgebrauchsweisen, entgegen zahlreicher Kritik nicht als “Sprachschützer”” [14].

Die sprachkritische Aktion basiert auf dem Interesse und der Mitwirkung der “Bürgerinnen und Bürger”. Der Jury gehören vier |SprachwissenschaftlerInnen», ein Journalist und ein “sprachinteressiertes Mitglied” aus dem Bereich der Kultur- und Medienbetriebe an. Alle Beteiligten arbeiten institutionell unabhängig und ehrenamtlich” [15].

Die Aktion bietet neben den Wörtern auch deren Bedeutung an.

So belegten 2017 Platz 1 die «alternativen Fakten, zu verstehen als “verschleiernde[n] und irreführende[n] Ausdruck für den Versuch, Falschbehauptungen als legitimes Mittel der öffentlichen Auseinandersetzung salonfähig zu machen”.

2015 spiegelte der “Gutmensch” den Zwiespalt in der Gesellschaft bei der Bewältigung der Migration wider.

Auch zweit- und drittplatzierte Unwörter werden der interessierten Öffentlichkeit vorgestellt, beispielsweise 2012 die “Pleite-Griechen” und damit ein europäisches Thema, 2017 “klimaneutral” zur Verschleierung von Klimabelastungen oder 2014 das Unwort “Russlandverstehler” als Zeugnis mangelnder Sprachreflexion oder gezielter Diffamierung.

4. Verein Deutsche Sprache (VDS)

Weltweit tätig, zählt der Verein Deutsche Sprache mehr als 36.000 Mitglieder, davon mehr als die Hälfte im Ausland.

Bekannte deutsche Mitglieder aus dem Medien- und Unterhaltungsbereich sind Dieter Thomas Heck, Hape Kerkeling, Dieter Hallervorden, Jürgen von der Lippe, Christian Quadflieg, Nina Ruge, ebenso Städte, wie Gotha, Paderborn und Wunstorf.

Die Mitglieder verpflichten sich dem Ziel, die Sprache von Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft zu erhalten und einem Verdrängen deutscher Begriffe durch Importe aus dem angelsächsischen Ausland entgegenzuwirken.

Zur Umsetzung seiner Ziele stiftet der Verein zusammen mit der Eberhard-Schöck-Stiftung seit 2001 den “Kulturpreis Deutsche Sprache”. Er soll den Erhalt und die schöpferische Entwicklung der deutschen Sprache fördern. Der Kulturpreis sieht sich in der Tradition der deutschen Aufklärung und der Brüder Grimm, deren Sprachkritik und Sprachforschung [16].

Desweiteren richtet der Verein jährlich den “Tag der deutschen Sprache” aus, um u. a.

- für den Gebrauch von gutem und verständlichem Deutsch in Wort und Schrift werben;

- zu bewirken, dass wir unsere eigene Sprache schätzen, weil sie nur dann auch im Ausland ernst genommen wird;

- ein partnerschaftliches Band zwischen den Freunden der deutschen Sprache im In- und Ausland knüpfen [17].

Um auf kritikwürdige Entwicklungen im Sprachgebrauch hinzuweisen, vergibt der Verein jährlich seit 1998 den Titel “Sprachpanscher des Jahres” an eine Person oder Institution, die durch besondere sprachliche Fehlleistungen aufgefallen ist.

2018 wurde der Deutsche Fußballbund zum “Sprachpanscher des Jahres” gekürt, wegen seines Mottos “Best never rest” zur missglückten Verteidigung des Weltmeistertitels in Russland, welches “nach Meinung erzürnter Sprachfreunde wie die ungelenke Formulierung eines russischen Englischschülers im ersten Lernjahr” klinge [18].

Die Präsentation Deutschlands zur Fußball-Weltmeisterschaft in englischer Sprache, sichtbarer Ausdruck dessen war z.B. der Aufdruck “Germany” auf verschiedenen Kleidungsstücken, wurde ebenfalls kritisiert.

Auch der Duden wurde 2013 zum Sprachpanscher des Jahres gewählt. “Wer in einem Wörterbuch der deutschen Sprache als Ersatz für Fußball den lächerlichen Angeber-Anglizismus ‚Soccer‘ vorschlägt, hat es nicht besser verdient”, begründete der Vereinsvorsitzende Walter Krämer diese Negativauszeichnung und fragt gleichzeitig, wo das Wort Klapprechner bliebe, das immerhin über 34.000 Treffer bei Google aufweist”. Nach seinen eigenen Grundsätzen, nämlich ohne weitere Wertung alle Wörter aufzunehmen, die hinreichend oft in der deutschen Sprache vorkommen, müssten auch diese Wörter im Duden stehen.

Anliegen und Agieren des Vereins sind nicht unumstritten. Eine Gruppe von Linguisten um Thomas Niehr, Professor für Germanistische Sprachwissenschaft an der RWTH Aachen hat darauf hingewiesen, dass die Haltung des Vereins “ein Musterbeispiel für einen intoleranten, unaufgeklärten Sprachpurismus” sei und der VDS “immer wieder nationalistische Tendenzen bedient” [19].

Aus einer Vielzahl von Kritikpunkten dienen zwei Beispiele als Beleg:

a) Anders als in der deutschen Presse sei “in den angelsächsischen Medien konsequent von, migrants‘ und nicht von, refugees‘ die Rede”. Bei vielen deutschen Medien, “mit den öffentlich-rechtlichen an erster Stelle”, stellt der VDS eine “konsequente Wahrheits-Verschleierungsrhetorik” fest.

b) Der Begriff “Einwanderer” sei «”über alle Medien hinweg nun tabuisiert”.

In der verbalen Auseinandersetzung der Germanisten mit dem Verein kommen neben intolerant, unaufgeklärt, nationalistisch auch Begriffe wie Pegida-haft oder AfD-nah vor – beide Begriffe sind negativ besetzt [20].

Somit sei am Ende ein Wort zu Sprache und Politik angemerkt. Die Bundeszentrale für Politische Aufklärung kommuniziert folgende Grundannahme: “Politisches wird in Demokratien im wesentlichen sprachlich konstruiert, verhandelt, begründet, vermittelt, legitimiert, kritisiert und verworfen. Verschiedene Parteien und Interessengruppen ringen im Prozess der politischen Willensbildung und seiner Umsetzung in konkrete politische Handlungen darum, ihre jeweiligen Themen, Vorstellungen, Ziele, Ideologien, Programme und Werte argumentativ durchzusetzen. Den rivalisierenden gesellschaftlichen Gruppierungen ist es daher keineswegs gleichgültig, wie bestimmte Sach- oder Problemverhalte

bezeichnet und wie diese Bezeichnungen interpretiert werden. Im konkreten, durch Interessen gelenkten Sprachgebrauch ist es das Ziel jeder Gruppierung, ihre eigene Bezeichnung und damit ihre Sicht der Dinge zur dominanten machen" [21].

In diesem Meinungskampf findet eine andauernde "Weltinterpretation" mit und durch Sprache statt. Es wird heftig darum gestritten, was als "wahre", "objective", "richtige" bzw. "angemessene" Bezeichnung für eine Sache oder ein Problem bzw. was als die "wahre", "richtige", "objective" oder "angemessene" Bedeutung eines Ausdrucks zu gelten habe [22].

Mit dem Einzug der Alternative für Deutschland in den Deutschen Bundestag wird der Kampf um Worte und ihre Deutung heftig geführt.

Bibliographie

1. Vgl. Perlit, M., Schrank, R. Internationales Management, UTB-Verlag. Berlin, 2004.
2. Duden (Hrsg.): Duden – leichte Sprache. Bibliographisches Institut GmbH, Dudenverlag. Berlin, 2016.
3. Netzwerk Leichte Sprache in Zusammenarbeit mit Universität Hildesheim 2014 Forschungsstelle Leichte Sprache. URL: <https://www.leichte-sprache.org/die-regeln/> (Zugriff 25.09.2018).
4. Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/leichte_sprache/ (Online-Zugriff 20.09.2018).
5. Welt. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article181637056/Das-Parlament-Beilage-in-leichter-Sprache-ist-Inbegriff-von-Herablassung.html> (Online-Zugriff 25.09.2018).
6. Schleswiger Nachrichten, 11.4.2017. URL: <https://www.shz.de/lokales/schleswiger-nachrichten/das-raetsel-um-die-land-tags-wahl-id16563051.html> (Online-Zugriff 20.09.2018).
7. Verein Deutsche Sprache. URL: <https://vds-ev.de/infobriefe2018/infobrief-210-16-2018-niederlaendischer-tag-der-deutschen-sprache/> (Online-Zugriff 20.09.2018).
8. Duden, Bibliographisches Institut GmbH Dudenverlag, 27. Ausgabe, Berlin 2017.
9. Profxin Lann Hornscheidt von der Humboldt-Universität entfernen. URL: <https://sciencefiles.org/2014/10/31/profxin-lann-hornscheidt-von-der-humboldt-universitat-entfernen/> (Online-Zugriff 20.09.2018).
10. Bundeszentrale für politische Aufklärung. URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-und-politik/42730/politische-korrektheit>, (Online-Zugriff 20.09.2018).
11. Steinhauer, A., Diewald, G. Richtig gendern. Wie sie angemessen und verständlich schreiben. Duden, 2017.
12. Gesellschaft für Deutsche Sprache, Wort des Jahres. URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (Online-Zugriff 20.09.2018).
13. Gesellschaft für Deutsche Sprache, Wort des Jahres. URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (Online-Zugriff 20.09.2018).
14. Aktion Unwort des Jahres. URL: <http://www.unwortdesjahres.net> (Online-Zugriff 22.09.2018).
15. ebenda [пер. с нем.: там же].
16. Verein Deutsche Sprache. URL: <https://vds-ev.de/service-view/kulturpreis-deutsche-sprache/> (Online-Zugriff 22.09.2018).
17. Tag der deutschen Sprache. URL: <https://vds-ev.de/service-view/tag-der-deutschen-sprache/> (Zugriff 23.09.2018).

18. Sprachpanscher des Jahres. URL: <https://vds-ev.de/pressemitteilungen/neue-klatsche-fuer-den-deutschen-fussballbund-dfb-ist-sprachpanscher-des-jahres/> (Zugriff 23.09.2018).

19. Lobin, H., Sprach-Pegida und der Deutsche Hochschulverband, 25.07.2016. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/sprach-pegida-und-der-dhv/> (Zugriff 20.09.2018).

20. Niggemeier, S. Die Pegidahaftigkeit des Vereins Deutsche Sprache, 01.08.2016. URL: <https://uebermedien.de/7099/die-pegidahaftigkeit-des-vereins-deutsche-sprache/> (Zugriff 20.09.2018).

21. Girnth, H., Einstieg: Sprache und Politik, 15.07.2010. URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-und-politik/42678/einstieg> (Zugriff 20.09.2018).

22. ebenda [пер. с нем: там же].

УДК 81.255

ББК 81.2-7

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ГЛОССАРИЕВ НА МИКРО- И МАКРОУРОВНЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.О. Лешканова

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию роли переводческих глоссариев в обеспечении лингвистической безопасности. Выделяются характерные особенности работы с глоссарием на микро- и макроуровне. Особое внимание уделяется значению составления глоссария для повышения качества перевода и соблюдения единства терминологии в тексте. Автор приходит к выводу, что использование личных глоссариев и глоссариев различных организаций помогает избежать конфликтов и непонимания между заказчиком и получателем перевода. Обосновывается мысль о связи переводческой деятельности с проблемой лингвистической безопасности.*

***Ключевые слова:** лингвистическая безопасность, переводческий глоссарий, терминология, составление глоссария, специальный перевод.*

THE ROLE OF TRANSLATION GLOSSARIES AT MICRO- AND MACROLEVEL IN LINGUISTIC SECURITY

E. Leshkanova

***Summary.** The article is devoted to the research on the role of translation glossaries in linguistic security. The author distinguishes the most common features of working with glossaries at micro- and macrolevel. Special attention is paid to the importance of creating a glossary for improving the quality of translation and respect for terminological unity. The author concludes that the use of personal glossaries and glossaries of various organizations helps to avoid conflicts and misunderstanding between the customer and the recipient of the translation. The author justifies the idea of the link between the translation practice and the problem of linguistic security.*

***Key words:** linguistic security, translation glossary, terminology, creating of a glossary, specialized translation.*

В последнее время во всем мире, в т. ч. в России, широко обсуждается проблема лингвистической безопасности. Первым в научном сообществе употребил словосочетание «лингвистическая безопасность» президент Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

(ГЛЭДИС), профессор, академик РАЕН, доктор филологических наук М.В. Горбаневский. В 2002 г. на научно-практическом семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» он обратился к журналистам с призывом: «Будь осторожен, выбирая слово!». М.В. Горбаневский связывал понятие лингвистической безопасности с ответственностью журналистов за свои высказывания, написанные или произнесенные в СМИ [1, с. 24].

Призыв ученого можно также адресовать переводчикам. Поскольку переводчики в ходе своей профессиональной деятельности обеспечивают коммуникацию между представителями разных стран и культур, являясь представителями своей страны порой на самом высоком уровне, они должны с особым вниманием выбирать лексические средства при передаче мыслей, изложенных в письменном виде автором текста или выраженных устно во время беседы, переговоров или выступления.

На том же семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» академик РАЕН, доктор юридических и филологических наук Е.И. Галяшина в своем выступлении говорила об актуальности проблемы лингвистической безопасности не только в масштабах национальных интересов отдельных стран, но и всего мирового сообщества. В частности, она отметила необходимость соблюдения лингвистической безопасности при составлении текстов официальных документов [1, с. 24].

Соблюдение лингвистической безопасности является важным условием и при переводе официальных документов и специальных текстов. Переводчик должен соблюдать правила языка перевода, правильно выбирать средства передачи информации на переводимом языке, сохраняя при этом исходный смысл высказывания. Ошибки, сделанные при переводе официальных документов, будь то договор о международном сотрудничестве между компаниями или соглашение между государствами, могут привести к непониманию и даже конфликтам между двумя сторонами.

При переводе специальных текстов наибольшую трудность вызывает терминология. Тексты определенной тематики (технические, экономические, юридические и др.) наполнены множеством специализированных терминов, перевод которых требует особой точности. Для обеспечения единства терминологии на протяжении всего текста и повышения качества перевода при работе со специальным текстом переводчик обычно составляет глоссарий.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, глоссарий – это собрание глосс – непонятных слов или выражений – с толкованием или переводом на другой язык [2]. Следовательно, переводческий глоссарий представляет собой список терминов к определенному тексту с дефиницией термина и переводом.

Работу с глоссарием можно условно разделить на два уровня: микро- и макроуровень. Микроуровень предполагает составление персональных глос-

сариев, когда переводчик изучает литературу по тематике перевода и осуществляет поиск эквивалентов терминов, которые требуется перевести [3, с. 83].

Макроуровень подразумевает официально опубликованные глоссарии различных организаций, например ООН, МВФ, Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития. Такие глоссарии бывают общими и тематическими. Зачем же нужны отдельные глоссарии в каждой из этих организаций? Составление подобных глоссариев играет важную роль по ряду причин:

- глоссарии международных организаций используются в качестве эталона при переводе официальных документов, поскольку малейшая неточность при переводе может стать причиной искажения смысла переводимого термина;

- периодически появляются новые термины, которые могут быть поняты и переведены специалистом по-разному. Чтобы избежать расхождений и неточностей, переводчик обращается к специализированному глоссарию, принятому в той или иной организации;

- в определенной организации может быть принят один вариант перевода термина, а в другой организации может использоваться иной эквивалент. Обращение к глоссарию, принятому в конкретной организации, поможет привести перевод в соответствие с требованиями заказчика и избежать недоумений [3, с. 84].

Глоссарии макроуровня способствуют тому, чтобы текст перевода соответствовал требованиям заказчика, в роли которого выступает та или иная организация. Можно сказать, что подобный текст является лингвистически безопасным, т. к., согласно определению Г.Н. Трофимовой, лингвистическая безопасность – это такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным [1, с. 28]. Содержание текста должно исключать двусмысленное толкование, которое проявляется в наличии угроз и нанесении потенциального вреда автору или реципиенту [1, с. 27].

Одним из глоссариев, применяемых на макроуровне, является «Подборка основных терминов, используемых в Организации Объединенных Наций в области управления и государственно-административной деятельности». Подборка терминов составлена в 2008 г. Комитетом экспертов по государственному управлению Экономического и социального совета ООН. Комитет подчеркивает, что «подготовка глоссария является чрезвычайно важной инициативой», носящей «концептуальный характер». Документ включает списки наиболее употребительных терминов в сфере государственно-административной деятельности и частоту случаев их употребления в официальных документах ООН. Подборка выпущена на русском и английском языках, что делает ее незаменимым инструментом для переводчиков [3, с. 84].

Что касается микроуровня, переводчик обычно составляет глоссарий к тексту, над которым работает в данный момент, чтобы добиться единства терминологии на протяжении всего текста.

Ю.В. Плеханова отмечает, что целью составления глоссария является формирование тезауруса, обеспечение точного и глубокого понимания текстов. В переводческом глоссарии могут указываться терминологические соответствия узкого значения термина, характерного для определенной области, выявляться значения лексических единиц, актуализирующихся в определенном контексте [4, с. 87].

Во многих языках смысл одного и того же слова может быть передан по-разному, и порой возможные эквиваленты очень различаются по значению. В ряде случаев подобные вариации недопустимы. Например, при переводе официального юридического или экономического документа неверно подобранный при переводе термин может исказить смысл всего текста. В связи с этим переводчик составляет список терминов, тщательно проверяя правильность подобранных эквивалентов не только в словарях, но и в специальной литературе, международных и государственных руководствах, стандартах [3, с. 83].

Кроме того, переводческий глоссарий позволяет исследовать те терминологические единицы иностранного языка, которые по причине своей новизны пока не имеют соответствий в переводимом языке, и единицы, приобретающие в определенном контексте совсем иное значение, нежели закрепленное в словаре. Тем самым глоссарий помогает предупреждать, выявлять и преодолевать коммуникативные неудачи в переводческой ситуации [5, с. 195].

Личный глоссарий помогает свести к минимуму возможные неточности при переводе. Он помогает переводчику переводить качественнее и быстрее, т. к. в глоссарии переводчик легко может найти нужный ему эквивалент. Точный и соответствующий правилам переводимого языка перевод устроит самого требовательного заказчика, исключит конфликты на почве непонимания и двусмысленности текста, а значит, будет обеспечена лингвистическая безопасность.

Таким образом, глоссарий играет крайне важную роль в переводческой деятельности и обеспечении лингвистической безопасности. Глоссарии микро- и макроуровня – это необходимый инструмент для обеспечения качества перевода. Глоссарий способствует использованию точной терминологии при переводе, сохранению ее единообразия на протяжении текста и выполнению требований заказчика по соответствию выбранных эквивалентов принятой в организации терминологии.

Литература

1. Трофимова, Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Сер.: Русский и ин. языки и методика их преподавания. М.: РУДН, 2012. № 1. С. 24–29.

2. Большой энциклопедический словарь: А–Я / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб.: БСЭ, 2000. 1452 с. // Электронный ресурс. URL: <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/slovar-G/24032.shtml> (дата обр.: 12.09.2018).

3. Еолян, В.Ю., Муратова, Э.Д. Глоссарий как инструмент повышения качества перевода // Молодой ученый. Междунар. науч. журнал. Казань, 2017. № 31 (165). С. 83–85.

4. Плеханова, Ю.В. Переводческий глоссарий как эффективный прием подготовки переводчиков // Нижневартковский филологический вестник. 2016. № 1. Нижневартовск: Изд-во НижневартГУ. С. 87–92.

5. Юдина, Т.В. Переводческий глоссарий vs. словарь // Герценовские Чтения. Иностранные языки: материалы конф. 28–29 апр. 2010 г. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 195.

УДК 37.035.6

ББК 74.3

САЙТ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ О РОССИИ» КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Н.В. Макшанцева, С.Б. Королева

***Аннотация.** Моделирование образа национальной культуры в другой культуре может носить характер непреднамеренной культурной дипломатии. В условиях современного цифрового общества ее новым фактором являются просветительские интернет-порталы, направленные на формирование не ложных, положительных представлений о своей культуре. Примером такого портала является созданный на базе НГЛУ многоязычный сайт «Национальные мифы о России».*

***Ключевые слова:** непреднамеренная культурная дипломатия, миф о другой культуре, образ, духовные основы русской культуры, австрийская культура, британская культура, немецкая культура, французская культура.*

THE SITE NATIONAL MYTHS OF RUSSIA AS A FACTOR OF CULTURAL DIPLOMACY

N. Makshantsev, S. Koroleva

***Summary.** Changing the image of a national culture in another culture can be the result of unintentional cultural diplomacy. In conditions of modern digital society, educational Internet portals aimed at forming true positive conceptions about one's own culture is its essential new factor. The polylingual site "National Myths of Russia", created on the basis of the Linguistics University of Nizhniy Novgorod, is an illustrative example of this sort of portals.*

***Key words:** unintentional cultural diplomacy, myth of another culture, image, spiritual basis of Russian culture, Austrian culture, British culture, German culture, French culture.*

Культурная дипломатия как система средств развития культурных связей, их использования в международных отношениях государством имеет вполне определенную точку отсчета. Это тот исторический период, когда термин (правда, в отрицательном значении, с акцентом на манипуляции) появился в 30-х гг. прошлого века для обозначения тех культурных обменов, которые были призваны создать положительный образ СССР [1, с. 161]. Однако в расширительном значении как формы и способы развития культурных связей, положительно моделирующих образ своей страны, культуры, народа за

рубежом – не преднамеренно, не в результате спланированной государством политики, но как результат развития межкультурных связей – культурная дипломатия существует гораздо дольше.

В отношении образа русской культуры в Британии следует в связи с этим особо выделить период второй половины XIX в., когда под воздействием различного рода выступлений русских политических эмигрантов (А. Герцена, М. Бакунина, С. Степняка-Кравчинского) среди британских интеллектуалов постепенно получило «распространение понимания того, что российское правительство и российский народ – это два очень далеких друг от друга явления и что каким бы ни было отношение англичан к первому, у них нет никаких оснований испытывать по отношению к русским людям что-либо помимо сочувствия» [2, р. xiii]. Не случайно в 1913 г. дипломат Борис Лебедев в газете «Рашн Ревью» отмечал «значительное изменение» общего отношения англичан к русским: «В настоящее время можно услышать на любом митинге протеста оратора, который, критикуя Российскую империю, обязательно добавляет, что он не имеет ничего против русских людей» [3].

В период конца XIX – начала XX вв. существенно моделируется – моделируется в положительном ключе – образ русской культуры в Британии и Европе в целом. Глубинные причины этому следует искать во «встречном течении»: несколько упрощая, схематизируя, можно говорить о том, что европейская культура устремилась в это время навстречу русской. На рубеже провала в бездну Первой мировой войны, под мертвящим давлением «механистичной» цивилизации, которую породила «своя» культура, европейская творческая элита обратилась к «чужой» русской духовности и нашла в ней «свои», утерянные в веках смыслы [4].

Эти смыслы отражали сущностные ценности русской культуры – такие как устремленность от мира дольного к миру горнему, «всечеловечность» (сочувствие ближнему своему), внутренняя свобода, стремление дойти до самой сути вещей. Основными же способами моделирования образа русской культуры – способами, можно сказать, непреднамеренной культурной дипломатии – в это время стали разнообразные формы знакомства с русской культурой. Здесь следует называть и «русские сезоны» Дягилева, демонстрировавшие Европе своеобразие и высокое искусство русского балета, и совместные выставки западноевропейских и русских художников, и концерты русской музыки (Чайковского, Рубинштейна, Мусоргского, Рахманинова, Стравинского, Скрябина) в Лондонской филармонии, и художественный перевод с русского [5].

По всей видимости, художественный перевод сыграл особую роль в приближении британцев к «русской точке зрения», поскольку он длительно воздействовал (и продолжает воздействовать) на британскую интеллектуальную элиту, британского читателя. Так, существенно моделировали образ русской культуры в Британии, в частности, переводы корпуса художественных произведений И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоев-

ского, А.П. Чехова, самоотверженно осуществленные Констанс Гарнетт в период 1890-х – 1920-х гг. [6]. Схожее можно сказать о переводах рассказов Ивана Бунина и автобиографических и биографических текстов, имеющих отношение к русской классике, которые выполнены бухгалтером-эмигрантом из России С.С. Котелянским в 20-х годах XX века в тесном сотрудничестве с «апостолами» британского модернизма – Вирджинией Вульф и Д.Г. Лоуренсом [7].

Таким образом, трансляция высоких образцов «своей» культуры в другую (или даже другой в «свою») – трансляция, которая приближает представителей «другой» (своей) культуры к пониманию «своей» (другой) – является существенным, если не основным фактором непреднамеренной культурной дипломатии.

В условиях современного цифрового общества еще одним существенным фактором такой непреднамеренной культурной дипломатии должны являться просветительские интернет-порталы, направленные на формирование правдивых (не ложных) положительных представлений о своей культуре, ее истории, ее достижениях. Просветительский же интернет-портал, который наглядно демонстрирует разницу между ценностями и социальными архетипами исходной (русской) культуры, с одной стороны, и инонациональными образами русской культуры, с другой, обосновывает эту разницу анализом истории восприятия русского мира в других культурах, может выполнить сразу несколько важных для современного российского (и не только) общества задач:

- называние, обозначение и продвижение ценностей русского мира;
- углубление интереса к русскому языку и культуре;
- формирование критического восприятия инонациональных образов России как таких устойчивых ментальных образований коллективного сознания другого народа, которые необходимо предполагают искажение исходного смысла в соответствии с особенностями инонационального культурного кода и «горизонта ожидания» иноязычных читателей.

Сайт «Национальные мифы о России», созданный по инициативе творческого коллектива ученых – сотрудников НГЛУ при поддержке фонда «Русский мир» является именно таким интернет-порталом. Сайт описывает духовные основы русской цивилизации (раздел сайта «Русская культура: ключи к пониманию») на основе выделенных Д.С. Лихачевым [8] ценностей русского мира (роднящих его, к слову сказать, с миром европейским) и выделенных Н.М. Лебедевой [9] социальных архетипов, рассмотренных в связи с важнейшими явлениями русской истории. В этом сопоставлении с духовными основами исходной русской культуры прослеживается содержание и история формирования национальных европейских образов-мифов России – в британской, немецкой, австрийской и французской культурах.

Краткая справка относительно исследовательской, теоретической базы разделов сайта, которые освещают особенности образов-мифов России в раз-

ных европейских культурах, позволяет продемонстрировать объективность, научность изложенных сведений. В название интернет-портала вынесено слово «миф», его терминологическое значение определяется в разделе о теоретических основах проекта. «Миф, – поясняется в его аннотации, – слово, может быть, опасное для исследователя. Слишком часто им оперируют в обыденной жизни в значении "выдумка, вымысел"; нередко обращаются к нему и в значении "сакрального рассказа" (Н. Фрай) в применении, например, к древней мифологии. Но в качестве "наиболее семантически богатого, энергетичного и имеющего силу примера образа действительности" (В.Н. Топоров) миф – то самое слово, которым и следует описывать устойчивый, со своеобразной образно-смысловой структурой и со сложной историей формирования образ России в разных европейских культурах» [10]. В самом теоретическом разделе сайта дается четкое научное определение мифу об иной культуре (или инациональному мифу): «Инонациональный миф – это устойчивое ментальное образование, исходящее из представлений о положительном «национальном своем», порождаемое коллективным сознанием в процессе схождения с другой культурой, выражаемое в виде образов, символов, стереотипов, сюжетов и т. п. и имеющее способность сохранять и наращивать смысловые слои» [11].

Основные разделы сайта касаются формирования мифа о России в британской, австрийской, немецкой и французской культурах, культурно-исторических особенностей и специфики создаваемых образов России на разных этапах формирования мифа.

Национальные европейские мифы рассматриваются как постепенно формирующиеся в сложную структуру системы образов-мотивов-смыслов, истоками уходящие в Средневековье и развивающиеся и по сей день. Разделы представляют собой не реферативный материал, но научно-популярное изложение результатов оригинальных научных исследований; каждый из них содержит важные выводы относительно специфики содержания и исторического развития одного из европейских мифов о России.

В том, что касается британского мифа о России, существенным является вывод о «поразительных особенностях» его смысловой структуры, связанных с географической противопоставленностью Британии России, с позицией протестантского, активного, покоряющего мир начала, которая, начиная с XVI в. проявляется в британской культуре, с относительным параллелизмом имперских притязаний России и Британии, различиями в духовно-ценностных установках двух культурных ареалов. Как убедительно показывает этот раздел сайта, в истории мифа о России в британской культуре явственно оформляется шесть основных образов-смысловых комплексов русского: образ «запредельного» мощного, отчасти чудовищного пространства (XII–XV вв.); образ псевдохристианской примитивно-туземной страны (XVI–XVII вв.); образ сильного деспотичного, варварского государства-агрессора (XVIII–XIX вв.); принципиально новый образ религиозного, душевно и ду-

ховно богатого народа (начало XX в.); образ СССР как страны механистического коллективного труда и тотального контроля (с 1940-х по 1980-е гг.) и, наконец, образ современный, перестроечный и постперестроечный, обремененный ассоциациями со всеми другими слоями мифа и верой в Россию как в мир непредсказуемых событий и неограниченных возможностей самопознания [12]. Как неоднократно подчеркивается в этом разделе сайта, образы, формирующиеся в тесной связи с культурно-историческим контекстом и собственному развитию двух культур, и их взаимодействия, остаются в структуре мифа и способны проявляться и в текстах «других» эпох, и во взаимодействии с другими слоями мифа.

В австрийской культуре, как убедительно демонстрирует соответствующий раздел сайта, миф о России формируется на протяжении многих веков. В разные исторические эпохи австрийская культура при сближении с русской порождала разные образы-интерпретации России (Руси). Важным фактором этого процесса являлась взаимосвязанность политического, торгово-экономического, культурного развития двух империй – Российской и Австрийской. Взаимосвязанность не влекла за собой ровной доброжелательности в общественном мнении, в общем отношении – в связи с разницей как религиозных и, в целом, культурных традиций, так, конечно, и политических интересов. Неслучайно несмотря на то, что с 1815 г. Россия и Австрия были официальными военно-политическими союзниками, на протяжении всего XIX в. в австрийской публицистике и художественной литературе создаются негативные образы России и русских – образы военно-политического государства-агрессора, с акцентами на чертах враждебности, варварства, азиатчины и консерватизма [13].

В целом, австрийский миф вписывается в общеевропейское длительное движение в осмыслении русского мира от полюса «варварское», «дикарское», «агрессивное» к полюсу «богоотмеченное», «душевное», «духовное» (и обратно). Само собой разумеется, что это не однонаправленное, раз и навсегда заданное движение: оно подразумевает и возвраты, и «топтанье на месте», и совмещение полюсов.

В то же время важно понимать своеобразие идеи «австрийскости», которая выросла из соединения германского, славянского, венгерского, турецкого, итальянского и еврейского элементов. Это причудливое соединение разных культурных кодов отдаляет австрийскую культуру от немецкой и как бы изнутри приближает к русской. В этом смысле особенно показателен пример Р.М. Рильке «с его глубокой любовью к таким чертам русской культуры, как душевность, религиозность сознания, созерцательность» [13].

В разделе о немецком мифе о России на основе подробного анализа и интересных наблюдений делаются выводы о том, что представления немцев о России, складывающиеся начиная с эпохи Средневековья, отличаются инертностью, стереотипностью. В ядро мифа входят образы страны «огромных размеров, многочисленного населения, способного победить противостоящие

страны и народы, сурового климата. Эти характеристики мифологизируются, абсолютизируются: страна не просто большая, но огромная, богатство не-сметное», власть абсолютно деспотическая. Как большая идея-образ выделяется суровость климата Руси (ассоциирующейся с ужасающим морозом, снегом, льдом). Именно этот элемент становится структурообразующим для модификаций образа страны вплоть до конца XIX в. В XIX – начале XX вв. в миф о России в немецкой культуре входят представления об особенностях русского характера: «эмоциональности и отзывчивости русского человека, его неустойчивости и несамостоятельности», его терпении и склонности к подчинению, к фатализму, его патриотизме, душевной тонкости и природном уме [14]. Отголоски этих представлений можно найти в современных немецких книгах и статьях о России.

Схожее можно сказать и о мифе о России во французской культуре. Россия была предметом некоторого внимания уже в средневековой Франции, когда представления о ней связаны с образом «большой территории в совершенно определенной части Европы». В XVI в. Московия возникает на страницах французских романов как «край» света, обещающий могущество и не-сметные богатства. Эпоха Просвещения (XVIII в.) создала образ России как сильного, опасного государства и большой, значимой для Европы страны. В XIX в., в частности, в связи с воздействием книги А. ле Кюстина «Россия в 1839 году», во Франции складывается образ России как «страны фасадов», в которой жестокость и дикие нравы искусно прикрыты внешней приветливостью и добросердечностью. Особые страницы истории французского мифа о России – «мода» на русскую духовность и достижения культуры на рубеже XIX–XX вв., вера в русскую революцию и в СССР и антисоветские настроения с 1930-х гг.

Как показывают изложенные в соответствующем разделе сайта результаты исследования, сегодня сложная структура французского мифа о России включает в себя самые разные представления – от смыслового комплекса «страна агрессивных людей, склонных ко всяческим человеческим слабостям» и «страна, лишенная нравственных императивов, растерявшая положительный потенциал, накопленный со времен французских просветителей и писателей-романтиков XIX века» до смыслового комплекса «страна-спасительница, место силы и пассионарности». Практически во все периоды формирования французского мифа о России неизменным оставалась негативное отталкивание от русского мира как «чужого». Основную причину этому следует искать в расхождении в национальных системах ценностей: основные характеристики французской культуры – индивидуализм и личная свобода – существенно расходятся с такими ценностями русского мира, как индивидуальность в единстве и внутренне ощущаемый долг (совесть) [15].

Обобщая, подчеркнем, что сайт имеет одну важную особенность: он адресован как широкой российской, так и европейской аудитории интернет-пользователей, поскольку существует как в русскоязычном варианте, так и

вариантах английском, (пока отчасти) немецком и французском. Он, таким образом, стремится донести как до русского, так и зарубежного сообщества – в первую очередь, до широкой европейской интернет-аудитории – системные сведения об истории формирования и существования представлений о России в различных европейских странах. Раскрывая глубинные причины современного негативного восприятия России в Европе, сайт утверждает мысль о неизбежности внутреннего расстояния между производимыми и воспроизводимыми смыслами русской культуры.

Литература

1. Журавлева, Н.Н. Коммуникативные стратегии в сфере культурной дипломатии: современные дискуссии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 160–166.
2. Stepniak, S. At the Dawn of a New Reign: a Study of Modern Russia. London: Chatto and Windus, 1905. 347 p.
3. Lebedev, B. England and Russia in Recent Years // The Russian Review. Vol. 3. № 1. 1913. P. 126.
4. Климова, С.Б. Миф о России в английской культуре и литературе рубежа XIX–XX веков: от антихристианского «чужого» к христианскому «своему» // Вестник ННГУ. Н. Новгород, 2012. № 6. Ч. 1. С. 329–334.
5. A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (collected essays) / ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Book Publishers CIC Ltd, 2012. 350 p.
6. Феклин, М.Б. «Пустые годы» переводчицы Констанс Гарнетт // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3 (25). С. 227–234.
7. Davison, C. Translation as Collaboration: Virginia Woolf, Katherine Mansfield and S.S. Koteliansky. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 256 p.
8. Лихачев, Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 45–49.
9. Лебедева, Н.М. Архетип личности в русской культуре // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 111–113.
10. Королева, С.Б. Миф об иной культуре (теория) [Аннотация] // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-ob-inoy-kulture-teoriya/> (дата обр.: 05.10.2018).
11. Королева, С.Б. Миф об иной культуре (теория) // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-ob-inoy-kulture-teoriya/1-stranitsa/> (дата обр.: 05.10.2018).
12. Королева, С.Б. Миф о России в британской культуре [Аннотация] // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-o-rossii-v-britanskoj-kulture-2/> (дата обр.: 05.10.2018).
13. Аверкина, С.Н., Савина, В.В. Миф о России в австрийской культуре // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-o-rossii-v-avstriyskoj-kulture/vvedenie/> (дата обр.: 05.10.2018).
14. Савина, В.В. Миф о России в немецкой культуре // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-o-rossii-v-nemetskoj-kulture/> (дата обр.: 05.10.2018).
15. Фомин, С.С. Миф о России в французской культуре // Электронный ресурс. URL: <http://myth-of-russia.lunn.ru/mif-o-rossii-v-frantsuzskoj-kulture/> (дата обр.: 05.10.2018).

УДК 811.111'373 : 28-24

ББК 81

ОСОБЕННОСТИ МОДИФИКАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ КОРАНА

Е.В. Михайлова, Е.С. Солодова, В.Ю. Мелека

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу особенностей модификаций коранических фразеологизмов, являющихся элементами текста в англоязычных версиях Корана, на возникновение которых влияют как лингвальные, так и экстралингвальные факторы.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, модификация, коранический фразеологизм, англоязычная версия Корана, лингвальный фактор, экстралингвальный фактор.

FEATURES OF MODIFICATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH VERSIONS OF THE QURANIC

E. Mikhailova, E. Solodova, V. Meleka

Summary. The article is devoted to the linguocultural analysis of the peculiarities of the Quranic phraseological unit modifications being the text elements in the English Qur'an versions which are influenced on by both the lingual and extralingual factors.

Key words: linguocultural analysis, modification, Quranic phraseological unit, English Quran version, lingual factor, extralingual factor.

Известно, что фразеологический фонд языка является одним из предметов исследования в лингвокультурологии, поскольку является ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа. Актуальность данного исследования обусловлена малой изученностью видов модификаций контекстуальных коранических фразеологизмов, представленных в трех англоязычных версиях Корана, необходимостью детального анализа культурно-исторической и семантической специфики коранических фразеологизмов в современном английском языке. Особое внимание к изучению Священного Писания мусульман вызвано стремлением получить более глубокие представления об их культуре для укрепления отношений с мусульманским миром.

Объектом исследования в настоящей работе являются фразеологические единицы (далее – ФЕ), функционирующие в трех англоязычных версиях Корана. Предметом исследования выступают лингвистические особенности модификаций фразеологизмов в англоязычных коранических текстах в зависимости от культурного наследия английского социума.

Цель нашей работы заключается в лингвокультурологическом анализе модификаций ФЕ, возникающих в поздних известных английских переводах коранического текста, в определении причин обнаруженных модификаций.

Данная статья является продолжением изучения в диахронии лексических, стилистических и грамматических особенностей англоязычных религиозных текстов, результаты которых, касающиеся английского библейского языка, изложены в монографии [1]. В качестве материала нашего исследования выбраны религиозные тексты из трех англоязычных версий Корана: пе-

ревод Джорджа Сейля (здесь и далее – Дж. Сейль, 1734) [2], перевод Абдуллы Юсуфа Али (А.Ю. Али, 1934) [3] и современный перевод Сэма Джерренса (С. Джерренс, 2016) [4].

В 1734 г. инициатор просветительского движения в Англии Джордж Сейль опубликовал первый перевод Корана с арабского языка, основанный главным образом на комментариях выдающихся мусульманских богословов. Эта англоязычная версия оставалась самым широко используемым переводом на протяжении последующих столетий и на долгие годы определила уровень изучения и понимания Корана в Европе.

Пик коранических исследований и переводов пришелся на XX в. – время публикации около 30 различных англоязычных версий Корана. Особо примечателен английский перевод индийского мусульманина Абдуллы Юсуфа Али, данный перевод после глубокого исследования в Институте Корана в Медине и Научно-исследовательской Исламской Академии Аль-Азхар канонизирован Королевством Саудовской Аравии. После первого выхода в свет в 1934 г. его работа еще неоднократно переиздавалась и оказала большое влияние на современные переводы.

В XXI в. по-прежнему наблюдается повышенный интерес к изучению Корана, что в свою очередь провоцирует создание все большего количества его переводов. В период с 2000 г. по 2016 г. опубликовано 34 англоязычные версии Корана [5]. Перевод, выполненный Сэмом Джерренсом в 2016 г., послужил материалом данного исследования.

В настоящей работе под модификациями фразеологизмов понимаются авторские (принадлежащие создателям англоязычных версий Корана) изменения ФЕ, являющиеся элементами англоязычных коранических текстов. За оригинальную форму коранических ФЕ в английском языке приняты именные и глагольные фразеологизмы, зафиксированные в словаре коранических идиом М. Мира [6].

Именные ФЕ включают в свой состав именные знаменательные части речи и не содержат глаголов, а в глагольных фразеологизмах в качестве обязательного компонента присутствует глагол, другие части речи. В процессе исследования выявлено, что фразеологизмы этих двух групп подвергаются качественным (замена одного или нескольких компонентов ФЕ) и количественным (изменение количества слов-компонентов ФЕ) модификациям лексического состава. Изменения иногда касаются грамматических форм слов-компонентов (число, категория залога, наклонения, времени и т. д.). В результате появляются лексические, морфологические и в большинстве случаев лексико-морфологические варианты фразеологизмов.

Рассмотрим примеры модификаций ФЕ, представленных в англоязычных версиях Корана. Фразеологизм *an illuminating torch*, который обозначает пророка, несущего людям веру, в своей оригинальной форме присутствует в версии Дж. Сейля. Лексическая единица *a torch* имеет значение «карманный фонарик» и «факел». Поскольку во времена создания Корана об электричест-

ве не могло идти и речи, очевидно, что подразумевается именно факел (переносной светильник; обычно длинная палка, обмотанная с одного конца материалом, который пропитан горючим). Среди значений имени прилагательного *illuminating* выделяют такие, как «освещающий», «проливающий свет (= разъясняющий)», в данном фразеологизме, по нашему мнению, реализуются оба значения. Таким образом, в представлении мусульман пророк, несущий людям веру, – это факел, освещающий и проливающий свет на истину.

В версии Корана А.Ю. Али имя существительное *a torch* заменяется лексической единицей *a light*, имеющей широкий спектр значений: «освещение, электрический свет», «дневной, естественный свет», «рассвет, утренняя заря», «небесное светило», «огонь свечи», «лампа, фонарь, прожектор». В данном примере мы имеем дело с субституцией слова с узким денотатом лексической единицей с более широким значением. Автор оставляет за читателем выбор значения того образа, который ему ближе: одни представляют пророка в образе свечи, освещающей путь в темноте, для других – это рассвет, для третьих – лампа или фонарь, а может даже и прожектор.

Имя прилагательное *illuminating* подвергается субституции лексической единицей *shining*, обозначающей «яркий, сияющий, блестящий», «великолепный, выдающийся, замечательный». Как видим, среди значений данного слова нет того, которое бы в полной мере передавало суть ФЕ, таким образом, модификация фразеологизма стала причиной искажения его исконного значения.

В переводе С. Джерренса отмечаем субституцию лексической единицы *a torch* именем существительным *a lamp*, обозначающим «лампу, фонарь, светильник». Факел, как известно, горит благодаря пропитке горючим, а лампа вырабатывает свет, «питаясь» электричеством. В наше время редко можно увидеть воочию факел, а вот электрическую лампочку видел каждый. Данную замену, соответственно, можно объяснить попыткой автора сделать свой перевод актуальным в рамках быстро изменяющейся действительности. Также наблюдаем замену нерасчлененного наименования (имени прилагательного *illuminating*) расчлененным наименованием (причастием с именем существительным *spreading light*). Напомним, что через лексическую единицу *illuminating* реализовывалось два значения – «освещающий», «проливающий свет (= разъясняющий)», в то время как словосочетание *spreading light* имеет лишь одно – «распространять свет», т. е. «освещать», следовательно, приходим к заключению, что данная субституция привела к потере части значения.

Модификации качественного и количественного порядка, произошедшие в современных версиях Корана, объясняются стремлением авторов адаптировать перевод, сделать его понятным для широкой читательской аудитории:

Дж. Сейль: *And an inviter unto GOD, through his good pleasure, and an illuminating torch.*

А.Ю. Али: *And as one who invites to Allah's (grace) by His leave, and as a shining light.*

С. Джерренс: *And as a caller to God by his leave, and as a lamp spreading light /33:46/.*

В переводах Дж. Сейля и А.Ю. Али следует отметить трансформацию количественного порядка (добавление) фразеологизма *to recognize smth. / smb. just as one's sons* – «знать что-либо / кого-либо как своих сыновей». Авторы включают в состав фразеологизма имя прилагательное *own*, значение которого «собственный, родной, любимый», интерпретируя фразеологизм, «знать, как своих родных сыновей». Данное включение работает на усиление, поскольку кто, как не мы, способны знать лучше наших родных детей.

В переводе С. Джерренса стирается дифференциация пола при передаче на английский язык данного фразеологизма. Имя существительное *sons*, под которым подразумеваются только мальчики, заменяется именем существительным *children* с более широким денотатом, под которым могут пониматься как мальчики, так и девочки. В последнее время английский язык часто обвиняют в сексизме, особенно на фоне набирающего обороты феминистического движения, в том, что он изобилует мужскими формами. Данная субституция объясняется такими экстралингвальными факторами, как гендерная политика и политкорректность, стремлением не задеть чувства определенных лиц.

В этой же версии происходит равнозначная субституция глагола *to know*, обозначающего «знать, иметь информацию, узнавать», на глагол *to recognize*, обозначающий «узнавать, определять». Таким образом, возникает еще одна лексическая модификация, но уже качественного порядка:

Дж. Сейль: *They... recognize our apostle as they recognize their own sons.*

А.Ю. Али: *The people of the Book recognise this as they recognise their own sons.*

С. Джерренс: *Those whom we gave the law know it just as they know their children /6:20/.*

В переводах 1734 г. и 1934 г. фразеологизм *until a camel can pass through the eye of the needle* – «пока верблюд не пройдет сквозь игольное ушко» – не подвергается модификациям. Данная ФЕ выражает невозможность грешников попасть в рай, т. е. имеет значение «никогда». Интересен тот факт, что подобное выражение встречается также в священных текстах христиан и иудеев – в Библии и Талмуде. Историю возникновения данного фразеологизма связывают с легендой о существовании узких ворот под названием «Игольное ушко», сквозь которые верблюд мог пройти лишь без наездника и поклажи.

В современной англоязычной версии Корана С. Джерренс использует выражение *nor... a twisted rope can pass through the eye of a needle* – «витой канат не сможет пройти сквозь игольное ушко». По нашему мнению, субституция имени существительного *a camel* словосочетанием *a twisted rope* не вызывает ассоциаций с упомянутой легендой, которую не все современники мо-

гут знать, но суть невозможности совершения какого-либо действия, выраженного данной модификацией ФЕ, становится по логике понятней. Таким образом, происходит процесс дефразеологизации в результате субституции компонента фразеологизма с подменой понятия, но тем не менее данный оборот сохраняет смысл контекстуального фразеологизма («никогда»):

Дж. Сейль: *...neither shall they enter into paradise, until a camel can pass through the eye of a needle.*

А.Ю. Али: *...nor will they enter the garden, until a camel can pass through the eye of the needle.*

С. Джерренс: *Nor will they enter the garden any more than a twisted rope can pass through the eye of a needle /7:40/.*

Отмечены случаи дефразеологизации, когда авторы англоязычных версий Корана вместо устоявшегося фразеологизма используют не коранические ФЕ или выражения нефразеологического характера.

Рассмотрим идиому *to touch women* – «прикоснуться к женщинам», который сохраняет свою оригинальную версию лишь в переводе Дж. Сейля. Глагол *to touch* в значении «иметь отношения с кем-либо» пришел в английский язык из французского языка в конце XIII в., а в начале XIV в. приобрел более конкретное значение – «иметь сексуальный контакт с кем-либо». Итак, выражение *to touch women* означало «вступать в интимные отношения с женщинами».

Со временем значения лексической единицы *to touch* расширились и в настоящий момент в словарных статьях насчитывается около 20 различных значений, на первый план вышли «(при)касаться, трогать (пальцами, руками)», «притрагиваться (к еде)», «ударять», «достигать», «влиять» и др. Исходя из этого, дабы избежать неправильной интерпретации данного фразеологизма читателем, например, «прикоснуться (в прямом смысле этого слова) к женщинам» или «ударять женщин»), авторы современных переводов прибегают к модификации.

А.Ю. Али предлагает выражение *to be in contact with women*. В данном примере происходит замена нерасчлененного наименования *to touch* расчлененным – *to be in contact with*. Имя существительное *a contact* обозначает «контакт, соприкосновение», «знакомства, отношения, связи», в то время как целое выражение *to be in contact with smb.* – «поддерживать отношения, общаться, видеться время от времени», «вступать в контакт (связываться)». Проанализировав словарные статьи, мы выяснили, что без прилагательного *physical (to be in physical contact with smb.)* данное выражение не передает значение «вступать в интимные отношения», таким образом, наблюдаем потерю истинного значения идиомы.

С. Джерренс вместо данного фразеологизма использует выражение *to lie with women*. Сам по себе глагол *to lie* обозначает «лежать», «быть расположенным», «быть или оставаться в каком-нибудь положении или состоянии», однако в сочетании с предлогом *with* приобретает значение «иметь сексуаль-

ный контакт с кем-либо», как видим, правильная интерпретация значения идиомы полностью передана современному читателю:

Дж. Сейль: ...*or have touched women*...

А. Ю. Али: ...*or ye have been in contact with women*...

С. Джерренс: ...*or you have lain with women*... /4:43/.

По мере того, как изменяется окружающая нас действительность, меняется и язык. Исходя из этого, для лучшего понимания истин, изложенных в Священном Писании, создается все больше новых версий Корана, а также переиздаются старые на более современный язык.

При анализе фразеологических единиц, являющихся элементами текста разных версий Корана, обнаружены изменения.

1. Модификации качественного порядка. В эту группу отнесены такие процессы как замена лексической единицы и понятия в сторону его расширения (*sons – children; chastisement – punishment*), в сторону сужения (*a breast – a heart*); субституция лексической единицы с подменой понятия (*a camel – a twisted rope; straitened – distressed*); стилистическая замена лексического компонента ФЕ в сторону снижения стиля (*an infirmity – a disease; to thrust – to put*), обратный процесс (*painful – grievous; to bear – to sustain*); проявление синонимии компонентов в использовании лексических единиц, принадлежащих к нейтральному стилевому регистру (*to lay – to make; to work – to earn*); субституция нейтрального слова лексической единицей, в коннотативном аспекте которой отмечается усиление интенсивности признака (*heavy – burdensome*).

2. Модификации количественного порядка. В рамках этой категории нам удалось обнаружить ряд явлений: добавление (*to recognize just as their sons – to recognize just as their own sons; those who bear the throne – those angels who bear the throne*); экономию языковых средств (*for that which it shall have wrought – for its deeds – for what it earns*).

В результате данных модификаций появляются лексические (*the hand of Allah – the hand of God; to devour the inheritance – to consume the inheritance*) и лексико-морфологические (*every soul is given in pledge for that which it shall have wrought – every soul will be in pledge for its deeds – every soul is in pledge for what it earns*) варианты фразеологических единиц.

Отмечается явление дефразеологизации – распада фразеологизмов и их замена выражениями, передающими значение ФЕ (*the mother of cities – the metropolis of Mecca; to lower one's wing – to behave oneself with meekness*).

Среди факторов, приводящих к модификации коранических ФЕ, выделены как лингвальные, так и экстралингвальные: изменения значений слов-компонентов ФЕ в связи с развитием языка; изменения в грамматике и модернизация английского языка; глобализация языка и культуры; влияние фактора политкорректности, гендерная политика. Снижение возвышенного стиля в связи с субституциями слов-архаизмов, упрощение конструкций, отказ от фразеологических единиц в пользу выражений, раскрывающих их значение,

вызвано, по всей видимости, стремлением привлечь как можно больше людей к прочтению Корана.

Для определения особенностей религиозной картины мусульман, говорящих на разных языках, перспективным исследованием представляется анализ модификаций коранических фразеологизмов на материале разноязычных версий Корана.

Литература

1. Михайлова, Е.В. Язык Нового Завета и время: Англоязычные версии Библии: моногр. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2009. 188 с.
2. Sale, G. The Koran (Al-Qur'an). London: Printed by C. Ackers, 1734. 654 p.
3. Ali, A.Yu. The Holy Qur'an. Lahore: Sheikh Muhammad Ashraf Publishers, 1934. 981 p.
4. Gerrans, S. The Qur'an: A Complete Revelation. N.Y.: Quranite, 2016. 1200 p.
5. Переводы Корана на иностранные языки // Электронный ресурс. URL: <https://www.shiizm.ru/2388>.
6. Idioms of the Qu'ran [M. Mir]. Michigan: The University of Michigan Center for Near Eastern and North African Studies, 1989. 404 p.

УДК 81`42

ББК 81.2Нем-5

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЧЛЕНОВ БУНДЕСТАГА)

Ж.В. Никонова, Е.В. Соловьева

Аннотация. Основные принципы лингвистической безопасности предполагают ведение межкультурного диалога с учетом особенностей формирования и развития различных типов дискурса в той или иной лингвокультуре, с представителями которой осуществляется межкультурная коммуникация. В статье освещаются лингвокультурные особенности политического дискурса современной Германии, выявленные авторами в результате лингвистического анализа текстов стенограмм заседаний немецкого бундестага. На многочисленных примерах доказывается, что немецкий политический дискурс отличается высокой степенью институциональности и подчеркнутой вежливостью, даже в условиях осуществления речевых актов негативной оценки личности и действий оппонента(-ов). Вербальное оформление дискредитирующих речевых действий немецких политиков демонстрирует широкую палитру языковых средств, характеризующих высокий уровень политической культуры членов немецкого бундестага и особенности построения речевых актов с отрицательной оценочностью.

Ключевые слова: политический дискурс, речевой акт, вежливость, оценочность.

LINGUOCULTURAL DISTINCTIVE FEATURES OF THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE TEXTS OF THE BUNDESTAG MEMBERS' SPEECHES)

Zh. Nikonova, E. Soloveva

Summary. The basic principles of linguistic security require a cross-cultural dialogue considering the peculiarities of formation and development of the different discourse types in certain linguistic cultures. The article provides an analysis of the linguocultural features of

the modern political discourse in Germany as exemplified by the texts of the parliamentary session transcripts. Numerous examples prove that the German political discourse is distinguished by the high degree of conventionality and higher politeness even if speakers perform speech acts expressing a negative evaluation of opponent's personality and behavior. The realization of discrediting speech actions shows a wide diversity of linguistic means characterizing the high level of political culture of the bundestag members and the peculiarities of the negative evaluation speech acts performed.

Key words: *political discourse, speech act, politeness, evaluation.*

Обращение к исследованию лингвокультурных особенностей политического дискурса в контексте проблемы изучения лингвистической составляющей государственной безопасности обусловлено значимостью межкультурного диалога для сохранения стабильности и процветания страны.

Языковая реальность в современном мире формирует особый тип коммуникативного поведения, ориентированного на понимание и диалог, определяющим условием существования которых является язык как важнейший элемент системы культурных кодов, транслятор духовных ценностей и важнейшее средство этнической самоидентификации [1, с. 354].

Рассмотрение языковой картины мира политики как факторов, создающих базу для манипулятивного воздействия, характерного для политической коммуникации [2], позволяет понять логику использования политиками определенных лингвистических приемов и механизмов, являющуюся отражением национального менталитета.

Проведенный анализ текстов стенограмм заседаний немецкого бундестага за 2017 г. показал, что современный немецкий политический дискурс отличается высокой степенью институциональности. Немецкие политики стремятся в своих выступлениях строго соблюдать правила и нормы публичной политической коммуникации, укрепляя тем самым образ национального парламента как площадки для открытой конструктивной дискуссии, которая ведется на принципах взаимоуважения и равноправия. В первую очередь это выражается в подчеркнутой вежливости речевого поведения политиков. Подтверждением тому является высокая частотность этикетных речевых актов благодарности в текстах выступлений немецких депутатов. Каждая публичная речь политика, произносимая в бундестаге, содержит минимум одно речевое действие данного иллокутивного типа. Каузатором благодарности выступает в основном признательность коллегам за совместную законотворческую деятельность, например:

1) *An dieser Stelle möchte ich **Dank sagen**: zum einen dem Koalitionspartner SPD, der mit uns gemeinsam diese Änderungen vorgenommen hat, und zum anderen dem Ministerium, das am Schluss gute Zuarbeit geleistet hat* [3, S. 25121].

2) *Ich **bedanke mich** bei allen Kolleginnen und Kollegen aller Fraktionen des Hauses für eine konstruktive, teils harmonische, teils kontroverse, zumeist respektvolle Zusammenarbeit* [3, S. 25163].

3) *Deshalb gilt an dieser Stelle **mein ganz besonderer Dank** Eva Högl und Johannes Fechner genauso wie Stephan Harbarth und Elisabeth Winkelmeier-Becker für diese gute Zusammenarbeit... Es hat sich gelohnt, wie man an den Ergebnissen erkennt* [3, S. 25128].

Приведенные примеры иллюстрируют тот факт, что немецкие политики используют широкую палитру речевых клише, выражающих благодарность. Следует отметить определенную специфику данных речевых актов, четко демонстрирующих дополнительную (помимо собственно выражения благодарности) интенцию говорящего осуществить положительную самопрезентацию: член бундестага, благодарящий коллег за сотрудничество, подчеркивает тем самым и свою собственную роль соучастника проведенной работы, о чем свидетельствует употребление лексем *Zusammenarbeit*, *Zuarbeit*, *gemeinsam* и др.

Достаточно высокой частотностью функционирования в немецком политическом дискурсе характеризуются *речевые акты, эксплицирующие лояльность, уважение* к оппоненту, понимание его позиции. Использование речевых актов данного иллокутивного типа позволяет говорящему установить внешне доверительные отношения с аудиторией, в т. ч., с политическими соперниками, создавая тем самым фундамент для налаживания диалога и ведения дальнейшей дискуссии, например:

1) *Ich **habe** aber auch **Verständnis** für alle, die gegenüber der Öffnung der Ehe Bedenken haben und diesen Schritt noch nicht mitgehen wollen. Ich finde, das muss man **respektieren*** [3, S. 25106].

2) *Insofern **verstehe** ich Ihren Ärger... Ich **respektiere** Ihre Position, auch wenn ich sie nicht verstehe* [3, S. 25110].

3) *Es gibt in ihr Kolleginnen und Kollegen, die der Eheöffnung zustimmen werden, und es gibt Kolleginnen und Kollegen, die zu genau einer anderen Erkenntnis gekommen sind... Als Vorsitzender dieser Fraktion **habe** ich **Respekt** vor beiden Seiten* [3, S. 25107].

Подчеркнутую вежливость немецких парламентариев подтверждает и факт использования депутатами *речевых актов, выражающих вежливое несогласие* выступающего с коллегами из аудитории слушающих. Часто для реализации этой интенции говорящие используют различные эвфемистические обороты, смягчающие общую отрицательную оценку говорящим политической позиции оппонента, например:

1) *Aber ich will ganz ehrlich sagen: Ich kann die Euphorie die hier teilweise in den Wortmeldungen aus den Reihen der Koalition aufkam, als Rechtspolitiker der Union **nicht so richtig teilen*** [3, S. 25133].

2) *Deswegen **verstehe** ich so wenig, warum dann Konservative so sehr dagegen sind* [3, S. 25108].

3) ***Bei allem Respekt, lieber Heiko Maas: Wir haben nicht nur für Klarstellungen gesorgt, sondern wir haben ihn an vielen entscheidenden Stellen deutlich verändert und deutlich nachgebessert*** [3, S. 25121].

Анализ языковых фактов позволил выявить также частотные случаи употребления немецкими политиками этикетных *речевых актов частичного несогласия*. Данные речевые акты являются реактивными, т. е., выражающими реакцию говорящего на определенную ситуацию (в большинстве случаев это выступление предыдущего оратора на заседании). Кроме того, их иллокутивная структура имеет выраженные лингвокультурные особенности. Вначале говорящий дает сдержанную положительную оценку позиции политического оппонента, косвенно цитируя ее, затем при помощи противительного союза вводит свой контраргумент, в итоге представляющий данную позицию как ошибочную. Выражая свое частичное несогласие таким подчеркнуто вежливым образом, политик создает впечатление активного вербального взаимодействия с противником, открытости, готовности к поиску точек соприкосновения для дальнейшего сотрудничества, что придает большую убедительность и достоверность его рассуждениям, например:

1) ***Natürlich hat Herr Maas recht: Es gibt Probleme mit Hass- und Falschnachrichten und der Rolle, die soziale Netzwerke da als Plattformen spielen... Die gibt es aber nicht erst seit gestern, und sie sind unbedingt ernst zu nehmen*** [3, S. 25120].

2) ***Natürlich, liebe Kollegin Sitte, ist Strafverfolgung Sache der Justiz. Natürlich braucht es auch eine lebendige Zivilgesellschaft, um Hetze, Hass und Verleumdung im Netz zu begegnen... Das ist völlig unbestritten... Aber doch schon heute haben Plattformbetreiber die Pflicht, strafbare Inhalte von ihren Seiten zu löschen*** [3, S. 25121].

3) ***Ein paar Regelungen sind gar nicht so schlecht, Frau Schön, zum Beispiel die regulierte Selbstregulierung... Das ist aber eine Kannregelung, die nicht sofort in Kraft tritt*** [3, S. 25123].

Достаточно специфичным для немецкого политического дискурса является и вербальное оформление **отрицательно оценочных высказываний**.

Объектами негативной оценки говорящего, как правило, становятся его политические соперники, их позиции и деятельность, что позволяет самому эмитенту речи предстать в образе обвиняющего судьи, разоблачителя неправды. Однако стоит отметить высокую культуру немецких парламентариев, проявляющуюся даже в случаях выражения критики оппонентов.

Так, в речевых актах обвинения очевидна интенция говорящего обличить, но не унизить политического противника, что выражается в вербальном оформлении таких высказываний. В частности, выступающие для экспликации отрицательной оценки отказываются от грубой лексики в пользу эмотивных эпитетов и образных метафорических выражений общеязыкового и окказионального характера, например:

1) ***Zum angekündigten Evaluierungszeitpunkt wertete Herr Maas diese Gespräche aus und kam kurz vor Ostern plötzlich, wie Kai aus der Kiste, mit einem Gesetzentwurf, der helles Entsetzen auslöste... Das hat nichts mit dem Niveau und der Seriosität zu tun, die wir hier gebraucht hätten*** [3, S. 25122].

2) *Frau Merkel, ich kann es Ihnen nicht ersparen: Es war **erbärmlich**... Es war **peinlich**... Seit 2005 haben Sie die Diskriminierung von Lesben und Schwulen unterstützt und haben nichts dafür getan, dass es zu einer Gleichstellung kommt. Sie haben **sich hier ver Stolpert**... Das war Ihr **Schabowski-Moment*** [3, S. 25113].

3) *Ich glaube, Herr Kauder war **ein größeres Problem!** Herr Kauder war mal wieder **die große Bremse!*** [3, S. 25133].

Институциональность немецкого политического дискурса находит вербальное выражение и на лексическом уровне. Депутаты бундестага являются представителями различных политических институтов (партий, коалиций), разделяющими и пропагандирующими соответствующие программы и ценности. Поэтому выступающие в парламенте ораторы в своих речах открыто позиционируют себя как агентов определенных политических сил, что нагляднее всего демонстрируют *речевые акты похвалы*, в которых говорящий высоко оценивает деятельность своей партии:

1) ***Wir Grüne im Bundestag setzen uns dafür ein, die Chancen der Digitalisierung optimal zu nutzen*** [3, S. 25109].

2) ***Die SPD-Fraktion hat hier eine rote Linie gezogen und den Kern der Reform, den Vorrang der Schranke vor vertraglichen Angeboten, durchgesetzt... Das ist unserer klaren Linie geschuldet... So haben wir den bildungs- und wissenschaftsfreundlichen Charakter dieses Gesetzes erhalten können*** [3, S. 25132].

3) ***Darauf sind wir Grüne stolz*** [3, S. 25109].

Суммируя вышеизложенное, проведенный анализ стенограмм выступлений немецких депутатов в бундестаге позволяет заключить, что основной дискурсообразующей чертой современной немецкой публичной политической коммуникации является ее институциональность, которая проявляется, во-первых, в подчеркнутой вежливости речевого поведения эмитентов на самой высокой парламентской площадке Германии (что подтверждается частотностью этикетных речевых актов благодарности, вежливого и частичного несогласия), во-вторых, в автореферентности коммуникации (реализуемой через автореферентные речевые акты похвалы), и, в-третьих, в специфичной реализации категории оценочности в речи политиков (общем преобладании положительно оценочных высказываний и образно-театральном характере отрицательно оценочных речевых актов обвинения).

Отдельно следует отметить тот факт, что соблюдение речевых конвенций и правил публичного политического дискурса не ограничивает возможности ведения эффективной речевой самопрезентации немецких политиков, что говорит о высокой коммуникативной компетентности выступающих на парламентской площадке Бундестага.

Литература

1. Савруцкая, Е.П., Семенов, Д.В. Проблемы лингвистической безопасности в коммуникативном пространстве русского мира // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы первого междунар. обр. форума 26–27 сент. 2017 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. 380 с.

2. Стеклова, Т.И. Декларативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). Екатеринбург, 2016. С. 28–37.

3. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18 / 244, Stenografischer Bericht // Электронный ресурс. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18244.pdf>.

УДК 81`282.8:004

ББК 81

«РУНГЛИШ» В ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Г. Ножевникова, С.Б. Формозов

Аннотация. Языки живут и развиваются в тесном взаимодействии; типичным примером можно считать появление и функционирование в одном языке лексических единиц другого. В результате более тесных контактов может происходить смешение языков, что приводит к формированию пиджинов, креолов и т. д. В XXI в. все большее внимание в России обращает на себя формирование русско-английского гибрида (Рунглиш). В настоящей статье рассматривается его функционирование в сфере информационных технологий, анализируются различные точки зрения на статус данного гибридного образования и его воздействие на официальный русский язык.

Ключевые слова: информационные технологии, контактная лингвистика, креолизация языка, пиджин, рунглийский язык.

“RUNGLISH” IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN COMMUNICATIVE ENVIRONMENT

E. Nozhevnikova, S. Formozov

Summary. Languages exist and develop in constant contact: an obvious example is the appearance of words from one language in another's lexical system. The result of more deep-laid interference is the formation of pidgin and creole languages. In the XXI c. more and more attention is drawn to the development of Russian-English hybrid (RunGLISH). The article deals with its functioning in the sphere of IT communication; the analysis of opinions on its status and impact on the official Russian language.

Key words: information technology, contact linguistics, creolization of language, pidgin, RunGLISH.

Вопрос языковых контактов становится все более актуальным в XXI веке. В эпоху открытого общества и все продолжающихся процессов глобализации смешение языков является постоянно прогрессирующей тенденцией. Масштабы «смешения» варьируют от просто количественного увеличения заимствований до системной трансформации языков мирового общения и возникновения гибридов. Существование таких смешанных вариантов, как «Спанглиш» (*Spanish English*), «Чинглиш» (*Chinese English*), «Денглиш» (*Deutsch English*), уже не вызывает сомнений. В 2000 г. впервые зашел разговор о «Рунглиш» (*RunGLISH*) – гибриде английского и русского языков. Актуальность исследования данного гибридного образования возрастает в контексте современных дискуссий об опасности «размывания границ» русского языка. На настоящий момент нет единства взглядов относительно статуса «Рунглиш»: ряд исследователей из области социолингвистики и креолистики считают его пиджином (О.Е. Сафонова и др.), другие полагают целесообразным относить его к варианту английского языка (А.И. Дьяков и др.), отдель-

ная группа придерживается мнения, что русско-английский язык – это язык бизнеса (Е. Мулярова и др.). В зависимости от позиции ученых варьируются и мнения о последствиях расширения сфер употребления гибрида для современного русского языка. В представленном далее обзоре раскрываются основные категории, связанные с установлением статуса смешанного языка, с целью на их основе рассмотреть функционирование рунглийских единиц в области информационных технологий.

Еще со времен античности впервые было замечено воздействие языков друг на друга через заимствования слов. Гипотезу, что современные романские языки произошли от смешения варварских языков (в основном германских) и латыни, с научной точки зрения выдвинул итальянский гуманист Лоренцо Балла [Степанова, 2000, с. 312–315; цит. по: 1]. Однако до начала XIX в. изучение языковых контактов не было целенаправленным; внимание было сосредоточено на процессах языковой дивергенции в ущерб анализу конвергентного развития языков. В XX веке в связи с изменением политической обстановки и запросов общества вопросы языковых контактов получают все большее распространение. «Раздел языкознания, изучающий структурные типы, происхождение, эволюцию контактных языков, специфика которых обусловлена социальной ситуацией» носит название «креолистика» (контактология) [2].

Формирование контактной лингвистики связано с категориями языковой контакт, билингвизм (двуязычие), заимствование и интерференция, субстрат и суперстрат, конвергенция и дивергенция, переключение кодов, пиджин и креольские языки [1]. Многие ученые по-разному трактуют термин «языковой контакт», заменяя его синонимичными понятиями: «скрещение языков», «смешение языков», «взаимодействие языков». О.С. Ахманова определяет языковой контакт как «...соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [3]. Неотъемлемой составляющей исследования в таком случае является описание специфических условий, возникающих при взаимодействии языков – какой язык является доминирующим (под воздействием определенных экстралингвистических факторов) и насколько активное воздействие он оказывает на другой?

Н.Б. Мечковская считает, что языковой контакт – «предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков» [4, с. 178]. Кроме того, среди лингвистов бытует мнение что «языковой контакт» своего рода метафора, которая отражает многие языковые явления в широком смысле. Уже из этих определений можно сделать вывод, что при рассмотрении понятия языкового контакта нужно учитывать не только субъективную сторону, но и объективную, социальные аспекты, обуславливающие индивидуальность каждой культуры.

Выделяются 3 уровня изменения контактирующих языков:

- 1) лингвистический;
- 2) социолингвистический;
- 3) психолингвистический.

На лингвистическом уровне Н.Б. Мечковская подчеркивает «смешение взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем» [4, с. 169] на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях; степень заимствования языковых структур или структурных элементов [5].

Социолингвистический уровень может быть представлен «как взаимодействие разноязычных социумов, т. е. как определенную языковую ситуацию» [там же]. Языковая интерференция может возникать вследствие различий в возрасте носителей языка, уровне образования и культуры, под влиянием определенных речевых ситуаций (например, желание исключить из общения одного из собеседников посредством перехода на другой язык). В своих трудах А. Мартине писал: «Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что его носители являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми» [6, с. 81–82]. Но стоит отметить, что не всегда «территориальная и культурная война» сможет победить «языковую».

В психолингвистическом плане чаще всего исследуется индивидуальное двуязычие (или индивидуальный билингвизм), которое понимается как способность билингва воспринимать два языка в сознании и мышлении. Индивидуальное двуязычие может быть классифицировано как симметричное и асимметричное. В первом случае билингв знает языки в равной степени, а во втором процентное соотношение колеблется в пользу знания одного из двух сопоставленных языков.

Наиболее радикальным результатом языковых контактов становится формирование пиджинов и креольских языков. Под пиджином в большинстве случаев подразумевается вспомогательный язык, редуцированный, упрощенный вариант одного из официальных языков, который возникает в результате столкновения двух языков в условиях:

- 1) контакта двух или нескольких групп, не знающих языка друг друга;
- 2) социального неравенства контактирующих сторон;
- 3) периодической повторяемости ситуации контакта [1].

Главными условиями возникновения пиджина являются отсутствие взаимопонимания между носителями языка-источника и местного языка-субстрата, отсутствие мотивации к изучению другого языка.

Дальнейшую стадию развития пиджина называют креолизацией, а исход – креолом или креольским языком. То есть при наличии социальных и политических условий пиджин становится родным языком для местного населения, тем самым расширяя спектр своих функциональных возможностей. «Пиджин, оказавшись в точке бифуркации, может либо выйти из употребления, либо расширяя социальные, этнические и тематические сферы коммуни-

кации, передвинуться в течение трех-четырех поколений в новое диссипативное состояние, превратившись в самостоятельный креольский язык» [7, с. 45].

По определению В.П. Коровушкина, креольский язык предполагает «автономную экзистенциальную форму языка, сформировавшуюся на основе развития, креолизации, предшествующего пиджина и являющуюся, в отличие от него, первым (родным) языком для определенного языкового сообщества. Такой язык способен получить или получает статус национального и / или государственного языка с соответствующими социальными, лингвистическими (системно-структурными) и функционально-коммуникативными характеристиками» [8, с. 80]. Из этих определений следует, что креольский язык, который произошел от пиджина, является родным языком для контактирующих народов. Креольские языки, в отличие от пиджинов, обслуживают все необходимые коммуникативные ситуации, в результате их грамматика усложняется. Впоследствии креол может преобразоваться в литературный язык.

Русско-английский язык – «Рунглиш» (*RunGLISH*) – это смешанный язык, который выделяется наравне с *Denglish* (немецкий английский), *FranGLISH* (французский английский), *Spanglish* (испанский английский), *Hinglish* (индийский английский), *Singlish* (сингапурский английский) и т. д. Существуют эквиваленты в русском и английском языках: «рунглиш», «рунглийский язык», «руинглиш», «руслиш», «русланг», *Ruglish*, *Ringlish*, *Russlish* и др.

На сегодняшний день нет единой точки зрения относительно статуса *RunGLISH*. С одной стороны, гибрид рассматривается рядом исследователей как пиджин. Термин «рунглиш» популяризирован на борту Международной космической станции в 2000-м г. Сергеем Крикалёвым: «Мы говорим в шутку, что мы общаемся на «рунглише», смеси русского и английского языков, так что, когда у нас не хватает слов на одном языке, мы можем использовать другой, потому что все члены экипажа хорошо говорят на обоих языках» [9]. В том же году Леонид Строч ввел эквивалентное понятие «русинглиш», которое обозначает язык эмигрантов, приехавших в США и Канаду из СССР или постсоветского пространства для дальнейшего проживания. Становление «Рунглиш» началось на уровне индивидуального употребления в ситуации межъязыкового контакта, при котором язык испытывался в процессе пиджинизации в разных социальных группах. Изначально это отчетливо наблюдалось среди мелких торговцев и людей, работавших в международных компаниях. О.Е. Сафонова подчеркивает отсутствие изначальных носителей языка: «такой вариант не стандартизирован, у него отсутствует живой коллектив исконных носителей языка, а нормы пиджина в России, как и во всем мире, не являются общеизвестными и не осознаются самими носителями пиджина» [10, с. 72].

Существует иная точка зрения, согласно которой *RunGLISH* относят к варианту английского языка. «Рунглийский язык (англ. *RunGLISH*, *Ruglish*, *Russlish*) – неологизм, которым иронично обозначают язык, на котором русскоязычные люди разговаривают с англоязычными; английский язык на рус-

ский манер» [11]. Из этого определения следует, что *RunGLISH* не признается самостоятельным языком и является низким по статусу гибридом.

Особняком стоит группа исследователей, которые считают «Рунглиш» языком бизнеса, ограничивая сферу его применения бизнес-средой. «Руслиш – это самозародившийся бизнес-язык, который все чаще звучит в офисах российских компаний. Сам термин «руслиш» предположительно возник в конце 1990-х годов в русско-американских интернет-форумах, участники которых вынуждены были переключаться с «русиша» на «инглиш» [12, с. 2]. Межкультурные контакты в области банковского дела, страхования, рекламы, маркетинга и информационных технологий привели к распространению англоязычной терминологии, особенно в условиях перенятия зарубежного опыта. Проще было взять неизвестные английские слова, чем заниматься их переводом (подбором эквивалентов, которые зачастую представляли собой развернутые фразы и даже предложения). О.Е. Сафонова подчеркивает, что «лица, овладевшие английским языком в его разновидности *Ruslish*, оказываются в современной России в привилегированном положении: они могут рассчитывать на получение работы во многих новых, только возникающих сферах деятельности общества» [10, с. 72]. В результате повышается статус и самого *RunGLISH*, который становится престижным, маркером успешности.

Сегодня «Рунглиш» используют не только в бизнес-среде, но и в повседневной речи. Спектр распространения достаточно велик: спорт, книги, Интернет, пресса, реклама и многое другое. В то же время «Рунглиш» не выполняет такого широкого спектра социальных функций, как литературный русский (или английский) язык, не является его автономным вариантом, который должен обслуживать в полном объеме определенный языковой коллектив. Следовательно, отнести *RunGLISH* к варианту английского языка не представляется возможным.

Самой обширной сферой функционирования «Рунглиш» является интернет-коммуникация. В зависимости от более конкретной сферы общения – от деловой переписки с необходимостью однозначного употребления терминов, когда в ряде случаев проще оставить английский термин в исходном виде, до употребления англицизмов в дружеском общении, когда происходит транслитерация (зачастую со значительным искажением) английских слов средствами русского языка – можно говорить о постепенной креолизации рунглиша. Ярче всего этот процесс проявляется в сфере технического общения.

Тематика технического общения на сегодняшний день достаточно разнообразна, начиная от разработки технического задания до написания отзыва-рецензии на готовую единицу продукции. Наиболее популярными местами для коммуникации интернет-пользователей в сфере технического общения являются веб-сайты и веб-форумы, предлагающие обзоры технических новинок, аналитические статьи и возможность обсуждения особенностей программирования. В качестве примера можно рассмотреть русскоязычный веб-

сайт <http://habr.com> в формате коллективного блога с элементами новостного сайта.

В частности, в разделе «Учебный процесс в IT», заголовок одной из наиболее читаемых статей имеет следующий вид: «История одного вскрытия: как мы реверсили Hancitor» [13]. В названии раздела и названии статьи наблюдаются английские лексемы *IT* и *Hancitor*, оставленные без перевода. В то время как аббревиатура *IT* (*Information Technology*) знакома практически каждому, название *Hancitor* может вызвать затруднения у стороннего читателя. «*Hancitor*» – это вредоносная программа, предназначенная для атаки серверов и перехвата данных, для рассылки на электронную почту «ненужной» информации (спам). Название данной программы используется исключительно в узком кругу программистов, которые занимаются разработкой программного обеспечения. Кроме того, в заголовке присутствует глагол «реверсили». «Ревёрсить» происходит от английского глагола *to reverse*, что означает в технических терминах «дать задний или обратный ход, реверс», т. е. в данном контексте означает по конечному результату вредоносной программы раскручивать текст программы. Таким образом, английский глагол *to reverse* подвергся транслитерации, причем словообразование идет в соответствии с правилами русской словообразовательной системы.

Наличие транслитерации и варваризмов достаточно велико и в самом тексте статей. Один из ярких примеров: «Итак, главная новость – наша команда выпустила новый релиз флагманской *RegionSoft CRM 7.0* – отрефакторенное, еще более быстрое и полезное программное обеспечение. Это не веб-интерфейс с пестрыми дашбордами и всякими живыми или полуживыми лентами – это десктопное приложение для компаний, ценящих безопасность, скорость работы и функциональность» [14]. В данном фрагменте используется английское название *RegionSoft CRM 7.0*, что означает систему управления взаимоотношениями с клиентами *CRM* (сокращение от английского *Customer Relationship Management*), название системы *RegionSoft* и ее номер версии *7.0*. Кроме этого, транслитерация в таких словах, как «отрефакторенное», «дашбордами» и «десктопное». Прилагательное «отрефакторенное», образованное от глагола «рефакторить», этимологически восходит к глаголу *to refactor* (перепроектировать (переработать) код) с добавлением приставки «от». Существительное «дашбордами» образовано от английского существительного *dashboard* (инструментальная панель / панель инструментов) с добавлением окончания множественного числа «ами». Прилагательное «десктопное» – от английского прилагательного *desktop* («настольный», «стационарный», «персональный»).

На примере лишь нескольких фрагментов становится очевидно, что в русском техническом интернет-языке в настоящее время наблюдаются две тенденции гибридизации: заимствование лексических единиц без изменений (в таком случае в коммуникации происходит полное переключение кода), либо заимствование английских слов с транслитерацией и с последующим про-

цессом словообразования и формообразования в соответствии с нормами русского языка (но полученные гибриды не фиксируются в официальных словарях русского языка). Во втором случае от участников коммуникации требуется более гибкое владение обоими языками для создания единиц, которые будут легко узнаваемы и корректно распознаны, что приводит к большей симметризации в смешении языков.

Впоследствии, «виртуальное» общение переходит в межличностное, что постепенно ведет к формированию совершенно новой социокультурной реальности (по крайней мере, среди специалистов в области информационных технологий). Смешение лексики и грамматики русского и английского языков в коммуникации, свидетелями которой могут стать люди, не принадлежащие к исходной профессиональной группе, оказывает все большее влияние на повседневный русский язык.

Мнения относительно того, как воспринимать «Рунглиш», расходятся. Одни считают, что подобная гибридизация «разваливает систему русского языка», его культуру и самобытность, другие утверждают, что использование английского в русской речи – это «дань моде». Язык обладает «функцией самоочищения», поэтому он будет в состоянии со временем избавиться от излишних элементов, в связи с чем серьезной угрозы для русского языка не наблюдается. По мнению С.А. Бойко [9], эта точка зрения основана на определенных фактах:

1. Англоязычные эквиваленты ассимилируются по всем правилам русского языка, т. е. они приобретают род, склонение, приставку, суффикс, окончание.

2. Использование в речи англоязычных слов – это создание окказионализмов, то есть это языковая игра, творческое самовыражение.

С другой стороны, как показал анализ статей и компьютерных форумов, «использование рунглиша не проходит бесследно». В теории К. Гросса игра – это «непреднамеренное самообучение организма». «Игра превращается в серьезное, а серьезное в игру». Именно это может привести к тому, что «английские элементы закрепятся в русском языке и станут моделями» [15].

Представляется логичным на основании проанализированных теоретических материалов и фактического материала, что «Рунглиш» является феноменом, который в существенной степени варьируется в зависимости от сферы употребления. Приведенные языковые примеры широко распространены в сфере информационных технологий, но не находят активного употребления в других. Таким образом, можно прийти к выводу, что и статус «Рунглиш» будет на данный момент варьироваться в зависимости от коммуникативной области.

В условиях динамичного информационно-технического развития, расширения миграционных процессов, экономических, политических, социальных взаимодействий, кардинально меняющих облик социума, языковая среда современной России претерпевает глобальные изменения. Заимствования из

английского языка, особенно в сфере информационных технологий, естественным образом обусловлены статусом английского языка и преобладанием инструкций и описаний на нем даже для продукции из других стран. В связи с этим вполне логично имеет право на существование речевое творчество на стыке двух языков, но в то же время «Рунглиш» на данный момент не обладает достаточной эмпирической базой во всех областях коммуникации. Таким образом, представляется возможным утверждать, что, хотя в области информационных технологий уже можно говорить о формировании креольского субъязыка, статус «Рунглиш» в целом пока скорее соответствует первой ступени пиджинизации. Что касается вопроса о сохранении чистоты и оригинальности русского языка, который в настоящее время встал очень остро, процесс проникновения иноязычных элементов требует дальнейшего изучения и сопоставления различных областей коммуникации. На данный момент ограниченность сферы активного употребления «Рунглиш» предотвращает возможность кардинальных изменений русского языка под его воздействием.

Литература

1. Багана, Ж., Хапилина, Е.В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М.: Флинта, 2016. 160 с. // Электронный ресурс. URL: <https://www.litres.ru/zherom-bagana/kontaktnaya-lingvistika/> (дата обр. 20 мая 2018).
2. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011. 128 с. // Электронный ресурс. URL: http://gerebilo.ucoz.ru/load/leksikogoaficheskie_izdaniya/slovar/t_v_zherebilo_terminy_i_ponjatija_lingvistiki_obshhee_jazykoznanie_sociolingvistika_slovar_spravochnik/6-1-0-543 (дата обр. 20 мая 2018).
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 571 с. // Электронный ресурс. URL: <http://www.klex.ru/j3t> (дата обр. 10 авг. 2018).
4. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000. 178 с.
5. Молодкин, А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. Саратов: Изд-во Саратов, ун-та, 2001. 184 с.
6. Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 81–82.
7. Пиотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: СПбГУ, 2006. 159 с.
8. Коровушкин, И.А. Категориально-понятийная система контрастивной социалектологии как автономной отрасли языкознания // Вестник ЧереповГУ. 2008. № 2. С. 74–86.
9. «Рунглиш» – язык Брайтон Бич // Электронный ресурс. URL: www.inopressa.ru/pwa/article/14jun2005/nytimes/sleng.html (дата обр. 20 мая 2018).
10. Сафонова, О.Е. Английский лингвистический компонент в языковой ситуации современной России // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. 2000. С. 68–77.
11. Рунглийский язык // Электронный ресурс. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/207130 (дата обр. 20 мая 2018).
12. Мулярова, Е. Кейсом по фейсу // Московская деловая газета «Бизнес». 31.03.2006. С. 2–7.

13. История одного вскрытия: как мы реверсили Hancitor (25 июл. 2018) // Электронный ресурс. URL: <https://habr.com/company/vyshtech/blog/418185/> (дата обр. 10 авг. 2018).

14. Фигак-фигак и в продакшн. Мы выпустили RegionSoft CRM 7.0 (8 авг. 2018) // Электронный ресурс. URL: <https://habr.com/company/regionsoft/blog/419557/> (дата обр. 10 авг. 2018).

15. Игра в тренинге. Возможности игрового взаимодействия // Электронный ресурс. URL: <https://docplayer.ru/62273680-Igra-v-treninge-vozmozhnosti-igrovogo-vzaimodeystviya-levanova-elena-aleksandrovna-glava-i-teoreticheskie-aspekty-igrovoy-deyatelnosti-v-treninge-1-1.html> (дата обр. 25 авг. 2018).

УДК 81'272 (470+571) : 372.881.1

ББК 81

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И РЕГИОНА ПО ИЗУЧЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

О.Г. Оберемко

Аннотация. В статье говорится о важности соблюдения лингвистической безопасности, невозможности введения монокультурализма, гипертрофированной роли английского языка.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, изучение иностранных языков, межкультурные общения.

RUSSIA'S AND REGIONAL LANGUAGE POLICY IN STUDYING DIFFERENT FOREIGN LANGUAGES

O. Oberemko

Summary. The article considers the importance of observing the linguistic safety, the impossibility of monoculturalism introduction, the hyperbolized role of the English language.

Key words: linguistic safety, studying foreign languages, intercultural communication.

Современное состояние российского и мирового этносоциокультурного пространства диктует настойчивую необходимость глубокого анализа языковой политики как в нашей стране, так и в других странах мира.

До определенного момента в нашей стране изучение иностранных языков было строго регламентировано и курировалось Министерством образования: английский язык занимал 50 % всего учебного времени, отведенного на все иностранные языки, немецкий и французский языки – по 20 %, испанский язык – 10 %. Данное процентное соотношение иностранных языков было характерно как для средней школы, так и для языковых и неязыковых вузов. В результате складывалась «картина мира» в его плюрализме. Ведь не секрет, что в странах Европы английский язык не является языком межнационального общения: в странах языков романской группы – Франции, Италии, Испании, Португалии – зачастую большинство жителей, даже владеющих английским языком, весьма неохотно будут общаться по-английски, а многие – просто избегать этого языкового общения.

Даже страны северной Европы – Дания, Швеция, Норвегия – также далеко не являются носителями английского языка. Работая с многочисленными туристами из этих стран, мы видим, что английская речь российского со-

проводящего понимается только турлидером и немногочисленными гостями; для всех остальных туристов турлидер с помощью микрофона переводит английский текст на их родной язык – датский, шведский, норвежский, голландский и др.

Мы живем в эпоху сложной информационной войны за ресурсы, сферы влияния, умы людей. Язык и мысль, язык и ментальность неразрывно связаны между собой. Это хорошо понималось еще в начале XX века, когда создавалась теория лингвистической относительности Сэпира-Уорфа. В работах выдающегося отечественного психолингвиста Б.В. Беляева данный тезис находит свое полное подтверждение.

Роль языка в жизни любого общества является одной из ведущих, что во многом влечет за собой и способ мышления, восприятия и переработки информации. Активное внедрение в нашу жизнь английского языка постепенно приучает нас и к способу мышления, чуждому нашей природе. Подобное явление носит весьма угрожающий характер и не способствует лингвистической безопасности.

К сожалению, часто можно констатировать, что победа на данном интеллектуальном фронте не всегда остается за нами. Шаг за шагом в сознание людей внедряется идея, что международное общение, межкультурная коммуникация может быть осуществлена только на английском языке.

Будучи преподавателями иностранных языков, мы констатируем, что в первую очередь эта мысль внедряется в сознание родителей: «Ваш ребенок может быть успешным в жизни, если будет говорить на английском языке». И родители, одержимые этой мыслью, внедряют ее в сознание самих детей, а также руководителей образовательных учреждений. Ведь это их право – требовать того, что, по их логике, должно быть внедрено в учебный процесс. На деле это далеко не так. Действительно, объединенная Европа, приток мигрантов, другие коммуникационные процессы требуют какого-то общего языка – чтобы все понимали всех. Эта идея не нова. Созданный для этих целей в 30-х гг. ушедшего века язык эсперанто так и не прижился ни в одной из социокультурных общностей. Но английский язык и его промоутеры, беря на себя функцию внедрения английского языка как языка межнационального общения, не учитывают этнокультурную идентичность европейских стран, особенно таких, как Франция, Германия, Швейцария и др.

Швейцария, имея 26 кантонов, официально говорит на 4-х государственных языках: немецком, французском, итальянском и ретороманском. Правительство Швейцарии настаивает на том, что любое действие правительства и других многочисленных организаций должно доходить до сердец и душ людей. Поэтому, обращаясь к своим гражданам, различные структуры, как Швейцарии, так и Европы, осуществляют коммуникацию с жителями разных кантонов именно на вышеперечисленных языках, но никак не по-английски.

Мы также далеко не уверены, что французы или немцы будут рады принять гостей, партнеров или туристов из России, говорящих с ними только

по-английски. Плодотворное сотрудничество в разных сферах – культурной, экономической, научной, промышленной и др. – будет эффективным, если общение будет осуществляться на языке партнера.

К сожалению, иногда в средствах массовой информации мы наблюдаем следующие сюжеты: интервью с послом Франции в России. Его проводит по центральному телевидению опытный российский журналист. Но вопросы послу Франции он задает на английском языке. Закадровый перевод идет также с английского языка. Невооруженным взглядом видно, что послу Франции не очень приятно беседовать в России о Франции по-английски.

Другой пример – подготовка к Олимпийским играм в Сочи, к недавно прошедшему в России Чемпионату мира по футболу. Официальный язык Олимпиады французский, и все организационные мероприятия за рубежом проводятся на французском языке. По нашим же телевизионным каналам все интервью, доклады, выступления и т. д. проводятся и транслируются на английском языке, что укрепляет уверенность нашего населения о превалировании английского языка как языка межнационального общения во всех сферах, что далеко не так.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем заключить, что в мире существует плюрализм языков и культур, мнений и идей. Именно мультикультурализм, полиэтничность являются основными ценностями современной демократии и основой лингвистической безопасности, особенно в нашей многонациональной стране.

УДК 378 (07)

ББК 74.268.1

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА СЛУХ

Н.К. Осокина, М.А. Кузина

***Аннотация.** В данной статье разграничиваются понятия «слушание» и «аудирование», дана характеристика психолингвистическим механизмам восприятия звучащей иноязычной речи, рассмотрены факторы, влияющие на успешность аудирования.*

***Ключевые слова:** психолингвистические механизмы, слушание, аудирование, аутентичный текст, факторы.*

PSYCHOLINGUISTIC MECHANISMS OF AUTHENTIC TEXTS

N. Osokina, M. Kuzina

***Summary.** This article reveals the difference between two notions: listening and listening comprehension. Also, it shows the characteristic of psycholinguistic mechanisms of comprehending foreign speech and the factors influencing success of listening comprehension.*

***Key words:** psycholinguistic mechanisms, listening, listening comprehension, authentic text, factors.*

На современном этапе развития методики преподавания иностранного (английского) языка аудированию уделяется особое внимание, так как это

один из самых важных аспектов в овладении иноязычным общением – пониманием воспринимаемой на слух речи (Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина) [1]. Следует отметить, что понятия «аудирование» и «слушание» не равноценны. Слушание – это восприятие фонетического звукоряда, а аудирование – процесс восприятия смысла звучащей речи, ее понимание и интерпретация. Аудирование, будучи сложным видом речевой деятельности, нуждается в развитии навыков и умений у учащихся понимать на слух иноязычную речь с допущением определенного количества незнакомой лексики в различных коммуникативных ситуациях. Накопление лексического запаса в сочетании с освоением грамматических структур обязательно должно сопровождаться регулярной практикой в аудировании, как с использованием технических устройств, так и при непосредственном общении. Только в этом случае можно рассчитывать на успешное преодоление учащимся языкового барьера в общении с носителями языка и его уверенное сознательное существование в естественной языковой среде.

Согласно Н.В. Елухиной, исходный уровень аудирования предполагает наличие у учащихся умений делить текст на логически связанные смысловые части, отделять главное от второстепенного и удерживать в памяти главное, воспринимать сообщение в естественном медленном темпе до конца, без пропусков [2, с. 226].

Е.И. Пассов выделяет факторы, влияющие на успешность аудирования: условия восприятия (темп, паузы, ударения, высота голоса и др.), уровень сложности языкового материала [3, с. 170–171], уровень социолингвистической и социокультурной компетенции [4, с. 241], степень сформированности основных аудитивных навыков и умений.

В течение длительного времени аудирование не рассматривалось как самостоятельный вид речевой деятельности, а считалось пассивным процессом и «побочным продуктом говорения» [5, с. 161]. Однако при дальнейшем изучении механизмов слухового восприятия иноязычной речи обнаружено, что в этом процессе задействован не только слуховой анализатор, но и различные структуры коры головного мозга, отвечающие за узнавание отдельных компонентов высказывания и осмысление связей между ними, фильтрацию информации с целью выделения ключевых моментов, сравнительную и ассоциативную деятельность.

Ключевая роль в развитии навыков восприятия и понимания на слух информации на иностранном языке отведена работе с аутентичными текстами в аудиоформате. Такие тексты, взятые из оригинальных источников и не предназначенные специально для изучения языка, периодически используются в учебном процессе, поскольку они иллюстрируют случаи аутентичного употребления лексики и грамматических форм, отражая национальные особенности и традиции построения и функциональности текста. Богатые на разнообразные грамматические явления и языковые средства, они могут послужить эффективным дополнением к материалу учебника [6]. Их преимущества

перед учебными текстами в том, что отражение фактов реальной жизни и особенностей национальной культуры вызывает интерес учащихся, стимулирует их готовность обсуждать материал и вступать в дискуссию [7]. При отборе аутентичных текстов нужно учитывать новизну отобранного материала, возрастные особенности учащихся, их интерес и потребности, практическую значимость текста [6]. При работе с текстом необходимо следить за динамикой развития сюжета; в особенности, это касается художественных повествовательных текстов. Практическое значение использования аутентичных текстов в качестве материала для аудирования заключается в том, что осмысливая услышанное, учащиеся приобщаются к культуре народа изучаемого языка, проникают к ней уважением. Однако даже те, кто владеет языком на достаточно высоком уровне, не могут избежать трудностей в виде незнакомых лексических единиц и грамматических конструкций, при переводе которых приходится прибегать к догадкам и руководствоваться лингвистической интуицией, в неформальной речи именуемой «языковым чутьем».

Исходя из выше обозначенных особенностей работы с аутентичными текстами и специфики аудирования в целом, можно сделать вывод о том, что обучение этому виду речевой деятельности, помимо лингвистического и методологического компонентов, включает психологический компонент. Психологическая составляющая внешней речи определяет необходимость языковой среды для своего становления. Это естественный и наиболее эффективный путь развития, т. к. речевые мотивы определяются жизненными обстоятельствами и событиями. Однако изучение иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды значительно осложняют данный процесс [8, с. 3].

Процесс восприятия и осмысления информации с психологической точки зрения является обратным процессу формирования речевого высказывания. Он состоит из этапа восприятия готовой системы языковых кодов, имеющих определенное фонематическое, лексико-морфологическое, логико-грамматическое строение, этапа расшифровки этих кодов, этапа понимания общей мысли высказывания [9, с. 291].

Как показала многолетняя практика в области методики преподавания иностранных языков в образовательных учреждениях, как у учащихся школ, так и у студентов вузов, выполнение аудиопражнений вызывает наибольшие трудности по сравнению с другими видами работы. Это связано с тем, что непосредственно от слушателей почти ничего не зависит – языковая форма и содержание высказывания заданы извне говорящим. Препятствие для полного, равномерного и непрерывного усваивания информации создают и биологические особенности слуховой рецепции: пропускная способность слухового канала ниже, чем у зрительного, поэтому аудиальная память у человека развита хуже, чем визуальная [10, с. 40]. При длительном слуховом восприятии информации мозг быстро утомляется, становится трудно концентрировать внимание и запоминать услышанное. Осознание «пассивности» своей роли в коммуникационном процессе, невозможности изменить ситуацию в свою

пользу приводит к возникновению отрицательных эмоций и раздражительности, что еще сильнее снижает продуктивность деятельности. Освоение психологических механизмов аудирования способствует сведению вышеперечисленных трудностей к минимуму.

К основным психологическим механизмам восприятия и понимания на слух информации, в частности при работе с аутентичными текстами относят речевой слух (интонационный и фонематический), механизм антиципации (вероятностного прогнозирования) и механизм оперативной и долговременной памяти [11, с. 79]. Рассмотрим подробнее каждый из трех названных механизмов.

Речевой слух – это способность человека воспринимать и различать все нюансы звучащей речи. Фонематический слух представляет собой умение различать звуки речи и идентифицировать их с соответствующими фонемами. Под интонационным слухом принято понимать способность воспринимать интонационную структуру фразы и правильно соотносить ее с интонационным вариантом. Несформированность речевого слуха затрудняет узнавание фонетических и лексических единиц, приводит к смешению близких по форме слов и искажению смыслового содержания услышанного [11, с. 80].

Особое внимание следует уделить механизму памяти, поскольку ее развитие является определяющим фактором функционирования вышеперечисленных механизмов. В психологической литературе перечисляются характеристики памяти: запоминание, сохранение, забывание и воспроизведение материала. [12, с. 4]. В процессе аудирования могут быть задействованы два вида памяти – оперативная и долговременная (постоянная) память.

Оперативная память – это вид памяти, осуществляющий функцию сохранения информации в течение определенного времени, необходимого для выполнения некоторого действия или операции [13, с. 669]. Механизм оперативной памяти удерживает в сознании воспринятые на слух слова и словосочетания в течение того времени, которое необходимо слушающему для осмысления фразы или законченного фрагмента, вплоть до перехода информации в долговременную память. Умение удерживать в памяти услышанные отрывки аудиотекста способствует успешному пониманию и интерпретации текста. Учеными доказано, что при однократном восприятии текста на слух в оперативной памяти удерживается от 5 до 9 единиц [14, с. 222]. Это стоит принимать во внимание при отборе текстов для аудирования, при составлении аудиоупражнений, нацеленных на контроль понимания предъявляемого аудиотекста. Необходимо также учитывать то, что объем памяти зависит от возраста учащихся. Учащиеся младших классов обладают меньшим объемом оперативной памяти, поэтому качество аудиотекстов и упражнений для них должно отличаться от текстов и заданий, предъявляемых ученикам среднего и старшего школьного возраста. Объем оперативной памяти прямо пропорционален развитию мышления [15, с. 168].

Долговременная память сохраняет весь предшествующий опыт человека. Благодаря механизму долговременной памяти происходит сопоставление поступающих речевых сигналов с теми стереотипами, которые хранятся в нашем сознании. Долговременная память играет ведущую роль на всех этапах аудирования. При предъявлении текста осуществляется механизм идентификации, в основе которого лежит память. На данном этапе учащиеся воспринимают текст и сопоставляют услышанные фонетические, лексические и грамматические единицы с уже имеющимися в долговременной памяти образами слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, правил и схем их соединения [5, с. 219]. Таким образом, происходит понимание смысла услышанного текста. Успешность процесса аудирования напрямую зависит от объема материала, находящегося в долговременной памяти. Объем лексического запаса и уровень владения различными грамматическими структурами во многом определяют успешность восприятия и осмысления информации на слух, в частности при работе с аутентичным текстом.

Механизм антиципации (вероятностного прогнозирования) основывается на механизме памяти и является одним из ведущих в аудировании. Развитие этого механизма у обучаемых позволит облегчить процесс восприятия и понимания ими смысловой структуры текста.

Существует несколько определений понятия «вероятностное прогнозирование». Одни авторы считают, что это способность человека использовать его прошлый опыт для прогноза вероятности наступления тех или иных событий в настоящем [16, с. 3]. Другие подразумевают под вероятностным прогнозированием сопоставление поступающей информации о происходящей в данный момент ситуации с хранящейся в памяти информацией о соответствующем прошлом опыте и последующее выстраивание предположений о предстоящих событиях [17, с. 91]. В определенных источниках вероятностным прогнозированием называют выдвижение гипотез касательно развития и исхода событий в будущем [18, с. 131].

В психолингвистике выделяют структурное и смысловое прогнозирование. Смысловое прогнозирование связано со знанием контекста, а соответственно и возможных ситуаций, которые, в свою очередь, предполагают использование определенных структур, клише, речевых форм. В связи с этим, прежде чем приступить к непосредственно работе с аутентичным текстом в аудиоформате, необходимо предоставить слушателям некоторые сведения о его сюжетной и смысловой составляющей. В этом заключается один из основных принципов организации выполнения учащимися аудиоупражнений. Способность к смысловому прогнозированию существенно облегчает восприятие текста на слух.

Структурное (лингвистическое) прогнозирование определяется знанием спектра сочетаемости лексических единиц. Этот тип прогнозирования осуществляется на уровне слова, словосочетания и фразы.

Психологи и методисты, изучающие вероятностное прогнозирование, выделяют следующие составляющие этого механизма: восприятие, механизм идентификации (сличения), механизм узнавания и механизм внутреннего проговаривания [19, с. 185]. Рассмотрим подробнее, в чем заключается роль каждого из них.

Механизм восприятия как основной механизм аудирования – это сложный и неоднородный процесс, предполагающий прием и последующую переработку речевого сообщения [15, с. 143]. Таким образом, в процессе восприятия осуществляется не только слуховая перцепция, но и понимание (осмысление) воспринимаемой информации. Сущность осмысления заключается в установлении смысловых связей между отдельными элементами текста.

Следующие два механизма, идентификации и узнавания, неразрывно связаны между собой. Оба механизма отвечают за установление сходства между поступающим звуковым сигналом и моделями, хранящимися в памяти человека. Соответствие услышанной модели имеющемуся в памяти образу способствует узнаванию предъявляемых единиц и, следовательно, пониманию смысла текста [4, с. 242]. Ключевую роль в идентификации играет эмоциональный опыт человека, т. е. чувства и эмоции, которые ему доводилось испытывать в прошлом.

Слуховое восприятие информации невозможно без участия механизма внутреннего проговаривания, который заключается в преобразовании звуковых образов в артикуляционные. Микроартикуляция происходит не только в процессе восприятия иноязычной речи [20, с. 54], но и до начала работы с аудиотекстом, когда в процессе предъявления установки органы речи уже проявляют минимальную активность [19, с. 185].

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что учет психолингвистических механизмов крайне важен при обучении аудированию, так как они влияют на понимание воспринимаемой информации на слух, а значит необходимо тренировать память и развивать механизм антиципации. Для этого необходимо разработать специальный комплекс упражнений, нацеленный как на тренировку навыков смыслового, так и структурного прогнозирования, что позволит учащимся справиться с трудностями аудирования (контекстуальными, лингвистическими, психологическими).

Литература

1. Рогова, Г.В. Повышение эффективности обучения иностранным языкам за счет улучшения психологического климата на уроке // Иностранные языки в школе. 1997. № 5. С. 23–26.
2. Елухина, Н.В. Основные трудности аудирования и пути их преодоления. // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестом.; сост. А.А. Леонтьев. М.: Русский язык, 1991. 360 с.
3. Пассов, Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1977. 216 с.
4. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе / Отв. ред. В.М. Филатов. Ростов н/Д.: АНИОН, 2003. 416 с.

5. Гальскова, Н.Д., Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.
6. Носонович, Е.В., Мильруд Р.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 6–12.
7. Шамо́в, А.Н. Реализация лингвострановедческого подхода на уроках немецкого языка // Иностранные языки в школе. 2003. № 6. С. 17–24.
8. Жулина, Е.В. Шамо́в, А.Н. Внешняя речь и ее влияние на становление психики ребенка // Вестник МининГУ. Н. Новгород, 2017. № 2 // Электронный ресурс. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/351/352>.
9. Бассин, Ф.В., Лурия, А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
10. Молибог, А.Г. Вопросы научной организации педагогического труда в высшей школе. М.: Высшая школа, 1971. 296 с.
11. Содержание обучения иностранным языкам в средней школе: организация речевой деятельности / Отв. ред. А.Д. Климентенко. М.: Педагогика, 1984. 144 с.
12. Соколов, Е.Н. Механизмы памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 174 с.
13. Немов, Р.С. Психология: учебн. для студ. высш. пед. уч. зав. Кн. 1: Общие основы психологии. М., 1997. 688 с.
14. Миллер, Дж. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология: сб. ст. М., 1964. С. 222–224.
15. Зимняя, И.А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). М.: Русский язык, 1989. 219 с.
16. Фрумкина, Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.
17. Фейгенберг, И.М. Видеть – предвидеть – действовать. М.: Знание, 1986. 160 с.
18. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студ. пед. вузов и учителей. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
19. Рогова, Г.В., Рабинович, Ф.М., Сахарова, Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
20. Ляховицкий, М.В., Кошман, И.М. Технические средства в обучении иностранным языкам: пособие для учит. М.: Просвещение, 1981. 143 с.

УДК 811:378.147

ББК 74.48

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РАЗВИТИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ГОТОВНОСТИ К ПОЗИТИВНОМУ МЕЖЛИЧНОСТНОМУ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Ю.Ю. Панченко

***Аннотация.** В настоящей статье описывается опыт исследования возможности применения электронной коммуникативной проектной деятельности на уроках иностранного (японского) языка в целях развития у учащихся готовности к позитивному межличностному общению и желания работать в команде друг с другом. Приводится подробный анализ результатов применения социометрического подхода к ис-*

следованию динамики формирования и развития кооперативных, коммуникативных и социокультурных умений и навыков у учащихся.

Ключевые слова: проектная деятельность, проектная технология, электронная коммуникативная проектная деятельность, коммуникативная компетенция, социальные сети.

**ELECTRONIC COMMUNICATIVE PROJECT ACTIVITY
AS A MEANS OF THE DEVELOPMENT OF THE STUDENTS'
READINESS
TO POSITIVE INTERPERSONAL
AND INTERNATIONAL COMMUNICATION**

Y. Panchenko

Summary. In this article an attempt of research on the possibility of the use of electronic communicative project activity at foreign language (Japanese) classes for the formation of the students' readiness to interpersonal communication and cooperation is described. A thorough analysis of the results of implementation of the sociometric approach for investigation of the dynamics of formation of students' cooperative, communicative and sociocultural skills and abilities is provided.

Key words: project activity, project technology, electronic communicative project activity, communicative competence, social networks.

В настоящее время, когда в мире полным ходом идут процессы глобализации и интернационализации, важной образовательной задачей становится формирование человека, готового к успешному межличностному и межнациональному общению, т. е. такому общению, при котором у обоих коммуникантов возникают взаимный интерес к личности друг друга, обоюдное желание находить консенсус для достижения общей коммуникативной цели, стремление к поддержанию бесконфликтной коммуникации [1, с. 9].

Методология осуществления образовательного процесса отвечает этой задаче при помощи использования разнообразных современных образовательных технологий, среди которых большое распространение получает проектная технология, или технология проектной деятельности. Под проектной деятельностью понимается процесс обобщенного и опосредованного познания действительности, в ходе которого человек использует технологические, технические, экономические и другие знания для выполнения проектов по созданию культурных ценностей [2, с. 145].

Особенностью организации в современных условиях образовательного процесса в целом и проектной деятельности в частности является их информатизация. Необходимость использования информационных технологий является требованием сегодняшнего дня для целостного формирования как профессиональной, так и экзистенциальной компонент личности учащегося. В рамках проектной деятельности мы считаем возможным определить два её вида, непосредственно связанных с информационными технологиями: электронная проектная деятельность и электронная коммуникативная проектная деятельность. Под электронной проектной деятельностью понимается такой вид проектной деятельности, при котором деятельность обучающихся протекает в электронной среде и связана с использованием ими информационных

технологий в целях создания заранее определённого электронного продукта. Учитывая особый характер коммуникативной деятельности, действие в которой направлено на установление отношений между субъектами, а не создание о веществе результата, можно говорить также об электронной коммуникативной проектной деятельности – особом типе электронной проектной деятельности, реализуемом с помощью средств виртуального общения и предполагающем целенаправленную организацию общения в виртуальной среде между участниками.

Нами предпринята попытка в рамках организации электронного коммуникативного проекта в сети *Instagram* проследить динамику изменения готовности учащихся к общению друг с другом. Для этого нами рассмотрено понятие личностной значимости одного человека для другого, отражающее, насколько присутствие одного человека важно в жизни другого [3, с. 66]; [4, с. 57]. При проведении проекта мы ограничились анализом двух аспектов личностной значимости:

- 1) радость при совместной работе;
- 2) интерес к событиям, происходящим в жизни другого человека.

Следует отметить, что из этих аспектов наиболее показательным, по нашему мнению, является второй аспект, поскольку в нем в более полной мере проявляется эмоциональная составляющая личности. В то время как на радость при совместной работе может оказывать влияние профессиональный уровень человека. Так, при высоком профессионализме человека радость от работы с ним может быть большой (особенно в студенческой среде), а интерес к его личности при этом может быть невысоким.

Для измерения личностной значимости каждому студенту предлагалось оценить каждого одноклассника по двум аспектам личностной значимости, в связи с чем им нужно было ответить на два вопроса:

1. Насколько вы были бы рады, если бы вас поставили в пару с этим человеком? (0 – совсем не рад, 1 – скорее не рад, 2 – скорее рад, 3 – очень рад);
2. Насколько вам интересны события, происходящие в жизни этого человека? (0 – совсем не интересны, 1 – скорее не интересны, 2 – скорее интересны, 3 – очень интересны).

Такой тест проводился два раза (до начала и по завершении проекта), и на основе анализа разницы в проставленных баллах сделаны приблизительные оценки динамики изменения отношения студентов друг к другу.

При анализе динамики шкалы в ответах на вопросы поделены на две области: «0, 1» – отрицательная область шкалы (*NEG*) и «2, 3» – положительная область шкалы (*POS*).

Тогда положительную тенденцию в динамике внутригрупповых межличностных отношений будет выражать число *P*: количество переходов из области *NEG* в область *POS* (положительная тенденция), отрицательную тенденцию – число *N*: количество переходов из *POS* в *NEG*. Число *Z*: количество

переходов из *NEG* в *NEG* или из *POS* в *POS* (нейтральная тенденция) показывает случаи, когда отношение принципиально не изменилось.

Успешность проекта будет заключаться в возникновении положительных тенденций, т. е. при $P > 0$. При этом могут возникнуть и отрицательные тенденции, однако их количество должно быть много меньше числа положительных тенденций, т. е. $N < P$.

Для увеличения у студентов уровня готовности к использованию иностранного языка для межличностного и межнационального общения проведён электронный коммуникативный проект в социальной сети *Instagram* под названием «Мавари но моно» («Окружающие вещи»), сутью которого было обращение внимания обучающихся на окружающие их предметы, предметы их личной истории, к которым они испытывают какие-либо эмоции, и поделиться информацией о них с другими. За счёт выбора такой темы получал реализацию принцип личностной ориентации проектной деятельности. После размещения всех необходимых фотографий с пояснениями с помощью комментариев к записям организовывалось последующее обсуждение выложенной студентами информации.

Проект включал два этапа: подготовительный и коммуникативный. На подготовительном этапе обучающимся предлагалось в течение недели каждый день размещать по одному посту с фотографией предмета и аргументировать свой выбор. Предметы должны были обладать определенными характеристиками:

- 1) このものをもらって、うれしくなりました。
(«Получив этот предмет, обрадовался»);
- 2) このものをもらって、うれしくありませんでした。
(«Получив этот предмет, расстроился»);
- 3) 何かしたかったですから、このものを買って、よく使いました
(«Купил этот предмет с какой-то целью и часто использовал»);
- 4) 何かしたかったですから、このものを買いましたが、あまり使いませんでした。
(«Купил этот предмет с какой-то целью, но практически не использовал»);
- 5) このものを見た | 聞いた | 読んだとき、日本に行きたくなりました
(«Когда увидел (услышал, прочитал) этот предмет, захотел поехать в Японию»).

Цель второго (коммуникативного) этапа проекта: поощрять обучающихся к вступлению в переписку друг с другом и поддержанию содержательной беседы. Эта цель связана с более общей стратегической целью, заключающейся в повышении уровня осведомлённости учащихся друг о друге (как с привычными партнёрами во время занятий по иностранному языку, так и одноклассниками, с которыми в повседневной жизни коммуникация происходит редко).

Число партнёров для виртуальной беседы на втором этапе не ограничивалось, однако один или два партнёра были обязательны для общения и выбирались преподавателем из области *NEG* конкретного обучающегося, либо по одному из областей *NEG* и *POS* (чтобы у обучающихся заранее не возникло подозрения о том, что вступившие с ними в беседу одноклассники изначально не имели желания общаться с ними).

После выбора партнёров перед обучающимися поставлена задача узнать как можно больше о предмете, выбранном партнёром, причинах его выбора, поделиться своими мыслями по поводу выбора партнёра. Важное условие – поддержание положительного характера беседы. Дана установка не ограничивать коммуникацию одной репликой, а давать развёрнутые ответы, предполагающие развитие темы беседы.

Перед началом проекта и по его завершению проводился тест личностной значимости. По результатам двух тестов составлены матрицы отношений между студентами по двум параметрам (радость от совместной работы и интерес к событиям в жизни). Затем подсчитано число переходов коммуникантов, назначенных преподавателем, из области *NEG* в область *POS* хотя бы по одному из параметров (число *P*), число обратных из области *POS* в область *NEG* (число *N*), число коммуникантов, назначенных преподавателем, отношение к которым не изменилось, оставшись в тех же областях *NEG* и *POS*, где они и находились по результатам первого теста (число *Z*). Легко видеть, что числа *P*, *N* и *Z* отражают положительную, отрицательную и нейтральную динамику межличностных отношений соответственно.

Всего в проекте приняло участие 20 человек. В итоге произведено 41 измерение (поскольку на каждого участника пришлось в среднем по два коммуниканта). При подсчётах в рамках одной коммуникации учитывались изменения хотя бы по одному из параметров личностной значимости. Положительная тенденция в динамике межличностных отношений отмечена в 40 % случаев (16 коммуникаций из 41), негативная – всего лишь в 5 % случаев (2 коммуникации из 41), нейтральная – выявлена в 55 % случаев (23 коммуникации из 41).

Видно, что число положительных тенденций значительно превосходит число негативных тенденций. Таким образом, результаты одного проведенного проекта могут быть признаны удовлетворительными. Относительно большое количество нейтральных тенденций связано с тем, что для масштабных изменений одного проекта недостаточно и потому имеет смысл организовать серию проектов, что хорошо согласуется с проектной методологией образовательного процесса.

Кроме того, следует отметить, что положительные тенденции возникли у 9 участников из 20, таким образом, практически у половины участников проекта улучшилось отношение к одноклассникам, которые выступили их коммуникативными партнёрами.

90 % участников отметило облегчение вступления в коммуникацию на иностранном языке после работы над коммуникативным проектом, увеличение уровня готовности к его использованию при вступлении в коммуникацию как с одноклассниками, так и носителями языка. Общению с носителями языка способствовал открытый характер социальной сети, где организован проект, что позволило носителям языка, не являвшимся участниками проекта, комментировать фотографии, размещённые учащимися, и вступать с ними в переписку.

Описанные позитивные изменения в отношении обучающихся как к средству общения (изучаемому иностранному языку), так и друг к другу положительно сказываются на уровне межличностного общения между учащимися, а при участии в проекте носителей языка – на уровне межнационального общения. Такой коммуникативный эффект способствует безопасному, бесконфликтному сосуществованию различных людей и национальностей и их успешному взаимодействию в повседневной жизни.

Более того, факт комментирования носителем языка размещённой студентами фотографии способствовал возникновению желания разместить ещё одну фотографию у 95 % обучающихся, в то время как комментарий одноклассника вызвал то же самое желание у 45% участников, что также является вполне приемлемым результатом. Таким образом, можно сделать вывод, что в ряде случаев вследствие психологических аспектов использования социальных сетей проект приобрёл синергетический характер (комментарий под фотографией приводил к желанию разместить ещё одну фотографию, которая также подвергалась комментированию).

Возникновение положительных эмоций от переписки отметило 60 % обучающихся, а 65 % – указали интерес к выбору других обучающихся основным источником мотивации к участию в проекте.

Проанализировав полученную статистику, можно сделать вывод о том, что электронный коммуникативный проект, будучи организованным в удобной для самих обучающихся виртуальной среде, способен вызывать эмоциональное, лично значимое общение, способствующее формированию умений и навыков поддержания успешной коммуникации как на межличностном, так и межнациональном уровне.

Литература

1. Полат, Е.С., Бухаркина, М.Ю., Моисеева, М.В., Петров, А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2009. 272 с.
2. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. М.: НИИ школьных технологий, 2006. Т. 1. 816 с.
3. Тихонравов, Ю.В. Экзистенциальная психология. М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-Синтез», 1998. 238 с.
4. Экзистенциальная психология / Под ред. Ролло Мэя. М.: Апрель Пресс & ЭКСМО-Пресс, 2001. 160 с.

УДК 811.161.1'37

ББК 81

**ОТНОШЕНИЕ К СЛОВУ «ИНТЕЛЛЕКТ»
В РУССКОМ СОЗНАНИИ
(АНАЛИЗ АНКЕТИРОВАНИЯ РУССКИХ,
ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ)**

Парит Аруноаст

***Аннотация.** Данная статья посвящена изучению концепта «интеллект» в рамках анализа анкет об отношении русскоговорящих в России к слову «интеллект». В анкете представлены разные вопросы об интеллекте, базирующиеся не только на лингвистическом, но и на экстралингвистическом уровне. С одной стороны, это дает возможность познакомиться с особенностями и характеристиками лексемы «интеллект» в русской языковой картине мира. С другой стороны, это дает возможность рассматривать данную лексику как часть исследования концепта «интеллект» на основе лингвокультурологического подхода.*

***Ключевые слова:** интеллект, слово, концепт, анкетирование, языковая картина мира, русские.*

**ATTITUDES TOWARDS THE WORD "INTELLECT"
IN RUSSIAN MINDS
(ANALYSIS OF QUESTIONNAIRE DATA FROM RUSSIANS
LIVING IN RUSSIA)**

P. Aroonoast

***Summary.** The article is devoted to studying the concept Intellect in the questionnaire analysis of attitudes towards the word Intellect from Russians living in Russia. In the questionnaire are represented various questions about intellect, based not only on linguistic, but also on extralinguistic aspect, in which specific character of semantic meaning of lexeme Intellect can be introduced in the difference way in Russian language world picture on the one hand, and it can be regarded as one of the part of concept research based on cultural linguistics approach in the future on the other.*

***Key words:** Intellect, word, concept, questionnaire, Russian language world picture, Russians.*

Можно сказать, что в современном лингвистическом исследовании существует новая научная парадигма лингвистического знания, антропоцентрическая, как правило, обеспечивающая возможность осмысления представления о связи между языком и его пользователем, индивидом, т. к. «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [1, с. 6]. Данное высказывание базируется на идее В. фон Гумбольдта о том, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [2, с. 314].

Одним из рассматриваемых исследований в рамках данной парадигмы считается концепт «интеллект» как объект изучения лингвокультурологии. Под понятием «концепт» подразумевается соотношение между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру» [3, с. 40, 42].

Несмотря на то, что при рассмотрении толковых словарей можно обнаружить общее семантическое представление о концепте «интеллект», например, интеллект по определению Большого академического словаря русского языка – «мыслительная способность человека; рассудок, разум» [4, с. 310], нельзя утверждать, что указанное понятие полностью соответствует понятию умственной способности в индивидуальном смысле у каждого русского человека и в культуре, т. к. каждый человек может интерпретировать интеллект по-своему. Поэтому в данной статье, приводится исследование концепта «интеллект» в первую очередь как общее представление о мыслительной способности в русском сознании при помощи основе анкетирования русских, именно проживающих в России, что позволяет понять разновидности и оттенки значения интеллекта не только на лингвистическом, но и экстралингвистическом уровне.

В анкетировании участвовало 103 респондента в возрасте 16–64 лет, с различным образованием (без образования, среднее техническое, среднее специальное, высшее), разных профессий (студенты, аспиранты, преподаватели, бухгалтеры, продавцы, фрилансеры, технологи, дежурные, юристы, труженики сельского хозяйства, архитекторы, журналисты и т. д.), проживающие в разных городах России: Санкт-Петербурге, Москве и Московской области, Иванове, Воронеже, Нижнем Новгороде.

В анкетах респондентам были представлены определения лексемы «интеллект», «ум» и их различие, словосочетания с лексемой «интеллект» и его ассоциативное представление. Что касается определения слова «интеллект», ответы очень разные и они могут быть распределены по семантическим группам: 1) мыслительная способность индивида, врожденное умственное начало; 2) умственное развитие и его уровень; 3) индивидуальные особенности познавательной сферы, способность усваивать новое; 4) синоним интеллекта (ум, разум); 5) знание (умение накапливать знания); 6) интеллектуальная деятельность (способность организма логически рассуждать и осознавать последствия); 7) качество психики (состоящее из способности приспособляться к новым ситуациям); 8) научно-образовательная сфера; 9) познавательная способность в контексте окружающей среды (использование своих знаний для управления окружающей средой); 10) связь интеллекта и мозга (способность мозга сохранить и использовать информацию).

По вопросу том, что такое «ум», обнаруживается общее мнение респондентов: многие полагают, что слово ум является основой, показателем интеллекта индивида (основа для интеллекта, то, что помогает в работе интеллекта, показатель интеллекта в человеке). Ум характеризуется знанием и его объемом, с одной стороны (знание человека; объем знаний в голове), связан с бытом и жизнью, с другой стороны (умение решать бытовые задачи; умение использовать знания в реальной жизни; знания, полученные при обучении и накопленные в течение жизни, дополнительные практические навыки и умения по жизни). Ум – показатель образованности и воспитанности.

В организме человека ум воспринимается как умственная способность головы, сердца и мозга (*явление, при котором человек думает головой и сердцем, развиваясь и двигаясь к позитивной свободе; способность мозга получать знания и пользоваться ими; врожденные возможности мозга*). С биологической точки зрения – это «серое вещество», масса в черепной коробке. Ум связан со следующими абстрактными составляющими: *мудрость, кругозор, опыт, логика и интуиция, память, мышление, запоминание, мудрость, доброта, тактичность*.

По статистике данных анкет большинство респондентов (82 %) считает, что «интеллект» и «ум» – это разные вещи, но они связаны между собой, дополняют друг друга. Например, слово «интеллект» – более узкое понятие, включаемое в понятие «ум». Существуют мнения о различии между умом и интеллектом: *интеллект происходит от ума, ум – природное; ум возможен без интеллекта, а интеллект без ума нет; интеллект – это ум, но очень хорошо организованный. В русском языке функционируют оба слова, могут обозначать разные понятия, могут быть синонимами. Так, слово умалишенный означает человека с расстройством психики, а тот, кого мы называем лишенным интеллекта, не будет сумасшедшим. Эта точка зрения не касается ума: по пословице «Если Бог хочет наказать человека, то отнимает у него разум / лишает его ума»*. Оказалось, что только 13 % из анкетированных считает, что интеллект и ум это одно и то же, а 5 % не удалось определить.

В словосочетаниях со словом «интеллект» обнаруживается уровень, развитие интеллекта (*развитый интеллект, уровень интеллекта, высокий интеллект, низкий интеллект*). Интеллект носит аксиологический характер, т.к. он может быть *прекрасным, ярким, блестящим, потрясающим, сильным, безумным, слабовыраженным*. Более того, слово «интеллект» сочетается с *тонким, холодным, эмоциональным, искусственным, исключительным, нулевым, врожденным, человеческим*. При помощи глагола можно представить интеллект в разных аспектах: *демонстрировать интеллект, оттачивать интеллект, интеллект зашкаливает*.

Слово «интеллект» ассоциируется с *умением мыслить, развитием, уровнем знания* и следующими группами синонимических рядов (*умом, разумом, мудростью*), органами индивида (*головой и мозгом*), образовательной сферой (*наукой, образованием, математикой*), профессией (*писателем, программистом художником, ученым*), интеллектуальной деятельностью (*расчетом, анализом, решением задач, размышлением, мышлением, здравомыслием*), современными технологиями (*роботами, машинным обучением, компьютерными технологиями*), предметными составляющими (*книгами, очками, вином*), абстрактными составляющими (*гениальностью, разносторонностью, организованностью, красотой, сдержанностью, начитанностью, педантичностью, эрудицией, кругозором, воспитанностью, будущим*), образованными людьми (*образованный человек, интеллигентность человека, интеллигенция*) и другими (*интеллектуальным футболистом, фантастическими фильмами,*

играми, IQ, навыками, логикой; с чем-то сложным, запутанным, многоуровневым; способностью существа не только следовать своим инстинктам, но и осознавать последствия предпринимаемых действий; правильным действием, с жизнью для правильного выбора; присутствием центрального аппарата управления).

Отвечая на вопрос о том, кем обычно работает «интеллектуальный человек», многие анкетированные считают, что в любой профессии есть интеллектуальные люди. Представляем указанные респондентами профессии: *бизнесмен, банкир, ученый, психолог, начальник, инженер, врач, офисный работник, менеджер, философ, преподаватель, учитель, социолог, экономист, разведчик, военный, аналитик, государственный служащий, руководитель, предприниматель, художник, драматург, дворник, шахматист, проектировщик, изобретатель.*

Рассматривая вопрос о том, кто или что (какие вещи), кроме людей, может быть «интеллектуальными», обнаруживаются следующие различные ответы анкетированных: *животные (в т. ч. дельфины, обезьяны, муравьи, звери, птицы), игровая составляющая (шахматы, викторина, игра), современные технологии (компьютеры, программы (искусственный интеллект), IT-системы (андроид, современные технологичные устройства, приложения в различных гаджетах, смартфон, робот, роботостроение, машиностроение), издания (книги, журнал, рассказ, статья), литература (художественная и научная), телевидение (кино, фильмы, шоу передача, канал), повседневность (работа, досуг, отдых), образовательная деятельность (занятие, упражнения, образованность), искусство (музыка, изобретения) и другие (собственность, схемы, тесты, выставка, юмор, беседа, вечеринка, атмосфера, подход, растения, казино, слово, задачи, оружия, спорт, электропривод).*

Теперь представим концепт «интеллект» на экстралингвистическом уровне, где раскрывается идея внеязыковой сферы умственной способности с точки зрения русскоговорящих. В данной части анкеты состоят из вопросов, связанных с местом встречи этой лексемы и ее актуальности в общении каждого индивида и в СМИ. Что касается вопроса анкеты о том, часто ли и где встречаются слова «интеллект» или «интеллектуальный», 52 % анкетированных полагают, что часто, 43 % – редко и 5 % – не дали ответа. Данные слова, по мнению респондентов, представлены в Интернете (*в т. ч. в роликах на «YouTube»*), литературе (*научной, художественной*), СМИ (*в прессе, передачах, на телевидении: на канале «Культура», в «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?», в фильмах, рекламе, научно-популярных изданиях*), в развивающих играх и викторинах, на работе (*офисы, различные компании, производящие не материальные ценности: кино, музыку, программы и т. д., на стройке, в роботостроении*), в разговорах с коллегами, беседе (*о тестах на IQ, о книгах, фильмах и выставках*) и в спортивной и IT-сферах.

Что касается вопроса об актуальности слова «интеллект» в общении, 57 % анкетированных полагает, что слово актуально, поскольку данное слово

связано с профессиональной деятельностью, используется как характеристика индивида, важно для круга общения и интеллектуального развития индивида. 33 % из них считает, что слово «интеллект» не актуально, т. к. оно употребляется чаще всего в саркастическом смысле. Респонденты считают, что разговоры между собеседниками бывают очень простыми и короткими, поэтому обсуждаемое слово встречается не часто. Только 10 % из респондентов не дали ответа.

Рассматривая вопрос об актуальности слова «интеллект» в СМИ, большинство анкетированных (52 %) полагает, что слово актуально. С одной стороны, некоторые передачи способствуют развитию интеллекта. С другой стороны, информационные технологии не стоят на месте и развиваются каждый день. В данный момент времени происходит большое развитие искусственного интеллекта, и это является настоящим технологическим прорывом. Поэтому индивид наблюдает за этим развитием в СМИ (ТВ). 29 % анкетированных согласны с тем, что слово «интеллект» не актуально. Существуют разные мнения по данному вопросу: *СМИ направлено на средние слои населения, которые, как правило, не интересуются наукой и не стремятся к высокому уровню развития; в СМИ не слишком часто фигурирует это слово; интеллект очень часто появляется в контексте оценочного суждения. СМИ – это не оценка чего-либо, это, в первую очередь, передача информации; центральные СМИ не ставят перед собой цель повысить интеллектуальный уровень населения.* Только 19 % не дает ответа на этот вопрос.

Таким образом, при анализе анкет русскоговорящих, проживающих в России, мы пришли к выводу, что лексема «интеллект» обладает разными оттенками семантического значения на лингвистическом уровне в русской языковой картине мира, в русском сознании. Это, очевидно, отличает лексему от традиционного семантического значения в словарях. «Интеллект» не только представляет собой мыслительную способность у человека, но и знание, качество психики и так далее. С точки зрения русской ассоциации, лексема «интеллект» связана с умением мыслить, развитием, уровнем знания, образовательной сферой, профессией, современными технологиями, предметными составляющими и т. д. Более того, на экстралингвистическом уровне показано, что большинство анкетированных полагает, что лексема «интеллект» актуальна и в их общении, и в СМИ. Анкетированные часто встречают это слово во многих местах: в развивающих играх, на работе, в СМИ, в разговорах с коллегами, в спортивной и ИТ-сферах.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. М.-СПб.: Наука, 2007. Т. 7. 729 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избр. тр. по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
3. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации: моногр. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: ИрГУ, 2004. 206 с.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

УДК 811.161.1' 272

ББК 81

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

О.В. Петрова

Аннотация. Информационная среда влияет на формирование концептуальной и языковой картины мира. Появление в этой среде большого количества материалов, нарушающих норму и узус языка, принципы текстuality, приводит к деформированию языкового сознания и в конечном итоге к разрушению национального культурного кода. Одна из важнейших задач языковой политики – регулирование использования языка в информационном пространстве.

Ключевые слова: язык, текст, языковое сознание, языковая картина мира, концептуальная картина мира, национальный культурный код, языковая политика.

LINGUISTIC WORLD-IMAGE, A COUNTRY'S GEOPOLITICAL CODE AND LANGUAGE POLICY

O. Petrova

Summary. Information environment influences the formation of conceptual and linguistic world-image. A large number of informational materials that do not conform to the norms and usage of the language as well as to the principles of textuality can deform linguistic consciousness and erode national cultural code. One of the major tasks of language policy is to regulate the use of language in the information environment.

Key words: language, text, linguistic consciousness, linguistic world-image, conceptual world-image, national cultural code, language policy.

Взаимоотношения языка и мышления – один из фундаментальных вопросов языкознания, философии языка и лингвистической философии. При всем различии подходов к решению проблем, возникающих при попытке определить характер их взаимодействия и роль каждого из этих явлений в формировании и функционировании другого, бесспорным остается одно: человеческое мышление и язык связаны неразрывно. Столь же неразрывно связаны и возникающие на базе каждого из них картины мира – концептуальная и языковая, которые, в свою очередь, определяют национальную культуру народа, его культурный (точнее – лингвокультурный) код. Характеризуя изучающую этот код лингвокультурологию, С.Г. Воркачев пишет: «Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходят в самых разнообразных формах и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входят языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, (этнический) менталитет, культурный код и пр. Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности...» [1, с. 64].

Посмотрим с этих позиций на то, что сегодня происходит с формированием национальной картины мира, языковым сознанием и типом языковой личности под влиянием той информационной среды, в которой мы живем, в которой формируется мышление новых поколений.

Основным, определяющим фактором этой среды для большинства людей являются средства массовой информации во всем многообразии их современных видов и форм. Это и ленты новостей в Интернете, и бегущая строка на многих информационных телеканалах, и тексты устных информационных сообщений на телевидении, и электронные версии газет (как и сами газеты, которые, впрочем, в их бумажном варианте становятся все менее и менее популярными), и бесчисленные публицистические и научно-популярные тексты на всевозможных интернет-сайтах. Даже если мы целенаправленно ищем какую-то определенную информацию, глаз невольно выхватывает размещенные рядом броские заголовки и первые строчки других сообщений, специально ориентированные на то, чтобы привлечь наше внимание и побудить читать сами эти сообщения. Что же мы там видим?

Начнем с заголовков. Известно, что у публицистического заголовка есть две основные функции: сообщение информации о содержании текста и привлечение внимания. По крайней мере, так было до сравнительно недавнего времени. Постепенно функция привлечения внимания начала доминировать. Причем в интернете эта функция сплошь и рядом реализуется за счет снижено-разговорного, а иногда и просто хамского стиля. Если в тексте идет речь о том, что в соцсетях кто-то кому-то порекомендовал уехать на Запад, то в заголовке говорится, что этого человека «выперли из России». Если кого-то освободили от должности (неважно, почему – иногда даже в связи с переводом на другую, более значимую должность), то его в лучшем случае «выгнали, погнали» («Шепелева погнали с Первого канала вслед за Стриженовой»), а то и опять-таки «выперли» («Экс-министра образования Ливанова выперли с очередной должности»). Если кто-то потерпел какую-то неудачу, то он либо «страшно опозорился», либо «с треском провалился», либо «облажался»: «Журналисты облажались в прямом эфире».

Мало того, что по заголовкам сплошь и рядом невозможно понять, о чем написан сам текст (предположим, это делается сознательно, чтобы, так сказать, разжечь любопытство и заставить открыть соответствующую статью), они часто искажают смысл самой статьи, а иногда и прямо противоречат ему. Рассмотрим один такой текст (сохранены авторские орфография и синтаксис):

«Ученые узнали причины ночных кошмаров у людей

Профессионалы из Оксфордского университета провели эксперимент с участием 850 добровольцев. Научные работники определили причину ночных кошмаров.

Ученые провели исследование, в ходе которого опросили 846 человек. Они узнали, что схожие сновидения видят люди, которые спят не менее 9-ти

часов в сутки. Это объясняется тем, что длительный сон предполагает большее количество циклов фазы скорого сна, а именно во время последних циклов данной фазы люди лучше всего запоминают сны. Кроме того, участников разуднали об уровне их тревожности в разных ситуациях, о средней длительности сна, частоте случаев бессонницы и о наличии галлюцинаций.

Цель исследования: определение обстоятельств ночных кошмаров. Учидывались тяжесть кошмаров, их частота за последние две недели, стресс, тревога, паранойя, галлюцинации и употребление алкоголя. Проанализировав ответы, ученые сделали вывод, что походяе факторы, а еще наличие травматических синдромов либо физическая активность опрошенных никак не влияют на появление ночных кошмаров.

Специалисты рассмотрели длительность сна и сновидения 846 человек».

Автор: *krasnews.com*.

Увидев заголовок, читатель вправе рассчитывать на то, что в тексте содержится информация о причинах возникновения кошмаров. Это его предположение подтверждается и последним предложением первого абзаца: «Научные работники **определили** причину ночных кошмаров». Однако единственное, что можно найти в тексте о причинах кошмаров, это вывод о том, что перечисленные автором факторы, которые проанализированы исследователями, «никак не влияют на появление ночных кошмаров». Возникает два вопроса. Первый: как заголовок соотносится с текстом? Второй: о чем, собственно, сам текст?

Впрочем, есть и третий, более общий вопрос: насколько приведенное речевое произведение можно считать текстом? При всем многообразии существующих определений, текст представляет собой лингвистическую единицу (или категорию), обладающую целым рядом свойств, собственно говоря, и делающих тот или иной набор символов текстом, т. е. сообщающих ему то, что принято называть текстуальностью. При любом подходе к определению текста практически все исследователи признают, что это, прежде всего, законченное информационное и структурное целое. Это коммуникативная единица, обладающая такими признаками, как информативность; логико-семантическая, грамматическая, стилистическая целостность и связность (также называемые когерентностью и когезией); завершенность и целый ряд других (см., например, характеристики текста и его отдельных категорий в [2; 3; 4]). Посмотрим, что из этих характеристик присутствует в приведенном сообщении.

О какой информационной законченности можно говорить, если текст начинается с того, что ученые определили причину кошмаров, а заканчивается тем, что результат исследования оказался отрицательным?

О какой структурной целостности можно говорить, если информация в тексте дублируется, причем каждый раз подается как нечто новое и при этом не совпадают даже количественные характеристики проведенных опросов?

Так, в первом абзаце сказано: «Профессионалы из Оксфордского университета провели эксперимент с участием 850 добровольцев». Во втором абзаце эта информация повторяется, только с другой цифрой: «Ученые провели исследование, в ходе которого опросили 846 человек». Текст завершается абзацем, состоящим из одного предложения: «Специалисты рассмотрели длительность сна и сновидения 846 человек». Автор по ходу написания этого короткого текста дважды забыл, что уже об этом говорил? Или он подозревает, что читатель, переходя к следующему абзацу, забывает, что было в предыдущем?

О какой логико-семантической и грамматической целостности можно говорить, если после сообщения о том, что ученые провели некоторое (даже без уточнения того, какое именно) исследование, следует предложение, начинающееся с «также»: «Также они узнали»? Также – в дополнение к чему или наряду с чем? Ведь речи о том, что они что-то определенное узнали, пока не было. Последовательность предложений «Целью исследования было определение обстоятельств ночных кошмаров. Также учитывались тяжесть кошмаров...» тоже вызывает недоумение. В первом из этих предложений говорится о цели исследования, а во втором – о том, что, наряду с чем-то («также») учитывались какие-то другие (в дополнение к чему?) факторы.

В целом структура текста выглядит так: сообщение о том, что проведен некий эксперимент – констатация получения положительного результата – количество опрошенных – полученная учеными попутная информация – цель исследования – его дополнительные параметры – отрицательный результат – количество опрошенных. Прослеживается ли здесь хоть какая-нибудь логика?

Теперь посмотрим, как вся эта неструктурированная и нелогичная информационная смесь выражена. Кроме нарушения логики, выражающегося в употреблении уже упомянутых неуместных союзов, в этом сообщении нарушены лексическая сочетаемость («скорый сон», тогда как терминологически правильное сочетание – быстрый сон), управление («участников разузнали»), правописание («входе»). Можно предположить, что в последних двух случаях это результат опечаток. Но сообщение-то размещено на сайте именно в этом виде! Далее. Совершенно неузуальное употребление лексики: «**Профессионалы из Оксфордского университета** провели эксперимент», «**Научные работники** определили причину ночных кошмаров», «(у) участников **разузнали** об уровне их тревожности» (разузнать – это выведать, а не узнать, выяснить путем опроса), «**похожие** факторы... никак не влияют на появление ночных кошмаров» (похожие на что? Видимо, имелось в виду «и другие подобные факторы»?).

Характер текста не оставляет сомнений в том, что в его основе лежит компьютерный перевод: одно только «большое количество циклов фазы быстрого сна» чего стоит! Судя по всему, это появилось в результате механического перевода препозитивного атрибутивного словосочетания, а что при этом случилось со смыслом, никто не проверил. Но точно так же нет никаких сомнений и в том, что этот перевод подвергся некоторому редактированию, а

скорее – реферированию. Наличие вполне внятных сообщений о том же исследовании на других сайтах дает ответы на некоторые вопросы. Во-первых, становится понятным, почему заголовок противоречит самому сообщению. Дело в том, что на самом деле ученые действительно нашли предположительную причину ночных кошмаров. Но в данном случае при реферировании эта информация выпала. Осталось только указание на то, что целый ряд факторов, которые, как полагали ученые, могли бы также (т. е. наряду с обнаруженными причинами) повлиять на появление кошмаров, никакого влияния, как выяснилось, не оказывают. Реферирование проводилось путем выбрасывания «лишних» предложений, а к чему это привело в плане логики изложения, никого не интересовало. Все процедуры с текстом проводились без учета смысла.

Можно долго рассуждать о причинах появления таких псевдотекстов. Кстати, следует заметить, что приведенное сообщение – это еще не худший образец того, что заполонило просторы Интернета. Встречаются даже «тексты», начинающиеся со слов «Кроме того». В общем виде картина ясна: компьютерный перевод, выполненный с помощью не самой совершенной программы, сокращение и реферирование, выполненное механически человеком, который не вникает в суть сказанного, плюс катастрофически низкий уровень владения родным языком (т. е. языком, на который осуществлен перевод). О крайне низком уровне речевой (да и общей) культуры пишущих, кстати, свидетельствуют и многие заголовки: «Загадка **динозавра-Франкенштейна** раскрыта», «Во всех супермаркетах *Metro* в Российской Федерации **раскроются** магазины *Media Markt*», «Ученые: диета поможет **избежать рак**», «Полиция закрыла **большую половину** избирательных участков в Каталонии», «Ученые выяснили причину **заблаговременного** старения детей» и т. д. Если сюда добавить фразы типа «**мануэл** пользователя», «**люто генерить трафик**» и им подобные, то ситуация выглядит совсем удручающей: ведь это та самая информационная среда, в которой формируется языковая картина мира у тех читателей, у которых она не успела (да и попросту не могла в силу их молодости) сформироваться на преобладавших когда-то нормальных текстах, написанных логично, осмысленно и на хорошем русском языке.

Не меньший вред наносят и сообщения бегущей строкой на телевизионных каналах, в которых полностью игнорируются нормы актуального членения русского языка. Калькирование и копирование порядка слов англоязычных сообщений привело к тому, что нынешние студенты не видят разницы между темой и ремой и сплошь и рядом не могут сказать, на какой вопрос отвечает то или иное предложение. Они могут лишь сказать, о чем там идет речь. Что именно в предложении сообщается, сформулировать уже не в состоянии. Текстовое сообщение для них лишено структуры, они не видят в нем логических связей. Каждый факт существует сам по себе.

Только ленивый еще, похоже, не писал о клиповом, фрагментарном, атомарном мышлении новых поколений. В клиповом мышлении некоторые

психологи даже пытаются найти что-то полезное (хотя никто еще не смог показать, как это «полезное» может перевесить тот вред, который этот тип мышления наносит обладающему им человеку). Но факт остается фактом: в сегодняшней уродливой, деформированной информационной среде формируется деформированная картина мира – и языковая, и концептуальная. Современная система точечного запроса информации и получения точечного, не вписанного ни в какую систему ответа приводит к тому, что картина эта больше похожа на рассыпавшийся пазл, фрагменты которого никак между собой не связаны – ни по смыслу, ни ассоциативно.

Обычно с последствиями всего этого мы сталкиваемся на уровне чисто речевом. Преподаватели (особенно преподаватели перевода) констатируют обеднение словарного запаса студентов, нарушение норм лексической сочетаемости слов, неверное построение синтаксических конструкций, употребление контекстуально неуместных слов. Обычно это объясняется катастрофически малым объемом чтения. Нынешняя молодежь в массе своей действительно мало читает. Но ведь, говоря, что нужно больше читать, мы редко задумываемся о том, *что именно* нужно читать. Разумеется, для общего развития личности нужно читать классическую литературу. Но современный человек не может говорить языком Толстого и Достоевского. Тем более не может на него переводить. Чтобы жить в современном мире, чтобы переводить современные тексты (художественные, публицистические, научно-технические – любые), нужно читать много именно таких текстов. Возникает порочный круг. На занятиях мы рассказываем о том, что текст должен быть информативным, логично построенным и т. д., а в реальности люди читают то, что им предлагают средства массовой информации. Прежде всего – Интернет. Мы надеемся их чтением вылечить, а оно их заражает той самой болезнью, которую нужно лечить.

В результате происходит постепенное стирание границ между близкими, но не тождественными понятиями. Автору этих строк уже доводилось писать о том, что студенты часто не видят разницы не только между словами одного синонимического ряда (таких, например, как «говорить», «утверждать», «заявлять» или «написать», «сочинить», «составить», «подготовить», «сверстать»), но и между стоящими за словами понятиями [5]. Употребленный в приведенном сообщении глагол «разузнать» свидетельствует о том, что написавший его, скорее всего, не видит разницы между словами «узнать», «выяснить», «выведать», «спросить», «расспросить», «опросить». При этом необходимо понимать, что речь идет не просто об обеднении словарного запаса, часто выражающегося в том, что все более или менее сходные понятия обозначаются одним словом. Если человек говорит о том, что какую-то фирму вносят в «список недоброжелательных поставщиков», то очевидно, что «недобросовестный», «недоброкачественный» и «недоброжелательный» для него – одно общее **понятие**: недобросовестные поставщики предлагают недоброкачественные товары, так что они «недоброжелательные» – то ли пото-

му, что не желают добра потребителям, то ли потому, что мы не хотим добром иметь с ними дела. Это уже не так и важно: смысл определяется не по корневым морфемам «совест-», «качеств-», «жела-», а по общему для них «недобро-». А уж что там «недобро» – неважно. Мир начинает восприниматься в простейших категориях и оппозициях: все, что можно произнести (независимо от того, где, как и с какой целью), все, что можно сделать (хоть чашку чая, хоть статью, хоть пиво, хоть платье); хороший – плохой (и неважно, в каком смысле хороший – полезный, прочный, доброкачественный и т. д.); дать – получить (отсюда произвольное употребление глаголов «присудить», «присвоить», «вручить», «предоставить» и даже «номинировать»). Ведь в текстах, которые мы читаем в том же Интернете, все эти слова сплошь и рядом употребляются совершенно произвольно. И под влиянием этого формируется тип языковой личности, формируется соответствующее языковое сознание.

Такое упрощенное до схематичности восприятие мира, помноженное на отсутствие системности (во всем – в построении текстов, в формировании той же ленты новостей, где подряд идут заголовки «Смертельная опасность дневного сна» и «Дневной сон помогает против преждевременной смерти» – хотя, возможно, эти статьи даже основаны на одном и том же исследовании), плюс уже упоминавшийся точечный поиск информации, также ведущий к атомарности восприятия действительности, приводит к тому, что в сознании людей складывается примитивная, деформированная концептуальная (и, соответственно, языковая) картина мира, никак не соотносящаяся с нашей национальной картиной мира, отражающей нашу систему национальных ценностей.

Это особенно опасно в нынешней ситуации агрессивного внешнего воздействия на эту систему, в т. ч. и языкового – скажем, через навязывание иноязычных слов, за которыми часто стоят чуждые нам ценностные категории. Вспомним уже цитировавшееся определение концепта, данное Г.С. Воркачевым: концепт – это понятие как совокупность существенных признаков предмета (добавим, или явления), *погруженное в культуру и язык*. Поэтому деформирование языка неизбежно ведет к смене и языковой, и концептуальной картины мира, а соответственно – к деформации национального культурного кода, являющегося неотъемлемой частью кода геополитического.

Говоря о языковой политике того или иного государства, чаще всего имеют в виду две вещи: меры по расширению представленности национального языка в мире и меры по поддержанию норм функционирования языка (т. е., в привычной терминологии, борьбу за чистоту языка). С целью обеспечения этой самой чистоты языка некоторые страны регулируют количество лексических заимствований из других языков, некоторые принимают меры по улучшению преподавания родного языка в учебных заведениях страны. И то, и другое – задачи сложные. Потому, что в нашем глобализованном мире трудно запретительными мерами ограничить проникновение в язык (или хотя бы в речь) иноязычных слов, часто попадающих к нам вместе с называемыми ими предметами или понятиями. Потому, что преподавание родного языка проис-

ходит не изолированно, а в рамках общей системы образования, переживающей в современном меняющемся мире трудные времена (причем отнюдь не только в России). Есть и еще одна возможность: регулирование использования языка в средствах массовой информации в широком понимании этого словосочетания, т. е. не только в журналистике, но и везде, где тексты используются для сообщения какой-то информации широкому кругу лиц: в рекламе, в языковом оформлении городской среды и т. д. Закрепленный в Конституции РФ отказ от цензуры был у нас почему-то воспринят и как отказ от редактирования текстов, предназначенных для массового читателя. В результате мы каждый день читаем на фасадах зданий вывески всевозможных «шопов», «тэпрумов» и прочего, которые воспринимаются как более престижные, чем обычные магазины и пивные и буквально навязываются нам в этом качестве. Мы слышим речь наших теле- и радиожурналистов, вещающих на фантастической смеси русских и часто неверно произносимых иноязычных слов, мы читаем заголовки и тексты типа тех, что цитировались выше. Мы не отдаем себе отчета в том, что речь идет не просто о чистоте языка. Что наша речь, то есть то, как мы пользуемся своим языком, – это отражение нашей картины мира с ее системой ценностей. Та речь, которую мы слышим и читаем, – это как раз и есть средство формирования нашей концептуальной и языковой картины мира. Если мы хотим сохранить и поддержать нашу собственную национальную картину, национальный культурный код, необходимо разработать и внедрить систему мер по обеспечению устойчивости этого кода.

Г.Н. Трофимова, говоря о том, что «при формировании текста (высказывания) необходимо обратить особенное внимание на его способность эффективно противостоять внешним угрозам и защитить содержание от двусмысленного толкования, защищать человека от воздействия вредных языковых единиц», предлагает «по аналогии с экологической безопасностью ... установить значения предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных языковых единиц, которая при ежедневном контакте не может вызвать ухудшения морального или психического состояния или нанести вред или ущерб сегодня или в более отдаленные сроки» [6, с. 27]. Конечно, понятие «вредные языковые единицы» достаточно неопределенно. Это могут быть и идеологически «вредные» единицы, и единицы, рассчитанные на сознательную дезинформацию, но это могут быть и семантически или стилистически неверно употребленные слова, и неправильные синтаксические конструкции, и нарушения текстологического характера. Но, так или иначе, любой текст, предназначенный для размещения в средствах массовой информации или в общественных местах, должен подвергаться редактированию, т. е. проверке на элементарную грамотность и правильность построения (т. е. понятность).

Сегодня, когда Интернет наводнен текстами, представляющими собой компьютерные переводы, этот вопрос стоит особенно остро. Дешевизна и быстрота получения компьютерных переводов заставляют предположить, что их количество в ближайшее время будет только возрастать. Это делает еще бо-

лее необходимым введение требований к публично размещаемым текстам. На базе существующих лингвистических исследований необходимо разработать нормативные документы, определяющие, какими языковыми и текстуальными характеристиками должны обладать материалы для того, чтобы они могли быть в том или ином виде опубликованы. Без этого мы рискуем потерять наш национальный культурный код и, соответственно, поставить под угрозу национальный геополитический код в целом.

Литература

1. Воркачев, С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 2011. Т. 70. № 5. С. 64–74
2. Филиппов, К.А. Лингвистика текста. Курс лекций. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 336 с.
3. Валгина, Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
4. Величко, М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник АдыгГУ. Сер. 2: Филология и искусствоведение, 2016. Вып. 2 (177). С. 39–43
5. Петрова, О.В. Неточные слова или размытость понятий? // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 5 (12). Н. Новгород: ФГБОУ ВО «НГЛУ». 2017. С. 98–106
6. Трофимова, Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2012. № 1. С. 24–29.

УДК 811.111'23 : 811.111'276.3

ББК 81

АГРЕССИВНОЕ НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ

Н.Ю. Плаутина

Аннотация. В статье определяется специфика языковой презентации мужского и женского агрессивного невербального поведения в тексте художественных произведений современных англоязычных авторов.

Ключевые слова: невербальное поведение, агрессивное поведение, мужчины и женщины.

AGGRESSIVE NON-VERBAL BEHAVIOR MEN AND WOMEN IN MODERN ENGLISH PROSE

N. Plautina

Summary. The article reviews the correlative relations between the aggressive emotional state and the language representation of male and female nonverbal behaviour in modern English fiction.

Key words: nonverbal behaviour, aggressive behaviour, men and women.

В современном мире особенно актуальной представляется проблема лингвистической безопасности коммуникации. Стратегии выстраивания эффективного взаимодействия между людьми становятся предметом междисциплинарных, в т. ч., и лингвистических исследований. Обращение к вопросу о

продуктивном общении людей приводит к необходимости рассмотрения компонента коммуникации, в котором проявляются агрессивные реакции ее участников.

В настоящей статье рассматриваются средства номинации невербального поведения мужчин и женщин в состоянии агрессии в художественных произведениях современных англоязычных авторов. В качестве критериев отбора материала приняты авторские номинации эмоционального состояния агрессии и общий ситуационный контекст.

Агрессия, как правило, возникает вследствие реакции на стресс – «неспецифический ответ организма на любую необходимость адаптироваться», когда мозг интерпретирует вызвавший его фактор как положительный. Реакция на положительные стрессы называется эвстресс [1]. Поведение индивида в состоянии эвстресса определяется психофизиологическими механизмами: активно-оборонительная реакция организма или агрессия (активные наступательные действия, совершаемые с целью нейтрализации психогенного фактора, вызвавшего сильное эмоциональное напряжение), демонстративная модель поведения (осознанная попытка реализации коммуникативной задачи, в качестве которой выступает апелляция к собеседнику путем осознанной объективации эмоционального состояния субъекта), контактообусловленная модель поведения (поведение, направленное на установление или прерывание контакта) [2].

Невербальные проявления агрессивных состояний отражаются в художественном тексте через описание невербальных компонентов коммуникации: мимический, окулесический, жестовый компоненты, позу, локомоции, голосовые характеристики, такесический компонент, манипуляции с предметами, вегетативные проявления. В настоящей статье описание невербальных компонентов коммуникации, свойственных для мужского и женского поведения в произведениях англоязычных авторов, рассматривается с позиций их реализации в состоянии *эвстресса* [3] как состояния, порождающего агрессивные реакции организма.

Агрессивные мимические реакции женщин в художественном тексте произведений описываются как изменения, происходящие в определенной области лица (чаще всего в области глаз и бровей), и номинируются при помощи лексических единиц со значением нахмурить брови, например, *to disfigure one's face by an unattractive frown, to frown, to raise one's eyebrows, to wrinkle one's brow, to arc one's eyebrow, to form a crease between one's eyebrows* и т. д.:

Her brows met in a petulant frown. "I always knew you thought we were bad parents" [4].

Мужское агрессивное мимическое поведение представлено дескрипциями изменений не только в области глаз и бровей, но и челюсти, например, *to tighten one's jaw*:

*Skye noticed **Simon's jaw tightening**, so she took his hand and tugged him toward the bar before he could respond [4].*

Также используются лексические единицы, описывающие определенное выражение лица или проявление той или иной эмоции на лице:

A shadow passed over Derek's face but then he laughed it off [5].

Мужское и женское окулесическое поведение в текстах англоязычных авторов представлено номинациями отрицательной эмоции, спровоцировавшей агрессивную реакцию, которая выражается взглядом:

Her eyes flared with anger. She was so furious, I thought she would ignite. I had never seen Minfreda like that, but I was glad. She was burning with healthy rage [6].

Dexter's eyes shone with outrage [7].

Однако описание взгляда женщин приводится более детально. Агрессивный женский взгляд характеризуется как ледяной, пронзающий, острый, хищный, что выражается при помощи языковых коррелятов *icy blue gaze, the gaze is sharp, eyes glitter with venom*:

Her icy blue gaze lasered into the brown eyes of her rival [4].

Голосовым сигналом женского агрессивного поведения служит изменение тона голоса на очень высокий или, наоборот, низкий, в зависимости от испытываемой эмоции:

"I want it now", Brigitte said, and her tone was degenerating rapidly to a high pitch [8].

"What do you mean, giving me a poor evaluation, you incompetent twit?" Jennifer's low voice cut like a knife. Vicki made a gurgling sound. No one, not even me, spoke to her that way [6].

Женские голосовые реакции в художественном тексте представлены лексическими единицами со значением «кричать», «вопить», «истерически визжать», «реветь», «угрожать», «говорить с презрением» и т. д., которые выражены языковыми коррелятами *to shriek hysterically, to yell, to roar, to raise one's voice to a shout, to say contemptuously* и т. д.:

"Dexter Castledine, that is not acceptable", she yelled, voice shaking. <...> Her voice rose to a hysterical shriek. "Go!" [7].

Мужское агрессивное голосовое поведение отличает использование грозного злобного тона голоса, посылание проклятий, угроз, употребление ругательств, а иногда даже проявление дыхательного спазма, который оказывает влияние на голосовые характеристики так, что мужчина с трудом выговаривает слова, задыхается, голос звучит сдавленно, напоминает шипение. В авторских комментариях данные особенности манифестируются при помощи лексических единиц типа *angry voice snaps at somebody, to speak in thunderous tones, to flare up, to curse somebody, to yell, to hiss being incandescent with rage, to give a brief phrase choking* и т. д.:

"That's not FAIR!" in such thunderous tones, it was enough to make even the most hardened criminal mastermind break into a sweat of self-reproach [7].

Средствами номинации жестов, сигнализирующих об агрессивной настроенности участника коммуникации, выступают лексические единицы со значением топнуть ногой, например, *to stamp one's foot*:

"You deliberately held that meeting while I was gone". Evie stamped her Etienne Aigner-shod foot on the worn gray linoleum. "A meeting you had no right to call" [4].

Как правило, данная реакция встречается в текстах художественных произведений при описании женского невербального поведения. Специфичных мужских жестовых проявлений в текстах рассмотренных произведений не обнаружено.

Под состоянием эвстресса подразумевается кратковременное состояние, при котором мобилизируются и активизируются внутренние резервы человека, улучшается протекание психических и физиологических функций. При этом человек ощущает подъем внутренних сил, чувствует готовность решить возникающие проблемы [9].

Возможно, поэтому в текстах произведений практически отсутствуют ремарки относительно позы коммуникантов, так как поза представляет собой статичное положение тела. Однако языковые репрезентации, описывающие локомоции – пространственные перемещения, присутствуют в описании как мужского, так и женского поведения.

Изменения положения тела как мужчин, так и женщин могут носить как контактоустанавливающий, так и контактопрерывающий характер.

Контактоустанавливающая модель поведения выражается в решительных наступательных действиях, направленных на сближение с раздражителем, при помощи номинаций *to turn on somebody*, *to move toward somebody like a golden cat*, *to walk into the office without knocking* и т. д.:

At nine A.M., Jennifer walked into Vicki's office without knocking, a thick file under one arm. Her step was bold. Her long blond hair waved defiantly [6].

Mark <...> turned on his father with a look of fury: "You! 'Dad'! What a hypocrite! You're to blame!" [10].

Контактопрерывающая модель поведения представлена языковыми коррелятами, описывающими резкие действия, направленные на отдаление от стрессора, например, *to stumble away*, *to get up abruptly and walk out of the house without saying a word*, *to stalk out of the kitchen*, *to run somewhere*, *to return to one's room* и т. д.:

Halfway through their tea – stewed lamb chops and mashed potatoes – he got up abruptly from the table, picked up his plate, threw it across the room, and then walked out of the house without saying a word [5].

В текстах рассматриваемых произведений женщины следуют обеим моделям поведения одинаково часто, в то время как мужчины более склонны завершить контакты со стрессогенным фактором.

Такесические взаимодействия в состоянии агрессии, как правило, представляют собой атакующие тактики. Женщины намереваются ткнуть сопер-

ника, наброситься, схватить, неистово сжать руку и т. д. В художественном тексте данным реакциям соответствуют такие лексические единицы, как *to poke somebody*, *to lunge at the rival and wrap around one's throat*, *to grab two handfuls of someone's hair and pull*, *to hit somebody*, *to clutch one's hand* и т. д., например:

Evie lunged at her rival, hands wrapping around Annette's throat. Annette grabbed two handfuls of Evie's hair and pulled. Before Skye could react, the two women's supporters had dragged them apart [4].

Тактильные контакты мужчин представляются как более жестокие и грубые, направленные на расправу с противником. Данная модель поведения номинируется при помощи языковых коррелятов типа *to push somebody belligerently in the chest*, *to push forcibly at somebody*, *to deliver a massive open-handed slap to the side of one's head*, *to punch hard into the middle of one's face as if he was willing to obliterate it*, *to smash one's head on to the coffee table* и т. д.:

Ursula was expecting the first blow but it still took her by surprise, his fist punching hard into the middle of her face as if he wanted to obliterate it [5].

Особенностью манипуляций, совершаемых с предметами, в состоянии агрессии, является их осознанный характер. Таким образом, действия, совершаемые над предметом, помогают нейтрализовать напряжение, вызванное раздражителем.

Описания мужских и женских манипуляций носят характер демонстративных устрашающих действий. Женские манипуляции выражаются при помощи лексических единиц со значением кинуть что-либо, запустить чем-либо в противника, хлопнуть или ударить чем-либо, например, *to leap from the chair, sending it banging into the wall*, *to throw clothes into the suitcases*, *to whirl and fling something in one's face*, *to fling something down*, *to slam the door*, *to shut the door too hard* и т. д.:

"How dare you?" Mrs. Idell's face turned scarlet and she leapt from her chair, sending it banging into the wall [4].

Мужские манипуляции с предметами представлены как более агрессивные, направленные на разрушение или уничтожение того, что попало под руку:

Kit let the pages fall. Kit shut the black-lacquered box. By the time Quincy Smartt was scheduled to return to the loft, Kit was gone. He'd reopened the lacquered box and dumped out the manuscript of 212 neatly typed pages and with a ten-inch steak knife from the kitchen he'd cut and slashed many of the pages and others he'd kicked and torn underfoot. He'd smashed the lacquered box. He'd yanked the laptop out of its several sockets and smashed it on the floor. The framed photographs of smiling people he'd swept off the windowsill. The worktable he'd overturned. With the knife he'd cut and slashed those clothes in his mother's bedroom closet he could reach easily and in the front room he cracked a mirror with his fist, overturned and smashed the precious bottles of whiskey, vodka

and gin on the sideboard and he ran from the loft leaving the heavy door swinging open behind him [10].

Женскими вегетативными проявлениями состояния агрессии служат изменение кровяного давления, покраснение кожи, проявление вен на шее:

Her eyes glittered with venom, the veins in her neck stood out like cords; she was a lioness prepared to go for the jugular on behalf of her injured cub [7].

Мужскими вегетативными симптомами агрессии являются нарушения секреторной функции, которые номинируются при помощи языковой единицы *to sweat*, покраснение кожи лица, передающееся при помощи языковых коррелятов *to turn red in the face, to feel one's face darken with blood*:

Charles felt his face darken with blood [10].

В рассматриваемых произведениях при описании женского агрессивного невербального поведения преобладают номинации голосовых (37 %), мимических (19 %), манипуляционных (12 %) и такесических характеристик (9 %). Мужское агрессивное невербальное поведение отличает количественное преимущество номинаций голосовых (25 %), мимических (20 %), манипуляционных проявлений (20 %).

Как видим, тексты художественных произведений являются хранителями эмоционального опыта людей и отражают стереотипные представления авторов о невербальном поведении мужчин и женщин в состоянии эмоционального напряжения. Анализ языковых репрезентаций, используемых различными авторами при описании невербальных признаков мужского и женского агрессивного поведения, позволяет выявить специфику агрессивных реакций представителей разных полов. В свою очередь, осознание особенностей враждебного невербального поведения может быть полезным при выработке стратегий и тактик коммуникативного поведения, которые бы позволили хотя бы частично снизить уровень коммуникативной агрессии и установить эффективное взаимодействие, следовательно, лингвистическую безопасность коммуникации.

Литература

1. Селье, Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 127 с.
2. Синеокова, Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2008. 151 с.
3. Синеокова, Т.Н. Универсальный характер синтаксических конструкций, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 74–81.
4. Swanson, D. Murder of a royal pain: A Scumble river mystery // Электронный ресурс. URL: http://royallib.com/read/Swanson_Denise/Murder_of_a_Royal_Pain.html#0 (дата обр.: 10.09.2018).
5. Atkinson, K. Life after life // Электронный ресурс. URL: http://coolschool-spb.ru/upload/Life_After_Life.pdf (дата обр.: 20.10.2018).
6. Viets, E. Killer blond: A dead job mystery // Электронный ресурс. URL: <http://en.booksee.org/s/?q=killer+blond&t=0> (дата обр.: 26.06.2014).
7. Diamond, L. Summer at Shell's cottage // Электронный ресурс. URL: <http://www.general-ebooks.com/read/166737856> (дата обр.: 05.09.2017).

8. Steel, D. Betrayal // Электронный ресурс. URL: http://royallib.ru/book/Steel_Danielle/Betrayal.html (дата обр.: 05.06.2015).
9. Белогурова, Е.В. Словарь психологических терминов // Электронный ресурс. URL: <http://www.belogurova.ru/glossary?letter=4&word=214> (дата обр.: 02.08.2017).
10. Oates, J.C. Dear husband: stories // Электронный ресурс. URL: <http://bookfi.net/s/?q=oates+joyce+my+dear+husband&t=0> (дата обр.: 21.03.2015).

УДК 811.161.1 : 378.147

ББК 81.411.2.2–9

ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Е.Р. Поршнева, Н.В. Макшанцева

***Аннотация.** Современная подготовка лингвистов-переводчиков в русле требования новой образовательной парадигмы предпочитает профессиональное владение родным языком. В статье представлена разработанная авторами концепция преподавания русского языка как основы формирования профессиональной языковой личности в контексте стратегий переводческой деятельности. Особое внимание уделяется владению смыслами, проблеме межкультурного понимания. Подчёркивается междисциплинарный характер процесса обучения, который базируется на интеграции методических подходов: контекстно-компетентностного, когнитивно-коммуникативного и межкультурного.*

***Ключевые слова:** профессиональное владение языком, профессиональная контекстуализация, герменевтика, межкультурная русистика, межкультурный подход.*

MOTHER TONGUE TEACHING IN CROSS-CULTURAL CONTEXT AS A BASIS FOR THE TRANSLATOR'S PROFESSIONAL LINGUISTIC IDENTITY

E. Porshneva, N. Makshantseva

***Summary.** The new educational paradigm requires other methods of teaching. Thus modern training of linguists-translators prefers proficiency of the native language. The author developed the concept of teaching Russian as the basis of the formation of a professional linguistics personality in the context of the translation strategies. Particular attention is paid to the mastery of meanings, to the problem of intercultural understanding. The article emphasizes the interdisciplinary nature of the learning process, which is based on the integration of methodological approaches: context-competence, cognitive-communicative and intercultural.*

***Key words:** professional proficiency, professional contextualization, hermeneutics, intercultural Russian studies, intercultural approach.*

Совершенство навыков владения родным языком в межкультурном контексте является неотъемлемой частью учебного процесса при подготовке переводчиков как специалистов межъязыковой коммуникации. Соответственно требуются особые условия преподавания родного языка, в нашем случае русского языка, которые предполагают межкультурную методическую организацию учебного процесса.

В своем исследовании, посвященном анализу деятельностного и культурологического подходов в преподавании иностранных языков, К. Пюррен [1] отмечает, что методы, разработанные начиная с 60-х гг. прошлого столетия,

сделали неоценимый вклад в развитие лингводидактики, поскольку новые подходы нацелены на удовлетворение социального запроса и дополняли существующую методику обучения своими достижениями. Так, революционность коммуникативного подхода проявилась в пересмотре задач обучения иностранному языку, выдвигая на первый план овладение операциональными знаниями и умениями и обогащение коммуникативного опыта.

К важным достижениям современной лингводидактики относится признание необходимости конкретизации условий и профессионального контекста, в которых и для которых изучается иностранный язык. Не менее важно, на наш взгляд, и осознание этой необходимости при обучении родному языку. Признание определяющей роли языков в развитии профессиональных и интеллектуальных качеств человека и воплощение этой идеи стало одной из первостепенных задач современной лингвообразовательной парадигмы. Концепция Л.С. Выготского, психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, теория компетентностного обучения И.А. Зимней легли в основу контекстно-компетентностного подхода, заключающегося в профессиональной контекстуализации высшего образования вообще и лингвистического в частности [2].

Необходимость разработки новой концепции обучения будущих лингвистов-переводчиков русскому языку продиктована не только динамично меняющимися социально-экономическими условиями развития современного общества. Очевидны и недостатки традиционной системы профессиональной подготовки переводческих кадров, которая сложилась в 60-е гг. прошлого столетия и требует пересмотра целей и содержания образовательного процесса в соответствии с требованиями формирующейся межкультурной образовательной парадигмы XXI в. По определению Н.Д. Гальсковой и Е.Г. Таревой новая образовательная парадигма характеризуется усилением проблемности, ситуативности, контекстности в обучении и переходом от «текстовой образовательной парадигмы к дискурсивной» [3]. Методологической базой новой образовательной парадигмы в сфере лингвистического образования становится интеграция современных методических подходов, развившихся на основе теории деятельности, сопоставительной и когнитивной лингвистики, психолингвистики, теорий дискурса и межкультурной коммуникации. На первый план выходит работа со смыслами, усиливается значимость реальных практик социального сотрудничества, востребованных при организации межкультурного взаимодействия.

Идея интегрирования культуры страны изучаемого языка в теорию и практику преподавания, которая присутствовала в лингводидактике второй половины прошлого века, обрела более сложную межкультурную перспективу. Суть межкультурного образования состоит в обучении пониманию своего и чужого в контексте диалога культур, диалога ментальностей. В процессе диалога в результате рефлексии происходит «расшатывание» монокультурного сознания языковой личности. Соединяются и взаимопроникают диалог

культур и диалог в сознании. Это сочетание ведет к рождению «диалогового человека» и формирует основу межкультурной компетенции, меняющей систему восприятия, поведения, действий, определяющих культурное смысловое поле каждого участника общения. Соизучение языков и культур осуществляется не столько ради самой коммуникации, сколько ради профессионального взаимодействия в различных областях деятельности с представителями иного социума, иной страны.

Внедрение в практику преподавания русского языка межкультурного подхода носит инновационный характер. Межкультурный подход восходит к концепции межкультурной герменевтики, которая рассматривала проблему межкультурного понимания, и значительную роль отводит отношению к собственному и чужому миру, рефлексии ценностей, поведенческих тактик и т. д. [4]. Межкультурное преподавание предполагает вовлечение студентов в альтернативную интерпретацию мира посредством родного языка и знакомства с феноменами, которые они могут сравнить со своей собственной культурой.

Чтобы соответствовать современной образовательной парадигме, концепция преподавания русского языка как родного должна быть выстроена на основе интеграции взаимодополняющих методических подходов: контекстно-компетентностного, когнитивно-коммуникативного и межкультурного. Программа обучения, в которой русский язык становится основой формирования профессиональной языковой личности, должна носить междисциплинарный характер и разрабатываться на стыке межкультурной русистики, современного переводоведения, дидактики переводческой деятельности, лингводидактики, теории дискурса и межкультурной коммуникации.

При выстраивании языковой подготовки будущих переводчиков особенно важны осознание и координирование уровней владения речевыми функциями на родном и иностранных языках, поскольку «недоразвитие определенных функций на родном языке может системно отразиться на развитии аналогичных функций на втором языке» [5]. Л.С. Выготский подчеркивал, что при овладении иностранным языком существует разная динамика в развитии отдельных речевых функций [6, с. 334]. Поэтому выстраивание сбалансированной системы преподавания родного и иностранного языков представляет не менее серьезную проблему. Необходимо иметь четкое представление о том, как сосуществуют разные языковые системы в языковом сознании будущего переводчика, какая форма их взаимодействия способствует формированию переводческого мышления. В связи с этим требуется не только пересмотр приоритетов в языковом образовании, но и иная организация учебного материала, а главное – четкое координирование целей и задач языкового и переводческого этапов обучения. Перифразируя слова Ю.Н. Караулова, можно сказать, что сквозной идеей, позволяющей разрушить границы между отдельными дисциплинами и этапами обучения, может стать лишь идея формирования профессиональной языковой личности, отражающей накопление

жизненного и речевого опыта, усвоение научных знаний о мире, развитие профессионального мышления и выстраивание языковой картины мира в соответствии с национальной спецификой. Важно осознавать необходимость определенного «запаздывания» иностранного учебного компонента по сравнению с родным. В задачи разрабатываемого курса родного языка входит не только закрепление норм русского языка, но и ознакомление со стратегиями будущей профессиональной деятельности, формирование профессионально значимых компетенций. Для этого требуются упражнения на варьирование передачи смысла, расширение и свертывание информации, составление дефиниций и объяснений специфики культурологических реалий.

Наш опыт показывает, что контекстно-компетентностный подход способствует осмыслению характерных свойств родного языка и его активизации как средства профессионального освоения переводческой деятельности и межкультурного взаимодействия [7; 8]. Не менее важна его роль в оптимизации процесса овладения иностранным языком, поскольку созданная образовательная среда дает обучающимся возможность прочувствовать специфику профессионального мышления и общения, использовать свой личностный потенциал в профессиональных целях. Профессионально контекстуализированная образовательная среда ориентирует студентов не только на развитие профессионально значимых компетенций, но и способствует формированию психологической готовности к осуществлению профессиональной переводческой деятельности.

Становится очевидным, что в подготовке будущих переводчиков как специалистов межкультурного взаимодействия особую значимость приобретают интегративные качества, умения и способности, развитию которых необходимо уделять внимание в процессе профессионального овладения родным языком. Это, прежде всего, такие качества, как:

- способность к концентрации и распределению внимания;
- способность к смысловому и лингвистическому обобщению;
- значительный объем семантической памяти;
- высокая скорость вербальной оперативной памяти;
- мобильность информационного запаса знаний (лингвистических, экстралингвистических знаний, индивидуального опыта);
- высокий уровень культурологических, лингвострановедческих знаний;
- социально-перцептивная активность;
- способность принимать субъективные речевые решения и брать за них ответственность;
- способность к свертыванию во внутренней речи и развертыванию во внешней речи смыслового содержания высказывания.

Важнейшей частью процесса обучения становится обучение профессиональному «активному» чтению и слушанию на родном языке (нацеленному на передачу полученной информации третьему лицу). При этом обучение

ознакомительной, реферативной, аналитической, интерпретативной, обзорной стратегиям чтения и слушания направлено на развитие профессиональных когнитивно-дискурсивных умений: точное восприятие исходного текста / высказывания, стилистическое редактирование текста перевода, интерпретация и порождение связных монологических высказываний в письменной форме, владение особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения, владение различными видами передачи информации (полный, реферативный, аннотированный).

Значительное место должны занимать упражнения на концентрацию внимания и извлечение информации, важной в смысловом отношении (умение различать главную и второстепенную информацию, ключевые и второстепенные детали), употребление текстовых организаторов, позволяющих восстановить логическую последовательность фрагментов текста, устанавливать причинно-следственную связь между последними. Вместе с тем работа с предлагаемыми текстами должна включать задания и упражнения, направленные на обучение специальным приемам преобразования текста: переформулированию смысла, грамматическому перефразированию, компрессии текста, реферированию, комментарию, объяснению, прагматической адаптации и т. п. Особое место занимают упражнения на запоминание и воспроизведение прецизионной лексики, на выявление прецедентных текстов, бродячих сюжетов, осознание роли фоновых знаний.

Таким образом, родной (русский) язык активизируется и осмысливается обучающимися как основа общелингвистической и общегуманитарной переводческой подготовки. Развиваются и совершенствуются навыки владения контекстуальными и личностными смыслами, умения производить и воспроизводить всю гамму типовых текстов, владение многообразием оттенков и значений слова в разных межкультурных контекстах. Эти умения развиваются, по словам Б. Гаспарова, благодаря накоплению в памяти говорящего достаточно обширного арсенала коммуникативных фрагментов и достаточно развитой сети аналогий, контаминаций, ассоциативных ходов, «придающих каждому фрагменту аллюзионную пластичность и неопределенность очертаний». Коммуникативный фрагмент в его понимании – это «кусочек языкового опыта каждой личности» [9, с. 129].

Так мы приходим к пониманию главной характеристики владения языком, которая заключается во владении смыслами. По определению И.А. Мельчука «владение смыслом проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» [10, с. 11]. В связи с этим на первый план выходит процесс понимания высказывания (герменевтический аспект), толкуемый А.А. Леонтьевым как «процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления. Перевод «есть разновидность речевого действия» и «факторы, им управляющие, те же, что и у любого речевого действия» [11, с. 71]. Переводческая деятельность требует

овладения фундаментальными механизмами, общими для понимания, воспроизведения и порождения речи на родном и иностранном языках.

Подчеркнем, что на этапе языковой подготовки по родному и иностранному языкам студентам необходимо овладеть умениями и опытом осуществления внутриязыковой переводческой деятельности на методологическом уровне. Это значит – научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия.

На внутриязыковом уровне профессионально ориентированными становятся упражнения, развивающие вербальную лабильность обучающихся на уровне словосочетаний: лексико-синтаксические трансформации (изменение частей речи, замена предложенных слов словосочетаниями, инфинитивных оборотов придаточными предложениями и т. п.); лексико-семантические трансформации (поиск контекстуальных эквивалентов), включающие как синонимические, антонимические, так и фразеологические замены, комбинирование гиперонимических и гипонимических отношений; синтаксические трансформации (изменение синтаксической структуры высказывания); составление дефиниции; выявление разных способов обозначения окружающих предметов или явлений.

На текстовом уровне: схематизация текста для последующей передачи содержания высказывания другими словами. Студенты учатся развертывать сокращенный текст, переходить от устной к письменной форме и наоборот (передавать письменно информацию прослушанного разговора, или монологического высказывания), переходить от диалога к монологу, повествования к информационной заметке и т. п.; переводить диалогический текст в другой стилистический регистр (перевод бытового диалога в официально-деловой и т. п.); преобразовывать сообщение, адаптируя его для человека, незнакомого с предметной областью текста.

Не менее важно и упражнение, обычно рекомендуемое при обучении переводу, которое заключается в самопереформулировании, т. е. в переформулирование речи самого говорящего, и заключается в поиске наиболее лаконичного и точного словесного выражения высказывания при сохранении его смыслового содержания. При выполнении данного упражнения развивается способность выразить смысл разными грамматическими структурами и лексическими средствами.

При работе с текстами большое значение приобретают творческие упражнения на глубинные трансформации: перепланирование текста, описание ситуации с помощью иных деталей; представление ситуации как описание действия, предполагаемого, совершаемого, или завершенного; представление ситуации как результата действия; представление ситуации через восприятие другого лица, участвовавшего в действиях, участника события; представление ситуации со слов участников события (передача информации, услышанной, прочитанной, рассказанной и т. п.).

Подобные творческие упражнения позволяют развивать умения по-разному представлять ситуацию, решать задачи по отбору важных и второстепенных деталей, выявлять существенные элементы и признаки в зависимости от цели высказывания, адресата и условий представления (по радио, на телевидении, одному слушателю, публично, в знакомой или незнакомой обстановке). При этом используются такие приемы, как конкретизация, генерализация (обобщение), сжатие и расширение высказывания, де- / идиоматизация, требующие применения всех видов поверхностных трансформаций.

Среди данных упражнений особое место занимает упражнение на компрессию текста или микрореферирование (передача ключевой информации) и реферативный обзор нескольких текстов, которые обычно вызывают большую трудность у студентов, поскольку они не умеют это делать на родном языке. Причем эти упражнения необходимо предлагать как при чтении, так и аудировании текстов.

При обучении родному языку немаловажное значение имеют упражнения, нацеленные на совершенствование когнитивно-дискурсивных стратегий, поскольку студенты часто испытывают затруднения при выполнении заданий типа сгруппируйте, определите значения, определите степень обобщения, выражаемую словами, составьте классификацию, схему, дефиницию и т. п., что обусловлено недостаточным владением такими когнитивными стратегиями, как идентификация, сопоставление, классификация, дедукция, индукция, систематизация, детализация, что в свою очередь объясняется тем, что когнитивные стратегии не являются объектом овладения в школе, в частности на уроках грамматики.

Необходимы и упражнения, нацеленные на выработку интеракционных стратегий, способствующих осмыслению характерных свойств родного языка как средства межкультурного взаимодействия.

В связи с вышесказанным, основной целью профессионального изучения родного языка становится осмысление модели переводческой деятельности, овладение текстовой деятельностью, совершенствование речевой культуры, овладение языковыми ресурсами всех уровней. Поскольку целью переводческой деятельности является осмысление (понимание) содержания устного или письменного текста и передача его аудитории, говорящей на другом языке и представляющей другую культуру, то процесс понимания (герменевтический аспект) высказывания становится важнейшим профессионально значимым компонентом. Благодаря современным образовательным герменевтическим практикам, опирающимся на интерактивные, информационные, проектные, рефлексивные, тренинговые технологии, курс родного языка становится практическим, ориентированным на обогащение речевого и коммуникативного опыта, овладение типами и видами дискурса в контексте переводческой деятельности. При таком обучении совершенствуются знания и углубляется понимание основных характерных свойств родного языка как средства межкультурного общения и передачи информации, раскрывается комму-

никативный, познавательный и эстетический потенциал родного языка и культуры, расширяется лингвокультурологический кругозор.

Литература

1. Puren, Ch. Perspectives actionnelles et perspectives culturelles endidactique des langues-cultures: vers une perspective co-actionnelle co-culturelle, *Langues modernes*, 3. Paris: APLV, 2002. P. 55–71.
2. Вербицкий, А.А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // *Высшее образование в России*. 2010. № 5. С. 32–38.
3. Гальскова, Н.Д., Тарева, Е.Г. Инновации в обучении языку и культуре: pro et contra // *Иностранные языки в школе*. 2013. № 10. С. 2–8.
4. Макшанцева, Н.В. Профессиональная подготовка будущих специалистов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация» в вузе: Дис. ... д-ра пед. наук. Шуя, 2011.
5. Котик-Фридгут, Б.С. Системно-динамическая концепция А.Р. Лурия и нейропсихология сегодня // *Вопросы психологии*. 2002. № 4. С. 68–77.
6. Выготский, Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // *Собр. соч.* в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики; под ред. А.И. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. С. 329–337.
7. Поршнева, Е.Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // *Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова*. Вып. 29. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. С. 136–150.
8. Поршнева, Е.Р. О дидактике переводческой деятельности и переводческой компетентности // *Русский язык в мировом контексте и международных организациях: материалы конф. междунар. форума*. Рим, 2016. М.: Изд-во «Форум», 2016. С. 329–239/
9. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
10. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». Семантика, синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999. 346 с.
11. Леонтьев, А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М.: МГУ, 1970. 87 с.

УДК 811.112.2'373

ББК 81.432.4-93

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ РЕЧЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Н.Н. Прокопьева, И.В. Матвеева

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования в политическом дискурсе аксиологической лексики в целях медийного манипулирования, что представляет угрозу внутренней речевой безопасности.

Ключевые слова: внутренняя речевая безопасность, прагматическая функция языка, оценка, аксиологическая лексика, политический дискурс.

AXIOLOGICAL VOCABULARY AS A FACTOR OF INTERNAL SPEECH SAFETY IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE

N. Prokopyeva, I. Matveyeva

Summary. The article is devoted to the problem of using axiological vocabulary in political discourse for media manipulation as a threat to internal speech safety.

Key words: internal speech safety, pragmatic function of the language, evaluation, axiological vocabulary, political discourse.

Лингвистическая безопасность, привлекающая в настоящее время все большее внимание исследователей, и прежде всего лингвистов, имеет множество измерений. С точки зрения роли языка как в плане возникновения проблем безопасности, так и в плане их разрешения можно говорить о его двояком положении: по мнению Е.С. Гриценко, «в академических дискурсах безопасности язык – это либо объект для разного рода угроз, либо условие для достижения / поддержания безопасности. Другими словами, речь может идти как об обеспечении безопасности самого языка, так и его роли в обеспечении других видов безопасности» [1, с. 9]. Очевидно, что второй из названных аспектов напрямую связан с прагматической функцией языка, которая, как известно, заключается в его способности не просто служить средством обмена информацией в процессе коммуникации, но и инструментом воздействия и даже манипулирования адресатом. Исследователи проблем лингвистической безопасности в медийной сфере, отмечая значительный воздействующий потенциал, прежде всего публичной речи, вводят понятие внутренней языковой / речевой безопасности, важным элементом которой они считают защищенность культурной языковой / речевой среды от реальных и потенциальных угроз целенаправленного медийного манипулирования [2]. Одной из сфер, представляющих широкие возможности в плане оказания манипулятивного воздействия на слушателей, является, безусловно, политический дискурс, особенно в периоды избирательных кампаний. В данной коммуникативной сфере функция воздействия заключается, прежде всего, в манипуляции массовым сознанием, в создании выгодных и необходимых тому или иному политическому деятелю представлений как о нем самом и его деятельности, так и его политических противниках. Подобный способ формирования общественного мнения принято называть тенденциозностью, под которой понимают «последовательное проведение индивидом или группой индивидов, не считаясь с наличными обстоятельствами или общественным мнением, определенной идеи, политики; пристрастность или предвзятость, необъективность» [3, с. 143]. Очевидно, что тенденциозность следует рассматривать как одну из реальных угроз внутренней речевой безопасности в медиапространстве. В связи с этим представляется важнейшей задачей изучение приемов и стратегий подобного способа формирования общественного мнения, языковых средств, непосредственно участвующих в их реализации.

В качестве одного из таких средств можно рассматривать языковые единицы с оценочной функцией. Следует отметить, что оценка, под которой мы понимаем выражение средствами языка ценностного отношения субъекта к какому-либо фрагменту окружающего мира, является объективным фактом языка, имеющим место в самых разных коммуникативных ситуациях. Актив-

ное использование аксиологической лексики в политическом дискурсе называют одной из важнейших его особенностей, т. к. та является действенным инструментом достижения определенного прагматического эффекта, о чем неоднократно писали многие лингвисты. Оценочная лексика, способная направлять мыслительную деятельность человека, воздействовать на чувства, управлять поступками, «регулярно употребляется в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию» [4, с. 199]. Вот почему использование оценочных языковых структур столь распространено в политическом дискурсе: реализация контролирующей и регулятивной функций в данной коммуникативной сфере заключается в манипулировании массовым сознанием, формировании идей, образов, точек зрения, необходимых для принятия гражданами-реципиентами определенных решений и выполнения требуемых действий. Для этой цели как нельзя лучше подходит аксиологическая лексика, которая через отсылку к неким стандартам, ценностным эталонам с большей или меньшей степенью очевидности показывает, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо и т. п. При этом объектом оценки могут быть самые разные явления. Политикам как публичным людям, способным оказывать влияние на массы, приходится достаточно часто давать оценку различным фактам, событиям, личностям и т. д. В этой связи представляется небезынтересным проанализировать высказывания немецких политических деятелей в период избирательной кампании с точки зрения употребления ими различных лексических средств, способствующих формированию оценочных представлений и суждений у избирателей.

Прежде всего следует отметить, что лингвисты, исследующие оценочную лексику как языковой феномен, выделяют в ней два аспекта: оценочность как элемент семантической структуры слова представляет собой указание на положительный или отрицательный признак оцениваемого предмета (качественная характеристика), который при этом может быть отмечен различной степенью интенсивности (количественная характеристика). Обе характеристики находят свое отражение в разнообразных лексических средствах, служащих для выражения оценки, однако, по наблюдению исследователей, указание на ту или иную степень интенсивности характерно, прежде всего, для так называемых общеоценочных (или собственно оценочных) прилагательных, которые можно разделить на две группы. К первой относятся прилагательные, выражающие обычную степень положительной или отрицательной оценки (*gut, schön, schlecht, schlimm*), ко второй – прилагательные с повышенной степенью оценочности (*großartig, wunderbar, herrlich, schrecklich, entsetzlich*). Собственно оценочные прилагательные с «обычной степенью оценки» встречаются в анализируемом языковом материале относительно редко; несколько чаще употребляются оценочные лексемы с повышенной степенью оценочности: “*Frau Merkel hat dramatisch verloren*”, “*großartiger Wahlkampf*”. В целом невысокая частотность употребления общеоценочных

прилагательных обусловлена, как нам представляется, недостаточной семантической «насыщенностью» таких слов и, соответственно, их небольшим прагматическим потенциалом.

Гораздо более значительную группу представляют так называемые частнооценочные прилагательные, значение которых не исчерпывается выражением оценки, т. к. содержит указание на какой-либо признак: *klein, stark, klug, faul* и т. п. Данные лексические единицы употреблялись политическими деятелями для выражения оценки гораздо чаще, что связано, по-видимому, с особенностями их значения: используя данные лексемы, политики имеют возможность лишней раз подчеркнуть конкретные положительные стороны своей деятельности, партии, собственной личности или отрицательные качества политических оппонентов: “*Ich bin jünger, aber nicht blöder*”, “*mit einem klaren Kurs*”, “*die stärkste Fraktion*”, “*eine neue politische Kraft*”.

Однако оценка может отличаться не только по своим качественным и количественным характеристикам. В лингвистических работах, посвященных изучению аксиологических значений, принято дифференцировать рациональную и эмоциональную оценку. Существует несколько подходов к рассмотрению этих типов оценки; применительно к значению лексических единиц наиболее целесообразным представляется такой подход, при котором рациональная оценочность видится как элемент денотативного макрокомпонента значения слова, а эмоциональная оценочность рассматривается как элемент коннотативного макрокомпонента значения. Это позволяет более четко разграничить объективное и субъективное в оценке: объективный план представлен в денотативном макрокомпоненте оценочными семами «хорошо» / «плохо», отражающими объективно присущие предмету оценки положительные либо отрицательные свойства, в то время как коннотативные (эмоционально-экспрессивные) семы отражают субъективное видение этих свойств и эмоциональное отношение к ним говорящего. Эффективным средством выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к обозначаемому предмету, явлению служит стилистически окрашенная лексика: “*Opposition ist Mist*”, “*fulminanter Wahlkampf*”, “*Wir wären doch bescheuert, wenn wir was anderes machen würden*”. Эмоционально-оценочные оттенки значения могут возникать и при вторичной номинации, т. е. появляться вследствие метафорического употребления лексических единиц: “*die Union hat eine irrsinnige Klatsche gekriegt*”, “*Sammelbecken für Protestwähler*”, “*blinde Gefolgschaft in der Politik*”. Метафора – как узуальная, в которой сема оценки является элементом периферии семантической структуры, так и окказиональная, оценочный смысл которой проявляется лишь в коммуникативно-прагматическом контексте – рассматривается учеными как средство выражения так называемой имплицитной оценки. Имплицитно-оценочная лексика является более мощным и эффективным средством воздействия; по убеждениям лингвистов, она характерна для людей с высоким уровнем интеллекта и развитым чувством юмора.

Лингвисты, изучающие оценочные языковые стратегии, подчеркивают, что на выбор средств выражения оценки так или иначе оказывают влияние все элементы структуры акта оценки, при этом одним из наиболее значимых элементов является объект оценки. Это в полной мере относится и к реализации оценочных стратегий в политическом дискурсе. Так, исследователи политической коммуникации отмечают, что политические деятели в своих выступлениях концентрируются на трех обобщенных объектах: на себе и своих сторонниках, на политических противниках и на фактах действительности. Очевидно, что оценочная характеристика первых двух объектов скорее всего будет диаметрально противоположной: положительной по отношению к себе и своим соратникам и отрицательной по отношению к оппонентам. Действительность как объект анализа в речи политика (отдельные события, третьи лица и пр.) может оцениваться как в положительном, так и в отрицательном ключе в зависимости от того, насколько это связано с его личностью, его действиями и в какой мере это влияет на собственный образ политика либо его противников. В политической науке в связи с этим принято выделять целый ряд так называемых интенциональных компонентов, наибольший интерес из которых представляют интенции апологизации (при направленности выступления на себя и сторонников) и критики (по отношению к оппонентам). Реализация данных интенций напрямую связана с осуществлением акта оценки, поскольку сущность апологизации заключается в выделении позитивных черт и сторон деятельности, в то время как критика представляет собой выявление и указание на негативные стороны и явления. Учитывая, что названные интенции неизбежно реализуются с определенной долей субъективизма, можно утверждать, что обе они могут представлять собой угрозу внутренней речевой безопасности, и прежде всего критика, которая легко переходит в речевую агрессию, наносящую урон чести, достоинству, репутации как отдельных политиков, так и партий или иных организаций. При оценке различных фрагментов действительности политики по-разному расставляют акценты в зависимости от того, что является непосредственным объектом оценки: при направленности выступления на самого политика и его сторонников преобладают положительные оценки, в то время как оппоненты характеризуются преимущественно с негативной стороны. Кроме того, в зависимости от объекта оценки меняется и ее количественная характеристика: так, при направленности выступления на себя выделение положительных признаков сопровождается выражением высокой степени интенсивности: *“Dafür ist der Resultat mit 8 plus sehr gut”, “Toll gelaufen”*. Признание собственных недостатков (в порядке самокритики, что также бывает небесполезным) осуществляется через отбор и употребление слов и словосочетаний эвфемистического характера, в которых весьма сдержанно выражается отрицательная оценка и фиксируется слабая степень проявления признака: *“Da sei vieles nicht optimal gelaufen”, “kein schönes Ergebnis, aber doch bei weitem besser, als einige prognostiziert haben”*.

Вместе с тем, если объектом оценки выступает политический оппонент, его сторонники и их действия, то следует ожидать преобладания отрицательных оценок с высокой степенью интенсивности. Характерно, что в данном случае недостатка в критических высказываниях по поводу оппонентов не наблюдается: “*Die SPD will mit den Rezepten von gestern den Sozialabbau vorantreiben*” (die Linke), “*Das ist für die Union eine katastrophale Niederlage*” (SPD), “*Das ist der Fehler der Schwarz-Gelben gewesen, deshalb haben sie dieses desaströse Ergebnis erzielt*” (SPD). Очевидно, что в условиях, когда объективных поводов для апологизации собственной партии и собственных действий недостаточно, политики охотно обращаются к критике своих противников.

Таким образом, естественное для любой коммуникативной сферы выражение оценочных суждений в политическом дискурсе может стать инструментом манипулирования общественным сознанием. Намеренное использование прежде всего аксиологической лексики с отрицательной оценочностью, не всегда объективное и зачастую преувеличивающее негативные факты, потенциально несет угрозу внутренней речевой безопасности медийного пространства, формируя представления, наносящие урон имиджу политиков в глазах избирателей, а тем самым и способности общества адекватно оценивать их намерения и действия.

Литература

1. Гриценко, Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 9–12.
2. Бутакова, Л.О., Хомяков, В.И. Правовая деятельность и лингвистическая безопасность в медийной сфере: Учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2016. 214 с. // Электронный ресурс. URL: <https://cyberpedia.su/6x64a2.html> (дата обр.: 15.09.2018).
3. Пьянзина, И.Н. К вопросу о тенденциозности в политическом дискурсе (на материале американской прессы) // Человек и языковое пространство. Аспекты взаимодействия: межвуз. сб. науч. тр. к 60-летию проф. В.М. Бухарова. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 143–149.
4. Зимина, Е.А. Категория оценки в свете лингвопрагматики // Актуальные проблемы германистики и романистики: Сб. науч. ст. Смоленск: СГПУ, 2003. Вып. 7. С. 197–203.

УДК 372.881.111.1

ББК 74.268.19

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н.В. Пыхина

Аннотация. В статье рассматриваются содержательно-организационные аспекты поликультурного воспитания подростков средствами иностранного языка. Обосновывается необходимость интеграции когнитивной, коммуникативной и творческой деятельности в формировании поликультурной личности.

Ключевые слова: поликультурное воспитание, поликультурная личность, подросток, иностранный язык, межкультурная коммуникативная компетенция, когнитивный компонент, творческая деятельность.

ADOLESCENT POLY CULTURAL UPBRINGING BY MEANS OF THE FOREIGN LANGUAGE

N. Pykhina

Summary. The article considers content-organizational aspects of the adolescent polycultural upbringing by means of the foreign language. The necessity of the cognitive, communicative and creative activity integration in the polycultural personality formation is justified.

Key words: polycultural upbringing, polycultural personality, adolescent, foreign language, multicultural communicative competence, cognitive component, creative activity.

В условиях нарастающей изменчивости современного мира актуализируются проблемы развития мирового сообщества в рамках поликультурности и толерантного отношения к национально-культурным особенностям различных народов. Принятие идеи культурного многообразия находит отражение в образовательно-воспитательной деятельности, реализуясь в поликультурном воспитании. Владение иностранным языком обеспечивает прямой доступ к культуре других народов и предполагает возникновение в процессе обучения диалога культур, открывающего более широкие возможности для межкультурного взаимодействия. Тем не менее, воспитание у подростков ценностных ориентаций по отношению к культуре страны изучаемого языка далеко не всегда гармонично соотносится с их представлением о национальном самосознании. Таким образом, одной из ключевых задач поликультурного воспитания становится создание условий для осуществления подростками грамотной идентификации со своей собственной культурой наряду с осознанием многоплановости мира.

Обеспечивая становление межкультурных отношений нового типа, поликультурное воспитание направлено на развитие у подростков чувства сопричастности с мировой культурой через активное социальное взаимодействие с представителями различных народов при обязательном сохранении собственной культурной идентичности. В определении поликультурного воспитания, которое приводит Е.А. Абрамова, в наибольшей степени отражается сущность поликультурности. Исследователь определяет поликультурное воспитание «один из аспектов воспитания, направленный на усвоение подрастающими поколениями той части человеческой культуры (поликультурных знаний и умений, качеств (толерантности, эмпатии, бесконфликтности, гражданственности, гуманности, многокультурной идентичности) мотивов, ценностей и др.), которые необходимы им для активной и эффективной жизнедеятельности в открытом поликультурном и полилингвальном мире» [1, с. 5].

Более глубокому пониманию целей и задач поликультурного воспитания способствует рассмотрение его когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов с позиций компетентностного подхода. Согласно трактовке Б.А. Тахохова и Н.А. Богатых, под поликультурной компетенцией следует понимать «знание и принятие человеком культурного разнообразия мира, доброжелательное, открытое и непредвзятое отношение к любой культуре

и ее носителям» [2, с. 24]. В свою очередь, когнитивный компонент предусматривает освоение подростками лучших образцов зарубежной культуры, культурно-исторического и социального опыта различных стран средствами иностранного языка. Аффективный компонент раскрывается через формирование у воспитанников устойчивого интереса к культуре страны изучаемого языка и мотивационной готовности к межкультурному взаимодействию. Поведенческий компонент реализуется в процессе интенсивной межкультурной коммуникации, предполагающей компетентное поведение в поликультурном социуме. Основной целью поликультурного воспитания является формирование поликультурной личности, принимающей культурное многообразие мира и уважительно относящейся к любой культуре и ее представителям.

В реализации задач поликультурного воспитания особая роль отводится дисциплине «Иностранный язык», развивающий потенциал которой может быть представлен со следующей позиций. Во-первых, это сущность феномена «язык» как элемента культуры, посредством которого осуществляется процесс передачи социального опыта и культурных традиций. Во-вторых, это непосредственно само содержание дисциплины, направленное на ознакомление обучающихся с культурой страны изучаемого языка, формирование представления о диалоге культур. В-третьих, педагогический потенциал дисциплины «Иностранный язык» заключается в возможности использования методов: дискуссия, «мозговой штурм», групповые проекты, ролевые игры, обеспечивающих активное взаимодействие обучающихся. Таким образом, подростки приобретают опыт совместного принятия решений, ненасильственного урегулирования конфликтов, что имеет определяющее значение для реализации целей поликультурного воспитания.

Анализ возрастных особенностей подростков показал, что важнейшими характеристиками для успешного решения задач поликультурного воспитания являются рефлексивный характер мышления, формирование ценностного отношения к себе, другим людям и миру, в целом, и способность к эмпатии.

Уровень сформированности межкультурной коммуникативной компетенции подростков оказывает решающее влияние на эффективность поликультурного воспитания. Под межкультурной коммуникативной компетенцией, согласно точке зрения Е.В. Коляниковой, понимается «совокупность межкультурных знаний, умений и навыков применять их на практике, наличие качеств личности, предполагающих владение иностранным языком как средством общения для осуществления продуктивного взаимодействия с представителями иноязычных культур» [3, с. 27]. Структура межкультурной коммуникативной компетенции представлена когнитивным, операциональным и личностным компонентами, обеспечивающими процесс непрерывного саморазвития в условиях поликультурной среды.

Межкультурная коммуникативная компетенция подростков на когнитивном уровне предусматривает владение иностранным языком как средст-

вом общения для осуществления продуктивного взаимодействия с представителями иноязычных культур и наличие сведений об исторически и культурно обусловленных различиях, способных вызвать затруднения в коммуникации. Когнитивный компонент включает систему страноведческих (знание реалий страны изучаемого языка: условий жизни, ценностей и убеждений) и лингво-страноведческих знаний (фондовая и коннотативная лексика, отражающая культуру страны изучаемого языка). Операциональный компонент межкультурного общения представлен умениями и навыками, универсальными для общения с представителями различных культур. К ним относятся общеучебные навыки; умения иноязычного общения в аспекте говорения, аудирования, чтения, письма; умения интерпретировать и сравнивать культурные явления в родной и иноязычной культуре; умения вести межкультурный диалог; умения управлять собственными эмоциями. Личностный компонент предполагает наличие у подростков соответствующего отношения как к иной культуре, так и процессу межкультурного взаимодействия, в целом. Данное отношение раскрывается через открытость к восприятию нового, адаптацию к явлениям чужой культуры, формирование толерантности и эмпатии к ее носителям, рефлексии на собственное поведение.

Развитие личностной рефлексии подростков обеспечивает формирование поликультурной личности, характерными чертами которой являются эмпатия, уважительное отношение к представителям различных национальных культур, готовность к межкультурному диалогу.

В ходе экспериментальной работы с обучающимися общеобразовательных учреждений г. Нижнего Новгорода нами реализована программа поликультурного воспитания подростков «Мир без границ», обеспечивающая интеграцию когнитивной, коммуникативной и творческой деятельности средствами иностранного языка. В процессе реализации программы нами проведены воспитательные мероприятия и реализованы проекты, раскрывающие различные аспекты поликультурного воспитания.

В рамках когнитивной деятельности обучающиеся представили проекты «Города мира», «Нижний Новгород и его города-побратимы».

В ходе воспитательного мероприятия «Города мира» происходило расширение, углубление и закрепление знаний обучающихся о городах мирах. Данное мероприятие, предусматривающее наряду с презентациями обучающихся проведение беседы и мини-викторины, способствовало развитию интереса и уважительного отношения подростков к культурам других народов. В процессе работы с различными источниками информации происходило развитие социокультурной компетенции обучающихся, обогащался их активный словарь при описании достопримечательностей.

Целями воспитательного мероприятия «Нижний Новгород и его города-побратимы» явились расширение знаний об истории города и воспитание патриотизма; развитие познавательного интереса к культуре городов-побратимов Нижнего Новгорода. Обучающиеся представили свои презента-

ции по темам «История Нижнего Новгорода», «Достопримечательности города» и «Знаменитые нижегородцы». Далее проведена фото викторина, в которой представлены фотографии известных исторических памятников и достопримечательностей Нижнего Новгорода. На заключительном этапе мероприятия подростки выступили с мини-презентациями о городах-побратимах Нижнего Новгорода: гг. Эссен (Германия), Филадельфия (США), Тампере (Финляндия), Сувон (Южная Корея), Минск (Беларусь).

Коммуникативная деятельность являлась ведущей при проведении внеклассных мероприятий «Герои мировой литературы», «Национальный характер в диалоге культур». Воспитательное мероприятие «Герои мировой литературы», проведенное в форме беседы с элементами ролевой игры, направлено на развитие и поддержание интереса подростков к чтению книг различных жанров, вошедших в коллекцию мировой литературы. Основными целями мероприятия «Национальный характер в диалоге культур» являлись развитие коммуникативных способностей подростков и формирование познавательного интереса к психологии общения на поликультурном уровне.

В рамках творческой деятельности обучающимися реализованы виртуальные экскурсии по Лондону и Санкт-Петербургу и представлен проект «Танцевальные традиции Англии, России и Испании».

При подготовке подростками виртуальной экскурсии по Лондону основной целью было расширение знаний о достопримечательностях столицы Великобритании и развитие способности участвовать в процессе коммуникации на английском языке. Работа организована так, что каждый участник выбрал одну из предложенных тем, по которой отобрал и проанализировал интересные факты и подготовил иллюстративный материал. Предложены такие темы, как «Трафальгарская площадь и ее достопримечательности (Колонна Нельсона, Национальная Галерея)», «Парламент и Биг-Бен», «Лондонский глаз», «Вестминстерское аббатство», «Парки Лондона», «Букингемский дворец», «Тауэр», «Тауэрский мост», «Ковент Гарден». Внеаудиторное мероприятие проходило в формате автобусной экскурсии, что привлекло интерес подростков и придало мероприятию интерактивный характер. Участники мероприятия попробовали себя в роли экскурсоводов, что способствовало совершенствованию их коммуникативных навыков. В таком же формате проходила и виртуальная экскурсия по Санкт-Петербургу. Мероприятие направлено на расширение представлений о достопримечательностях Санкт-Петербурга и развитие способности представлять информацию социокультурного характера на английском языке. Участники выбирали тему для презентации из ряда предложенных: «Петропавловская крепость», «Казанский собор», «Храм Спаса на Крови», «Зимний Дворец», «Адмиралтейство», «Александринский театр». По окончании мероприятия все подростки открыли для себя новые факты об истории и культуре города.

Цель разработанного подростками творческого проекта «Танцевальные традиции России, Англии и Испании» заключалась в расширении представ-

лений о танцевальной культуре стран. Участники проекта занимались сравнением и сопоставлением традиционных танцев России, Англии и Испании, представляя информацию на английском языке. Поставлены задачи: изучить истоки танца, проанализировать классификации традиционных танцев России, Англии и Испании, выявить специфику танцев стран, рассмотреть схожие и отличительные черты. По результатам проекта подростки представили презентацию раскрывающую суть понятия танец, демонстрирующую классификации традиционных танцев и их специфики, содержащую фото и видео материалы, изображающие традиционные танцы России, Англии и Испании.

Разработанные нами воспитательные мероприятия представляли познавательный интерес для подростков как с позиции содержания, отражающего национально-культурные особенности различных стран, так и в отношении формы, обеспечивающей эффективное общение и продуктивный обмен мнениями. Наиболее притягательными в мотивационном отношении для подростков стали создаваемые ими творческие проекты поликультурной направленности, раскрывающие эстетические аспекты воспитания.

Литература

1. Абрамова, Е.А. Поликультурное воспитание студентов вуза на основе системного подхода: на примере обучения иностранному языку: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 30 с.
2. Тахохов, Б.А., Богатых, Н.А. Поликультурная компетентность – фактор развития толерантности студентов // Высшее образование. 2008. № 3. С. 24–25.
3. Коляникова, Е.В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции старшеклассников в условиях дополнительного образования: Дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2015. 213 с.

УДК 811.111

ББК 81.2 Англ.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ МЛАДШИХ КУРСОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

И.Л. Розанова

Аннотация. Студенты 1–2 курсов переводческого факультета охотно и активно участвуют в ежегодных лингвострановедческих проектах МГЛУ, посвященных творчеству выдающихся английских писателей / поэтов. Задача преподавателя в проекте – развить интегрированное владение студентами различными аспектами изучаемого языка, способствовать освоению ими дополнительных профессиональных навыков. Для этого в проектах 2016–2018 гг. задействован спектр методов использования современных аудиовизуальных средств и программно-компьютерных технологий при подготовке творческих выступлений студентов.

Ключевые слова: лингвострановедческий, творческий подход, культурный потенциал, развитие профессиональных навыков, аудиовизуальные средства, компьютерные технологии.

**PROFESSIONAL SKILLS DEVELOPMENT OF THE FACULTY
OF TRANSLATION AND INTERPRETING FIRST
AND SECOND-YEAR STUDENTS
USING MODERN MULTIMEDIA AND COMPUTER TECHNOLOGIES**

I. Rozanova

Summary. The Faculty of Translation and Interpreting First and Second-year students take an active part in the annual linguistic and culture projects of MSLU, devoted to the creative work of outstanding English writers and poets. The main goal of a supervisor in the project is to develop profound knowledge of the English language and help them master their soft professional skills.

Key words: culture studies, creative approach, cultural potential, practical approach, professional skills development, multimedia and computer-based technologies.

Начиная с 2015 г., студенты переводческого факультета принимают активное участие в ежегодных общеуниверситетских проектах, организуемых Центром английского языка и культур МГЛУ совместно с британским издательством *Macmillan Education*. Отправной точкой каждого такого проекта становится памятная дата, связанная с жизнью и творчеством одного из выдающихся английских писателей, поэтов, драматургов. Основой для проведения проектов последних четырех лет последовательно были произведения Агаты Кристи, Льюиса Керролла, Уильяма Шекспира и Оскара Уайльда. Подготовка и изучение студентами творчества автора, которому посвящен проект, завершается общеуниверситетским творческим гала-представлением в актовом зале МГЛУ [1; 2].

Участие в проекте – это свободный выбор студентов всех факультетов нашего университета. Для студентов младших курсов, по сути дела, это первая серьезная возможность попробовать свои силы в профессиональной языковой среде. Студенты самостоятельно выбирают свой формат участия в проекте: это может быть театрализованное представление группой студентов сцены из какого-либо произведения автора или индивидуальное творческое выступление, например, художественное чтение стихотворения или монолога. Студенты могут провести лингвистическое исследование одного из аспектов творчества писателя / поэта под руководством своего преподавателя-куратора и сделать доклад по выбранной теме.

Группы студентов переводческого факультета, с которыми мне как куратору выступлений довелось трудиться в проектах 2015–2018 гг., выбирали для своих выступлений театрализованные сценические варианты.

Задачи преподавателя – куратора выступления студентов, выразивших желание и готовность участвовать в проекте, опираясь на их инициативу, их интерес к дополнительному углубленному изучению языка, помочь студентам развить интегрированное владение различными аспектами языка, способствовать освоению студентами дополнительных профессиональных навыков, необходимых и востребованных практически в любой современной области профессиональной деятельности (т. н. «*soft / transferable skills*» [3]), что по-

зволит им получить конкурентные преимущества при дальнейшем трудоустройстве.

Исходя из поставленных задач, остановимся на особенностях подготовительной работы со студентами на примере подготовки творческих выступлений студентов в проектах 2016–2018 гг., посвященных творчеству У. Шекспира и О. Уайльда, которые были особенно памятными и интересными для студентов-переводчиков [1; 2]. Выступления студентов в этих проектах отличало применение имеющихся в МГЛУ современных аудиовизуальных средств и программно-компьютерных технологий – в дополнение к проработке и совершенствованию собственно лингвистических аспектов изучаемого студентами языка. Выступления участников сопровождалась демонстрацией мультимедийных презентаций на экранах, расположенных в зале.

Собственно выступлению в гала-представлении предшествует подбор отрывка из произведения автора, исторических материалов и костюмов, соответствующих данной эпохе. Для этого проводятся дополнительные занятия со студентами, в том числе в форме научного кружка, которые направлены на углубленную отработку языковых аспектов, развитие у студентов навыков проведения исследовательской работы. Очень большая роль при подготовке отводится оттачиванию произношения, углублению знаний по фонетике. Прослушивание соответствующих аудиозаписей, которые могут послужить своего рода образцом для выступления; обсуждение ряда фильмов, поставленных в разные годы по выбранному произведению; непосредственное фонетическое чтение студентами своих ролей, – всё это направлено на оттачивание произношения. Большое время также отводится совместным репетициям, в т. ч. в актовом зале университета: на сцене, с использованием микрофонов, сценического света и презентаций, слайды которых, сопровождая выступление, поясняют и раскрывают важные детали раскрываемой темы по ходу сценического действия.

Во время каждого занятия делается техническая видеозапись, а после репетиции обработанная запись рассылается студентам, чтобы они могли сами увидеть себя как бы глазами зрителей и оперативно проанализировать свои недочеты; улучшить своё произношение, и актерское мастерство, и навыки поведения перед аудиторией, и умение подачи материала в выбранной творческой форме.

Подготовке компьютерной (мультимедийной) презентации, сопровождающей выступление, предшествует тщательное изучение со студентами лингвострановедческого и литературного материала выбранного автора. В частности, студенты анализировали, например, парадоксы О. Уайльда, или детали театрального искусства Елизаветинской эпохи и непосредственно устройства театра на примере шекспировского театра «Глобус».

Более детально остановимся на особенностях подготовки выступления студентов-переводчиков в проекте 2016–2017 гг., посвященном 400-летию У. Шекспира. Студенты 2-го курса переводческого факультета вы-

брали театрализованный вариант, который представлял собой интерактивное описание театра эпохи Елизаветы I на примере театра «Глобус» на рубеже XVI–XVII вв. Интересно, что в 2017 г. отмечалась ещё одна юбилейная дата – 20-летие восстановления исторического здания знаменитого шекспировского театра.

Студенты предложили такой сценический вариант: юноша и девушка обсуждают учебное задание – на английском языке нужно срочно сделать проект по творчеству Шекспира. Другие участники сценки представляют различные информационные источники в виде энциклопедий и интернет-ресурсов, к которым юноша обращается за получением необходимой информации. Одновременно с выступлением студентов на экранах в зале выводилась презентация с контекстной иллюстративной и фактологической информацией о здании театра, его структуре, назначении отдельных элементов здания, любопытные факты о театральной жизни Елизаветинской эпохи. Зрители имели возможность не только следить за диалогом на сцене, но и визуально подкреплять исторические сведения сменяющимся видеорядом. Кульминацией выступления, погрузившего зал в театральную действительность шекспировского «Глобуса», стало чтение ещё двумя участниками выступления сонетов У. Шекспира [4].

Поскольку наработанный в проекте материал оказался достаточно содержательным, за выступлением в гала-представлении проекта (май, 2017) последовала видеозапись выступлений, подготовленных студентами. Записи сделаны уже в другой обстановке, – в университетской видеостудии и аудитории, оборудованной специальной интерактивной компьютерной панелью *Flexibox* для проведения презентаций, на которой участники театрализованного выступления «листали» слайды своей презентации [4; 5; 6; 7].

Очень важным моментом в каждом проекте является обратная связь от студентов, их собственная оценка достигнутого результата. Такую оценку участники проекта, посвященного творчеству У. Шекспира, дали во время своих выступлений на XII Международных днях науки в МГЛУ в октябре 2017 г. Сделанные ими доклады раскрывают то, как они сами оценивают опыт своего участия в подобных творческих проектах. Что особенно важно и приятно, – готовя свои доклады на студенческой конференции, они смогли максимально использовать мультимедийные технологии, которые освоили в рамках проекта, посвященного творчеству У. Шекспира [8; 9; 10].

В заключение перечислим основные методы и приёмы учебно-профессионального взаимодействия со студентами, отработанные в рамках подготовки выступлений в подобных проектах:

– подготовка компьютерных (мультимедийных) презентаций на основе изученного контекстного лингвострановедческого и исторического материала, сопровождающих выступления (в т. ч. с аудио- и видеоматериалами, иллюстрирующими основную тему выступления);

– «вживание» студентов в образы своих героев в конкретной исторической эпохе, на литературном материале того времени, служит качественному скачку в их работе с языковым материалом, даёт им углублённые знания в области культуры и истории страны изучаемого языка;

– шлифовка фонетических аспектов, закрепление произношения происходит в ролевой форме;

– проведение видеозаписей репетиций, а затем их оперативный анализ и проработка преподавателем со студентами их ошибок и недочетов;

– отработка со студентами навыков использования современных мультимедийных и компьютерных технологий во время выступления перед большой аудиторией.

Важно отметить, что одновременно с овладением профессиональными знаниями и навыками по своей основной специальности, студенты нарабатывают навыки и умения, которые могут оказаться очень полезными как в их дальнейшей профессиональной деятельности в качестве переводчиков, так и практически в любой современной области профессиональной деятельности. К ним можно отнести, в частности, навыки командной работы в проекте, умение планировать свое время, навыки выступления на иностранном языке со сцены. Студенты приобретают умение справляться со своим волнением перед аудиторией, работать перед камерой, четко и ясно говорить в микрофон. Они осваивают технические моменты подготовки презентаций для сопровождения своих тематических выступлений, включая как программную часть, так и особенности работы с профессиональными аудиовизуальными средствами их отображения.

Литература

1. Токарева, Н.Д. Inspired by Shakespeare. A Legacy of 400 Years // Электронный ресурс. URL: <https://linguanet.ru/sotrudnichestvo/tsentr-angliyskogo-yazyka-i-kultur2/meropriyatiya-tsentra.php> (дата обр.: 19.09.2018).

2. Токарева, Н.Д. The Wit of Oscar Wilde // Электронный ресурс. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/93d/93d6be026af4644cf279254bc1b76287.pdf> (дата обр.: 19.09.2018).

3. Rogers, M. Employability Skills – What students need to know // Электронный ресурс. URL: <http://www.macmillanenglish.com/events/digital-and-employability-skills/> (дата обр.: 20.07.2016).

4. Участие студентов переводческого факультета в финальном этапе проекта «Inspired by Shakespeare. A Legacy of 400 Years» (МГЛУ, 2017) // Электронный ресурс. URL:

<https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/perevodcheskiy-fakultet/inspired-by-shakespeare-a-legacy-of-400-years/> (дата обр.: 19.09.2018).

5. Уильям Шекспир и детали театрального искусства эпохи Елизаветы I // Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XjFXv9mTgy0> (дата обр.: 19.09.2018).

6. Айзенберг, С. Видеозапись чтения сонета 130 У. Шекспира // Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nT0TycTxBNw> (дата обр.: 19.09.2018).

7. Чукова, В. Видеозапись чтения сонета 27 У. Шекспира // Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Lm92mlr8d8o> (дата обр.: 19.09.2018).

8. Проект «Inspired by Shakespeare» в МГЛУ // Электронный ресурс. URL: https://linguanet.ru/science/studencheskaya-nauka/?ELEMENT_ID=3249 (дата обр.: 05.12.2017).

9. «The GLOBal Quest» – мультимедийный видеодоклад студентов группы ПФ 2-15-1 // Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=9&v=Ob6GgT0tkug (дата обр.: 19.09.2018).

10. Айзенберг, С., Чукова, В. Чтение сонетов У. Шекспира. Подготовка и выступление на сцене / Опыт, полученный в проекте «Inspired by Shakespeare» // Электронный ресурс. URL: <https://linguanet.ru/upload/medialibrary/faa/faaaf3121e70d7591430969af4d68d2b.pdf> (дата обр.: 05.12.2017).

УДК 811.161.1'272

ББК 81.2

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Е.К. Рудакова, А.С. Уткина

Аннотация. В статье рассматривается русский язык как фактор интеграции на пространстве СНГ. Исследуется современное состояние и перспективы русского языка в государствах СНГ в политической и социокультурной сферах.

Ключевые слова: СНГ, русский язык, языковая безопасность, языковая политика, интеграция.

LANGUAGE AS A FACTOR OF CIS INTEGRATION

E. Rudakova, A. Utkina

Summary. The article considers the Russian language as a factor of integration in the CIS space. The current situation and prospects of the Russian language in the CIS countries in the political and socio-cultural spheres are investigated.

Key words: CIS, Russian language, language security, language policy, integration.

Языковой фактор является важнейшим в жизни народов постсоветского пространства. И это связано не только с тем, что на территории постсоветских стран проживает по разным оценкам от 10-15 млн русских до 100 млн русскоговорящих, нуждающихся в сохранении и защите своих языковых традиций, наличие языка межнационального общения является насущной потребностью для развития всех отраслей народного хозяйства, науки, культуры и искусства ныне независимых республик [10].

Очевидно, что после распада Советского Союза языковые приоритеты государств постсоветского пространства подверглись трансформации, в области коммуникации стали доминировать титульные языки проживающих там народов, происходил отток русского населения, но, тем не менее, русский язык, как язык межнационального общения, сохраняет свои позиции и сегодня, являясь для одних государств инструментом коммуникации, а для других важнейшим фактором экономической интеграции и приобщения к общемировым тенденциям в экономике, политике и культуре.

Русский язык является одним из мировых языков, государственным языком для 170 национальностей и народов России, официальным языком ООН и ЮНЕСКО, рабочим языком для всех организаций на постсоветском пространстве. Несмотря на очевидные попытки принизить статус русского языка сегодня, являясь живой и саморазвивающейся структурой, русский язык никогда не станет лишь «рабочим языком мигрантов», будет играть интегрирующую роль в укреплении связей между народами СНГ.

Важно то, что прогнозируемый спад значения русского языка в системе межнационального общения, в связи с оттоком русскоговорящего населения в Россию, не подтвердился, общение на русском языке остается стабильно высоким. Даже повальная «мода на английский» едва ли вытеснит русский язык из структур межнационального общения, ведь язык – это не только ведение бизнеса, это и ментальность, и культура, быт и нравы народов, он складывался веками, впитывая в себя в т. ч. и языковые формы тех народов, которые входили в ареал его распространения.

Сегодня среди стран СНГ русский язык признан государственным языком в Белоруссии, он «является обязательным по всей территории страны и употребляется на всех уровнях деятельности региональных субъектов», что закреплено в ст. 17 Конституции Республики Беларусь 1994 г. [5]. Около 80 % граждан свободно владеет русским языком. Русский язык изучается во всех школах в обязательном порядке, а обучение в вузах ведется как на белорусском, так и русском языках. В СМИ русский язык также широко представлен, вещание на радио и телевидении ведется на обоих языках.

В Киргизии и Казахстане русский язык не является государственным, но признан официальным, т. е. «языком, который используется наравне с государственным обычно в местах проживания национального меньшинства, разговаривающего на нем». Здесь русский язык не теряет свои позиции, несмотря на пессимистичные прогнозы, и остается основным средством межнационального общения, не имея альтернатив, ведь только на территории Казахстана проживает около 130 национальностей [14].

В образовательных учреждениях республики Киргизия изучение русского языка как официального является обязательным наравне с государственным киргизским. В Казахстане изучение русского обязательно во всех школах, а обучение в университетах осуществляется по потоковому принципу в зависимости от фактора языковой принадлежности. Особое место в сохранении русского языка отводится Киргизско-российскому славянскому университету. Этот вуз считается не только одним из самых престижных в стране, но и является культурным центром для всех славянских народов, проживающих на территории Киргизии.

Существуют и негативные тенденции, связанные с умалением роли русского языка в Республике Казахстан. В феврале 2018 г. президент республики Нурсултан Назарбаев официально заявил о переходе делопроизводства правительства и парламента страны на казахский язык, и переводе казахского

языка с кириллицы на латиницу к 2025 г. На данный момент русский является официально употребляемым языком, а это означает, что он не является языком законодательства в Республике Казахстан, и использование его в работе парламента было лишь доброй волей политиков. Назарбаев уверен, что роль русского языка не изменится, он все также останется основным языком межнационального общения, но существует очевидная тенденция проникновения английского языка. Об этом свидетельствует закрепление английского языка в качестве официального при создании международного финансового центра в Астане, а это означает, что английский язык является основным языком судопроизводства, управления и нормотворчества [2].

В Азербайджане, Армении, Молдавии, Туркменистане и Узбекистане статус русского языка не закреплён. В Армении, где лишь только около 1 % населения могут назвать русский своим родным языком, заметна его популярность. На улицах видны вывески на русском, в школах преподают русский как первый иностранный, большинство студентов учатся по учебникам на русском языке. Несмотря на то, что в начале 1990-х все школы начали переходить на армянский язык, до сих пор функционируют русские школы, где имеют право обучаться представители национальных меньшинств. Согласно исследованию Нины Ахметели, «армянские студенты понимают важность изучения русского, однако на предложение придать русскому языку статус государственного реагируют отрицательно. Вопрос присвоения этого статуса русскому языку поднят в связи с заявлением председателя Госдумы РФ В. Володина об изменении статуса языка, для упрощения получения разрешения на работу в России гражданами Армении. Конечно, правительство не намерено изменять законодательство, но внимание к русскому языку сохраняется. На территории Армении ведёт свою работу Российско-армянский (славянский) университет, в 2002 г. воссоздана Ассоциация преподавателей русского языка, открыт центр развития русского языка» [1].

В Узбекистане с 1995 г. русский язык перестал иметь статус языка межнационального общения. Употребление русского языка исключено из использования в органах власти и управления, правоохранительных органах, армии, в сфере культуры, информации и образования. Русский обязателен для изучения в средних школах, а факультеты с обучением на русском практически не сохранились.

В Азербайджане не наблюдается прямой дискриминации русского языка, однако приоритет в сфере делопроизводства отдаётся азербайджанскому и английскому. Сокращается российское информационное присутствие. Телевидение в большей мере вещает на азербайджанском, турецком, английском, иранском языках. Наружная реклама должна быть на азербайджанском. Но, несмотря на такое уменьшение значимости русского языка в Азербайджане, граждане испытывают интерес к его изучению как иностранного. В большей мере это связано с трудоустройством, ведь многие транснациональные компании имеют представительства в Восточной Европе.

Роль русского языка в республике Молдова является особой. Это язык, которым владеет представитель практически каждой национальности в стране. Вопрос об изменении статуса языка ставился на повестку дня летом 2018 г., когда либеральная партия Молдовы направила обращение в Конституционный Суд с просьбой о пересмотре статуса русского языка в законе о функционировании языков на территории Молдавской ССР от 1989 г. Конституционный суд признал закон устаревшим, но статус русского языка был не изменен [13].

В своем выступлении министр образования Таджикистана Абдуджаббор Рахмонов заявил, что русский язык остается самым востребованным в стране. Русский язык имеет статус языка межнационального общения и занимает второе место по популярности среди граждан. В крупных городах до сих пор считается, что знание русского языка даст доступ к получению качественного образования и высококвалифицированной профессии. Для детей русский не является ни родным, ни вторым языком, поскольку в семьях общение происходит на таджикском, но все с малых лет понимают, что русский будет полезен для переезда на заработки в Россию. На данный момент в республике функционирует 29 школ с русским языком. Однако преподавание русского языка затрудняет не только нехватка кадров, особенно в отдаленных регионах страны, но и нехватка современных учебников. Благодаря организации Россотрудничества проблема с учебниками стала разрешимой. Более 5 тыс. книг передано в различные образовательные учреждения Таджикистана за последнее время.

Туркменистан является самой закрытой страной среди государств Содружества. По данным переписи 2012 г. в стране осталось всего 5 % русскоговорящих граждан. В стране функционирует лишь две школы с русскими классами. В 2001 г. в университетах ликвидированы все кафедры русского языка и литературы. Программа туркменизации населения чрезвычайно ослабила роль русского языка в стране [6].

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что русский язык является механизмом, обеспечивающим политическую интеграцию и коммуникацию на всей территории СНГ. Именно русский язык активно используется на переговорах высшего уровня, при общении глав государств, в деловых кругах, в институтах СНГ, между обычными гражданами. Русский язык, обладающий мировым статусом, позволяет миллионам граждан не только знакомиться с достижениями национальных культур и наук друг друга, но и знакомить с ними мировое сообщество. По данным Российской академии наук в целом 260 млн человек знают и владеют русским языком. Из этого числа 147 млн являются носителями языка, как родного, а 113 млн владеют им как вторым языком. По степени распространенности русский язык занимает пятое место в мировом рейтинге после английского, китайского, испанского и арабского [8].

Таким образом, можно отметить что, русский язык является связующим звеном между культурами стран СНГ, фактором, помогающим им развиваться в качестве открытых, а не национально-обособленных, узких систем, что является крайне важным в век информации и глобализации.

Литература

1. Ахметили, Н. Станет ли русский государственным языком в Армении? Русская служба Би-би-си // Электронный ресурс. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.bbc.com%2Frussian%2Ffeatures-42427481&cc_key=.
2. В Казахстане станет меньше русского языка // Лента.ру // Электронный ресурс. URL: https://lenta.ru/news/2018/02/26/qazaqstanska_mova/.
3. Докучаева, А. Русский язык в странах СНГ. Состояние системы образования на русском языке, статус русского языка, положение русской культуры в постсоветских государствах // Электронный ресурс. URL: <http://materick.ru/index.php?section=opinions&year=2020&month=1&day=1&first=1800>.
4. Зейналов, М. Русский язык в Азербайджане: привычка, потребность или культура? // Русская служба Би-би-си // Электронный ресурс. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41550926>.
5. Конституция Республики Беларусь от 15 мар. 1994 г. // Электронный ресурс. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=19903.
6. Кудоярова, Т.В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования. Языки и специальность. 2010. № 3. С. 70–74.
7. Намовир, И. Языковой вопрос в Казахстане // Электронный ресурс. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/235028/>.
8. Пьянов, А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник КемГУ. 2011. № 3 (47). С. 55–60.
9. <http://www.dialog.kz/articles/mnenie/2017-08-25/russkiy-yazyk-v-kazahstane-horosh-sohranilsya-kachestvennu-u-nego-net>.
10. Русский язык в мире. Доклад Министерства иностранных дел России // Электронный ресурс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Russian/_01.php
11. Самсонов, Н.Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. 2006. Т. 3. № 2. С. 67–73.
12. Субботин, С. Школы закрыты, язык забыт. Из Туркменистана уезжают последние русские // Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/world/20180422/1519094484.html>.
13. Суружиу, В. Русский язык в Молдове: Что на самом деле решил Конституционный суд? // Электронный ресурс. URL: <https://noi.md/ru/mysli-vsluh/russkij-yazyk-v-moldove-cto-na-samom-dele-reshil-konstitucionnyj-sud>.
14. Эшонкулов, А.С. Русский язык – уникальное средство межнационального общения на пространстве СНГ // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 2. С. 41–43.

УДК 81'272 : 325.14

ББК 81.2

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.П. Савруцкая, Д.В. Семенов

Аннотация. В статье анализируются проблемы адаптации мигрантов к ценностям европейской культуры, социокультурные последствия глобального миграционного кризиса в условиях нового мирового порядка. Рассматриваемые цивилизационные и культурные различия мигрантов и титульных наций на территориях западноевропейских стран и России позволяют выявить наиболее важные причины межэтнических конфликтов, возникающих в результате различий в культурных кодах, религиозных практиках христианских церквей и мусульманских мечетей, совокупности традиционных моральных ценностей западного и восточного культурного миров. Предпринята попытка систематизации приемов и средств минимизации влияния культурных различий мигрантов и титульных наций на обострение межцивилизационных конфликтов.

Ключевые слова: мигранты, культура, цивилизация, титульные нации, межэтнические конфликты, культурные коды, межцивилизационные конфликты.

PROBLEMS OF MIGRANTS' INTERGRATION INTO THE COMMUNICATIVE SPACE OF EUROPEAN CIVILISATION: LINGVISTIC ASPECT

E. Savrutskaya, D. Semenov

Summary. The article is devoted to a thorough consideration of such topical and socially significant issues as the acute problems of migrants' adaptation to the values, traditions, customs of European culture as well as various sociocultural consequences of the current global migration crisis in the context of the new world order. The civilizational and cultural differences between migrants and titular nations on the territorial locations of Western European countries under consideration allow to identify the most important causes of ethnic conflicts, arising from differences in cultural codes, religious practices of Christian churches and Muslim mosques, a set of traditional moral values of the Western and Eastern cultural worlds. An attempt for systematizing various ways and means to minimize the destructive influence of many different migrants' and titular nations' cultural differences on the inevitable exacerbation of conflicts between civilizations has been made by the authors.

Key words: migrants, culture, civilization, titular nations, ethnic conflicts, cultural codes, conflicts between civilizations.

Социальные процессы второй половины XX – первой четверти XXI вв. явились причиной возникновения в социальном пространстве современной цивилизации массы противоречий, связанных, во-первых, с бурным развитием информационно-коммуникативных, в т. ч. цифровых, технологий, во-вторых, с глобальным миграционным кризисом, в-третьих, с практически еще не изученными особенностями утверждающегося нового мирового порядка, связанного с наступающим постглобализационным этапом общественного развития. Комплекс информационно-коммуникативных практик и процессы территориального перемещения огромных масс людей оказывают разрушающее воздействие на веками сохраняемую систему культурных кодов и меха-

низмов историко-культурной преемственности. В этой связи исследование социокультурных последствий влияния современных миграционных процессов на трансформацию коммуникативного пространства европейской цивилизации в контексте современных глобализационных процессов приобретает особую актуальность.

В комплексе проблем экономического и социокультурного плана, возникающих в результате несоответствия этнокультурных признаков мигрантов и титульных наций, одной из сложнейших проблем современного этапа межкультурных взаимодействий народов, принадлежащих западной и незападной цивилизациям, становятся многочисленные трудности интеграции мигрантов в культурно-коммуникативную среду принимающих европейских стран, включая, к примеру, и Россию.

В реальной практике развития общественных процессов в современных условиях глобализации вместо ожидаемой унификации и исчезновения региональных различий в области экономики, национальных отношений и культуры произошел резкий поворот в сторону пробуждения национального самосознания, усиления интереса к национальным культурам, историко-культурным традициям, сохранению уникальной языковой картины мира. В этой связи необходимо отметить особую роль современного глобального миграционного кризиса, усиливающего негативные проявления межкультурных взаимодействий мигрантов и представителей титульных наций. Под влиянием этих процессов происходит трансформация коммуникативной сферы, возрастает напряженность в сфере межнациональных отношений, возникает реальная угроза межкультурных конфликтов [1].

Из числа причин существующих трудностей адаптации мигрантов к инокультурным и иноязычным условиям их жизни мы выделяем следующие. Во-первых, одновременное присутствие на сравнительно малых территориях большого количества преимущественно молодых мужчин, с крайне низким уровнем образования, в большинстве случаев не владеющих достаточным запасом языковых средств для осуществления коммуникации с населением и потенциальными работодателями принимающих стран. Незнание культурно-правовых норм взаимодействия с местным населением, отсутствие привычных устоев жизни, специфичных для родной социальной среды, ограниченные возможности коммуникативных связей с окружающими за пределами локальных этнических групп усиливают эмоциональное неприятие всего иного, чужого, непонятого и по этим причинам враждебного, противостоящего «моему Я». В новой для мигрантов социальной среде культурные коды и каналы связи на уровне повседневности оказываются для вновь прибывших недоступными пониманию и практическому использованию.

Во-вторых, из условий привычного уклада жизни человек в короткие сроки оказывается перенесенным в условия постиндустриальной цивилизации, т. е. в социальное пространство иной культуры, религии, политических предпочтений и норм поведения. Помимо этого, столкновение различного

типа культур – постфигуративного (не-западного) и кофигуративного (западного) [2] может на начальной стадии взаимодействия и не иметь ярко выраженных признаков межцивилизационного конфликта. Однако сохраняемое компактное проживание мигрантов на чужой земле образует своего рода мини-социумы, являющиеся коммуникационным барьером, защищающим мигрантов от внешних воздействий чуждой культуры и ценностей, иного образа жизни и норм поведения. Компактное проживание мигрантов обеспечивает возможность осуществления коммуникации на родном языке, являющимся основным этнокультурным кодом, благодаря которому сохраняются важнейшие признаки этнокультурной идентичности, достигается взаимопонимание между субъектами национальных общин, структурируется коммуникативное пространство, хотя бы отдаленно копирующее закрепленные в языке общинные признаки привычного образа жизни, родной земли, родственников, соседей и т. д.

В-третьих, замкнутое коммуникативное пространство, создаваемое общинами мигрантов, способствует, прежде всего, сохранению языка как важнейшего этнокультурного кода и канала межэтнических, родственных и соседских связей. Являясь одним из определяющих признаков этнокультурной идентичности, язык как важнейший этнокультурный код служит механизмом этнокультурной преемственности и средством коммуникации, закрепляющим как целостность и устойчивость локальных этнических общин, так и возможностей взаимодействия с внешним миром. В условиях разрушения традиционных форм коллективности и сложившихся систем религиозного, правового и культурно-нравственного регулирования, все с большей очевидностью высвечивается культуросохраняющая и системообразующая роль языка. Эта проблема имеет особую актуальность для стран, в поликультурном коммуникативном пространстве которых вопросы сохранения многообразия национальных культур и языков приобретает цивилизационную значимость, объясняемую ролью культурных кодов в структурировании и сохранении определяющих признаков коммуникационного пространства цивилизаций.

Культурные коды играли особую роль в упорядочении общественных процессов и сохранении целостности и этнокультурной уникальности социумов [3, с. 40, 98]. Язык, символы и другие знаковые системы наряду с традициями, обычаями и обрядами, архитектурными сооружениями и произведениями искусства сакрального характера, нормами и правилами поведения составляли комплекс культурных кодов этносов и являлись ведущими характеристиками этнокультурной идентичности. В условиях глобализации и новых информационно-коммуникативных технологий, усиливающих процессы виртуализации социального пространства современной цивилизации, глобальный миграционный кризис по-новому ставит вопрос о месте и роли языка в системе этнокультурных кодов. Дело в том, что в условиях нового цифрового мира [4; 12] многие виды культурных кодов, в частности традиции, обычаи, обряды, игры и ряд других, утратили прежние приоритеты в качестве важнейших

механизмов сохранения и трансляции социального опыта в ряду поколений. Основная нагрузка по организации социальных практик людей и регулированию коммуникационных процессов в настоящее время выпадает на язык, обеспечивающий возможность понимания значений и смыслов используемых знаковых систем, норм поведения и механизмов обеспечения социокультурной преемственности.

Рассматривая особенности влияния языка на современные процессы «расширенной объективно-виртуальной реальности» [5] на возможности сохранения или разрушения целостности социумов, воспроизводства духовных ценностей культуры, позволим обратиться к концепции П. Бурдьё о «перформативной магии языка» [6]. Центральным моментом этой концепции является идея о силе воздействия слова на поведение (деятельность) людей. Идея перформативности языка прослеживается и в теории речевых актов Дж. Остина [7], для которого успех практического действия определяется связью контекста и конкретных практик осуществления речевого воздействия.

Идею о существующей связи между культурной (поведенческой) нормой и языковыми моделями разрабатывали Э. Сэпир и Б. Уорф. В частности Б. Уорф, прослеживая исторические пути исторического и этнокультурного нормативно-поведенческого развития, отмечал, что в принципе поведенческие нормы и языковые модели сосуществовали синхронно, оказывая взаимное влияние. Исторически сложившиеся связи между языком, культурой и нормами поведения оказывают влияние на направленность (вектор) поведения. В этой связи Б. Уорф пишет: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [8, с. 158]. Очевидно, что различия языковых реальностей титульных наций и мигрантов, возникающее на этой почве непонимание являются важнейшим барьером для процессов адаптации приезжих к культуре, системе ценностей и образу жизни принимающих стран. С одной стороны, язык народа принимающей страны не является для мигрантов своим этнокультурным кодом, с другой – в языковых единицах родного языка нет привязки к реальному контексту практических действий. По этой причине закрепленные в языке социокультурные, политические и практические смыслы титульной нации не доступны пониманию и практическому освоению вновь прибывших. В замкнутом же этнокультурном коммуникативном пространстве приезжих речевые практики обеспечивают социокультурную преемственность и этнокультурную идентичность только в рамках локальных национальных общин мигрантов, чем, прежде всего, и ограничиваются возможности их интеграции в культурно-коммуникативное пространство принимающих стран. Иначе говоря, культуuroобразующая и культуросохраняющая роль языка как путеводителя в «социальной действительности» [9, с. 131] функционируют как бы в «параллельных мирах». При этом языковые барьеры служат основанием для сохранения замкнутости этнических

групп, оказавшихся в силу каких-либо причин в условиях «вынужденного общения» (Тоффлер) с представителями титульных наций, официальных властей, работодателей. На границе «своего» и «чужого» всегда возникает ситуация «коммуникативного непонимания» на почве не только незнания языка, но и отсутствия установки на совершение мигрантами определенного посткоммуникативного действия в интересах принимающей стороны [10].

В языке в силу его консервативности и устойчивости смыслов надолго сохраняются важнейшие признаки и особенности национальных культур, в силу чего огромна роль языка в формировании национальных образов мира.

Языковая реальность коммуникативного пространства миграционных групп способствует удержанию в активном состоянии способности речевого воздействия на формирование социальной реальности в соответствии с утвердившимися в обществе образцами поведения. При отсутствии механизмов связи в системе отношений «Мы и Другие», где «чужого» кратно больше, чем «своего», идентичного «себе», накапливается синдром агрессивной неопределенности, отчуждения. Человек все меньше ориентируется на «Другого». В результате формируется пространство, наполненное многообразием культурных кодов, смыслов, символов, которые образуют эклектичную или «мозаичную» культуру, минимизируя возможности осуществления межкультурного диалога.

Особую область этнолингвистических проблем в контексте рассматриваемых проблем интеграции мигрантов в культурно-коммуникативную среду принимающих европейских стран составляет изучение роли языка повседневного общения, особенностей его влияния на формирование национального самосознания и мотивацию поведения. Устойчивое влияние этноязыка на уровне повседневного общения, в условиях которого происходит формирование человека как личности, объясняется, во-первых, тем, что многие слова, используемые на этом уровне отношений, корнями уходят к ранним стадиям становления этносов и закрепляются на уровне «социального бессознательного» (Э. Фромм). А во-вторых, конкретность, эмоциональность и регулярная повторяемость языка личностно значимого обыденно-повседневного общения делают его наиболее устойчивым, консервативным элементом духовной жизни народа. Эффект «энергии совместного общежития» (С. Шахрай) при компактном проживании мигрантов в замкнутых этнических общинах усиливает ориентацию языка повседневного общения на удержание в активном состоянии определенных моделей коммуникации, с детства формируемых под влиянием этнокультурных кодовых систем. Эти системы, закрепленные в речевых и коммуникативных практиках, позволяют идентифицировать смыслы и значения моего «Я» с совокупностью признаков «Другого», воспринимаемого как «Свой» или «Чужой». Очевидно, что в первом и во втором случаях модель коммуникации будет определяться комплексом позитивных или негативных представлений, складывающихся в границах систем «Другой – Свой» или «Другой – Чужой». Выбор данной альтернативы в первую очередь будет

принадлежать языку, играющему доминирующую роль при формировании установок и мировосприятия этноса.

Таким образом, наряду с экономическими, межкультурными и политическими аспектами содержания и направленности интеграционных процессов передвижения мигрантов преимущественно из стран арабского Востока, Афганистана и Африки в страны Европы важнейшую роль в адаптации приезжих к культуре, образу жизни, моделям коммуникативного взаимодействия с коренным населением принимающих стран играет язык. Как замечает С.Г. Тер-Минасова, незаметное, постепенное воздействие «тайных сил культуры» через иной язык оказывает более сильное воздействие на мировосприятие и самоощущение людей, чем прямое непосредственное воздействие [11].

Социальная значимость лингвистической составляющей интеграционных процессов определяется культуро- и системообразующей ролью языка как формы закрепления и воспроизводства историко-культурного опыта поколений. В замкнутом коммуникативном пространстве мигрантских общин язык как один из важнейших этнокультурных кодов способствует не только сохранению и воспроизводству определяющих признаков этнокультурной идентичности, но и является механизмом управления коммуникационными процессами внутри малых социумов, благодаря чему осуществляется их сохранение и самовоспроизводство [12]. Однако в реальных масштабах современных миграционных процессов трудности адаптации мигрантов к образу жизни и культуре европейских стран свидетельствуют о длительности и крайне противоречивом характере реальной практики осуществления межкультурной коммуникации в настоящее время.

Примечания

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
2. Мид, М. Культура и мир детства. М., 1998. С. 332.
3. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 40–98.
4. Козн и Э. Шмидт. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 318 с.
5. Макеев, С.Н. Феномен социального общения в пространстве расширенной объективно-виртуальной реальности»: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2017.
6. Bourdieu, P. Was heist sprechen: Zur Okonomie des Sprachlichen Tausches. Hg. Von Georg Kremnitz. Wien, 1990.
7. Austin, J.L. How to do Things with Words. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. 169 p.
8. Уорф, Б. Отношения норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 158.
9. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир. Языки как образ мира. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 131.
10. Тоффлер, Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2004. С. 184.

11. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации. М.: Слово / Slovo, 2008. С. 308.

12. Zhigalev, B., Savrutskaya, E., Nikitin, A., Ustinkin, S. Influence of migration processes on modern communicative space and ethnicities' cultural patterns: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, 2017. P. 337–350.

УДК 316.7

ББК 60.524

ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

И.А. Савченко

Аннотация. Анализируется влияние лингвистического фактора на процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции. Автор приходит к выводу, что общность языка имеет интегративный эффект только тогда, когда сопровождается действием иных социокультурных факторов, в частности религии.

Ключевые слова: интеграция и дезинтеграция, язык, монолингвизм, полилингвизм, культурные различия, диалектика, духовное единство, конфликтность, религия.

LANGUAGE IN THE CONTEXT SOCIOCULTURAL INTEGRATION AND DISINTEGRATION

I. Savchenko

Summary. Linguistic factor's influence on processes of sociocultural integration and disintegration is analyzed. Author comes to conclusion that language unity has an integrative effect only when it is followed by other sociocultural factors, in particular, by religion.

Key words: integration and disintegration, language, monolinguisism, polylinguisism, cultural distinctions, dialectics, spiritual unity, conflictogenity, religion.

Цель настоящей статьи – проследить, каким образом язык участвует в процессах социокультурной интеграции и дезинтеграции и понять, является ли монолингвизм детерминантой интеграционного процесса? В своих рассуждениях и выводах автор руководствуется принципами диалектического метода познания, рассматривая все исследуемые феномены в единстве свойств и противоречий.

Думаю, многие согласятся с тем, что одним из архетипических концептов нашей цивилизации уже не одну тысячу лет является предание о Вавилонской башне (Бытие 11:1–9). Каждый из нас читал или, по крайней мере, слышал о том, как люди, строившие башню, преисполнились гордыней, и поэтому Господь решил остановить строительство, сделав так, чтобы строители, прежде говорившие на одном языке, перестали понимать друг друга, заговорив на разных языках.

Данное событие принято интерпретировать как посланное Господом наказание, в то время как в Библии нет слов о наказании. Говорится лишь о том, что Господь не желал, чтобы строительство продолжалось.

Между тем, после того, как строительство прекратилось, в ареале Вавилонской башни еще начал возводиться Вавилон, который одновременно

переводится и как «Врата Бога», и как «смешение, спутывание». Те, кто покинул Вавилон, разбрелись по всей земле и дали начало многочисленным языкам и культурам. Господь поспособствовал тому, чтобы люди расселились по миру, построили новые города, чтобы их языки стали языками поэзии, науки и молитвы. В Коране Господь говорит, что «ОН сделал из вас племена и семьи, чтобы вы различали друг друга и не презирали друг друга» [1]. Между тем, сами люди могут и не понимать, что Господь милостив, и часто принимают за наказание великое благо.

Истолковав когда-то действия Господа как наказание, многие столетия не только обыватели, но даже ученые и педагоги уверены в том, что единоеязычие – ключ к взаимопониманию и интеграции, в то время как многоязычие – препятствие на пути к пониманию и сближению. Отсюда интерпретация любых культурных различий как конфликтогенов. Так ли это на самом деле?

Напомним, что люди после незаконченного строительства Вавилонской башни не начали воевать, а лишь разбрелись по свету. Некоторые ушли так далеко, что даже в век высокоскоростных технологий их шанс встретиться и, тем более, конфликтовать с бывшими собратьями весьма невелик. Действительно, между народом ханси и малагасийцами нет диалога, но нет и конфликта. Причина всему – расстояние, измеряемое тысячами километров, а не лингвистическая удаленность.

Каким же тогда потенциалом в контексте социокультурной интеграции и дезинтеграции обладает языковая близость или даже общность языка? Арабы, евреи, ассирийцы – семитские народы, дети Сима, старшего сына Ноя, а иврит, арамейский и арабский – очень близкие друг другу семитические языки. Однако языковая близость не обеспечила близости духовной, и иные, совсем не языковые факторы стали причиной разлада между Израилем и арабским миром. Еврейский народ сохранил свою аутентичность в идее богоизбранности, вместе с тем евреи в разных странах мира могут считать и не считать себя верующими иудеями, говорить на разных языках, но идентифицировать себя как евреев, при этом вносить неопределимый вклад в науку и культуру тех государств, в которых они живут. В Европе тысячу лет существовала уникальная культура идиша – еврейского языка с немецкой грамматикой, однако евреи не смешались с европейскими народами. В то же время, многие евреи, чьи предки говорили на идише и жили в Восточной Европе, сегодня говорят на иврите и составляют основную часть населения Израиля. Таким образом, лингвистические трансформации не изменили культурную идентичность. Тем не менее, именно идиш на протяжении веков позволял восточно-европейским евреям эту идентичность сохранить. В данном случае мы наблюдаем неоднозначный, диалектический характер влияния языка на процессы интеграции, дезинтеграции и формирования идентичности.

Если мы перенесемся в Латинскую Америку, то увидим, что неоднозначность влияния лингвистического фактора на процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции явно проявляют себя и здесь. Латинская Амери-

ка дифференцирует себя от Северной Америки не по географическому признаку (географически к Северной Америке относятся, например, Мексика и Куба), а по социокультурному. Однако сложно сказать, какой именно социокультурный фактор оказался решающим в дифференциации Латинской Америки – лингвистический или религиозный. Что в первую очередь отличает Латинскую Америку от Северной – романский язык (испанский или португальский) или католическая религия? Надо полагать, что именно соединение лингвистического фактора с религиозным в данном случае сыграло ведущую роль в формировании духовного единства латиноамериканских народов. При этом отсутствие ярко выраженной религиозной детерминанты в социокультурной действительности североамериканских стран не позволяет говорить, например, о некоем духовном единстве народов США и Канады.

Африка, так же, как когда-то американский континент, была колонизирована европейцами. Хотя Африка освободилась от колониализма на сто пятьдесят лет позже, определенные параллели здесь все же есть. Если говорить о странах Магриба, то мы установим, хотя и с определенными оговорками, что лингвистическая общность (арабский, берберский и французский языки, представленные в одинаковой степени в трех странах) вкупе с религиозной общностью (ислам) позволяют говорить об определенных признаках духовного единства между народами этих стран. Однако если рассуждать о других странах Африки, в особенности об Африке южнее Сахары, здесь властвуют конфликты, противоречия и, нередко, вооруженные столкновения [2]. В данном случае отдельные признаки лингвистической общности хотя и способствуют коммуникации, но не помогают решить проблемы в ситуации конфликта. В большинстве стран Африки официальными являются языки бывших метрополий – португальский, французский или английский, и, если бы эти языки не были официальными, во многих государствах жители соседних деревень, говорящие на разных местных диалектах, не поняли бы друг друга. Вместе с тем лингвистическая неоднородность как всего африканского континента, так и большинства стран Африки подкрепляется религиозной гетерогенностью, которая также влияет на процессы интеграции и дезинтеграции [3]. Примерно половина африканского континента представлена христианами, другая половина – мусульманами. Христиане подвергаются гонениям и дискриминации [4].

В то же время христианская церковь не едина. Уменьшается численность католиков, протестантских деноминаций становится все больше. Более того, сам взгляд на христианство в Африке весьма своеобразен. Так, хотя в «ритуалах и символике католицизма сохраняются пока европейские представления, молодежь, которая придет на смену немолодым служителям культа, изменит это положение и создаст собственные, подлинно африканские иконы, где Христос будет уже чернокожим» [5, с. 160]. Таким образом, мы не можем говорить о каком-либо духовном единстве, например, внутри франкофонной, англофонной или лузофонной Африки, т. к. лингвистическая общ-

ность, причем недостаточно крепкая, не подкрепляется другими социокультурными детерминантами, прежде всего религиозными.

В заключении несколько слов о Европе. Многочисленные мигранты, в очень больших количествах прибывающие в страны Евросоюза, достаточно быстро усваивают языки принимающих стран (владение языком, нужно признать, часто имеет поверхностный характер), но, несмотря на это, процесс интеграции мигрантов идет медленно и очень непросто [6]. Лингвистическая адаптация, не подкрепленная иными социокультурными факторами, хотя и способствует информационному обмену, не решает полностью всех проблем, возникающих при столкновении непохожих, далеких друг от друга культур.

Мы привели лишь несколько примеров, чтобы показать, что языковая общность, безусловно, обеспечивает канал, в русле которого могут протекать процессы социокультурной интеграции культурных общностей. Вместе с тем, единство языка само по себе, не подкрепленное иными социокультурными детерминантами, в первую очередь религиозными, не может выполнить все задачи социокультурной интеграции в культурно-гетерогенном пространстве современных обществ.

Литература

1. Лоуренс, Б. Коран. Биография книги. М.: АСТ, 2008. 274 с.
2. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Ин-т Африки РАН, 2013. 459 с.
3. Савченко, И.А., Снегирева, Л.А., Устинкин, С.В. Трансформации молодежного религиозного сознания: тенденции и противоречия // Власть. 2017. Т. 25. № 5. С. 29–35.
4. Тенк, А. Христианство – самая угнетаемая религия // ИноСми.РУ. URL: <https://inosmi.ru/world/20141103/224051622.html>.
5. Львова, Э.С. Этапы проникновения христианства в Африку южнее Сахары // В сб.: <https://istina.msu.ru/collections/3642569/>. С.156–164.
6. Савруцкая, Е.П., Устинкин, С.В., Никитин, А.В. Прогностические сценарии изменений этноконфессиональных ориентаций молодежи в связи с усилением глобальных миграционных процессов // Русский универсум в условиях глобализации: Сб. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф.; науч. ред. Е.В. Валеева; отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский ф-л ННГУ; Фонд «Русский мир», 2016. С. 71–79.

УДК 37.01

ББК 74.04

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ

В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ В НГЛУ КУРСА «ИСТОРИЯ»

М.П. Самойлова

Аннотация. В статье анализируются проблемы современного состояния ценностных ориентаций молодежи с точки зрения формирования исторического сознания как важнейшего условия реализации государственной политики в области лингвистической безопасности.

Ключевые слова: цифровое поколение, историческое сознание, патриотизм.

**THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE STATE
POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AREAS OF LINGUISTIC SECURITY
IN TEACHING THE SUBJECT OF THE COURSE “HISTORY”**

M. Samoilova

Summary. The article analyses the problems of the current state of value orientations of young people in terms of the formation of historical consciousness as the most important conditions for the implementation of the state policy in the field of linguistic security.

Key words: digital generation, historical consciousness, patriotism.

Современная государственная политика в сфере языковой безопасности базируется не только на принципе сбережения русского языка и сохранения русской культуры как главного условия существования России в качестве политической нации. Во Введении к указу Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г., определяющему основы государственной культурной политики, сказано, что «ключевая, объединяющая роль в историческом сознании многонационального российского народа принадлежит русскому языку, великой русской культуре» [1, с. 4]. Особую роль в реализации принципов культурной политики играет система высшего образования, которая, хотя и формирует профессиональные компетенции, осуществляет формирование гражданина будущего, человека как носителя и создателя культуры. В этом же документе определены и современные опасности, стоящие перед российским обществом в сфере культуры. Среди них названы такие, как снижение интеллектуального уровня, девальвация общепризнанных ценностей, рост агрессии и нетерпимости. Названа такая проблема российского общества, как деформация исторической памяти, распространение ложного представления об исторической отсталости России. Эти опасные для российского общества заблуждения, однако, распространились в среде молодежи, для которой весьма характерна атомизация, рост индивидуализма, сформировалось так называемое «цифровое поколение», которое придет на смену современному и возьмет в свои руки дело развития и сохранения нашей страны. В связи с реализацией принципов государственной политики в области культуры и сбережения русского языка очень важно обозначить основные существенные для языковой и культурной безопасности ценностные ориентации этого поколения, которое давно называют «цифровым».

«Цифровое поколение» – термин, возникший не так давно в гуманитарных науках. Им принято обозначать поколение людей, родившихся в конце 1980-х и позднее, чье личностное становление пришлось на период бурного роста и совершенствования коммуникационных и информационных технологий – электронной почты, мобильных телефонов, SMS, Интернета, социальных сетей. Все эти атрибуты современной жизни сейчас уже кажутся обыденными, но всего 20 лет назад они были доступны далеко не всем. Новому поколению, современной российской молодежи, молодежи других стран повезло пользоваться новыми технологиями, с помощью которых можно об-

щаться с людьми любой части мира, свободно выражать свое мнение, доносить его до широкого круга людей, сверстников. Сегодня все традиционные институты – государство, нации, города, семьи, церковь, производственные предприятия – вынуждены изменяться, приспособляясь к новым условиям открытости и прозрачности, таким образом, и языковая безопасность нашей страны тесно связана с новыми условиями. Новое поколение российской молодежи получило новый опыт, которого не было у предыдущего поколения, а нарастающая глобализация позволяет им ощущать себя гражданами мира. Люди старшего поколения стали свидетелями того, как меняться могут авторитеты, власть имущие, а новое поколение совсем привыкло к героям одного дня и считает подобное положение нормой.

Современная молодежь не интересуется религией, как минимум треть из них причисляет себя к атеистам [2, с. 23–28.]. Они также равнодушны к политике или настроены оппозиционно к существующим властям [3, с. 38–39]. Например, в 2014 г. главными участниками протестных акций стали представители молодежи, социализация которой происходила не в бурных 90-х, а в период спокойных 2000-х. Специалисты видят причину такой жизненной позиции в растущей глобализации, реализуемой по типу вестернизации с центром в США. Последовательное вторжение на территории любых стран с помощью современных коммуникационных технологий, последовательное навязывание «американских ценностей» и «американского образа жизни» в значительной степени связано с разрушением традиционных укладов, традиционных моральных ценностей народов мира, стран и цивилизаций. Унификация культуры, порождаемая глобализацией, одновременно предлагает новый вариант нормы, по которой человек корректирует свое индивидуальное поведение и индивидуальный образ – нарциссический индивидуализм и эгоистическая конкуренция, идеализация потребительства, свобода секса и вседозволенности [4, с. 41–52.]. «Наведение элементарного порядка» в нашей стране после 1990-х воспринимается ими как само собой разумеющееся, а решение чеченской проблемы и сохранение единства страны для нынешнего поколения – заслуги 10-летней давности – имеют невысокую ценность. Новое поколение выросло в достатке и спокойствии, стремится к улучшению своего положения [2, с. 10], но жизненные перспективы у них смутные, поскольку сложившаяся в современной России социально-экономическая система, не позволяющая молодежи получить сразу высокооплачиваемую работу, трудности сочетания работы с обучением [2, с. 30] ограничивают возможности их самореализации³.

Для понимания причин формирования такого состояния можно обратиться к анализу внутренних причин, из которых наиболее важными можно

³ В других развитых европейских странах ситуация похожая – наибольшая численность безработных среди молодежи. Поколение «игрек» столкнулось с серьезной проблемой в трудоустройстве. 25 % французской молодежи живут без работы, в Италии этот показатель равен 40 %, в Греции и Испании – почти 50 %, в России – 23 %. Многие зарабатывают неофициально (<http://fb.ru/article/261238/millennium-pokolenie-y-pokolenie-nekst-vozrast-osnovnyie-chertyi>).

считать качественное изменение российской молодежи, а с другой – отсутствие качественных изменений российской элиты.

В чем же именно проявляется качественное изменение молодежи? Кроме названных выше характеристик можно упомянуть еще и отношение молодежи к труду. Современные работодатели отмечают падение уровня профессионализма и высокие требования к условиям труда и уровню его оплаты [5, с. 58–64]. Современный молодой «кадр» хочет всего и сразу и не желает мириться с рутинной работой, прочно связывая работу с собственной творческой самореализацией. Идеальная работа должна нравиться и вызывать чувство собственного личностного роста и развития, обеспечивать молодых людей в физическом комфорте, возможности тратить деньги, путешествовать и достойно жить [3, с. 40]. Попадая на новое место работы, молодые сотрудники не ищут способа адаптироваться в корпорации, а пытаются приспособить работу под себя, профессиональные взаимоотношения строятся на основе кратковременных сделок по принципу взаимной выгоды с разными работодателями. Молодежь чаще, чем старшие, выражает несогласие с решениями начальства, стремится игнорировать привычную иерархию и служебную субординацию, с большим уважением относится к комфортным условиям труда. Однако большинство молодых людей испытывают трудности с трудоустройством, смутно представляют себе возможности самореализации в полученной профессии. Это создает возможности для роста радикальных настроений. По данным правоохранительных органов РФ экстремист – это молодой человек в возрасте 14–30 лет, выпускник школы, не потупивший в вуз, или студент из семьи со средним достатком, не сумевший адаптироваться к современным условиям жизни, ищущий самовыражения в неформальном общении, у такого, как правило, уровень личных притязаний не совпадает с уровнем прогнозируемых достижений [6, с. 16–18].

Однако при всей избалованности и эгоизме, молодое поколение легко перестраивается при попадании в новые, незнакомые условия. Исследователи сравнивают современную молодежь с молодежью начала XX в., когда Европа переживала технологическую революцию и пока не знала трагедии мировой войны. Так же как в начале XX в. происходит смена системы ценностей, ее эволюция от коллективизма к индивидуализму. Старшие поколения обвиняют молодежь в эгоизме, самоориентированности. В оценке этой качественной характеристики молодого поколения наиболее сильно ощущается разрыв с предыдущими поколениями, когда было трудно реализовывать собственную модель поведения, которую не одобряли окружающие. Такой человек становился маргиналом, осуждался. Сегодня такого жесткого контроля общества за индивидом не существует, молодежь имеет больший простор для индивидуализации своего поведения. Таким образом, определенная разорванность исторического сознания молодежи и старших поколений ведет к конфликту между ними в вопросах нравственности, представлений о будущем развитии страны и современности. По этим причинам роль истории в подготовке спе-

циалистов не сводится только к образовательным целям, но также выполняет функции учителя нравственности.

В этих условиях большое значение для воспитания гражданской и национальной самоидентификации молодежи имеет преподавание курса истории, в т. ч. в вузе, когда молодые люди уже почти сложились, однако еще есть возможности для корректировки их личных убеждений с точки зрения интересов современного общества и благополучного будущего нашей страны. С точки зрения современных ФГОС ВО третьего поколения для лингвистов [7], которых готовит НГЛУ, целью преподавания истории является формирование комплексного представления об историко-культурном своеобразии нашей страны и её месте во всемирном историческом процессе, т. е. формирование исторического сознания и чувства гордости за свою страну.

В поле интересов профессиональной подготовки студентов-лингвистов, собственно, входит формирование исторического сознания учителя иностранного языка, т. е. осознание им прошлого нашей страны с точки зрения современности. Историческое сознание – база патриотического воспитания, фундамент национального и интернационального воспитания. Историческое сознание отражает историю, т. е. прошлое, развивающееся по объективным законам, история отражает развитие целенаправленной деятельности людей. Поскольку человек, в т. ч. и студент НГЛУ, реально существует только в настоящем, чтение и запоминание процесса развития возможно только в сознании. Прошлое же может существовать в его сознании как осознание достижений предшествующих эпох. Таким образом, взаимосвязь предшествующих эпох и современности осуществляется через историческое сознание, именно оно отражает отношение людей к прошлому, настоящему и будущему, отражает развитие человечества в исторической последовательности как процесс и как результат. С другой стороны, при изучении истории возможно выделение истории реальной и идеальной, научной и ненаучной, истории как науки и как учебной дисциплины, исследования исторического процесса осуществляется на разных уровнях научного познания – методологическом, теоретическом, эмпирическом. Подходы к анализу исторического процесса и исторических явлений могут быть разными – концептуальными, категориальными, могут использоваться оба подхода. Исследования, проведенные среди современных студентов, по вопросу о том, откуда они получают знания об истории, показывают, что более 90 % студентов получили сведения о прошлом из учебников, далее по значимости со значительным отрывом следуют художественные фильмы, рассказы родных и близких, СМИ, Интернет и другие источники [8, с. 101]. Это говорит в пользу значимости истории как учебной дисциплины для формирования исторического сознания современной молодежи.

В НГЛУ базовый курс истории включен в программу обучения по всем направлениям подготовки, курс нацелен на систематизацию знаний по истории, полученных в школе, таким образом, чтобы у студентов сформировалось

представление об историческом процессе до возникновения Российской цивилизации и о месте России во всемирной истории. Курс знакомит студентов с исторической методологией и основными методами изучения прошлого. Восстановление связи времен, единого образа России, понимания тех традиций, которые её сформировали, – важнейшая и насущная задача национальной безопасности.

Кроме учебного процесса формирование исторического сознания происходит через актуализацию событий прошлого, в НГЛУ проводится ежегодный конкурс студенческих эссе на тему «Моя семья и Великая Отечественная война», организуются интерактивные игры, нацеленные на более глубокое изучение отдельных событий, например, революции 1917 г. [9, с. 152–154], работает музей истории НГЛУ, развивается технология сотрудничества преподавателя и студента. Изучая и переосмысливая исторические события не только на рациональном уровне, но и эмоциональном, можно восстанавливать связь времен. Преодоление исторического беспомощия консолидирует население в единый народ, способный ставить и решать свои собственные масштабные задачи. Основная задача истории – служить патриотическому воспитанию, объединению общества на основе общих ценностей и интересов, формированию социально ответственного типа индивидуального поведения. Столь высокое общегражданское значение курса истории определяет его место в образовательном процессе по всем направлениям подготовки как науки о России. Таким образом, исторический компонент профессионального образования формирует в новых поколениях специалистов осознание чувства долга, ответственности людей современности перед величием дел предшествующих поколений, это является мощным источником самоуважения народа и надежной основой национальной безопасности.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации об утверждении основ государственной культурной политики № 808 от 24.12.2014. С. 4 // Электронный ресурс. URL: <http://www.mkrf.ru/upload/medialibrary/3aa/3aa5ed08e6cfbb1c982fee8618c4fa09.pdf> (доступ 20.10.2018).
2. Гиндер, И.А. Отношение российской молодежи к религии и теория секуляризации // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. Красноярск, КГПУ, 2009. 288 с. С. 23–28.
3. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: моногр.; под общ. ред. С.В. Чуева. М.: Изд. дом ГУУ, 2017. С. 38–39.
4. Кошарная, Г.Б., Афанасьева, Ю.Л. Ценностные ориентации современной российской молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Общественные науки. Социология. 2008. № 4. С. 41–52.
5. Гневашева, В.А. Молодежь России: особенности профессионального становления. М., 2012. 331 с.
6. Баева, Л.В. Молодежный экстремизм в современной России // Обзор НЦПТИ. Январь, 2015. С. 16–18.
7. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 940 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по на-

правлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33786).

8. Стегний, В.Н. Историческое сознание студента // Власть. 2015. № 3. С. 99–107.

9. Шиманская, О.К., Колесов, О.И. Интерактивные игры: проецирование прошлого через настоящее – революция 1917 г. в России // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства: материалы XIV междунар. симп.; под ред. А.В. Дахина. 2018. С. 152–154.

УДК 811.161.1'272 : 070

ББК 81.2

«РАСШИРЕНИЕ СМЫСЛОВ» В МЕДИА-ДИСКУРСЕ, ИЛИ ЕЩЕ ОДНО ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Сдобников

***Аннотация.** В статье рассматриваются случаи необоснованного использования лексических единиц русского языка в неприсущих им значениях в СМИ. С точки зрения лингвистической безопасности подобная практика обуславливает отсутствие взаимопонимания между коммуникантами, размывание языковой нормы, в результате чего язык перестает выполнять функцию поддержания безопасности.*

***Ключевые слова:** лингвистическая безопасность, русский язык, СМИ, языковая практика, коммуникация.*

“MEANING EXPANSION” IN MEDIA DISCOURSE, OR ANOTHER OBSTACLE TO SUCCESSFUL COMMUNICATION

V. Sdobnikov

***Summary.** The article deals with the unjustified use of Russian words in the meanings they do not have, which is typical of mass media nowadays. In terms of linguistic security such practice entails the lack of understanding between communicants and the erosion of the linguistic norm. As a result, language fails to perform its function of ensuring security.*

***Key words:** linguistic security, Russian language, mass media, language use, communication.*

В эпоху глобализации проблема лингвистической безопасности приобретает особую остроту, и это утверждение стало общим местом в рассуждениях политиков, политологов, социологов и лингвистов. В ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 мар. 1992 г. № 2446-1 (с изм. от 25 дек. 1992 г.) безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [1, с. 104]. Как справедливо отмечает Г.Н. Трофимова, «в связи с внешними воздействиями, обусловленными процессами глобализации, а также с внутренним неустройством в сфере образования, воспитания, национальных отношений и психологии населения, исследователи увязывают обеспечение национальной безопасности России с задачей обеспечения лингвистической безопасности русского языка» [2, с. 25]. К числу угроз русскому языку с полным основанием можно отнести и ориентацию общества, в нашем случае российского, на один из мировых языков. Понятно, что речь идет об английском языке. Иногда влияние английского языка на российское общество, на рус-

ский язык можно объяснить и даже оправдать наличием определенных внешних факторов. К их числу И.И. Халеева относит, в частности, изменение идеологических концепций средств массовой информации и коммуникации, развитие системы Интернет, увеличение числа пользователей им, развитие языка рекламы, а часто и злоупотребление им, появление большого числа новых специальностей и, соответственно, новых, как правило, иноязычных заимствований [1, с. 109].

О необоснованных заимствованиях из английского языка в русский лингвистами написано немало, и их появление в русском языке обоснованно рассматривается как засорение языка. Однако не они являются предметом рассмотрения в настоящей статье. Наше внимание привлекло относительно новое явление в российском медиа-дискурсе, которое может иметь весьма пагубные последствия как с точки зрения незатрудненного функционирования русского языка на том пространстве, которое входит в «сферу его ответственности», так и с точки зрения успешности коммуникации тех, кто этим языком пользуется.

Обратимся еще раз к статье И.И. Халеевой, которая справедливо утверждает, что обеспечение устойчивости семиологической структуры русского национального языка «поддерживается нормированностью, то есть законами и правилами самой языковой структуры, с одной стороны, а с другой – речевой практикой говорящих на русском языке, использующих возможности этой структуры» [1, с. 110]. Этой мысли созвучно и высказывание Г.Н. Трофимовой, которая утверждает, что «при производстве текста (высказывания) он должен быть безопасен, т. е. не должен нести угрозу или наносить вред автору, персонажу (речь, прежде всего, идет о публицистике и журналистских текстах, персонажами которых являются реальные люди) или аудитории» [2, с. 27]. Между тем в последнее время в российских СМИ мы замечаем случаи отступления от языковой практики носителей русского языка, отказ от использования его возможностей.

О чем же идет речь? Мы имеем в виду использование в текстах информационных сообщений, как письменных, так и устных, лексических единиц русского языка, созвучных английским словам, в новых, необычных для них значениях. Эти единицы выступают в качестве номинаций определенных явлений и объектов, которые имеют или могли бы иметь более точные номинации в русском языке. Созвучность английским словам, имеющим в английском языке совершенно иные значения, является основной отличительной особенностью таких русских лексических единиц.

Приведем пример. «Бывший министр обороны Украины Анатолий Гриценко в эфире телеканала *NewsOne* обвинил украинские власти в организации убийств местных **активистов**.

“Нападения и убийства **активистов** в Украине – это не просто бессилие власти, потому что власть за этим всем стоит», – отметил Гриценко.

Экс-министр также подчеркнул, что украинская пресса, политические **активисты** и оппозиция еще никогда не подвергались такому преследованию, как сейчас. «Такой системной масштабной работы по давлению на них никогда не было», – добавил Гриценко.

По его словам, на Украине журналистов не только преследуют, но и подвергают насилию» [3].

Автор текста о событиях в Украине, размещенном на другом сайте, повествует: «Екатерина Гандзюк – 30-летняя **активистка** и чиновница из Херсона, на которую утром 31 июля во дворе ее дома неизвестный вылил литр серной кислоты» [4].

У человека, не искушенного в политике, возможно, возникнут трудности с интерпретацией значения слова «активисты», а точнее с идентификацией тех, кто обозначается этим словом. Кто же эти люди?

Проблема возникает в связи с использованием слова в его ненормативном, несловарном значении, приписываемом этому слову авторами текста. А между тем «стремление текста (высказывания) к безопасности как к постоянному свойству, обеспечивающему стабильность его существования и восприятия, не может иметь положительных результатов в отсутствие правил безопасной эксплуатации (в нашем случае – русского языка), изложенных в соответствующих правилах и нормах, зафиксированных в словарях и справочниках» [2, с. 27]. Обратимся к словарю.

Слово «активисты» достаточно распространено в русской речи, но в словаре и представлении носителей русского языка оно означает: «Активист – тот, кто принадлежит к активу, деятельный член какого-н. коллектива» [5].

Соотнесение общепринятого значения слова «активисты» с приведенным контекстом и с описываемой в нем предметной ситуацией, несомненно, вызовет у читателя когнитивный диссонанс: членами какого коллектива являются люди, преследуемые в Украине? (Кстати, мы намеренно привели полный текст информационного сообщения, дабы показать, что в этом контексте автор не утруждает себя пояснением, кто же эти самые «активисты»). И только люди, в достаточной мере владеющие английским языком, способны догадаться, что в данном случае «активисты» – это *human rights activists*, т. е., по-русски говоря, «правозащитники». Перефразируя слова героини известного рязановского фильма, можно сказать: «Вот, наконец, и им слово нашлось!»

Увы, этого слова не нашлось в лексиконе автора текста, который, вслед за своими коллегами, усвоил, что тех, кто по-английски именуется *human rights activists*, удобнее называть «активистами»: слово знакомое, распространенное, к тому же такое «близкое» к английскому слову.

Рассмотрим еще один пример:

«Панарабское издание Аш-Шарк-Аль-Авсат со ссылкой на сирийскую **обсерваторию** по правам человека сообщает, что сирийская армия при поддержке российских ВКС начала наступление на Идлиб. По данным **обсерватории** российские самолеты нанесли около 60 ударов менее чем за три часа

на юге и юго-востоке провинции Идлиб. Погибло, по меньшей мере, четверо гражданских лиц» [6].

При ознакомлении с этим текстом у читателя возникнут проблемы, связанные со словом «обсерватория», которое, как известно, означает «научное учреждение, оборудованное для астрономических, метеорологических, геофизических наблюдений. Здание обсерватории» [5]. Именно это значение и будет актуализировано в сознании русскоязычного читателя. И снова – когнитивный диссонанс! Какое отношение обсерватория имеет к тому, что происходит в Сирийской Арабской Республике? За чем она наблюдает: за тем, что происходит в космосе, или за тем, что происходит на земле?

Причина появления этой «обсерватории» до тошноты тривиальна: это вроде бы «перевод» английского слова *observatory*, имеющего в словаре следующую дефиницию: *Observatory – a study centre or a building with a telescope which scientists called astronomers use to study the stars and planets* [7, P. 975].

Обращение к веб-сайту www.dictionary.com дает возможность обнаружить еще одно значение этого английского слова: 1. *a place or building equipped and used for making observations of astronomical, meteorological, or other natural phenomena, especially a place equipped with a powerful telescope for observing the planets and stars*; 2. *an institution that controls or carries on the work of such a place*; 3. ***a place or structure that provides an extensive view; lookout*** [8]. Именно в этом значении использовано слово *observatory*, входящее в состав названия организации, которая и имеется в виду в вышеприведенном тексте:

The Syrian Observatory for Human Rights (also known as SOHR; Arabic: المرصد السوري لحقوق الإنسان) founded in May 2006, is a UK-based information office whose stated aim is to document human rights abuses in Syria; it has focused since 2011 on the Syrian Civil War. It is frequently quoted by major news outlets since the beginning of the war about daily numbers of deaths from all sides in the conflict and particularly civilians killed in airstrikes in Syria [9].

Но вся проблема в том, что этого-то значения у русского слова «обсерватория» как раз и нет.

Разумеется, приведенный русский текст – это не первый и не единственный перевод, в котором упоминается *Syrian Observatory for Human Rights*, а точнее, не первая попытка передать значение английского *observatory* при помощи русского слова «обсерватория», хоть и созвучного английскому слову, но не имеющему такого же значения.

«На сайте израильского 9-го канала появилась такая новость: От российских авиаударов в Сирии погибло 600 человек, треть – гражданское население.

В отличие от Госдепа 9 канал так раскрывает источник, на который ссылается – это “Сирийская обсерватория по правам человека”.

Звучит солидно, и, судя по названию, эта обсерватория находится в Сирии. Но на самом деле она находится в Великобритании, и состоит из одного человека» (пунктуация автора. – В.С.) [10].

Еще одна попытка, не предполагающая значительных усилий: слово-то похожее, «близкое» к английскому. А то, что в сознании читателей в результате возникает путаница, авторов подобных статей и «переводов» не волнует.

Пожалуй, большее прилежание и профессионализм проявили переводчики, предложившие иное название для этой организации – «Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека» [11], реализовав, таким образом, третье значение английского *observatory*.

Третий пример иллюстрирует более сложный случай обозначения определенного объекта, хотя и его оптимальным не назовешь: «90 % всех *тренеров* личностного роста говорят банальности. Иногда нам нужно их слышать, эти библейские по сути истины: “не укради”, “не убий””. Учителя это и повторяют» [12].

Словосочетание «тренер личностного роста» настолько не узуально, что само по себе может вызвать непонимание у читателя или слушателя. Помогает лишь широкий контекст, в котором речь идет о приезде Тони Роббинса в Москву и его выступлении. Кстати, в том же интервью Роббинса назвали также бизнес-коучем (калька в сочетании с транскрибированным заимствованием от англ. *business coach*). Имея в виду, что профессия, к которой принадлежит Тони Роббинс, зародилась не в России, а на Западе, можно считать такое заимствование даже более предпочтительным: в конце концов, это своего рода реалья, а использование транскрипции в процессе передачи реалий – прием довольно распространенный и оправданный. Но откуда же взялся «тренер»? Очевидно, что журналисты и не очень дотошные переводчики воспользовались одним из значений английского *coach* («тренер»). Однако в русском языке слово «тренер» означает «специалист по тренировке спортсменов» [5].

И снова при ознакомлении с текстом интервью читатель испытывает некоторое напряжение: словосочетание слишком ново, незуально, что уже служит препятствием для незатрудненного понимания содержания, к тому же и его значение недостаточно определено, туманно.

Нет сомнения в том, что в некоторых случаях использование русских слов в необычных для них значениях, а иногда и в ненормированной морфологической форме, обусловлено «знанием» английского языка авторами текстов на русском языке. Не будучи способными адекватно воспроизвести значение английского слова, они, как мы уже убедились, используют ближайшее по образу, но не по значению, русское слово. К сожалению, однажды привнесенное в русскую речь слово в искаженном значении получает распространение, начинает использоваться в текстах СМИ, причем не переведенных, а изначально написанных на русском языке. Приведем примеры:

«В музее, кстати, не только информация об истории парка, но и разные **активности** – и фото можно оригинальное сделать, почувствовав себя “Девушкой с веслом”» [13].

«Специально для гостей организаторы выпускного подготовили разные **активности** от партнеров – в празднике будут участвовать компании “СКБ Банк”, “Билайн”, *Convex*, “Мистер Чанг” и другие».

Показательно, что второй пример взят из текста, опубликованного на официальном сайте Уральского федерального университета.

И вновь читатель оказывается под угрозой: привычное для него слово, обычно используемое в единственном числе, выступает в каком-то новом, пока непонятном значении. Что оно обозначает? В результате непонятным становится и целый фрагмент текста. Если в первом примере благодаря пояснениям еще как-то можно представить, что имеется в виду (вероятно, имеются в виду разного рода развлечения), то во втором отрывке вообще непонятно, что именно скрывается за словом «активности», как перечисленные компании будут участвовать в вечере выпускников университета, что они планируют сделать.

Вышеупомянутые значения используемых русских слов, приведенных в определенных контекстах, обозначались как «близкие» к значениям английских, созвучных им, слов. Вовсе неслучайно это определение взято в кавычки, ибо семантическая близость сходных по произношению и написанию русских и английских слов мнимая. Представление о ней возникает только в сознании некоторых журналистов и не совсем профессиональных переводчиков. В результате они насильственно «расширяют» значения определенных русских слов, почему мы и говорим о неоправданном «расширении смыслов». В сознании же обычных читателей, привыкших воспринимать и использовать слова в назначенных им значениях, возникает непонимание сути, природы тех явлений, о которых идет речь. В результате коммуникация между автором и читателем, опосредованная текстом, оказывается затрудненной, неполноценной, а иногда и невозможной.

Психологическую природу тяготения переводчиков и журналистов к использованию «похожих» слов объяснить несложно. Известно, что в ситуации перевода текст оригинала, а точнее его форма, оказывает сильное воздействие на сознание переводчика, навязывая ему свои синтаксические построения и лексическое наполнение. Переводчики, еще не научившиеся сопротивляться этому воздействию со стороны оригинала, автоматически, неосознанно идут по пути дословного перевода и, как мы видели, склонны использовать «похожие» слова переводящего языка. Нахождение более точных номинаций требует более значительных усилий, на совершение которых такие переводчики не способны в силу некоторой недоученности.

Но это всего лишь объяснение того, почему мы наблюдаем описываемое в настоящей статье явление. Еще более важным является результат такого способа перевода с английского и написания информационных материалов

на русском. Результатом же является размывание норм русского языка и нарушение правил использования лексических единиц в речи, т. е. узуса. В свою очередь, это приводит к многочисленным случаям непонимания между коммуникантами (автором и читателем) в сфере медиа-дискурса. Можно утверждать, что в определенных ситуациях русский язык оказывается неспособным выполнять свою основную – коммуникативную – функцию, а это уже угроза лингвистической безопасности. Как пишет Ю.Н. Бирюкова, «в научных статьях о безопасности язык выступает в двух аспектах: как объект для разного рода угроз и как средство, способ, условие для достижения или поддержания безопасности» [15, с. 68]. Мы считаем, что в ситуациях, описанных выше, оба аспекта становятся актуальными: сам русский язык подвергается внешней угрозе со стороны английского языка и одновременно утрачивает возможность выполнять функцию средства поддержания безопасности. Ибо о какой безопасности можно говорить в условиях, когда в результате непрофессиональной деятельности журналистов и переводчиков степень взаимопонимания внутри российского общества уменьшается, а духовная и когнитивная разобщенность между его гражданами увеличивается?

Литература

1. Халеева, И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111.
2. Трофимова, Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24–29.
3. https://news.rambler.ru/ukraine/40487022/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
4. <https://www.svoboda.org/a/29414818.htm>.
5. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка // Электронный ресурс URL: <http://www.ozhegov.org/words/307.shtml>.
6. <https://inosmi.ru/news/20180908/243196282.html>.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2006. P. 975.
8. <https://www.dictionary.com/browse/observatory>.
9. https://en.wikipedia.org/wiki/Syrian_Observatory_for_Human_Rights.
10. https://cont.ws/@antifake/145759/ru.wikipedia.org/wiki/Сирийский_центр_мониторинга_за_соблюдением_прав_человека.
11. <https://4td.fm/article/perevodchik-toni-robbinsa-on-dal-napor-i-menya-poneslo/>.
12. <http://www.tvc.ru/news/show/id/138391>.
13. <https://urfu.ru/ru/news/24028/>.
14. Бирюкова, Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 67–72.

УДК 811 : 378.147 : 159.9

ББК 88

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ

Г.В. Сорокоумова

Аннотация. В статье описывается организация, методы и результаты исследования возможности психологического тренинга как метода профилактики студентами лингвистического вуза коммуникативных барьеров. По результатам исследования предлагаются рекомендации для будущих педагогов-лингвистов для профилактики коммуникативных барьеров учащихся при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: коммуникабельность, общительность, языковые барьеры, коммуникативные барьеры, исследование, психологический тренинг.

PSYCHOLOGICAL TRAINING AS AN EFFECTIVE METHOD OF PREVENTION OF COMMUNICATION BARRIERS

G. Sorokoumova

Summary. The article describes the organization, methods and results of the study of the possibility of psychological training as a method of prevention and overcoming of communicative barriers by students of Linguistic University. According to the results of the study, recommendations for future teachers of linguists for the prevention of communicative barriers of students in the study of a foreign language are offered.

Key words: sociability, sociability, language barriers, communication barriers, research, psychological training.

В специальной литературе выделяют внешние (факторы среды) и внутренние (свойства личности) коммуникативные барьеры. Обычно коммуникативный барьер проявляется в неуверенности, излишней тревожности, скованности, в состоянии ступора и растерянности [1]. Целью нашего исследования стало изучение возможности профилактики и преодоления студентами – будущими педагогами-лингвистами коммуникативных барьеров при изучении иностранных языков с помощью психологического тренинга.

Мы предположили:

1. Для профилактики коммуникативных барьеров при изучении иностранного языка у студентов должна быть сформирована общая коммуникативная компетентность, включающая развитие базовых коммуникативных умений: умения устанавливать контакт с партнёром по общению, умения слушать и слышать собеседника, умения понимать эмоциональное состояние партнёра, умения грамотно задавать вопросы и понимать потребности партнёра, умения аргументировать свою точку зрения.

2. Для профилактики коммуникативных барьеров при изучении иностранного языка у студентов должно быть сформировано уверенно-достойное поведение и владение стратегиями поведения в конфликтных и эмоционально-напряженных ситуациях.

3. Авторский психологический тренинг «Преодоление коммуникативных барьеров» будет способствовать формированию общей коммуникатив-

ной компетентности, формированию уверенно-достойного поведения в конфликтных и эмоционально-напряженных ситуациях, профилактике и преодолению коммуникативных барьеров [2].

Для достижения поставленной цели и доказательства нашего предположения нами использована методика «Языковые барьеры» Центра языковой психологии [3]. Цель методики: выявление характера затруднений, с которыми может встречаться человек при изучении и активном применении иностранных языков.

Исследование проводилось в ФГБОУ ВО НГЛУ г. Н. Новгород в 2018 г. В исследовании приняли участие 40 студентов 1-го курса ФАЯ: 20 человек составили контрольную группу (КГ), 20 – экспериментальную (ЭГ).

Исследование включало три этапа.

Цель констатирующего этапа заключалась в выявлении характера затруднений, которые имеются у студентов 1-го курса при изучении иностранных языков.

Формирующий этап направлен на формирование общей коммуникативной компетентности: развитие базовых коммуникативных умений – умения устанавливать контакт с партнёром по общению, умения слушать и слышать собеседника, умения понимать эмоциональное состояние партнёра, умения грамотно задавать вопросы и понимать потребности партнёра, умения аргументировать свою точку зрения и формированию уверенно-достойного поведения и владения стратегиями поведения в конфликтных и эмоционально-напряженных ситуациях с использованием авторского психологического тренинга «Преодоление коммуникативных барьеров», в котором участвовали студенты ЭГ.

На контрольном этапе проведена оценка эффективности программы авторского психологического тренинга.

В таблице 1 представлены результаты констатирующего и контрольного этапов исследования студентов ЭГ и КГ.

Таблица 1. Сводные данные студентов ЭГ и КГ по результатам исследования (N=40, СУП, φ, p)

Диагностические показатели	СУП ЭГ		СУП КГ	
	конст.э.	контр.э.	конст.э.	контр.э.
Языковые барьеры	2,60	1,50*	1,67	1,66
Значимость различий по φ* критерию Фишера: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$				

Данные представлены в виде средних уровневых показателей, рассчитанных на основе процентных распределений студентов по изучаемым показателям.

Сравнительный анализ результатов вторичной диагностики показал: в ЭГ произошли позитивные изменения, а в показателях студентов КГ изменений почти нет.

Анализ результатов характера затруднений, с которыми могут встречаться учащиеся экспериментальной группы при изучении и активном при-

менении иностранных языков по методике «Языковые барьеры» представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты характера затруднений по методике «Языковые барьеры» студентов ЭГ на констатирующем и контрольном этапах исследования (средние показатели)

Шкала	Средние показатели уровней языковых барьеров	
	Констатирующий этап	Контрольный этап
Барьер понимания	-1,6	-10,0
Барьер говорения	0,9	-8,0
Барьер культуры	-3,5	-11,7

Из представленных в таблице 2 данных видно, что после прохождения психологического тренинга средние показатели языковых барьеров у студентов ЭГ улучшились: снизились показатели по шкалам «Барьер понимания», «Барьер говорения», «Барьер культуры».

Сравнительный анализ средних показателей языковых барьеров студентов КГ и ЭГ на контрольном этапе исследования показал, что результаты студентов ЭГ значительно отличаются от показателей студентов КГ, у которых в отличие от студентов ЭГ, наблюдается выраженный «Барьер говорения» и «Барьер культуры», минимальный «Барьер понимания». У студентов ЭГ барьеры по всем шкалам имеют минимальный характер. Данный факт свидетельствует об эффективности психологического тренинга по преодолению учащимися психологических, коммуникативных и языковых барьеров.

Экспериментальные данные свидетельствуют о развивающем эффекте психологического тренинга «Преодоление коммуникативных барьеров» и позволяют утверждать, что применение психологических тренингов в учебно-воспитательном процессе способствует развитию общей коммуникативной компетентности обучающихся.

Таким образом, наши предположения о том, что главными условиями профилактики и преодоления коммуникативных барьеров при изучении иностранного языка являются сформированность общей коммуникативной компетентности, сформированность уверенно-достойного поведения, были подтверждены.

Проведенное нами исследование позволило разработать некоторые рекомендации для будущих педагогов-лингвистов с целью профилактики у учащихся коммуникативных барьеров при изучении иностранного языка:

1. Для профилактики коммуникативных барьеров у обучающихся при изучении иностранного языка необходимо сформировать общую коммуникативную компетентность, включающую базовые коммуникативные умения: устанавливать контакт с партнёром по общению, слушать и слышать собеседника, понимать эмоциональное состояние партнёра, грамотно задавать вопросы и понимать потребности партнёра, аргументировать свою точку зрения и др. Поэтому педагогу-лингвисту с помощью школьного психолога целесообразно регулярно проводить психологические тренинги: «Тренинг эффектив-

ного общения», «Тренинг проведения переговоров», СПТ (социально-психологический тренинг) и т. п.

2. Для профилактики коммуникативных барьеров у обучающихся при изучении иностранного языка важно сформировать уверенно-достойное поведение и владение стратегиями поведения в конфликтных и эмоционально-напряженных ситуациях. Уверенность возникает тогда, когда говорящий перестает заострять внимание на собственных ошибках в процессе общения и языковой практики. Поэтому целесообразно регулярно проводить психологические тренинги развития уверенно-достойного поведения: «Тренинг уверенности в себе», «Тренинг публичных выступлений», «Тренинг эффективного поведения в конфликтных ситуациях» и т. п.

3. Для профилактики коммуникативных барьеров у обучающихся при изучении иностранного языка значимым является и наличие сильной мотивации говорить, общаться и высказать свои идеи, своё мнение по обсуждаемому вопросу, аргументировать свою позицию. Поэтому педагогу-лингвисту на уроке иностранного языка следует создавать интересные коммуникативные ситуации, требующие от обучающихся высказывать собственное мнение, аргументировать свою жизненную позицию, жизненные ценности и убеждения, активизацию словарного запаса.

4. Для профилактики коммуникативных барьеров у обучающихся при изучении иностранного языка важным является и понимание перспектив, которые даёт свободное владение иностранным языком и возможности свободного общения на иностранном языке. Это понимание служит мощнейшим стимулом для работы обучающихся над собой. Поэтому целесообразно на уроках моделировать ситуации, приближенные к реальности. Моделирование ситуаций позволяет максимально быстро перенести все знания, умения, словарный запас, полученные на занятиях, в реальную жизнь.

5. Для профилактики коммуникативных барьеров у обучающихся при изучении иностранного языка педагогу важно помнить, что ошибки при применении иностранного языка не должны строго критиковаться, так как жесткая критика создает новые и усиливает имеющиеся коммуникативные барьеры. При этом для минимизации ошибок в устной и письменной речи необходимо применять различные методы обучения, чтобы развивать все аспекты владения языком: говорение, чтение, аудирование – восприятие информации на слух, написание текстов.

Значимость данного исследования состоит в возможности использования полученных данных в научной и преподавательской деятельности.

Литература

1. Котельникова, Е.Ю., Шпортко, И.А. Исследование языковых барьеров у студентов технических специальностей при изучении иностранных языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 1 (67): в 2 ч. Ч. 1. С. 200–203.

2. Сорокоумова, Г.В. Возможности психологического тренинга в профилактике и преодолении учащимися коммуникативных барьеров при обучении иностранных языков // Гуманизация образования. Научно-практический журнал. 2018. № 4. С. 65–69.

3. Тест «Языковые Барьеры» на определение уровня коммуникативных языковых барьеров (Центр языковой психологии – CLP) // Электронный ресурс. URL: http://b-t.com.ua/test_clp_baryer.php (дата обр. 16.03.2018).

УДК 373.1:811

ББК 74.261.7 Т233

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Е.М. Татаурова

***Аннотация.** В данной статье автор рассматривает современные вызовы, стоящие перед системой школьного образования. Обосновывается перспективность применения технологии коммуникативного тренинга для успешного развития социокультурной компетенции старшеклассников, высокий уровень которой будет способствовать повышению конкурентоспособности культурного и образовательного потенциала подрастающего поколения Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** методика преподавания иностранного языка, межкультурное общение, коммуникативный тренинг, социальное развитие личности, интерактивные методы обучения.*

COMMUNICATIVE TRAINING TECHNOLOGY AS A MEANS OF FORMING HIGH SCHOOL STUDENTS' READINESS TO CARRY OUT INTERCULTURAL COMMUNICATION

E. Tataurova

***Summary.** The article determines to analyze modern challenges that confront school education system. The author proves the necessity of applying communicative training technology to advance sociocultural competence of high school students, increased level of which would contribute to competitiveness of cultural and educational potential of younger generation in Russian Federation.*

***Key words:** methodology of teaching foreign languages, intercultural communication, communicative training, personal social development, interactive methods of teaching.*

Развитие и совершенствование системы школьного образования является стратегически важным направлением внутренней политики любого государства. Высокая приоритетность оптимизации данной сферы в нашей стране связана с основополагающей ролью системы образования в повышении конкурентоспособности экономической системы страны на международном уровне. В тексте «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р, особо отмечается, что только совершенствование и всестороннее развитие сферы образования в Российской Федерации сможет помочь завершить переход нашей страны к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, призванному обеспечить национальную конкурентоспособность, социальное благополучие и безопасность граждан и общества [1]. Само понятие образования подробно раскрывается в тексте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ,

где оно представлено как совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [2].

Таким образом, перед системой школьного образования стоят вызовы: 1) обеспечить завершение перехода нашей страны к инновационному социально ориентированному типу экономического развития; 2) повысить конкурентоспособность экономической системы страны на международном уровне; 3) обеспечить достижение учащимися такого уровня развития личности, при котором они способны самостоятельно решать проблемы и задачи, возникающие в реальных жизненных ситуациях, исходя из полученного ранее учебного и жизненного опыта. Для достойного ответа на существующие внешнеэкономические и геополитические вызовы необходимо обратиться к модернизации процесса обучения иностранным языкам, в т. ч. в старшей школе, главной целью и планируемым результатом обучения является дальнейшее развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся.

Будучи многоаспектным явлением, иноязычная коммуникативная компетенция как искомая цель обучения (методическая категория) включает несколько отдельных компетенций. Большинство отечественных исследователей выделяют в составе коммуникативной компетенции следующие компоненты: речевую компетенцию, языковую компетенцию, социокультурную компетенцию, компенсаторную компетенцию и учебно-познавательную компетенцию. В настоящее время мы можем наблюдать явное усиление процессов глобализации и углубления сотрудничества экономических и политических партнеров из стран ближнего и дальнего зарубежья с Российской Федерацией. В этой связи возникает острая потребность в специалистах, имеющих не только высокий уровень развития речевой компетенции, но и имеющих высокий уровень развития социокультурной компетенции, который позволил бы им в будущем легко вступать в процесс межкультурного взаимодействия с зарубежными партнёрами.

По определению В.В. Сафоновой, социокультурная компетенция – «это знание учащимся национально-культурных особенностей стран изучаемого иностранного языка, умения осуществлять речевое поведение в соответствии с этими знаниями, готовность и способность жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире» [3, с. 138]. Большинство исследователей отмечают многокомпонентный состав социокультурной компетенции. И.Л. Бим включает в состав социокультурной компетенции социолингвистическую, предметную, общекультурную и страноведческую компетенции [4]. П.В. Сысоев рассматривает содержание социокультурной компетенции в виде четырех составляющих: а) социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, о духовных ценностях культурных традиций, в т. ч. у предста-

вителей разных этнических групп, знания об особенностях национальной ментальности поведения); б) опыт общения (выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры); в) личностное отношение к фактам культуры (в т. ч. способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении); г) владение способами применения языка (правильное употребление национально маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям международным и иноязычным социокультурными полями) [5].

Развитие социокультурной компетенции тесно связано с формированием готовности к осуществлению межкультурного общения. В данном случае под готовностью мы, вслед за Д.Н. Узнадзе, понимаем определенную установку субъекта к совершению какой-либо деятельности. В.Н. Дружинин толкует установку как «некоторое целостное состояние субъекта, общий настрой, готовность к определенному типу психической деятельности» [6, с. 301].

В рамках проводимого исследования совершенствование социокультурной компетенции и формирование готовности к осуществлению межкультурного общения будет обеспечиваться не только за счет увеличения объема знаний о социокультурной специфике стран изучаемого языка, но и за счет совершенствования социокультурных умений: 1) умения распознавать социокультурный контекст ситуации общения; 2) умения строить свое речевое и неречевое поведение адекватно специфике стран изучаемого языка, 3) умения преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении.

Для развития вышеобозначенных умений социокультурной компетенции и формирования готовности к осуществлению межкультурного общения мы использовали технологию коммуникативного тренинга. Базовыми определениями коммуникативного тренинга можно считать определение Л.А. Петровской, которая понимает тренинг как «средство воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений и опыта в области межличностного общения», «средство развития компетентности в общении» и определение Ю.М. Жукова, который характеризует коммуникативный тренинг как «использование активных (интерактивных) методов обучения для совершенствования коммуникативной компетенции с целью более успешного функционирования в социальной среде» [7, с. 31].

Структура коммуникативного тренинга предполагает наличие: 1) вводно-ознакомительного этапа; 2) этапа первичного анализа коммуникативной ситуации; 3) коммуникативно-корректировочного этапа; 4) этапа подведения итогов деятельности и поиска новых способов её осуществления; 5) коммуникативно-развивающего этапа; 6) завершающего этапа. Этап первичного анализа коммуникативной направлен на выявление частично сформированных или несформированных иноязычных коммуникативных навыков и умений. Коммуникативно-корректировочный этап направлен на их коррекцию.

Коммуникативно-развивающий этап предполагает активную отработку обновленных коммуникативных навыков и умений на микро- и макро-уровне в процессе активного группового социального взаимодействия.

Приведем примеры некоторых заданий коммуникативного тренинга:

Этап первичного анализа коммуникативной ситуации

1. Предъявление иноязычной коммуникативной ситуации

На данном этапе учащимся предлагается к просмотру несколько аутентичных видеофрагментов. В рамках данного коммуникативного тренинга нами было предложено к просмотру два эпизода из сериалов «Друзья» и «Теория Большого взрыва». Задание: *You will now watch two episodes from very popular serials: “Friends” (1994–2004) and “The Big Bang Theory” (2007–present). Try to think what way they are related to the topic we are studying today.*

Коммуникативно-корректировочный этап

1. Анализ социально-коммуникативных элементов иноязычной коммуникативной ситуации (коммуникативно-аналитические упражнения).

После просмотра эпизодов учащимся предлагается ответить на несколько вопросов по содержанию фрагментов. Задание: *Watch the episodes attentively one more time, paying attention to the details. Be ready to answer some questions after watching the episodes.*

<i>“Friends” (1994–2004)</i>	<i>“The Big Bang Theory” (2007–present)</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Are these people close friends? What makes you think so?</i> 2. <i>Which way did Monica introduce Rachel to the others?</i> 3. <i>What way did the others react to Monica’s introducing Rachel?</i> 4. <i>How did Monica start conversation with Paul?</i> 5. <i>Give the examples of sarcastic phrases, that you’ve seen in the video.</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Can you call Sheldon a friendly person?</i> 2. <i>Is Sheldon good at recognizing sarcasm?</i> 3. <i>Is Sheldon good at small talks?</i> 4. <i>How would you describe his personality?</i> 5. <i>Why does Sheldon have no friends?</i> 6. <i>Would you like to have a friend like Sheldon? Why? Why not?</i>

Эффективность предложенной методики развития социокультурной компетенции старшеклассников с использованием заданий коммуникативного тренинга проверена в ходе опытного обучения, организованного с 2016 по 2018 гг. в условиях естественного обучения в группах по иностранному языку параллели 10 классов МБОУ СОШ «Школа № 24» Советского района г. Нижнего Новгорода. Констатирующий срез проведён в начале 2016–17 уч. г. В данном исследовании приняли участие 2 группы обучающихся, в количестве 25 человек. Старшеклассникам предлагалось выполнить письменный тест, направленный на определение уровня развития социокультурной компетенции. После проведения опытного обучения в 2018 г. учащимся предлагалось выполнить задания итогового среза, оформленные в виде письменного теста. Результаты выполнения контрольных и итоговых заданий (в абсолютных величинах) наглядно представлены на рис. 1.

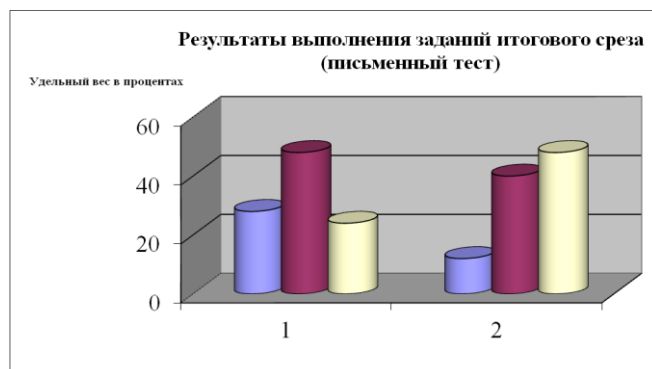

Рисунок 1. Результаты итогового среза

- 1 – синим цветом выделен удельный вес **низких** показателей – 8 %;
 фиолетовым цветом выделен удельный вес **средних** показателей – 8 %;
 белым цветом выделен удельный вес **высоких** показателей – 4 %.
- 2 – синим цветом выделен удельный вес **низких** показателей – 2 %;
 фиолетовым цветом выделен удельный вес **средних** показателей – 0 %;
 жёлтым цветом выделен удельный вес **высоких** показателей – 8 %.

Таким образом, эффективность использования коммуникативного тренинга для развития социокультурной компетенции и формирования готовности к осуществлению межкультурного общения подтвердила свою эффективность, о чём свидетельствуют высокие итоговые показатели развития социокультурных умений в составе иноязычной коммуникативной компетенции. Учитывая выявленную закономерность, целесообразным является комплексная разработка и внедрение данной технологии для обеспечения более эффективного иноязычного образования в школе, способствующего наиболее быстрому формированию ответа на актуальные вызовы времени.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Электронный ресурс. URL: <http://government.ru/info/6217/>.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Электронный ресурс. URL: http://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/.
3. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.
4. Бим, И.Л. Личностно ориентированный подход – основная стратегия школы // Иностранные языки в школе. М., 2002. № 2. С. 11–15.
5. Сысоев, П.В. Концепция языкового поликультурного образования: Монография. М.: Еврошкола, 2003. 406 с.
6. Андреев, В.И. Педагогика творческого саморазвития Инновационный курс. Кн. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 318 с.
7. Жуков, Ю.М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 328 с.

УДК 81.27

ББК 81.2

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ ИНДЕКС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.А. Тырыгина

Аннотация. В статье обсуждается проблема взаимоотношения глобализационных процессов этнической идентичности в лингвистическом аспекте.

Ключевые слова: идентичность, пиджинизация, лингвистика ресурсов, эколингвистика, транслингвальность, транслокальный ресурс, усеченное использование языка.

GLOBAL INDEX OF ETHNIC IDENTITY

V. Tyryguina

Summary. The paper is concerned with relationship of globalization process with ethnic identity from linguistic viewpoint.

Key words: identity, pidginization, resources language, ecolinguistics, translinguaging, translocating resource, truncated use of language.

Слово «идентичность», заявленное в названии статьи, происходит от латинского *identitas*, что переводится как «тождественный чему-то, сходный, равнозначный». В более широком смысле под идентичностью принято понимать в концентрированном виде то, как субъект представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, орелигиозным, расовым и другим группам или отождествляет себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

В психологии существуют два основных понятия, связанных с равнозначностью: эго-идентичность – целостность личности человека, непрерывность нашего собственного «Я» вопреки эволюции и изменчивости, происходящим в процессе нашего роста и развития в течение жизни [1]. Другое понятие – кризис идентичности – исчезновение или сильное снижение целостности личности человека. Термин «идентичность» также связан с этносом. В социологии этнос рассматривается как социально-психологическая общность, представляющая «группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [2, с. 29]. Этническая идентичность относится к естественному типу идентичности, т. е. не требующей организованного участия по их воспроизводству, в отличие от искусственного типа, постоянно нуждающегося в организованном поддержании. К первому типу помимо этнической можно отнести расовую, территориальную (ландшафтную), общемировую, видовую. Ко второй категории – такие идентичности, как национальные, профессиональные, договорные, конфессиональные, региональные, (суб)континентальные, сословные, классовые, зодиакальные, групповые, стратификационные. Некоторые идентичности носят смешанный характер, например гендерные [3].

Этнический тип идентичности связан с этносом, который представляет собой естественную общественную структуру, формирующуюся из индиви-

дов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков и отсутствии какой-либо миграции извне. Отличительным признаком этноса является не только антропотип – сформировавшиеся в процессе становления внешние физические и физиологические признаки, по которым можно безошибочно определить его представителя, но и психотип – совокупность психологических характеристик, со временем превратившихся в формальные этнические архетипы коллективного бессознательного [4; 5].

Более того, этническая идентичность определяется как «составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [6, с. 124]. Согласно этой точке зрения этническая идентичность формируется в подростковом возрасте, и особенности этого процесса сходны во всех этнокультурных группах. В литературе, посвященной обсуждаемой проблеме, можно встретить разведение понятий «этническая идентичность» и «этническая идентификация», поскольку последняя представляет собой систему социально приобретенных аттитюдов, обуславливающих готовность индивида реагировать на конкретную этническую ситуацию определенным стереотипным поведением. В отличие от этнической идентичности, постепенно осознаваемой в процессе индивидуации, этническая идентификация первоначально сознательна, но очень быстро становится автоматизированным бессознательным стереотипом социального поведения. Социализация, в процессе которой происходит этническая идентификация, доминирует в первую половину жизни человека, индивидуация, результатом которой может стать осознание этнической идентичности, – во вторую.

Этническая идентичность выражается в наборе поведенческих автоматизмов со свойственными им речевыми признаками и жестикуляцией. Она, соответственно, проявляется в ролевом репертуаре личности и формируется прежде всего на ранних этапах её социализации как то, что является общим для всех носителей данного языка и данной этнокультуры. Так, например, материалы словарной статьи показывают признаки «русского человека», как они осознаются самими русскими. Даль хорошо понимал, что в языке есть множество единиц, в которых закреплено понимание человеком своей культуры, в т. ч. при определении им своей этнической принадлежности [7].

Аналогическую информацию можно извлечь из лингвострановедческих словарей, в частности англо-русского страноведческого словаря В.В. Ощепковой и И.И. Шустилова.

Чтобы сформировался этнос, нужны два обязательных условия: время (не менее 1000 лет) и изоляция от других человеческих групп. Очевидно, что в современных условиях формирование новых этносов на планете Земля невозможно даже теоретически. Единственное, что может произойти в этом направлении, – формирование единого этноса на планете, да и то при условии отсутствия миграции с других планет. Современная политика глобализма

преследует именно такую цель. Вопросы этнической идентичности привлекают все большее внимание ученых в наши дни в связи с набирающим силу смешением различных мировых этносов как неоднозначным процессом, где действуют как центростремительные, так и центробежные силы, с другой стороны в связи с беспрецедентной экспансией английского языка. Есть вероятность того, что и культура англоязычных стран будет доминирующей в мире. Англоязычное влияние испытывают сейчас почти все страны, это общая тенденция, охватившая мир.

Оппоненты процесса становления английского языка как глобального считают его распространение «лингвистической агрессией», «языковой колонизацией», «глобанглизацией» и приводят свои аргументы, помогающие нам понять, как сохранить национальную идентичность в эпоху глобализации. Глобанглизация порождает естественное сопротивление англосаксонской лингвокультуре, народы мира задумываются о балансе между разумным использованием английского языка и сохранением своих национальных языков и традиционных культур. Например, во Франции ограничено время показа фильмов на английском языке, запрещено писать вывески на иностранных языках.

В работах по лингвистике глобализации предпринимается попытка дать оценку политическим действиям, которые способствуют глобальному распространению определенных языков и вытеснению других. Многообразие работ, осмысляющих мировую языковую систему сквозь призму биологических и экологических метафор, позволяет констатировать становление особого направления – эколингвистики [8, с. 259]. Ученые данного направления не скрывают своей идеологической ангажированности и воспринимают глобализацию и ее лингвистические последствия через призму своих политических взглядов (это сближает их со сторонниками критического анализа дискурса). Ставится вопрос о том, могут ли и должны ли страны (а если да, то как) защищать свои лингвистические ресурсы, противостоя глобалистскому неолиберальному дискурсу. Например, Т. Рисенто обращается к ранней языковой истории Северной Америки, языковой политике в Южной Африке, Индии и других стран, заключая, что неолиберальные утверждения о том, что «открытый рынок позволит людям сделать обоснованный выбор в пользу того или иного языка, что приведет к большей демократии, не подтверждается исторической практикой [9]. Т. Скатнаб-Кангас и Р. Филлипсон говорят о «лингвистическом неоимпериализме», «лингвистическом геноциде» и «преступлениях против человечности в области образования» [10, р. 77–100]. Дж. Бломмерт [11] вводит понятие лингвицида (*linguicide*) – уничтожения языка. Обсуждается термин *killer language* («язык-убийца») в применении к глобальному английскому, вытесняющему местные языки. А. Стиббе указывает на опасность преобладания лишь позитивно окрашенных дискурсов о глобализации и приводит доводы в пользу создания более глубокой экологической модели социолингвистики – эколингвистики, которая призвана показать, что отдельные

способы использования языка представляют собой потенциальную угрозу для планеты. Язык рассматривается как барьер, мешающий экологическому сознанию и действию [12].

В распространении английского языка как «второго родного языка» В.М. Алпатов видит нарушение естественной человеческой потребности – потребности идентичности, т. е. стремления во всех ситуациях пользоваться своим родным языком, освоенным в раннем детстве. Людям принудительно приходится учить чужой язык, а не все люди равно способны к сознательному изучению языков (причем эта способность мало коррелирует с другими человеческими способностями) [13]. Навязывание английского языка, по мнению ученого, добавляет еще два аспекта проблемы, которых не было в случае таких международных языков, как латынь или эсперанто. Во-первых, английский язык – родной язык для многих людей, которые оказываются при глобализации в более выгодном положении: им дополнительно не надо учить какой-либо язык (недаром из развитых стран мира в США меньше всего интересуются иностранными языками). Во-вторых, английский язык не может не ассоциироваться с политикой США и навязываемой этим государством системой ценностей, что вызывает у миллионов людей чувство недовольства [13, с. 304–315].

Никто не будет отрицать, что развитие лингвистики определяется в настоящее время глобализационными процессами, в результате которых языковые контакты уплотняются, а границы между языками размываются и становятся более подвижными. При этом изменяется статус английского языка. Под влиянием глобализации он, с одной стороны, усиливает свое влияние и повсеместную экспансию (т. е. становится «глобальным» [14, р. 12; 15], а, с другой стороны, диверсифицируется или «дробится» на многочисленные контактные варианты – японский английский, испанский английский, немецкий английский и т. п. Чтобы подчеркнуть двунаправленность глобализации, взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности, Р. Робертсон ввел специальный термин «глокализация» [16, р. 133–152; 17].

Теоретики глокализации считают, что глобализационные процессы не всегда угрожают локальному, напротив, глокализация означает, что локальные культуры могут критически адаптироваться к глобальным явлениям. В России как одной из стран «расширяющегося круга» [18, р. 66–87] также наблюдается усиление влияния английского языка и его проникновение в русскоязычное коммуникативное пространство на правах смыслопорождающего ресурса. Покажем это на примере слова «лайт» от английского *light* («лёгкий», «облегченный», «свет», «незначительный», «слабый»), который выступает инструментом здесь инструментом смыслопорождения:

«– А что ты делаешь во время зарядки?

– Отжимания, планка, гантели, ну по лайту» (о физических упражнениях с ограниченным количеством повторений);

«– Загугли полевую кухню.
– Тама все дорого.
– А мы выберем лайт вариант» (о недорогих товарах);
«Они живут по лайту» (о молодых людях, которые бегут от любых проблем, трудностей и неприятностей словно от огня, хотят все получать легко и просто, не напрягаясь);
«Ребята, это лайт» (или «Это лайтово») (об игре во что-то, которая позволяет легко, с удовольствием проводить время);
«Индейка Лайт» (о низкокалорийных продуктах);
«Тарифы – лайт» (о низких тарифах).

На фоне развивающегося процесса глобализации меняется представление о языке. В частности, Ян Бломмаерт предлагает пересмотреть сосюррианскую модель языка и выдвигает свою концепцию, которую называет социолингвистикой ресурсов [19]. В рамках данной концепции язык трактуется не как система «в себе и для себя», а как мобильный транслокальный ресурс. Особенности новой концепции языка в эпоху глобализации, сформулированные в трудах Бломмаерта, включают фрагментарность и усечённость использования языков [там же].

Под мобильностью в теории Бломмаерта понимается внетерриториальность, транслокальность, географическая и этнокультурная свобода языка. Подчеркивается, что, хотя подавляющая часть социолингвистических теорий трактует язык как принадлежность города / населенного пункта и т. п., в глобальном социуме происходит освобождение от границ. Вследствие этого возникает насущная потребность в анализе и осознании влияния на язык мобильных сетевых ресурсов, потоков и движений. Восприятие языка как набора мобильных ресурсов отражает приспособляемость индивида к быстро меняющейся социальной практике.

Опыт демонстрирует, что во многих случаях современный человек осваивает не целостную систему языка, а только ее отдельные фрагменты. Все больше людей сталкивается с необходимостью говорить при разных обстоятельствах на разных языках, не владея ими в полной мере. Репертуар каждого такого «фрагмента» автор определяет, как усеченное (*truncated*) использование языка.

Наблюдения за речью молодых людей, говорящих на русском языке как на родном и при этом часто прибегают к англицизмам, дают богатый материал для лингвистического осмысления того, что происходит с английским языком в коммуникативном русскоязычном пространстве. Глобализационные процессы двояким образом сказываются на состоянии английского языка, который, с одной стороны, выступает мощным орудием экспансии, а с другой – подвергается пиджинизации. Исходные оригинальные формы могут намеренно искажаться, их стилистический статус при этом понижается, например: «Сорян, но я вас задолбаю своим кашлем».

Речь молодежи русскоязычного социума показывает, что английский язык (как глобальный) вкрапливается в локальные контексты (в нашем случае в русский язык как локальный) для достижения различных коммуникативных целей. Английский язык «присваивается» говорящими из расширяющегося круга, включается в их речевой репертуар, подвергаясь различным модификациям. Звуковая форма может сохраняться, или используется калька (ниже используются фрагменты устной речи, зарегистрированные Н.А. Беляковой): «Она эту **стори** в ВК выложила. Вот выложила **скрин**. **Типа** забавно («типа» калька с англ. *kind of*)»; «Напомни мне **плиз** завтра поговорить с тобой про обращения в письмах... Скинь **плиз** на карту».

Английские существительные могут подвергаться грамматической ассимиляции, в них могут использоваться флексии падежа и числа языка-реципиента, но семантически при этом они сохраняют статус экзотизма, варваризма:

«Отправилось без **пикчи**» (о сообщении в ВК).

«Мне нужны **ардейты** по всем кандидатам».

«Я **комменты** под другим видео читал».

«У них там свои **траболы**».

«А можно заказать с файлами. Это будет **апрувом** от Андрея».

«Там вбежали три человека и меня **хедшотом** взяли».

«Есть такие игры на смартфонах для мозгов, они на разные **скиллы**».

Глаголы, образованные путем конверсии в языке-оригинале, в русском языке могут получить русские аффиксы и флексии:

«Мы с тобой потом **сконнектимся**» (из телефонного разговора прохожего на улице, в котором он обсуждает выполнение некоего общего дела).

«У меня все в порядке. В понедельник закомичу».

«Тут новое масштабное обновление наконец-то **релизнулось** с задержкой на месяц».

«Ну, я **заскринил**».

«А попробуй **тапнуть** по этим подсказкам».

Английские прилагательные, используемые вместо параллельных слов русского языка, коннотируют современность, креативность:

«Это **софтовый** или **хардовый** вариант был?» (об элементе танца после репетиции танца).

«Он вообще **олдскульный**, прикольный» (о ноутбуке).

В зарубежной лингвистике подобные практики именуют «транслингвальными» [20], чтобы подчеркнуть интенсивный характер взаимодействия языков и размывание границ между ними в глобальном коммуникативном контексте. Можно согласиться с теми исследователями, которые замечают, что в общественном, в т. ч. языковом, сознании наблюдается тенденция к концептуализации локального социального опыта как глобального. Выход английского языка за пределы англоязычных стран отражает его территориальную «свободу», при этом он перестает быть выразителем лишь одной кон-

кретной культуры: статус лингва франка обязывает его быть нейтральным средством выражения разных культур.

Многочисленные факты указывают на проникновение английского языка в русскоязычное коммуникативное пространство или, иными словами, на уплотнение контактов русского языка с английским, выступающим в современную эпоху в роли *lingua franca*, глобального языка общения. Часто процесс «присвоения» английского языка носит стихийный неуправляемый, бесконтрольный характер, особенно в устной неформальной речи подростков, студентов, молодых профессионалов. Английский язык используется в усеченном виде в форме отдельных слов, словосочетаний или целых предложений. Последние часто представляют собой клишированные образования из учебных диалогов, культовых фильмов. Носители русского языка часто вольно обращаются с английским языком в устной речи, игнорируя произносительные и грамматические стандарты, либо бессознательно, либо намеренно с целью создания комического эффекта, с намерением подурочиться. Английские лексические единицы могут использоваться как стилистически заниженные субституты слов родного языка. Английские универбы нередко выступают как семиотический ресурс, семиотический код для формирования новых смыслов, для приращения коннотаций, отсутствовавших в языке оригинала. Таким образом, можно констатировать, что гибридные, транслингвальные практики в речевом поведении молодежного сегмента русскоязычного социума манифестируют присутствие глобализационного индекса в их этнической идентичности.

Литература

1. Эриксон, Э.Х. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
2. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебн. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2009. 368 с.
3. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
4. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностный анализ идентификации и идентичности // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 233–254.
5. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностная структура идентификации и идентичности // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы / под общ. ред. В.Г. Морогина. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2012. С. 3–10.
6. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебн. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2009. 368 с.
7. Фархутдинова, Ф.Ф. Такое простое и понятное слово русский // Вестник совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области. Иваново, 2003. № 1–3.
8. Гриценко, Е.С. Лалетина, А.О. Дискурсы глобализации в зарубежной лингвистике // Вестник МГЛУ. Сер. Языкознание: Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Ч. I. М.: МГЛУ, 2012. № 5 (638). С. 255–266.
9. Saraceni, M. The relocation of English: shifting paradigms in a global era. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010. 156 p.

10. Skutnabb-Kangas, T., Phillipson, R. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. London: Wiley-Blackwell, 2010. P. 77–100.

11. Blommaert, J. The sociolinguistics of globalization. Cambridge University Press, 2010. 230 p.

12. Stibbe, A. Ecolinguistics and Globalization // The Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. London: Wiley-Blackwell, 2010. P. 406–425.

13. Алпатов, В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М.: Муравей, 2001. 704 с. С. 304–315.

14. Crystal, D. English as a global language. Second edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 212 p.

15. Graddol, D. The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. London: British Council, 1997. 64 p.

16. Giulianotti, R., Robertson, R. Forms of Glocalization: Globalization and the Migration Strategies of Scottish Football Fans in North America // Sociology. 2007. Vol. 41. Issue 1. P. 133–152.

17. Singleton, D. Globalization, language, and national identity: the case of Ireland. Dublin: Trinity College, Centre for Language and Communication Studies, 2007. 11 p.

18. Kachru, B. World-Englishes and English-using communities // Annual Review of Applied Linguistics. 1997. Vol. 17. P. 66–87.

19. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 230 p.

20. Canagarajah, S. Translingual practice: global Englishes and cosmopolitan relations. Routledge 2013. 224 p.

УДК 323

ББК 66.3

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ ПФО

С.В. Устинкин, Н.М. Морозова

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнолингвистического конфликта как противостояния языков народов России русскому языку. С одной стороны, статус языков народов России закреплен в Конституции РФ и федеральном законодательстве. С другой – на уровне субъектов страны действуют региональные законы, ставящие в приоритет развитие языков титульных народов.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, русский язык, этнические группы, национальный язык, государственный язык, народы России, национальные республики.

ETHNOLINGUISTIC CONFLICT IN NATIONAL REGIONS OF VOLGA FEDERAL DISTRICT

S. Ustinkin, N. Morozova

Summary. In the article the problem of the ethnolinguistic conflict is considered as opposition between national languages of the ethnic groups and Russian. On the one hand, the status of national languages of ethnic groups is enshrined in the Constitution of the Russian Federation and in the Federal legislation. On the other, at the level of subjects of the country the regional laws putting priority on the development of languages of the title people.

Key words: linguistic safety, Russian, ethnic groups, national language, state language, people of Russia, national republics.

В условиях полинационального государства язык традиционно представляет собой, с одной стороны, инструмент создания и поддержания культурной и национальной идентичности народов, проживающих на его территории, с другой – выступает как инструмент управления, а порой манипуляции, общественным сознанием. В Российской Федерации используются такие понятия как «государственный язык» и «национальные языки». Под государственным языком понимается официально установленный в конкретном государстве язык, использующийся в государственной практике, законотворчестве, судопроизводстве, образовании, как язык официального общения [1]. В Российской Федерации в качестве государственного языка установлен русский язык [2, ст. 6, п. 2; 3, ст. 1, п. 1].

Понятие «государственный язык» зачастую соотносится с понятием «государственнообразующая нация». Несмотря на использование данного понятия в политической практике, научных подходов к его определению до сих пор не выработано. Зачастую его соотносят с термином «титульная нация», понятие которого также нормативно нигде не закреплено: ни в Конституции РФ, ни в нормативно-правовых актах. Федеративная структура российского государства включает в себя ряд национальных регионов, в названиях которых присутствует «титульность» (Республика Татарстан, Башкортостан, Мордовия и т. д.), т. е. название республики «задается» основной национальной группой, проживающей на данной территории и образующей данный субъект федерации.

Следует помнить, что деление всех граждан государства по их принадлежности к государственнообразующей нации способно спровоцировать серьезный раскол в межнациональном единстве и привести к конфликту [4].

В связи с тем, что на территории России проживает более 190 народов с различным уровнем национального и культурного самосознания, возникают противоречия относительно статуса национального языка. В соответствии с Конституцией РФ и Законом «О языках народов России» республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые на данных административно-территориальных образованиях употребляются наряду с государственным [2, ст. 68, п. 2; 5, ст. 3, п. 2.].

В региональном политическом процессе национальных субъектов страны особое место уделяется вопросам поддержки языка титульной нации. Об этом свидетельствуют региональные законодательные акты, регламентирующие статус и использование национальных языков, и целевые программы, направленные на их поддержание и развитие. При этом декларируемая цель – сохранение «культурной самобытности» народов – не всегда является основной. Вектор усилий национальной элиты направлен на консолидацию своей этнической группы и превращение ее в политическую силу. Язык при этом становится, с одной стороны, важнейшим связующим элементом, с другой – маркером, отделяющим одну этническую группу от другой.

Федеральная власть в рамках противодействия усилению позиций национальных элит предпринимает попытки по созданию «общероссийской нации», т. е. нации не этнической, а гражданской. Это предполагает некоторую унификацию этнических особенностей, в том числе данный процесс касается этнолингвистической компоненты. Уже несколько лет обсуждаются поправки к закону «Об образовании в РФ», которые отменили бы обязательное изучение национальных языков в школах. Данная проблема актуализирована структурой национального состава регионов: кроме титульных этнических групп в национальных субъектах страны проживают другие этнические группы, молодое поколение которых вынуждено в школах учить не свой национальный язык, а язык титульной нации.

Очередной конфликт на этой почве разгорелся в Татарстане в 2010-х гг. При реализации региональной политики, направленной на поддержку и развитие национального языка, усилились противоречия между титульным и русским населением. Суть противоречий заключается в следующем: республиканской властью декларируется поддержка всех языков, используемых на территории Республики Татарстан. На практике, как отмечает русскоязычное население, происходит смещение акцента на изучение татарского языка. Таким образом, в фокусе внимания оказывается проблема русского образования в школах республики. Родители неоднократно высказывались против неравного объема в изучении татарского и русского языков детьми в школах [6]. Власти республики, в свою очередь, выступили с инициативой сдачи ЕГЭ на татарском [7].

Начиная с 2010 г. активистами, отстаивающими сохранение объемов преподавания русского языка в школах Татарстана, неоднократно направлялись петиции в адрес Правительства и Государственной Думы [8]. В итоге, только в 2018 г. были приняты поправки к Закону «Об образовании в РФ» [9].

Необходимо отметить, что существующие противоречия в области реализации языковой политики поддерживаются национально настроенными представителями татар. В целом, как показывают исследования, родители стремятся предоставить детям возможность изучать оба языка, либо изучать иностранный язык, что, по их мнению, является более перспективным в плане дальнейшего обучения и трудоустройства [10].

Противоречия в области реализации языковой политики в Башкирии также имеют место. Инициатива президента республики Р. Хамитова направлена на то, чтобы башкирский язык изучался по желанию [11].

В Башкирии ситуация осложняется тем, что в структуре национального состава присутствуют три этнические группы: башкиры, татары и русские. Башкирские татары поддержали данную инициативу. В то же время официальные власти Казани выступили с резкой критикой: «Если башкирский язык является государственным, то его обязаны изучать все» [12]. Дело в том, что подобный шаг со стороны республики Башкортостан может расцениваться

федеральной властью как прецедент своеобразного отказа этнической группы от официального статуса своего языка.

Мнение среди башкир также разошлось. Наиболее радикально настроенные общественники, национальные круги выступили категорически против подобной инициативы, ссылаясь на Конституцию страны, в которой закреплен статус языков народов России и региональный закон «Об образовании» [13].

В Республике Чувашия противоречия в этнолингвистической сфере также присутствуют, хотя они не такие острые, как в Башкирии или Татарстане. Они связаны с протестом русскоязычного населения об обязательном изучении детьми в школах чувашского языка [14].

Исследование, проводившееся в 2009 г., показывает, что «только 23 % столичных школьников говорят по-чувашски с родителями, хотя в 69 % семей, по крайней мере, один из родителей знает язык; более того, только 1 % детей разговаривает с родителями на чувашском языке» [15].

В других регионах ПФО этнолингвистический конфликт не так сильно выражен. В Нижегородской области, к примеру, в силу исторических и социокультурных особенностей, многообразия этнических групп, вышеописанные проблемы не характерны. Конечно, в первую очередь, это связано с тем, что русские составляют более 80 % в структуре населения. Хотя необходимо заметить, что татары, являющиеся вторым по численности народом Нижегородской области, заявляют о нехватке этнокультурного компонента (в форме татарского языка) в школах региона. Во всех регионах есть культурные центры, в которых дети могут знакомиться, изучать родную культуру и языки, действует система религиозного образования – действуют медресе. В Мордовии есть националистические группы, но они малочисленны и не вызывают резонанс в обществе. Таковым, как уже отмечалось ранее, является Фонд спасения эрзянского языка.

Таким образом, в ряде национальных регионов ПФО присутствует этнолингвистический конфликт, который влияет на социально-политическую стабильность региона, выступает одним из базовых элементов социальной напряженности. В этой связи со стороны власти (федеральной и региональной) необходимо регулярно осуществлять мониторинг напряженности в этнолингвистической сфере.

Этнолингвистический конфликт в национальных регионах, как правило, – это конфликт между русскоязычной группой и национальной этнократией, стремящейся использовать язык, с одной стороны, как маркер, разделяющий этнические группы, а с другой – как инструмент влияния.

Литература

1. Национальная политическая энциклопедия // Электронный ресурс. URL: <http://politike.ru/termin/gosudarstvennyi-jazyk.html> (дата обр. 06.10.2018).
2. Конституция РФ // Электронный ресурс. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обр. 06.10.2018).

3. Федеральный Закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) // Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/ (дата обр. 06.10.2018).
4. Государственнообразующая нация: нож для государственности и новые спекуляции // Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/society/20161108/1480918377.html> (дата обр. 06.10.2018).
5. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 г. № 1807-1 (ред. 12.03.2014 г.) // Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/87d691fc3a1a728928230fb7aa6bbab7e23342fc/ (дата обр. 06.10.2018).
6. Суд оштрафовал жителя Казани за оскорбление татарского языка на 100 тысяч // Электронный ресурс. URL: <http://nazaccent.ru/content/6847-sud-oshtrafoval-zhitelya-kazani-za-oskorblenie.html> (дата обр. 05.10.2018).
7. ЕГЭ на татарском // Электронный ресурс. URL: <http://vz.ru/politics/2011/4/8/481626.html> (дата обр. 05.10.2018).
8. Петиция «Русский язык в школах Татарстана» // Электронный ресурс. URL: <http://www.onlinepetition.ru/727824/petition.html> (дата обр. 11.10.2018); Петиция «За добровольное изучение наших детей национальным языкам». URL: <https://www.change.org> (дата обр. 11.10.2018); Русские в Татарстане выступили против насаждения татарского языка в школах. URL: <https://rupolit.net/russkoyazychnye-zhiteli-tatarstana-vystupili-protiv-nasazhdeniya-tatarskogo-yazyka-v-shkolah> (дата обр. 11.10.2018).
9. Законопроект «О внесении изменений в ст. 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Электронный ресурс. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/438863-7> (дата обр. 07.10.2018).
10. Ходжаева, Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения // Электронный ресурс. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyu-zapas-80-2011/12779-tatarskiy-yazyk-vshkolah-tatarstana-obschestvennye-debaty-i-mnenie-naseleniya> (дата обр. 05.10.2018).
11. Башкирия: изучение башкирского языка станет добровольным // Электронный ресурс. URL: http://metodisty.ru/m/news/view/bashkiriya_izuchenie_bashkirskogo_yazyka_stanet_dobrovolno (дата обр. 07.10.2018).
12. Татары Башкортостана против принудительного изучения башкирского языка: реакция в Татарстане // Электронный ресурс. URL: <http://www.apn.ru/publications/article27386.htm> (дата обр. 08.10.2018).
13. Башкирский язык в школе: добровольно или обязательно? // Электронный ресурс. URL: http://glava02.info/analitika/bashkirskij_yazyk_v_shkole_dobrovolno_ili_obyazatelno (дата обр. 05.10.2018).
14. Отмените обязательное изучение чувашского языка в школах! // Электронный ресурс. URL: http://medvedevu.ru/news/objazatelnoe_izuchenie_chuvashskogo_jazyka_v_shkolakh_otmenite/2011-09-10-18712 (дата обр. 08.10.2018).
15. Оценка языковой политики в Чувашии // Электронный ресурс. URL: <http://chuvash.forum2x2.ru/t286-topic> (дата обр. 08.10.2018).

УДК 808.5 : 378.147

ББК 74.58

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

В.А. Фортунатова

Аннотация. Коммуникативная компетенция рассматривается как общественная функция слова в актуальном пространстве. Понимание и порождение смыслов являются ключевыми условиями осуществления коммуникации при соблюдении необходимых речевых правил передачи чувственного и социального опыта партнеров. Подвижная семантика и проблемная сфера общения базируются на основе диалогической культуры, формируемой при подготовке профильных специалистов в вузах.

Ключевые слова: образовательное лингвопространство, компетенция и культура, семантическая динамика, интегрирующая коммуникология, конструктивная диалогика.

COMMUNICATIVE COMPETENCE AS STRATEGY OF EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

V. Fortunatova

Summary. The communicative competence is considered as public function of the word in relevant space. The understanding and generation of meanings are key conditions of implementation of communication at observance of necessary speech rules of transfer of sensual and social experience of partners. Mobile semantics and the problem sphere of communication are based on a basis of the dialogical culture formed when training profile experts in higher education institutions.

Key words: educational linguistic space, competence and culture, semantic dynamics, integrating communicology, constructive dialogue.

Слово как импульс и продукт человеческого развития отразило в своей органике эволюцию общественных стадий названного процесса. Переход от Божественного Логоса к Слову как земной власти. Далее – к булатной отточенности Слова-оружия, а затем свободному словоизвержению происходил на фоне социальных потрясений, мировоззренческих катаклизмов, крушения нравственных устоев и прочих сокрушительных тенденций, которыми отмечен человеческий путь от Нового завета до наших дней. Кризисные ситуации относятся к поворотным моментам в развитии процесса и, в частности, в развитии вербального интеллекта. Сегодня отмечается снижение его продуктивности, выражающееся в исчезновении интереса к гуманитарным предметам, к способности выразить свои мысли, установить диалоговые отношения с другими, наладить взаимодействие.

Необходимость сформированной коммуникативной компетенции оказалась вызванной перечисленными проблемами, имеющими общеантропологический характер. Американские гуманитарии К. Ситарам и Р. Когдел разработали кодекс межкультурной коммуникации, встреченный в нашей стране в начале социально-исторических перемен 90-х гг. XX в. с пониманием и сочувствием [1, с. 106]. Однако понятие коммуникативной компетенции все еще относится к сложным категориям общегуманитарного направления и ну-

ждается в новых ресурсах своего истолкования, которые не всегда учитываются при подготовке специалистов высшей квалификации и не пополняются за счет новых возможностей современного образования

Коммуникология – междисциплинарное научное направление, получившее сейчас широкое распространение. С 2013 г. в свет стал выходить журнал с одноименным названием, в учебные планы различных специализаций вводятся разнообразные дисциплины (риторика, деловое общение, теория и практика речевой коммуникации и т. п.), обладающие сходной интенцией – сближение людей между собой и установление между ними эмоциональных контактов. Компетентностный подход в образовании, сводимый к двум условиям своего существования – осведомленность и натренированность – т. е. создание определенного навыка, – в коммуникативистике получил расширительный смысл. Здесь компетенция выражает уже тип сознания, поэтому формируется многими условиями и проблемами. Главная из них состоит в личностном объединении языка, культуры и коммуникации, порождающем особый тип социальной органики. Нормативное и терминальное толкование коммуникативных навыков замыкается на социальной компетентности индивида и, по сути, растворяется в ней. Исходным импульсом для раскрытия этой возможности современного человека является его собственная природа и уровень общего развития, создающие такой индикатор состояния личностной осведомленности в отношении к другим. Для этого требуются последовательность и поэтапность целей и задач индивида на каждой стадии его жизненного пути от школы до вуза и профессиональной деятельности. Потенциальное вербальное развитие в семье создает необходимое основание для успешного обучения и результативной деятельности. Однако процесс появления коммуникативной компетенции как индивидуального проявления профессиональных способностей в современных условиях взаимодействия / противодействия социума и академизма порождает новые явления и понятия, вступающие между собой в сложные и противоречивые взаимоотношения [2].

Так коммуникативная компетентность справедливо трактуется как системная функция профессионально развитой и специально обученной личности. Но вместе с тем любой коммуникативный акт означает единичное действие, сбывшийся поступок, т. е. содержит в себе темпоральную обусловленность, идею конечности и завершенности коммуникации. Вот почему точнее будет использование понятия коммуникативного Текста, который фиксирует смысл в системе коммуникативных единиц, в серии предложений-высказываний, представляющих собой стадии развития идеи, коммуникативного посыла, общей интенции разговора. Коммуникативное текстообразование как образовательная задача ставит при ее решении перед высшей школой необходимость вовлечения ряда факторов, которые все еще по инерции воспринимаются за пределами этой сферы. Так, в частности, необходим учет особенностей разных типов коммуникации на уровне высококонтекстуальной и низкоконтекстуальной культуры, поскольку у них различен не только кон-

тент, но и манера речи, система использования времени и множество других факторов [3, с. 100–101].

Среди них – понятие коммуникативной рефлексии, иногда вступающей в конфликт с жесткой логикой переговорного процесса. И здесь обнаруживаются те философские принципы антропологической структуры, о которых писал Поль Рикёр, опираясь на труды Гегеля и К. Леви-Стросса [4, с. 101]. Текст информации и текст личности удваивают объем коммуникативного акта, повышают его статус и значение для дальнейших событий, усиливают феноменологические свойства коммуникативного события, наполненного личностной энергией его участников. Но на практике наблюдаются синдром «плоскомыслия», когда восприятие информации происходит только на уровне внешнего слоя, сигнального слова, но при этом постижение смысла и его развитие становится практически невозможным. Слова не попадают в такт важным мыслям, реактивность выглядит практически нулевой, транзитивность речевого акта, гармония опорных пунктов общения и осознание открывающихся возможностей улетучиваются, оставляя ощущение формальности и ненужности коммуникативного акта.

Вот почему «мыследействие» как профессиональная реакция и форма творческого выражения личности [5, с. 173] призвано стать важнейшей категорией в содержании современного образовательного процесса. Поиск Слова в качестве эквивалента мысли является объектом усилий преподавателей и самих коммуникантов. Этот процесс в определенной степени можно сравнить по своей значимости с возникновением религии (*religare* – соединять), направленной на установление связи человека с Абсолютом, т. е. с Богом. Религия в таком истолковании означает «сотворение души», перенос замысла Творца в человеческое пространство, от Лика к Личности. Коммуникация как параллель к этому образу означает путь человека к человеку.

В действительности мы наблюдаем бездейственность Слова. Профессор Бременского университета Хайнц Леммерман точно определяет этот синдром как инфляцию слова [6]. Истоки этой социальной «болезни» многообразны. Из важнейших причин можно назвать психологическое самоограничение современниками своего лексического запаса. Мы наблюдаем вокруг себя, как то или другое слово в обществе приобретает широкое распространение, становится «модным» и за счет своего многократного использования приобретает различные семантические оттенки. Оно «как бы» обогащается, с одной стороны, а с другой – все дальше и дальше уходит от первоначального смысла. Такова, например, судьба слова «реально». Его альтернативный смысл по отношению к словам «воображаемый», «виртуальный» очевиден, тем не менее, слова-антонимы забыты, а слово «реальный» отражает новые значения – «фактический», «осуществленный», «истинный», получает оценочные коннотации – «вызывающий доверие», «подлинный», «не фальсифицированный» и др. Этот процесс многозначности дезавуирует с лингвистической точки зрения, например, актуальный смысл школы реализма в филосо-

фии, искусстве, но вместе с тем открывает другие смысловые ресурсы слова-понятия, подчиненного не общим, а более частным, «реальным» представлениям говорящего. Кроме того, в коммуникологии появляются слова-сигналы, указывающие на «продвинутость», осведомленность, ассимилированность личности в определенной среде с ее заботами, предпочтениями, вкусами. Коммуникант указывает тем самым на свою «погруженность» в ту или иную среду, хотя при этом компетентный объем его индивидуальных возможностей не свидетельствует в пользу речевой и общей культуры. Подобный адаптивный процесс распространяется на многие слова и выражения, которые приходят и уходят, отражая колебания социальных волн.

Очень сложная, на наш взгляд, проблема взаимоотношений коммуникологии и риторики. Их сближает эффективное речевое мышление, но разводит фактор искусственности, выспренности, сделанности (*techne*) риторического высказывания. Акцент на естественности, искренности, некоей доверительности, напротив, создает необходимый фон общения, облегчающий задачу коммуникативного акта. Надо также принимать во внимание, что коммуникология не рассчитана на толпу, которая реагирует на эмоции, но далеко не всегда улавливает мысли. Личностное развитие в рамках практического использования этой учебной дисциплины предполагает пластическое, виртуозное владение словом будущего специалиста, но также отточенный слух на запросы аудитории, умение идти за ней «на поводу» с тем, чтобы результатом стало обратное умение вести ее за собой. Субъектная коммуникация выделяет «живое» слово как продукт индивидуальной работы сознания коммуникантов и как механизм «вживания», «вчувствования» [7, с. 313–318], поэтому является видом творчества, которое доступно человеку, а не его автоматическому подобию. Об этом же писал русский философ и писатель В.В. Розанов: «Я с разными говорю на разных и языках: но говорю слова мои, именно ту часть моих слов, которая чувствуется и оказывается общею со слушателем» [8, с. 204].

Преодоление дисфункциональных особенностей псевдопрофессиональной «говорильни», оставляющей ощущение перегруженности, формальности и содержательной пустоты, является одной из важнейших задач компетентностного развития в этом направлении. Тем не менее, в современных образовательных программах акцент делается на учет личных особенностей коммуниканта, а не на дискуссионные моменты предметных позиций. Диалоговое резюме по каждому разделу учебного курса могло бы создать основу для профессионального коммуницирования, расширив содержательное пространство будущих обсуждений связанных с ним проблем.

Даже краткий по необходимости обзор проблемного поля образовательной коммуникативистики свидетельствует о том, насколько сложным и актуальным является ее интегральное пространство. Коммуникология становится решающим итогом практического внедрения имеющихся сведений по психологии и культурологии. Как отмечает А.Я. Флиер, «культурная компе-

тентность личности выражает, прежде всего, степень ее знакомства с совокупным социальным опытом нации в целом и, в особенности с нормами межлических отношений [7, с. 319]. Компетентность коммуникативная переводит эти ценностные установки в практическую плоскость человеческого общения, где происходит их проверка на подлинность и осуществляется пересозидание информационного «общества цифры» в жизнедеятельное сообщество слова и мысли.

Литература

1. Ситарам, К., Когделл, Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 5. 501 с.
2. Балдина, М.Ю. О взаимосвязи понятий «компетенция», «компетентность», «коммуникативная компетентность» // Концепт. 2014. Спецвып. № 25 // Электронный ресурс. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14796.htm>. Гос. рег. Эл №ФС 7749965. ISSN 2304-120X.
3. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005. 310 с.
4. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Акад. Проект, 2008. 695 с.
5. Эпштейн, М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
6. Леммерман, Х. Учебник риторики: Тренировка речи с упражнениями / Пер. с нем. С.Т. Бугло. 2. изд., перераб. М.: Интерэксперт, 1998. 253 с.
7. Флиер, А.Я. Коммуникация // Историческая культурология. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2015. 795 с.
8. Аверьянов, В.В. О публицистической «листве» // Василий Васильевич Розанов. М.: РОССПЭН, 2012. 406 с.

УДК 373.1 : 811

ББК 74.261.7

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Ю.В. Чичерина

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования культурной идентичности личности обучающегося школы средствами учебного предмета «Иностранный язык». Уточняется понятие «культурная идентичность личности» и обосновывается значимость культурологического контекста формирования и развития личности школьника в современной образовательной парадигме. Доказывается высокий дидактический потенциал содержания обучения чтению на иностранном языке в целях обеспечения становления личности обучающегося, способной взаимодействовать в поликультурном социуме с учетом этнорегиональных и национальных особенностей людей.

Ключевые слова: культурная идентичность, иностранный язык, чтение на иностранном языке, критерии отбора текстов для чтения на иностранном языке.

DEVELOPING CULTURAL IDENTITY OF SCHOOL STUDENTS WHILE TEACHING READING IN A FOREIGN LANGUAGE

Y. Chicherina

***Summary.** The article applies developing cultural identity of school student personality by means of a foreign language as a subject. The paper describes the concept «cultural identity of personality». It also highlights the significance of the culture basis in developing school student personality in modern education. It demonstrates the importance of content in teaching foreign language reading in order to build a personality capable of cooperating in multicultural society and considering national and ethno-regional specificities.*

***Key words:** cultural identity, foreign language, reading in a foreign language, criteria for selecting texts for reading in a foreign language.*

Современное целеполагание школьного образования подверглось значительным изменениям. В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами общего образования, основного общего образования (ФГОС ОО / ООО) последнего поколения учебный процесс должен строиться на основе системного подхода. Системность раскрывается, в первую очередь, через последовательное многоаспектное развитие личности учащегося. Новая школьная образовательная система должна обеспечить становление личности, способной взаимодействовать в социуме с учетом национальных, этнорегиональных и культурных особенностей. ФГОС на школьном уровне ориентированы на становление личностных характеристик выпускника:

– любовь к Отечеству, уважение к своему народу, его культуре, духовным традициям;

– осознание ценностей человеческой жизни, гражданского общества в целом, многонациональности и поликультурности российского общества, человечества;

– социальная активность, соизмерение своих поступков с нравственными общепринятыми основами, осознание ответственности перед Отечеством и обществом в целом;

– умение вести конструктивный диалог, в т. ч. в разных культурных плоскостях, достигая взаимопонимания и общих результатов и т. д. [1].

Культурообразующая и гражданская основы школьного образования нацелены на формирование и развитие личности учащегося, осознающего свою принадлежность родной стране, региону, культуре, принимающего ответственность перед Россией. Такой подход предполагает освоение школьником культурных ценностей на общероссийском, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Культурно-ценностная система учебно-воспитательного процесса является базовой составляющей формирования культурной идентичности учащегося. В социологии и психологии термин «идентичность» определяется как многозначная научная категория и рассматривается в нескольких трактовках. Идентичность различают на:

1) психофизическом уровне – осознаваемое единство и преемственность телесных и психических процессов, постоянство своего физического и психического Я;

2) личностном уровне – осознание человеком самого себя в качестве личности, отличающейся от других;

3) социальном уровне – соотнесение личности с социальной группой или этнической общностью, с которой он разделяет ценности, нормы и определенные групповые установки [2].

В контексте принципа культуросообразности учебного процесса представляет интерес идентичность социальной природы. Именно социальная идентичность определяет культурную и социокультурную принадлежность индивида к конкретным этносоциальным группам, характеризующимся тождественностью привычек, поступков, поведения, менталитета.

Освоение учащимися социальной и гражданской культур осуществляется через содержание системы учебных предметов. В образовательной системе предмет «Иностранный язык» обладает значительным развивающим и дидактическим потенциалом, готовя учащихся к жизни в многоязычном и мультикультурном обществе. В основе любого социального контакта лежат знания о мире. Общение коммуникантов, принадлежащих к одной этнокультурной группе, осуществляется в единой когнитивной среде. Однако межкультурное взаимодействие предполагает столкновение разных когнитивных сознаний коммуникантов, что, в первую очередь, связано с пониманием участниками коммуникации своей национальной, этнорегиональной, культурной принадлежности. Иноязычное межкультурное общение будет успешным в т. ч. и тогда, когда каждый из партнеров по общению способен:

- оперировать фоновыми знаниями родной и иноязычной культур;
- распознавать концепты иной культуры в сравнении с собственной;
- определять нормы поведения, свойственные для иноязычных собеседников и соотносить их со стереотипами поведения в родной культуре;
- уважать собственные национально-культурные особенности и с пониманием относиться к инокультурным различиям;
- осознавать ответственность за свое поведение в качестве представителя определенной национальной / этнорегиональной группы.

Именно иноязычное образование способствует развитию и укреплению культурной идентичности школьника в поликультурном контексте, формируя стержень ценностей национальной культуры. Иностранный язык, являясь инструментом поликультурного развития обучающихся, помогает осознанию себя как культурно-исторического субъекта, способного вести адекватный диалог культур, не теряя признаков родной культуры [3; 4].

Формирование культурной идентичности личности главным образом связано с овладением системой концептов инофонного общества и родной страны / края / региона. В концептуальном плане значительное место занимает комплекс норм и правил поведения, присущих конкретному культурному обществу. Постигание системы когнитивных и поведенческих моделей может реализовываться в процессе работы над разными видами речевой деятельности. Однако в большой степени текстовая деятельность на иностран-

ном языке способствует становлению культурного сознания школьника. Текст как форма коммуникации, в т. ч. межкультурной, обладает рядом признаков: информативность; тематичность; ситуативность; мотивированность; целеобусловленность; межтекстуальность.

Выделенные характеристики текста позволяют определить его как продукт речетворческого и культурного взаимодействия. Текст демонстрирует особенности функционирования языка, содержит национальную, культурную и ценностную информацию, которая свойственна членам конкретного этнокультурного общества. Кроме того, тексты создаются социальными ситуациями как желание разрешить коммуникативную проблему. Разные типы и жанры текстов презентуют нравственные нормы, поступки, правила социального взаимодействия, некие культурно-исторические достижения, отражая ценностные ориентации и образуя специфический профиль определенной культуры. Текст как культурный продукт наполнен социокультурными кодами, без которых невозможно понять и интерпретировать поведение представителей единого культурно-когнитивного пространства. Все сказанное выше дает основание утверждать, что чтение на иностранном языке обладает большим лингводидактическим потенциалом в контексте культуросообразности школьного образования.

Однако эффективность учебного процесса по иностранным языкам в целях формирования культурной идентичности личности учащегося напрямую зависит от методически грамотного отбора текстового материала. Считаем необходимым уточнить систему критериев отбора текстов для чтения на иностранном языке с учетом культурно-ценностной основы образования.

Представляется целесообразным выделить комплексы критериев отбора текстового материала на иностранном языке.

I. Принцип культуросообразности в межкультурном аспекте

Тексты должны быть основой для познания инокультурных особенностей, осознания учащимися характерной специфики родной культуры. Когда партнеры по коммуникации осознают «чужеродность» друг друга и учитывают это в процессе выстраивания речевого взаимодействия, тогда общение на межкультурном уровне протекает эффективно и результативно. Понимание когнитивных расхождений на культурном уровне, осознание самобытности каждым партнером по коммуникации – залог успешного межкультурного общения.

Принцип культуросообразности в межкультурном аспекте включает критерии:

- 1) критерий учета национального и этнорегионального компонента;
- 2) критерий типичности для страны и культуры изучаемого языка.

Первый критерий предполагает отражение в текстовом материале реалий, истории, достижений социального, культурного, экономического характеров своего родного края, региона, республики, в т. ч. понимание вклада в развитие мировой культуры, цивилизации, политики и т. д. Познание своей

национальной или этнической самобытности способствует формированию таких личностных качеств учащегося, как любовь и уважение к своей культуре, стране, национальности, чувство национальной ответственности в процессе межкультурной коммуникации, гордость за достижения своего родного края или региона.

Второй критерий учитывает общественную обстановку в стране изучаемого языка, особенности бытовой культуры, отношения с внешним миром, с родной страной. Именно через такие факты информации осуществляется становление культурной идентичности личности.

II. Принцип функционально-целевой направленности текстов межкультурного характера

Текст как продукт культуры функционирует в разных сферах практической, социальной, культурной активности человека и отражают разнообразие фрагментов общественной действительности. Такой принцип реализуется через:

- 1) критерий ситуативности и функциональности;
- 2) критерий аутентичности текстового материала;
- 3) критерий тематичности и актуальности [5].

В соответствии с критерием ситуативности и функциональности тексты отбираются с учетом отражения в них жизненных обстоятельств, причем не только повседневной жизни носителей языка, но и представителей родного края и региона. Такие тексты представляют правила и нормы речевого и неречевого поведения, разные социальные роли, предполагающие определенные алгоритмы действий, предписанные эпизодическими видами деятельности.

Под критерием аутентичности текстового материала понимается аутентичное языковое оформление и предметно-изобразительная основа, сопровождающая текстовый материал. Аутентичность обязательно должна рассматриваться с позиции подлинности содержания и оформления. Причем тексты, отражающие информацию о родной стране и культуре, должны быть отображены в соответствии с этим критерием, т. е. быть созданными носителями языка, и заимствованы из аутентичных иноязычных источников.

Одним из важных критериев отбора является критерий тематичности и актуальности. Тематика текстов должна характеризоваться современными социальными групповыми ценностными установками, приоритетами. Информация должна быть значимой и актуальной как с точки зрения категории обучающихся, так и точки зрения целей межкультурного взаимодействия.

Таким образом, обучение чтению текстов, отобранных в соответствии с указанными выше критериями, имеет культурно-ценностную основу и способствует формированию культурной идентичности личности учащегося.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего (полного) общего образования (в ред. Приказов Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644; от 31.12.2015 № 1577) // Электронный ресурс. URL: <http://standart.edu.ru/>.

2. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 129.

3. Курицын, В.М. Иностранный язык как средство культурной идентификации учащейся молодежи в условиях глобализации // На пути к гражданскому обществу. Архангельск, 2014. № 3 (15). С. 78-81 // Электронный ресурс. URL: https://elibrary.ru/publisher_titles.asp?publishid=8947.

4. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 2005. С. 231.

5. Чичерина, Ю.В. Межкультурный подход к отбору содержания обучения чтению на иностранном языке // Инновационные идеи и подходы к интегрированному обучению иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в системе высшего образования: Сб. материалов междунар. школы-конф. 27–30 мар. 2017 г. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 86–90.

УДК 811.161.1'373.611

ББК 84.411-96

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
«РУССКИЙ И ИНОЯЗЫЧНЫЙ ПРЕФИКСОИД + СЛОВО»
В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РКИ**

Чусуван Критсада

Аннотация. В данной статье рассматривается наиболее распространенное употребление русских и иноязычных префиксоидов в современном русском языке. Модель «префиксоид + слово» является одной из интересных способов словопроизводства. Иностранному студенту, изучающему русский язык как иностранный, как правило, известны некоторые иноязычные префиксоиды, проявляющиеся в русском языке, тогда как русские префиксоиды для них будут считаться одновременно как новой лексической, так и семантической единицами. Помимо пополнения лексического запаса, изучение данного вида словообразования позволяет учащимся практиковать творческое мышление в случаях, когда одни и те же префиксоиды соединяются с разными словами и учащиеся могут самостоятельно пробовать создавать совершенно новые слова, имеющие новые значения. Таким образом, расширенное изучение словообразовательной модели «префиксоид + слово» может иметь полезное прикладное значение в процессе преподавания и изучения РКИ.

Ключевые слова: префиксоид, генетическая связь, корневая морфема, семантические группы, иноязычное происхождение.

**WORD FORMATION IN RUSSIAN LANGUAGE:
“RUSSIAN AND FOREIGN SEMI-PREFIX + WORD”
IN THE PROCESS OF TEACHING AND LEARNING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Ch. Kritsada

Summary. In this article the use of different Russian and foreign semi-prefixes in modern Russian is analyzed. The model «semi-prefix + word» is one of the interesting methods of word production. Foreign students, who learn Russian as a foreign language, knows some foreign semi-prefixes, which appear in Russian language, whereas Russian semi-prefixes can be simultaneously seen as a new lexical and semantic unit for them. In addition, this type of word formation allows students to practice their creative thinking, and in cases when the same semi-prefixes are combined with different words, students can create new words that have new meanings. Therefore, an expanded study of the word formation model

«*semi-prefix + word*» will be very useful in the process of teaching and learning Russian as a foreign language.

Key words: *semi-prefix, genetic relationship, root morpheme, semantic groups, foreign origin.*

На протяжении XX в. (50-60 гг.) во множестве лингвистических исследований появлялись термины для обозначения строевых единиц языка, такие как полуаффикс / аффиксоид, префигированный словоэлемент, субаффикс, радикасоид, агглютинатор и т. д. В конечном итоге в русистике окончательно закрепились термины «аффиксоиды» (суффиксоид и префиксоид), что отражено в лингвистических энциклопедиях и словарях лингвистических терминов [2, с. 63]. Появляются префиксоиды как морфемы со значительным сходством с собственно префиксами, но не потерявшие свою генетическую связь с корнями. Префиксоид характеризуется своей способностью выступать как независимое слово, так и префикс [1, с. 77].

В современном русском языке можно разделить префиксоиды по происхождению на две большие группы: префиксоиды русского происхождения и префиксоиды иноязычного происхождения. Префиксоиды обладают значимостью в языковом сознании современной эпохи и фактически, мы можем выделить их в несколько подгрупп ярко выраженных областей общественной жизни. Для классификации по семантическому признаку группы выглядят следующим образом [3]:

1) искусство, культура: арт- = художественный (арт-завод, арт-объект), гала- = торжественный, пышный (гала-концерт, гала-ужин); инди- = независимый (от англ. *independent*): (инди-фильм), инди-игра); ретро- = обращение к прошлому (ретро-поезд, ретро-дискотека);

2) занятия, увлечения, пристрастия человека, дэнс- = связь с танцами (дэнс-терапия), инфо- = информация, информационный (инфоэтика, инфографика);

3) статус и социальная позиция человека: демо- = демократия (демороссы), люмпен- = отношение к деклассированному слою людей (люмпенмотивация);

4) научно-техническая сфера: мега- = связанная приставка с гигантскими, космическими величинами, обладание намного сверх обычного признаками, качествами (меганаука), нано- = приставка для образования наименования дольных единиц, равных одной миллиардной доли исходных единиц. (наноробот), робо- = являющийся роботом, связь с роботом (роботехника), фито- = о растительности и связи с растениями и с использованием их свойств (фитология), зоо- = отношение к зоологии (зоопланктон);

5) сфера бизнеса и экономики: агро- = о сельском хозяйстве на промышленной основе (агропромышленность), инвест- = инвестиционный (инвестпрограмма);

6) сфера территориального распространения чего-либо на земной поверхности: афро- = отношение к Африке, выходцам из Африки (афророссия-

не), заграни- = за границей и связь с пребыванием за границей (загранипредставительство), ино- = зарубежный, иностранный (иноязычный).

Кроме этого, следует отметить, что данные выделенные нами семантические подгруппы, рассматриваемые для иных задач, могут быть классифицированы в зависимости от целей и задач исследователя, например, классификация по сферам употребления, стилевой принадлежности и т. д. При попытке классификации по типу происхождения (исконное / заимствованное) в структуре слова с префиксоидом можно выделить четыре основных типа словопроизводства:

1) префиксоид русского происхождения + русское слово, напр. заграни- + работа = заграниработа, ино- + земный = иноземный, крас- (из «красный») + флот = красфлот;

2) префиксоид иноязычного происхождения + русское слово, напр. обер- + секретарь = обер-секретарь (нем. *Ober-*: главный, старший), блиц + почта = блицпочта (нем. *Blitz-*: очень быстро), лайт- + питание = лайт-питание (англ. *light-*: неинтенсивный, слабый);

3) префиксоид русского происхождения + иноязычное слово, напр. заграни- + сервис = загранисервис;

4) префиксоид иноязычного происхождения + иноязычное слово (полное заимствование), напр. рейкс- + таг = рейкстаг (нем. *Reichs* – имперский, государственный и рейкстаг; *Reichstagsgebäude* – «здание государственного собрания»), блиц + криг = блицкриг (блицкриг: *Blitzkrieg* – метод ведения войны, в соответствии с которым атакующая сила пробивает линию обороны противника короткими быстрыми мощными атаками [5]), арт- + рокер = арт-рокер.

Проанализировав истоки префиксоидов иноязычного происхождения в модели «префиксоид+слово», мы обнаруживаем, что в большинстве своем налицо явное заимствование из английского и немецкого языков, а наиболее частотным источником почти всех этих префиксоидов являются латинский и греческий языки.

Принимая во внимание прогнозируемую практическую пользу работы с префиксоидами в процессе изучения и преподавания РКИ, она может быть разбита на четыре главных этапа:

1) работа с разными принципами классификации префиксоидов;

2) работа с определением происхождения частей в структуре словообразования «префиксоид + слово»;

3) творческая работа по образованию новых слов с помощью префиксоидов;

4) работа по верификации новообразованных слов.

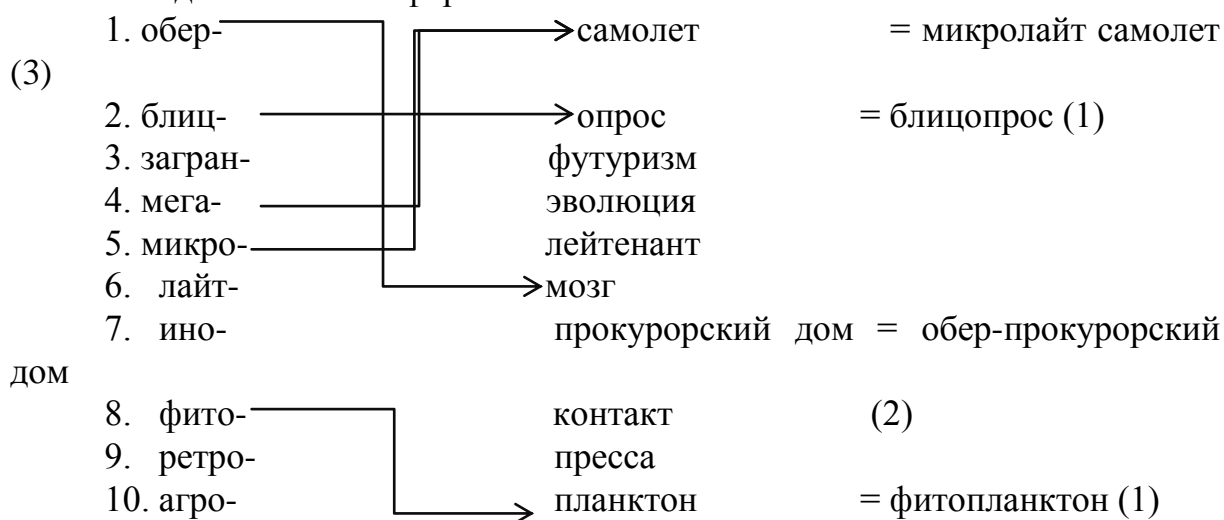
Основной целью работы с разными принципами классификации префиксоидов является ознакомление с префиксоидами в целом. На данном этапе префиксоиды выдаются в смешанном виде, напр. ино-, блиц-, афро-, лайт-, заграни-, мега-, инди-, агро- и учащимся следует ознакомиться с дефинициями

каждого префиксоида, определить их происхождение и подобрать или создать им подходящие семантические группы.

Работа с определением происхождения позволяет нам раскрыть для учащихся описанную ранее классификацию «префиксоид + слово», в которой мы выделяем следующие типы: «префиксоид русского происхождения + русское слово», «префиксоид иноязычного происхождения + русское слово», «префиксоид русского происхождения + иноязычное слово» и «префиксоид иноязычного происхождения + иноязычное слово». Данные типы можно оформить в виде приведенной таблицы:

«префиксоид русского происхождения + русское слово»	«префиксоид иноязычного происхождения + русское слово»	«префиксоид русского происхождения + иноязычное слово»	«префиксоид иноязычного происхождения + иноязычное слово»
загран- + работа = загранработа	афро- + россияне = афророссияне	загран- + сервис = загрансервис	блиц- + криг = блицкриг (<i>Blitz+Krieg</i>)

На следующем этапе изучающим РКИ предоставляется возможность использовать на практике свое творческое мышление. Работа на данном этапе сводится к обсуждению возможностей образования новых слов с уже известными им префиксоидами. Изучающие РКИ при этом выполняют задание, соединяя префиксоиды и слова, соответствующие друг другу по формам и значениям. Задание можно оформить так:

В данном задании видны три разные формы словообразования с префиксоидом: (1) соединение слова с префиксоидом, являющееся часто встречаемой формой, а для (2) употребляется дефис (-) между префиксоидом и словом. Дефис является специфичным при образовании большинства новых слов с префиксоидами иноязычного происхождения. Иногда два префиксоида могут быть соединены друг с другом перед тем, как они в дальнейшем соединяются со словом. см. (3) микро- (префиксоид) + лайт- (префиксоид) + самолет = микролайт самолет. Такой вид называют принципом двойного префиксоида в процессе словообразования. «Микролайт» в данном случае выполняет

свою роль как имя прилагательное, а «самолет» – это отдельное существительное. Однако следует отметить, что в русском языке может появиться и другая синонимичная замена – «сверхлегкий самолет».

При образовании новых слов помимо сопоставления морфемы и ее устойчивой связи с префиксоидами учащиеся могут подобрать любые свободные слова-компоненты (префиксоиды и слова) для соединения по своему желанию. Затем новообразованные учащимися слова пройдут процесс верификации как контрольный этап проверки их жизнеспособности.

На этапе верификации акцентируем внимание на поисковом способе проверки проявляющих новообразованных слов на базе Интернета и Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), созданного по государственной инициативе в 2003 г. НКРЯ предоставляет практически неограниченную исследовательскую и обучающую базу как для специалистов в области русского языка, в т. ч. русского как иностранного, так и всех изучающих русский язык в качестве родного и иностранного [4].

В результате слово «агро- + пром (промышленность) + банк» = агропромбанк в поисковой системе *Google* можно утвердить, что оно (слово «агропромбанк») существует.

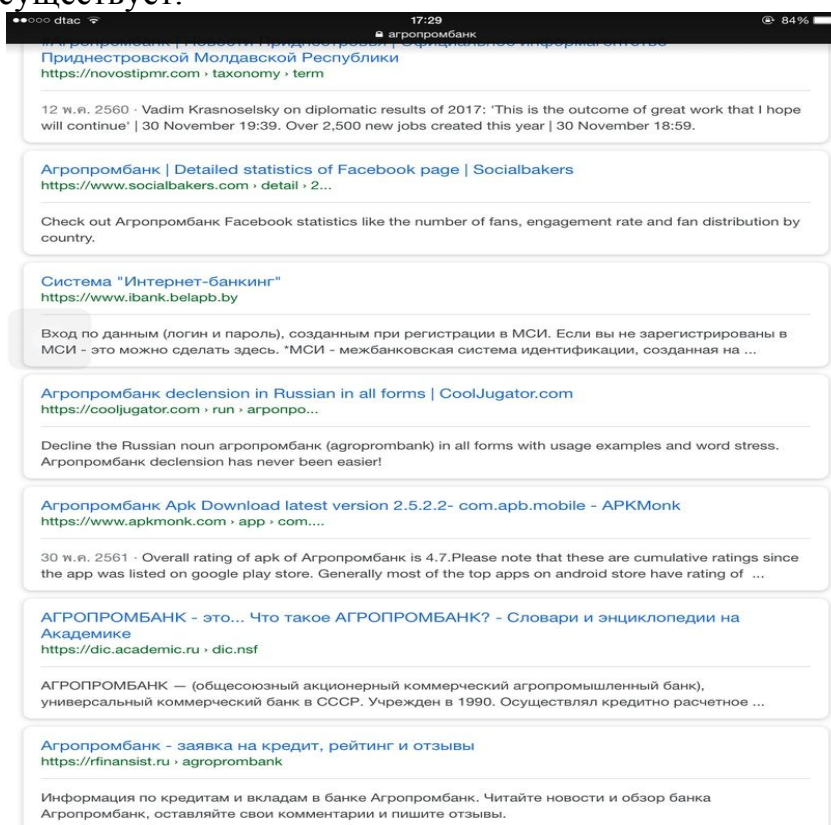

Рисунок 1. Результаты поиска «агропромбанк» в *Google*

Однако при поиске только слова «агропром (пром: промышленность)» в НКРЯ указаны объемы употребления в корпусе, а результаты проверки частоты употребления, распределенного по годам показали, что употребление слова «агропром» началось примерно с 1993 г. Данное слово считается недавно возникшим словом в русском языке.

Употребление префиксоидов в процессе словообразования предполагает, что префиксоиды иноязычного происхождения ранее проявлялись в современном русском языке как самостоятельные слова и многие из них первоначально не выполняли свою функцию именно как префиксоиды, а активно использовались в речи как заимствования (прил., сущ. и нареч.), такие как «лайт» (*light*), затем их форма и употребление менялись по разным причинам (популярность и др.).

Таким образом, префиксоиды являются неотъемлемой частью словопроизводства и считаются ярким показателем динамичного развития языка, что позволяет нам с уверенностью говорить о том, что данный процесс проходит очень активно и в будущем следует ожидать появления новых и новых префиксоидов иноязычного происхождения.

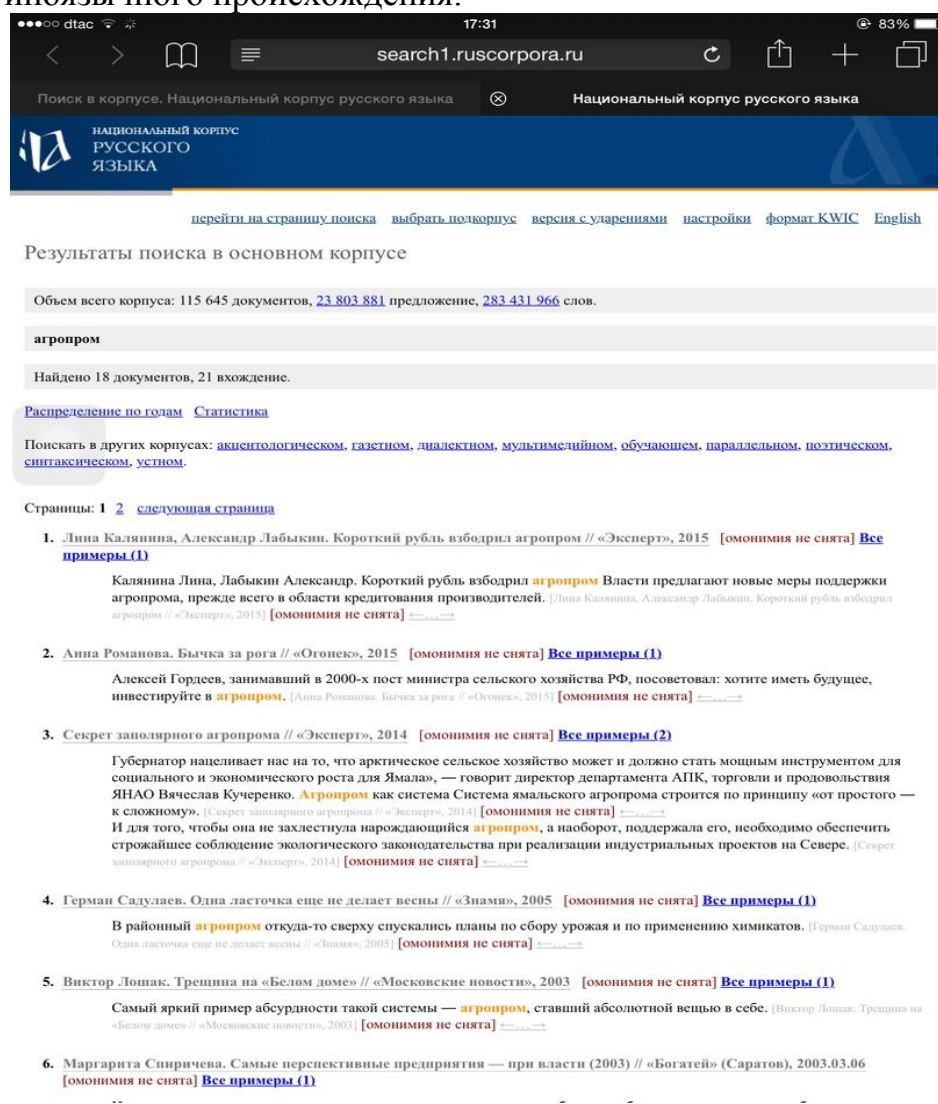

Рисунок 2. Результаты поиска «агропром» в основном корпусе

Предложенный автором метод этапов изучения словообразовательной модели «русский и иноязычный префиксоид + слово», с одной стороны, позволяет учащимся активнее знакомиться с лексикой русского языка в разных контекстах, практиковать творческое мышление путем сопоставления пре-

фиксоидов и слов в различных видах упражнений, в т. ч. и пробовать себя в словотворчестве.

С другой стороны, он позволяет преподавателям РКИ развивать необходимые навыки для преподавания – способность составлять различные упражнения для закрепления изученного материала и умение пользоваться обширными базами данных. Более того, данный метод может быть полезен в разработках методик преподавания русского языка как иностранного.

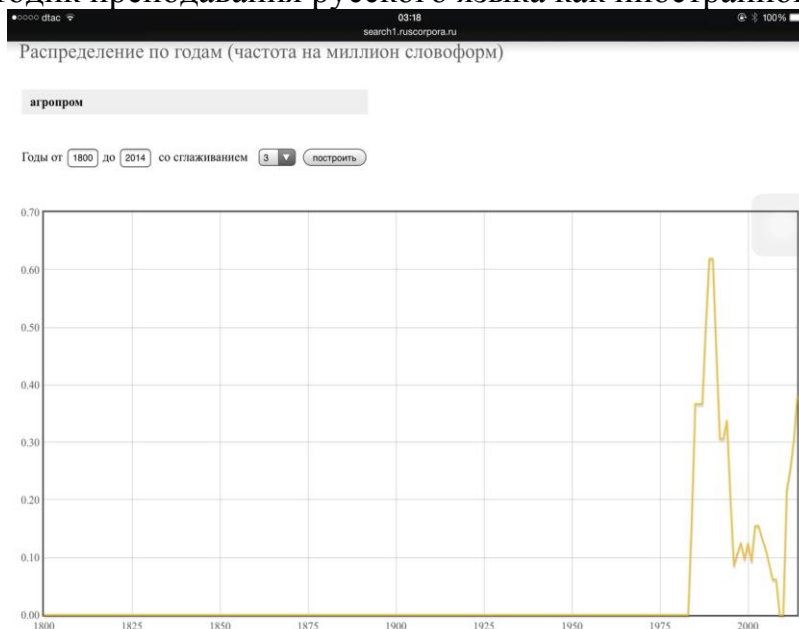

Рисунок 3. Частота употребления лексемы «агропром», распределенная по годам
Литература

1. Головин, Б.Н., Киров, Е.Ф., Ручина Л.И. Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посв. 85-летию проф. Бориса Николаевича Головина. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2001. 359 с.
2. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960. 436 с.
3. Сенько, Е.В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6 // Электронный ресурс. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (дата обр.: 01.08.2018).
4. Славкова, С. Некоторые возможности использования НКРЯ в преподавании русского языка иностранным студентам // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования: Материалы междунар. науч. конф. М.: ГУ–ВШЭ, 19–20 апр. 2007. С. 69–71.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Electronic resource]. Die CD-ROM basiert auf der 5, neu bearbeiteten und erweiterten Auflage der Buchausgabe. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2003.

УДК 81'0

ББК 81.2

ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

Т.А. Ширяева

Аннотация. Данная статья посвящена изучению современного глобального английского языка с позиций лингвоэкологии, сформировавшейся на стыке различных научных направлений. Основная цель исследования – выявление и описание основных «токсичных» факторов и элементов современного английского языка в качестве глобального. На основании разработанных параметров описываются дифференциальные критерии глобального английского языка и описываются основные лингвоэкологические проблемы в рамках трех моделей: «язык – коммуникант», «язык – язык», «язык – дискурс».

Ключевые слова: лингвоэкология, экология языка, эколлингвистика, глобальный английский язык, лингва-франка, культурная маркированность, дискурсивная специфика, лингвотоксичные элементы.

GLOBAL ENGLISH LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE IDEAS OF LINGUISTIC ECOLOGY

T. Shiryayeva

Summary. This article studies the modern global English language from the standpoint of ecolinguistics. The main goal of the study is to identify and describe the main “toxic” factors and elements of modern English as a global language. On the basis of specific options differential criteria of the global English language are described and the main ecolinguistic problems are described in the framework of three models: “language – communicant”, “language – language”, “language – discourse”.

Key words: language ecology, ecolinguistics, global English, lingua franca, cultural marking, discursive explicitness, linguotoxic elements.

Сегодня экология является той областью знаний и научных исследований, которая охватывает абсолютно все сферы жизни современного человека. Не удивительно, что все большее количество исследований выполняется на стыке языка и экологии, все больше экологических терминов, понятий и концепций используется при исследовании различных лингвистических вопросов. Важность изучения реальных высказываний, эффективность привлечения различных лингвопрагматических концепций, стремительно развивающиеся дискурсивные исследования – это лишь некоторые предпосылки, которые обусловили разработку целостной и комплексной концепции о языке в экологическом представлении [1, р. 18], которая сегодня активно используется и теоретиками и практиками как в теоретических изысканиях, так и в педагогических концепциях, связанных с обучением языку и его пониманием.

Здесь, конечно, нельзя не отметить тот факт, что появившееся в последнее десятилетие значительное количество работ по лингвоэкологии, сегодня активно принимает форму стройной рабочей теории, называемой «лингвистической экологией», которая некоторыми исследователями называется «экологией языка» или «лингвоэкологией». Сам термин «экология языка» был введен в научный оборот американским исследователем Эйнарсом Хауге-

ном в 1972 г. Согласно ученому языковая экология может быть определена как «...исследование взаимодействий между любым языком и окружающей его средой...» [2, р. i]. Очевидно, что термин «экология языка» охватывает чрезвычайно широкий круг исследовательских проблем. Экология языка – практическая отрасль знания, которая призвана ответить на огромное количество жизненно важных вопросов, изучая механизмы влияния языков друг на друга, их взаимодействие с различными внешними факторами, выявляя лингвотоксичные элементы. В фокусе исследовательского внимания вопросы о том, что представляет собой тот или иной язык, какие факторы на него воздействуют, к чему приводит данное влияние, каковы основные угрозы для «жизнедеятельности» данного языка, каковы механизмы взаимодействия того или иного языка с языками, которые также активно используются на данной территории, какие факторы обуславливают «продвижение» одного языка и снижают значимость другого и т. д. [3, р. 59].

Всеми исследователями подчеркивается важность лингвоэкологии как динамической, а не статической науки. Эта отрасль знания занимается не только констатацией сложившейся в том или ином языке ситуации, но имеет огромный прогностический и даже терапевтический потенциал. Например, сегодня при изучении «малых» языков не только описывается их роль, но и тщательно анализируются экстралингвистические факторы, которые могут быть использованы для «возрождения» какого-то определенного языка [4, р. 6]. В своих исследованиях отношений, возникающих между различными существующими формами языка и группами людей, которые их используют в своем взаимодействии, Э. Хауген использует термин «экосистема», включающий, с одной стороны, понятие «окружающая среда», которое охватывает и биологическую, и физическую сферы, а с другой – социум, использующий язык и человеческий разум, в котором один язык может сосуществовать с другими языками [5, р. 325–329]. Иными словами, лингвоэкология рассматривает язык не как структуру фонологических, синтаксических и лексических элементов, а как динамическую силу, которая играет важную роль во взаимодействии между культурами, между системами мысли и реальным миром.

Говоря об экосистеме языков, Э. Хауген подчеркивает, что языки, используемые людьми, размножаются, скрещиваются, изменяются, взаимно влияют друг на друга, конкурируют или сотрудничают. При этом взаимодействие языков находится в тесной взаимосвязи с окружающей средой. Здесь стоит помнить, что в каждый момент язык подчиняется внешним стимулам, к которым он приспосабливается.

Вопросы, которые волновали Э. Хаугена, сегодня считаются важнейшими проблемами современных лингвоэкологических исследований. Конечно, лингвоэкологическая проблематика не могла не затронуть современный английский язык, который еще в прошлом веке получил статус языка международного общения в большинстве межнациональных профессиональных контекстов.

Очевидно, что в современном мире английский язык играет роль лингва-франка, т. е. это язык, на котором происходит общение между деловыми партнерами, принадлежащими различным культурам; это язык, который используется на международных конференциях при обсуждении самого широкого спектра проблем; это язык, на котором осуществляется большая часть деловой переписки; это язык, на котором взаимодействуют люди самых различных профессий: от науки до технологий, от дипломатии до мира спорта, от музыки до рекламной индустрии. Причины растущего использования английского языка в качестве лингва-франка, безусловно, тесно связаны как с глобализацией деловых операций и различных профессиональных контактов, так и с активным развитием коммуникационных технологий [6, p. 202].

Бесспорно, что процесс глобализации еще более укрепил позиции английского языка. В настоящее время на мировом уровне именно английский язык признается наиболее эффективным, т. к. он способствует наиболее действенному достижению самых разнообразных целей. Столь явная востребованность и высокий потенциал английского языка во взаимодействии и обмене информацией стал причиной постоянно растущей необходимости в изучении его как иностранного. Последнее, в свою очередь, вызвало значительный спрос на преподавание английского языка.

Во многих странах английский становится вторым языком, который прежде всего используется в профессиональной деятельности с расчетливыми целями. Именно такой языковой модели придерживаются многие европейские страны, например Нидерланды и страны Скандинавии, где такие крупные компании, как *Royal Dutch Shell*, *ABB* и *Nokia*, осуществляют целенаправленную жесткую политику по внедрению английского языка [7, p. 560]. В подобных компаниях коммуникация на английском языке рассматривается не только как благоприятное условие для международного общения внутри и вне компании, но и как определяющий фактор для создания корпоративной культуры в британских филиалах, размещенных за рубежом, или для расширения возможностей развития командной сплоченности во время различного рода профессионального взаимодействия. В обоих случаях коммуникация является инструментом стратегического менеджмента в осуществлении международной деятельности, а владение языком является решающим фактором в осуществлении повседневной кооперации.

Однако вместо того, чтобы улучшить внутреннее и внешнее взаимодействие в многонациональной среде, использование английского как общепризнанного корпоративного языка зачастую приводит к проблемам взаимопонимания. Как отечественные, так и зарубежные ученые сегодня единодушны в признании того факта, что тот язык (*English as a Lingua Franca: ELF*), который распространен среди неместных носителей языка и используется сегодня различными организациями при ведении международной деятельности, чрезвычайно далек от английского языка (*Standard English*) и используется его носителями. По мнению Т. Барлетта, используемый в многонациональных

компаниях английский язык является своего рода креольским языком, который легче понять сотрудникам, нежели носителям [8, p. 184].

Другим не менее значимым последствием использования английского языка в международных корпорациях является централизация коммуникации в пределах компании: те, кто обладает способностями освоить иностранные языки, очевидно, не испытывают сложностей при знакомстве с новыми людьми и эффективном взаимодействии с ними. Централизацию коммуникации связывают с концентрацией власти в руках тех, кто может инициировать процесс коммуникации самостоятельно, в то время как те, кто вынужден общаться через посредников, довольствуются меньшей властью. Таким образом, владение языком становится важным инструментом во внутренней политике компании, что сопровождается значительными стратегическими последствиями.

Распространение английского языка, которое часто благоприятствует культурным обменам и контактам между нациями, поднимает принципиальный вопрос так называемой «не-нейтральности языка». Например, в деловой коммуникации, где английский язык представляет собой средство общения людей разных культур, позволяющее достичь общих целей, постоянное использование данного языка обязательно культурно маркировано и, соответственно, требует определенной адаптации со стороны взаимодействующих сторон.

Подчеркнем, что культурная маркированность свойственна любым формам как личного, так и институционального взаимодействия. Как в устных, так и в письменных текстах, которые создаются не только стилевым однообразием соответствующей тематики, но и средствами риторического и текстового уровней в соответствии с когнитивными образцами и дискурсивными правилами, принятыми в среде говорящих или пишущих, культурная маркированность касается не только используемого для коммуникации языка, но и правил межличностного поведения и взаимодействия в целом.

Здесь, конечно, нельзя не упомянуть и о том, что антропологические и социологические признаки взаимодействия культур в международных организациях обуславливают стремительное развитие гибридных коммуникативных форм, в которых новый набор культурных ценностей и образов создается в ответ на потребность «общаться глобально». Появляющаяся новая коммуникативная система с «чужими» элементами, принимая нормы и качества доминирующего языка и культуры определенного дискурсивного сообщества, продолжает проявлять свои собственные ключевые качества. В то же время, английский как язык-лидер в международной профессиональной среде имеет и эффект «обратного потока», загрязняя и гибридизируя родную систему.

Таким образом, весь очерченный выше круг проблем современного английского языка с точки зрения лингвоэкологических исследований может быть сведен, на наш взгляд, к научно-исследовательскому анализу трех основных моделей (направлений): «язык – язык», «язык – коммуникант», «язык

– дискурс», позволяющих комплексно проанализировать и оценить коммуникативное взаимодействие, выявить лингвотоксичные элементы, затрудняющие коммуникацию, и спрогнозировать успешность как личного, так и профессионального общения.

Литература

1. Fill, A. Language and Ecology: Ecolinguistic Perspectives for 2000 and Beyond // Selected papers from AILA '99 Tokyo: plenary addresses, keynote addresses, special lectures, special symposia, invited symposia: 12th World Congress of Applied Linguistics. Tokyo: Waseda University Press, 2000. 162 p.
2. Encyclopedia of language and education: Ecology of language, Vol. 9. Front Cover. Angela Creese, Peter W. Martin, Nancy H. Hornberger. Springer, 2008. 369 p.
3. Haugen, E. The Ecology of Language // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. London, N.Y.: Continuum, 2001. P. 57–66.
4. Kankaanranta, A., Louhiala-Salminen, L. What language does global business speak? The concept and development of BELF // *Ibérica*. 2013. № 26. P. 17–34.
5. The Ecology of Language: Essays by Einar Haugen, Stanford: Stanford University Press. P. 325–329.
6. Baker, W. Intercultural awareness: modeling an understanding of cultures in intercultural communication through English as a lingua franca // *Language and Intercultural Communication*. 2011. № 11. P. 197–214.
7. Wilson, J.R. Fundamentals of ergonomics in theory and practice // *Applied Ergonomics*. 2000. № 31. P. 557–567.
8. Bartlett, T. Legitimacy, Comprehension and Empathy // *European Journal of English Studies*. 2009. Vol. 13. Issue 2: Intercultural negotiations. P. 179–192.

УДК 378.147

ББК 74.58

ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ К КВАЛИФИКАЦИОННЫМ ЭКЗАМЕНАМ ООН В МГЛУ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

И.М. Шокина

Аннотация. В статье рассказывается о возрождении в МГЛУ традиции подготовки переводчиков для работы в ООН в современных изменившихся условиях и многополярности векторов подготовки слушателей программы.

Ключевые слова: меморандум о взаимодействии, квалификационные экзамены, основные дисциплины, спецкурс.

UN CAREERS LANGUAGE COMPETITIVE EXAMINATIONS TRAINING PROGRAMME AT MSLU: TRADITIONS AND INNOVATIONS

I. Shokina

Summary. The article describes the revival of the traditional for MSLU UN language careers training programme under modern conditions and multipolarity of the vectors of training the students of the Programme.

Key words: memorandum of Understanding between the United Nations and Universities on Cooperation in Training of Candidates for the Competitive Language Examinations, main disciplines, special course.

Еще в СССР на базе МГПИИЯ им. М. Тореза (позднее преобразованный в МГЛУ) с 1962 г. по 1991 г. существовали курсы переводчиков ООН, где наиболее одаренные и подготовленные выпускники переводческого факультета, пройдя обучение по годичной программе интенсивной подготовки, на ротационной основе направлялись на работу в качестве устных и письменных переводчиков в ООН.

В результате многие из сотрудников службы устных (синхронных) и письменных переводчиков с русским языком, работающих в ООН – выпускники МГПИИЯ им. М. Тореза и курсов переводчиков ООН.

С апреля 2017 г., когда МГЛУ получил приглашение принять участие в качестве наблюдателя в 5-й Международной конференции университетов, подписавших Меморандум с ООН о содействии в подготовке переводчиков, проходившей в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, сотрудничество с Организацией возобновилось. Удалось восстановить контакты с выпускниками курсов переводчиков ООН МГПИИЯ им. М. Тореза разных лет, успешно работающих в различных службах и отделениях ООН, а также завязать партнерские отношения с университетами России, подписавшими Меморандум с ООН и сотрудничающими с организацией на постоянной основе (Санкт-Петербургская высшая школа перевода РГПУ им. А.И. Герцена, Высшая школа перевода МГУ, МГИМО, МГЛУ (Беларусь)).

В результате активного взаимодействия с руководителями всех русских переводческих служб Секретариата ООН в Нью-Йорке, коллегами из университетов, подписавших Меморандум на переводческом факультете МГЛУ разработана Программа подготовки к квалификационным экзаменам ООН, и 5 сентября 2017 г. приказом ректора открыт годичный дополнительный образовательный курс «Подготовка к квалификационным экзаменам ООН» для прошедших конкурсный отбор пятикурсников специалитета.

На основе анализа опыта коллег, реализующих подобную программу подготовки, воспоминаний, советов выпускников Курсов ООН тех лет возникло понимание:

- как должна строиться Программа подготовки;
- какие дисциплины необходимы для реализации поставленных задач;
- кто должен преподавать на этом курсе.

В результате выбран собственный путь с учетом опыта реализации подобных программ – с привлечением лучших практикующих переводчиков-синхронистов и письменных переводчиков ООН и одновременно преподавателей МГЛУ, выполняющих кропотливую ежедневную работу, постоянно обучающихся наряду со слушателями у коллег из ООН. Это преподаватели переводческого факультета МГЛУ Е.В. Баварова (английский язык), И.М. Титова (испанский язык) и В.В. Фролова (французский язык).

Программа рассчитана на 40 недель подготовки 20 часов в неделю, делится на основные дисциплины и дисциплины спецкурса.

Основные дисциплины:

1. Синхронный перевод (английский – русский – английский) с включением последовательного перевода.
2. Письменный перевод (английский – русский).
3. Синхронный перевод со второго иностранного языка на русский (французский, испанский).
4. «Корректирующий курс родного языка».
5. Спецкурс (состоящий из многих дисциплин).

Основные дисциплины помимо штатных преподавателей ведут:

- Палажченко Павел, выпускник МГПИИЯ им. Мориса Тереза, курсов переводчиков ООН, переводчик М.С. Горбачёва и Э.А. Шеварднадзе;
 - Мостинская Ольга, внештатный переводчик-синхронист ООН, МАГАТЭ и других подразделений ООН, выпускница МГЛУ;
 - Матыцин Александр, выпускник МГПИИЯ им. Мориса Тереза, курсов переводчиков ООН, член международной ассоциации устных и письменных переводчиков, в прошлом переводчик русской службы письменного перевода ООН;
 - Тельнов Николай, переводчик русской кабины отделения ООН в Вене, выпускник курсов ООН при МГПИИЯ им. Мориса Тереза;
 - Коблева Наталья, переводчик-редактор русской службы письменного перевода ООН в Нью-Йорке;
 - Успенская Анна, Гариев Юрий, Гогин Сергей и другие сотрудники русской кабины штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке;
- «Корректирующий курс родного языка» преподаёт доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности МГЛУ Ольга Евтушенко.

Спектр дисциплин *спецкурса* весьма широк, т. к. помимо дополнительных чисто технических навыков и умений переводчику, работающему в ООН, нужно понимание международных процессов, происходящих в сегодняшнем мире, глубинных источников современных конфликтов, знания о мировой финансовой системе и организациях.

Дисциплины спецкурса ведут:

- Бурляй Я.А., чрезвычайный и полномочный посол, профессор ИМОиСПН, директор центра ибероамериканских программ МГЛУ;
- Лилеев Иван Львович, профессиональный политолог, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Российской академии наук, профессор ИМОиСПН МГЛУ;
- Васильев Геннадий Александрович, зам. начальника отдела Международного департамента Министерства финансов РФ;
- Кислицина Эльвира Васильевна, преподаватель техники речи, обучающая всех переводчиков первых лиц государства в МИДе России, дикторов телевидения.

Программа предполагает проведение мастер-классов переводчиков ООН, приезжающих в МГЛУ.

Так прошли мастер-классы по письменному переводу переводчика-редактора русской письменной службы Секретариата ООН Коблевой Натальи.

Дважды проводились недельные мастер-классы по синхронному переводу Тельнова Николая, переводчика русской кабины в Вене. Во время первого состоялся экзамен по синхронному переводу с двух языков за 1-й семестр, в состав комиссии вошли два переводчика ООН. Они отметили достойный уровень подготовки и несомненный потенциал слушателей.

Второй мастер-класс проходил в марте 2018 г. и завершился очень напряженной подготовкой к недельной стажировке в Вене, в отделении ООН, где слушатели переводили в кабине на заседаниях Комиссии ООН по мирному использованию космоса. Кураторы стажировки дали самые положительные отзывы.

МГЛУ тесно сотрудничает с Информационным центром ООН в Москве. Кульминацией сотрудничества стало Подписание соглашения о сотрудничестве МГЛУ и Информационного центра ООН 15 ноября 2017 г. о взаимодействии, направленном, в т. ч., на сохранение и продвижение языкового разнообразия и других ценностей, разделяемых Организацией Объединенных Наций и Университетом. Согласно этому Договору Информцентр ООН с готовностью предоставляет студентам ПФ возможность пройти у них производственную практику в качестве переводчиков.

При поддержке Информационного центра ООН, по инициативе ООН 5 марта 2018 г. подписан Договор ООН-МГЛУ о взаимодействии в деле подготовки переводчиков к сдаче квалификационных экзаменов ООН и проведении дистанционных стажировок для слушателей Программы русскими службами устного и письменного перевода Секретариата ООН в Нью-Йорке с выдачей соответствующих сертификатов.

В рамках этого Договора на регулярной основе проводятся скайп-сессии по устному и письменному переводу. В июне 2018 г. по итогам письменной стажировки выданы сертификаты 9 слушателям первого выпуска, успешно справившимся с программой.

Летом впервые прошла двухмесячная дистанционная стажировка по устному переводу. Этот абсолютно новый формат стажировки обсуждался во время визита в апреле 2018 г. руководителя русской службы устного перевода Секретариата ООН Сергея Кочеткова в МГЛУ. Ранее служба устного перевода проводила только очные стажировки, и не всегда на месте удавалось эффективно организовать обучение. По инициативе службы разработана новая Программа дистанционной стажировки, которая, по мнению коллег из Нью-Йорка, стала не менее эффективной, чем очная, а в чем-то и превзошла ее. По окончании успешно выдержавшие испытания получили сертификат ООН о прохождении стажировки.

По инициативе Секции русского устного перевода проведен финальный экзамен по синхронному переводу с двух языков ООН, и по его итогам ДГА-

КУ-Секретариат ООН Нью-Йорк зачислила в кандидаты на внештатную работу выпускников Программы подготовки к квалификационным экзаменам ООН в МГЛУ Ловкова Олега и Ликурцеву Юлию, двух слушателей летней двухмесячной дистанционной стажировки, проводимой в МГЛУ, действующих переводчиков ДЛО МИД России, направленных в МГЛУ с места работы.

Помимо нового формата сотрудничества Программы подготовки к квалификационным экзаменам ООН с лингвистическими службами Организации, в 2017–18 гг. слушатели Программы имели возможность пройти очную стажировку в Русской Службе стенографических отчетов Секретариата ООН в Нью-Йорке (4 чел.) и в Русской службе письменного перевода (2 чел.).

По результатам стажировок получены слова благодарности от руководителей соответствующих Служб (Ольги Казанли и Дмитрия Сапсая) за высокий уровень подготовки кадров.

3 октября 2018 г. прошел дистанционный квалификационный экзамен ООН по письменному переводу. Все слушатели Программы приняли в нем участие. Результаты первого тура станут известны только через три месяца.

В заключении следует сказать, что Программа как живой организм развивается.

Летом 2018 г. проведен месячный курс подготовки к вступительному испытанию при отборе кандидатов на Программу. Содержание курса активно обсуждалось с нашими консультантами:

- начальником русской кабины в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке Кочетковым Сергеем, выпускником курсов ООН МГПИИЯ;
- начальником русской службы письменного перевода в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке Сапсаем Дмитрием, выпускником курсов ООН МГПИИЯ;
- начальником Службы стенографических отчетов в штаб-квартире ООН Казанли Ольгой и многими другими.

Все вышесказанное позволяет надеяться, что у Программы подготовки к квалификационным экзаменам ООН большое будущее. Выпускники курса будут успешно продвигать бренд МГЛУ как в России, так и за рубежом.

УДК 81'25:159.9

ББК 88

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

О.В. Шурыгина, Ю.И. Федотова

Аннотация. Статья посвящена изучению психологических особенностей переводческой деятельности. Авторы предпринимают попытку определения специфики и структуры психологической готовности переводчика.

Ключевые слова: психологическая готовность, профессиональная деятельность, профессиональные качества переводчика, процесс перевода.

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE PSYCHOLOGICAL READINESS OF AN INTERPRETER

O. Shurygina, Y. Fedotova

Summary. *The article is devoted to the study of the psychological peculiarities of interpreting. The attempt to reveal the essence and structure of the psychological readiness is undertaken; also the psychological readiness of an interpreter is defined.*

Key words: *psychological readiness, professional activity, a translator's professional qualities, translational operation.*

В настоящее время проблема формирования психологической готовности переводчика является актуальной и представляет большой интерес в современном научном мире. Изучение психологического состояния переводчика отвечает общему направлению антропоцентрической парадигмы – изучение человека в языке, его способности порождать текст.

Как отмечает Е.Р. Поршнева, в процессе межкультурной коммуникации устный переводчик не ограничивается ролями потребителя, посредника и производителя сообщения. В ролевой репертуар устного последовательного переводчика включена роль «практического психолога», т. к. переводчик корректирует свое речевое поведение, учитывая межличностные отношения, психологическое состояние и психологические реакции участников межкультурного общения [1, с. 25]. Это обуславливает необходимость рассматривать процесс профессиональной подготовки переводчиков с двух точек зрения: лингвистической и психологической, поскольку эти два аспекта переводческой деятельности тесно связаны и невозможны одна без другой.

При рассмотрении проблемы готовности к переводческой деятельности основной акцент делается на определение необходимого и достаточного количества профессиональных знаний, переводческих умений и качеств личности.

В процессе перевода переводчик сталкивается как с лингвистическими, так и с психологическими трудностями. К психологическим трудностям относятся:

- 1) восприятие, понимание текста на иностранном языке (далее – ИЯ) и порождение текста на язык перевода (далее – ЯП);
- 2) преодоление «коммуникативного стресса».

Рассмотрим эти трудности.

Прежде всего, переводчик должен быть компетентен в проблеме, которая поднимается в тексте перевода. У него должны быть фоновые знания, чтобы разобраться в сущности вопроса, правильно понять содержание рассматриваемых вопросов, интерпретировать их в своем сознании на родном языке, а затем породить новый текст, полностью и точно передающий информацию ИЯ на ЯП.

Активная позиция переводчика в двуязычной коммуникации возлагает на него высокую ответственность за результат, что может стать причиной

коммуникативного стресса, который проявляется в специфических реакциях индивида, находящегося либо в роли реципиента, либо коммуникатора в результате коммуникативно-информационных процессов. Изучение причин коммуникативного стресса в деятельности переводчика, способов снижения стресса также представляется важным в процессе формирования психологической готовности переводчика [2, с. 159].

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что существует ряд определений понятия «готовность». Так И.М. Кондаков определяет готовность как установку к осуществлению действия, т. е. состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий» [3, с. 78]. Рассматривая психологическую готовность как один из главных компонентов готовности к профессиональной деятельности в целом, ученые определяют ее как совокупность когнитивных, мотивационных, эмоционально-волевых компонентов, профессиональных знаний и умений (Д.И. Дементий, Л.И. Кобзар, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин).

Обзор научных исследований по проблеме рассмотрения сущности психологической готовности, изучение основ теории переводческой деятельности делает возможным выделение в ее структуре некоторых компонентов: 1) мотивационного; 2) когнитивного; 3) рефлексивного; 4) эмоционально-волевого.

В формировании психологической готовности особое место принадлежит *мотивационному компоненту*. Мотивационная готовность переводчика к профессиональной деятельности формируется посредством управления внешними и внутренними мотивами. Немаловажную роль играет целеполагание, т. е. практическое осмысление своей деятельности, что позволяет определить основные цели, расставить приоритеты и повысить качество профессиональной деятельности.

Когнитивный компонент психологической готовности выражен в знании и понимании переводчика своих обязанностей, владении средствами и алгоритмами решения переводческих задач, в способности самостоятельно добывать и систематизировать специальные знания.

Рефлексивный компонент проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного профессионального развития, личностных достижений, в умении осуществлять самоконтроль.

Когда преподаватель предлагает студентам провести анализ самостоятельно выполненного перевода, он помогает им осознать сильные и слабые стороны своей работы. Внимание при этом фокусируется не только на ошибках, но и на переводческих удачах и находках – так выявляются закономерности удачных переводческих решений.

Эмоционально-волевой компонент психологической готовности предполагает эмоциональную реакцию переводчика на процесс и результат своей

деятельности. Известно, что положительные эмоциональные реакции укрепляют эту деятельность, отрицательные деструктурируют, парализуют ее. Показателями эмоционально-волевой устойчивости являются способность к управлению собой, к мобилизации сил, сосредоточению на задаче, отвлечению от мешающих воздействий, воодушевление, высокий уровень самоконтроля над эмоциями и поведением, устойчивость к стрессам.

Немало важную роль играет предварительный позитивный настрой на предстоящую профессиональную деятельность.

Вышеперечисленные компоненты помогают начинающему переводчику адаптироваться к профессиональной деятельности в современном мире. Их целенаправленному формированию способствует адекватное методическое обеспечение учебного процесса, включающего аналитико-поисковые тренинговые упражнения, проблемные задания, творческие проекты.

Психологическая готовность переводчика – совокупность мотивационного, когнитивного, рефлексивного и эмоционально-волевого компонента. В общем понимании психологической готовностью переводчика называют нацеленность на совершение определенных действий, установку на то или иное поведение, если она основана на психологических характеристиках личности.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности формируется в процессе профессионального обучения, поэтому в учебном процессе необходимо создавать реалистические ситуации перевода. Так, например, деловые игры, имитирующие международные конференции с участием иностранных гостей, тренируют не только лингвистические способности будущего переводчика, но и психологическую готовность к осуществлению профессиональной деятельности.

Литература

1. Поршнева, Е.Р. Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки переводчика: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2004. 41 с.
2. Гуреева, А.А. Коммуникативные действия переводчика в ситуации коммуналного перевода // Вестник ВолгогрГУ. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 159.
3. Кондаков, И.М. Психологический словарь. М., 2000. 195 с.
4. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 308 с.
5. Зимняя, И.А. Педагогическая психология. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 384 с.
6. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

УДК 811.112.2

ББК 81.432.4

СМЕШАННЫЙ ЯЗЫК КАК ПРИМЕР ЯЗЫКОВОЙ ДЕГРАДАЦИИ В ПОСТГЛОБАЛИСТСКОМ МИРЕ

Эгон Хайн

Аннотация. Цель этой статьи – структурный анализ языка русскоязычных переселенцев в Германии с использованием примеров. Особое внимание уделяется

также беззаботному и безответственному отношению к деградации немецкого языка.

Ключевые слова: англизация, безответственность, деградация языка, дух Шиллера, лингвистическая безопасность, русскоязычные переселенцы, смешанный язык.

MIXED LANGUAGE AS AN EXAMPLE OF LANGUAGE DEGRADATION IN POST-GLOBALIST WORLD

E. Hein

Summary. *The purpose of this paper is structural analysis of the language of russian-speaking repatriates in Germany using example based approach. The focus is also on the carefree attitude and irresponsibility towards degradation of German language.*

Key words: *anglicization, irresponsibility, language degradation, linguistic safety, mixed language, Russian-speaking repatriates, spirit of Schiller.*

1. *Denglisch*, или Борьба против духа Шиллера

Кто-то доволен своим луком (нем. *Look*), а кто-то не доволен своим аутфитом (нем. *Outfit*). Можно зайти в супермаркет (нем. *Supermarkt*) и заняться шоппингом (нем. *shoppen*). При этом не следует забывать о тайминге (нем. *Timing*). Любую инфу (нем. *Info*) можно отгуглить (нем. *googeln*) в сети, но для этого следует заранее обеспечить безопасность сёрфинга (нем. *Surfing*, *Surfen*) и даунлоуда (нем. *Download*), установив свежий апдэйт (нем. *Update*) антивируса.

В немецком языке свирепствует во всю т. н. «дэнглиш» (нем. *Denglisch*), т. е. англизированный немецкий язык. Англизирование не чуждо и другим языкам, например, как видно из приведенных выше примеров, русскому. Засилье английского языка в немецкоязычных странах так велико, что о дэнглише уже есть научные работы, множество журналистских и сатирических статей, а также можно наблюдать бесконечное количество примеров в повседневной речи, в СМИ, рекламе и научном языке.

Современный немецкий язык преобразовывается, причем не в положительную сторону. И далеко не все его носители это приветствуют. В частности, о дэнглише высказывания вроде *Ich kann das Denglisch nicht mehr hören!* («Я этот дэнглиш уже слышать не могу!») множатся в немецкоязычной Европе, о чем свидетельствуют различные опросы и научные доклады. Австрийцы, например, давно перешли от возмущений к действиям. Они следят, можно даже сказать, борются не просто за немецкий язык, а за австриацизмы, т. е. за лексику именно их варианта немецкого языка. И делают они это, надо сказать, очень основательно, очищая лексику в повседневной жизни, средних школах и вузах. Во Франции поступают похожим образом. Если в Австрии или Франции эта борьба ведется довольно успешно (проявляясь даже в законодательстве), то в Германии она не ведется вовсе.

Верхненемецкий язык, который сегодня изучают и на котором пока еще говорят, стоит на плечах развития, которому более чем тысяча лет, он развивался и формировался на протяжении всей истории немецких народов, начиная как минимум с «Песни о Хильдебранде». Решающий толчок этому разви-

тию дал в свое время Лютер, а в литературе такие деятели, как Гёте и Шиллер подняли его своим пером с высоким штилем до высочайшего уровня.

Если еще шестьдесят лет назад – что в ФРГ и ГДР, что в СССР – можно было возмущаться, скажем, по поводу пропущенной запятой, то сегодня – как в нынешней Германии, так и в России – пора спрашивать, будучи уже в страхе за безопасность родного языка, словами героя «Судьбы Барабанщика»: «За это ли, я спрашиваю тебя, старик Яков, за это ли боролся ты и страдал?» [1]. И обращаться при этом нужно ко всем вышеупомянутым великим: старик Мартин, старик Вольфганг, старик Фридрих, вы за это боролись?! Впрочем, обращаться уже поздно, как и взывать к их духу. Сегодня самое время пить за хромящее здоровье немецкого языка. Ведь неслучайно написал Уинстон Черчилль однажды в одном из своих писем: *Great Britain was fighting not against Hitler, and not even against National Socialism, but against the spirit of the German people, against the spirit of Schiller, so that this spirit would never be re-born* [2]. На сегодняшний день эта цель во многом достигнута.

Denglisch – это сегодняшняя реальность. Ровно, как и рунглиш (англ. *Runglish*) – своеобразный язык русскоязычных иммигрантов в США: русский язык на английский лад, или наоборот.

2. *Rudeutsch* – это язык

Речь здесь пойдет об очень похожем, актуальном и не менее изощренном языковом искусстве, который возник как *Runglish*, а развивается не менее успешно, чем *Denglisch*. На нём говорит в немецкоязычной Европе значительная часть тех иммигрантов, которые являются т. н. поздними переселенцами, т. е. эмигрантами в основном из т. н. постсоветского пространства. Представлен, кратко проанализирован и прокомментирован этот язык будет на примере его использования переселенцами в Германии.

Конечно, кто-то из поздних переселенцев ассимилировал, но для подавляющего большинства характерен бикультурный образ жизни и двуязычное образование. Среди этого большинства кто-то говорит на немецком и русском, а очень многие на некоем смешанном языке, постоянно обильно примешивая к своей как устной, так и письменной речи всё новые и новые придуманные словоформы. Некоторые исследователи называют этот пока еще мало исследованный язык описательно *Aussiedlerisch* (нем. досл. «переселенческий») [3, с. 173]. Моё рабочее название для него: *Rudeutsch*.

Лингвистическая эквилибристика его носителей очень своеобразна, она структурирована как полноценный язык, у которого есть свои особенности в фонетике, в словообразовании и синтаксисе. Так что мы имеем дело именно с языком.

Часто, например, пишутся русские слова так, как они слышатся по-немецки: (1) *Bodensee* (нем. «Боденское озеро») как «Бодензэ»; (2) *Euro* (нем. «евро») как «ойро».

Особенно ярко выражено словообразование. Тут можно заметить некое правило: используя немецкий корень слова, добавляются русские при-

ставки, суффиксы и окончания. Примеры преобразования глаголов: (3) *sich anmelden* (нем. «зарегистрироваться»): «замельдоваться»; (4) *mieten* (нем. «снимать; брать напрокат, в аренду»): «митовать»; (5) *spüren* (нем. «ощущать, чувствовать»): «шпюровать». Причины такого словообразования, на мой взгляд, достаточно ясны. Переселенцы в своей массе достаточно хорошо запоминают новые немецкие слов, т. е. корни, а немецкие приставки и окончания даются трудно, к тому же есть тяга сохранить богатство русских глаголов, которое зиждется именно на приставках и окончаниях, каковые и привлекаются для спряжения.

Интересно образование существительных последнего времени из области компьютерных технологий. Примеры: (6) *Tastatur* (нем. «клавиатура»): «*тастатура*»; (7) *Festplatte* (нем. «жесткий диск»): «фестплата» (Здесь окончание тоже «а», т. к. в немецком языке слово *Festplatte* женского рода); (8) *Drucker* (нем. «принтер»): «друкер». В примере (8) мы имеем дело с довольно забавным случаем. Дело в том, что само устройство появилось вместе с компьютерами в 2000-х, а переселенцы предыдущих волн в большинстве своём не знали ни устройства, ни его русское название. Если в русскоязычные страны вместе с устройством пришло его название, заимствованное из английского языка (от слова *printer*), то переселенцы в Германии заимствовали его абсолютно аналогично из немецкого.

Подобное словообразование характерно и для разных существительных. Их бесконечное множество. Вот несколько примеров: (9) *Abstellraum* (нем. «кладовая; помещение для хранения»): «абштелька» (Образовано, вероятно, от слова «кладовка»); (10) *Apothek* (нем. «аптека»): «апатека». Словообразование в примере (10) довольно интересное и его стоит пояснить. Поскольку в немецком слове *Apothek* в первом слоге присутствует вторая гласная, которая всегда слышна, а в русском слове таковой на этом месте нет, то, имитируя немецкое слово, она добавляется в русском, причём по правилам фонетики разговорного русского языка как звук «а». И пишется она как «а», т. к. в языке переселенцев всё пишется, как слышится. Ударение же наследуется, и переходит в русском слове так же на второй слог (на гласную «е»).

(11) *Bäckerei* (нем. «хлебопекарня, булочная»): «бекерайка» (Поскольку булочные – это обычно небольшие прилавки в супермаркетах, то образуется диминутив с типичным суффиксом «ка».); (12) *Autobahn* (нем. «скоростная автодорога»): «автобан». Примечателен пример (12), поскольку некоторые словари указывают «автобан» как допустимый русский перевод. Если «автобан» можно считать полноценным заимствованным словом, как «шлагбаум» и пр., то тут стоит отметить, что *Rudeutsch* в данном случае совпал с заимствованным словом в русском языке, поскольку переселенцы его не никак не заимствовали, а образовали, согласно правилам своего языка-новояза.

Переселенцы демонстрируют еще более творческий подход: прямое фонетическое заимствование в комбинации с сохранением синтаксиса и с прямым переводом. Это особенно ярко выражено в словосочетаниях: (13) *mit*

Freunden weggehen (нем. «встречаться с друзьями»): «с друзьями уходить» («*mit Freunden*»: «с друзьями»; «*weggehen*»: «уходить») [3, с. 172]; (14) *Sport machen* (нем. «заниматься спортом»): «делать шпорт» («*Sport*» [ʃpɔrt]: «спорт»; «*machen*»: «делать») [3, с. 172]; (15) *Antrag stellen* (нем. «подать заявление»): «поставить антраг» (*Antrag*: «заявление»; глагол *stellen* первоначально означает «ставить»); (16) *Termin machen* (нем. «договориться о встрече, записаться на приём»): «сделать термин» (*Termin* [tɛr'mi:n]: «встреча, приём»; «*machen*»: «делать, сделать»). Необходимо отметить, что это выражение (пример 16), которое связано с канцелярией, различными канторами, с которыми переселенцам в силу многих причин приходится пересекаться, уже живет особой жизнью. На сегодняшний день, например, Российское консульство в Бонне на своём сайте в русскоязычном варианте совершенно серьёзно использует слово «термин»: «Прием... ведётся без терминов и предварительной записи каждый рабочий день» [4].

Часто используются устойчивые немецкие выражения без перевода: (17) «Меня интересуют клубы, музеи, кино, *das ist zum größten Teil*» (*das ist zum größten Teil*: нем. «это больше всего») [3, с. 172]; (18) «Я в университете ...*was heißt «lernen»?*» [3, с. 174]. Довольно любопытный случай в примере (18), с привычной фразой-вопросом. Человек не знает, как по-русски будет перевод того или иного слова (в данном случае – глагола *lernen*, нем. «учиться»), и переспрашивает по-немецки привычной фразой. И делает так постоянно, вместо того, чтобы один раз выяснить, как переводится весь вопрос на русский язык, и впредь уметь спрашивать по-русски. Просто, привыкнув к смешанному языку, ни спрашивающего, ни спрашиваемого несколько не смущает подобное общение. «Студент» или «студентка» здесь даже не замечает, что смешон / смешна вдвойне, т. к. по-немецки «учиться в университете» переводится не *an der Universität lernen*, а *an der Universität studieren*.

Так появляются новые слова, фразы и собственно целый язык смешанного характера. Если учесть, что переселенцы живут и общаются в большинстве своём общинами, то немудрено, что культивирование таких неологизмов происходит как в инкубаторе. Когда переселенцы, к примеру, встречаются новых знакомых, то они не замечают, что «язык» новых друзей тот же, что и у них. Курьёзы с непониманием, причем весьма забавные, происходят как раз тогда, когда переселенцы общаются, с кем-нибудь из русскоязычной страны, например, спрашивая другого, как ему нравится новая «замитованная» квартира, или, пытаясь договориться с другим о «термине» и обсудить все «нахтайли», то с другой стороны телефонной линии или на другом лице всё говорит о том, что коммуникационный процесс пробуксовывает.

3. *Linguae mutantur et nos mutantur cum illis*

Как же смешон язык, когда смешан. Но хочется заметить словами Лермонтова, что все это было бы смешно, когда бы ни было так грустно. Ведь переселенцы не замечают, как язык меняет их самих, их речь, их мышление, их мир. Часто можно наблюдать, что многие относятся к этому языку с опре-

деленным юмором. Часто можно встретить разговоры о том, что это все не в серьёз, как будто понарошку, как будто игра. Но дело в том, что при таком отношении, когда деградация – не только данного языка, и не только языка вообще – кажется чем-то милым, чем-то юморным, не имеющим ничего предосудительного, то она незаметно становится массовой. Поддерживая «милый», «юморной» подход, который ни к чему не обязывает, позволяет быть – в языковом и не только плане – беспечным ребёнком. Ярко выраженное проявление детскости, и вообще любое впадение в детство означает регресс [5]. Кому-то так, видимо, удобно, весело. Если бы представитель такого подхода посмотрел на себя со стороны, то, несомненно, заметил бы словами ослика Иа в экранизации повести о «Винни-Пухе»: «Жалкое зрелище, душераздирающее зрелище, кошмар...» [6].

Часто дети переселенцев во втором или третьем поколении говорят на смешанном языке. Таким образом, можно заключить, что эти дети и взрослые в языковом плане отстают по своему развитию в яслях [5]. Так что и *Rudeutsch*, и *RunGLISH*, и *Denglish*, и всевозможные албанские и прочие новоязы – всё это может быть смешным только до определённого предела. Булгаковский Воланд сказал бы таким, как он бы выразился, «горожанам»: «Наденьте голову!»

Кто утверждает, что *Rudeutsch* или *RunGLISH* – это маргинальные явления, что, когда дети переселенцев вырастут, то они в большинстве своем забывают русский и уже говорят только на своём родном (немецком или английском) языке, а кто учит два языка основательно, в такие болота не попадает, словом, что эта квази-проблема не более чем буря в стакане, тем следует помнить, что, как упомянуто выше, мир – понятие не количественное, а качественное. Здесь важно, безусловно, не только и не столько количество носителей этого языка. Ведь достаточно же было, к примеру, создать некий искусственный язык блоггеров, чтобы он, просуществовав сначала в письменном виде в Интернете, в итоге благополучно попал в устную речь [7]. В результате сегодня русскоязычные граждане разного возраста, социального положения и с разным образованием просто «красафчеги», они говорят, что «реально» «жгут», и т. д., и т. п. Во-вторых, такие переселенцы часть целого мирового полотна проявлений общего мирового кризиса языка, любого языка и языка вообще. В кризисе сегодня даже языки наук, особенно гуманитарных (но это тема для отдельного разговора). Не деградируют сегодня, пожалуй, только языки математиков, логиков и программистов. Так что любому, кто считает, что по части лингвистической безопасности есть мелочи, есть некие маргинальные явления, тому следует поучиться, например, у австрийцев, достойно и успешно отстаивающих свой родной язык в быту и в государстве.

Если язык определяет нацию, а в известной мере это, безусловно, так, то в особенно интересном свете становятся слова, сказанные в 2012 г. в Лондоне 44 президентом США, Барак Обамой, который заявил, что «двадцать первый век будет веком возникновения новых наций». Ведь в результате Ве-

ликого переселение народов (примерно с четвертого до начала восьмого веков нашей эры) возникали народы, те же немцы, которых объединял язык, тогда еще только становившийся, объединяла культура с множеством ценностей, позже ставшими т. н. европейскими и которые сейчас отстаивает кто угодно, только не сами европейцы, объединяла их тогда также, при всех междоусобицах, религия. Сегодняшняя миграция радикальным образом отличается от предыдущей, возникновение новых наций сулит Европе разобщенностью, и не только на бытовом уровне. Поражает, что среди нынешних мигрантов русскоязычные переселенцы близки немцам как никто, но сохранить ни свой принесенный язык (русский), ни местный (немецкий) они, видимо, не в состоянии. История, как и природа, несомненно, коварна, но не злонамеренна, так если у человека, который некогда переселялся в Европу, была воля, то что же у нынешнего? И что будет с немецким языком в связи с такими явлениями как рудойч, как денглиш, как постоянная тяга к упрощениям, как всеобщий кризис языка? Трудно сказать. Но совершенно точно можно сказать, что современный немецкий язык очень болеет и нуждается в выздоровлении, а для этого прежде всего в безопасности.

Литература

1. Судьба барабанщика. Худ. фильм киностудии им. А.М. Горького. СССР, 1955.
2. Fursov, A. The Current World Crisis: Its Social Nature and Challenge to Social Science // The International Schiller Institute // Электронный ресурс. URL: <http://newparadigm.schillerinstitute.com/media/andrey-fursov-the-current-world-crisis-its-social-nature-and-challenge-to-social-science/> (дата публ.: 13.04.2013).
3. Meng K., Protassova E. Young Russian-German Adults 20 Years After Their Repatriation to Germany // Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants. Russian Germans or German Russians. IMPACT: Studies in language and society. 2017. Vol. 44. P. 172–174.
4. Генеральное консульство Российской Федерации в Бонне (Германия) // Электронный ресурс. URL: <http://www.ruskonsulatbonn.de/ru/index.php/home/menu-novosti/521-news-27042017.html> (дата публ.: 27.04.2017).
5. Козлова, А. Кто в домике? // Интернет-газета. Lenta.ru // Электронный ресурс. URL: <https://m.lenta.ru/columns/2017/03/06/akozlova/> (дата публ.: 6.03.2017).
6. Винни-Пух и день забот. Мультфильм киностудии «Союзмультфильм». СССР, 1972.
7. Ковпак, Д.В. Не на тех напали! или Как бороться с грубостью. СПб.: Питер, 2013. С. 64.

УДК 811.521'272 (520)

ББК 81.754.42

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Эйтаро Хираи

Аннотация. В статье рассматривается влияние языковой политики Японии и внедрение японского языка в послевоенные отношения Японии с другими странами. Не рассматриваются Южный Сахалин и Маньчжурия, которые по итогам Второй миро-

вой войны стали частью Советского Союза и Китайской Народной Республики. Также исключаются из рассмотрения оккупированные японскими войсками во время Второй мировой войны регионы Юго-Восточной Азии, где внедрение японского языка продолжалось незначительное время.

Ключевые слова: языковая политика Японии, зарубежные территории, ассимиляционные процессы.

LANGUAGE POLICY OF JAPAN IN THE ERA OF IMPERIAL RULE

E. Hirai

Summary. *The article deals with the influence of the language policy of Japan and the introduction of the Japanese language in the post-war relations of Japan with other countries. Southern Sakhalin and Manchuria, which became part of the Soviet Union and the people's Republic of China following the second world war, are not considered. Also excluded from consideration are the regions of South-East Asia occupied by Japanese troops during the Second world war, where the introduction of the Japanese language continued for a short time.*

Key words: *language policy of Japan, foreign territories, assimilation processes.*

В данной статье рассматривается языковая политика Японской империи на зарубежной территории. Как известно, с 1868 года Япония начала модернизацию и был проведён ряд реформ. С реорганизованной армией страна стала стремительно расширять границы на территории Тайвани (1895), Южного Сахалина (1905), Кореи (1910), Южно-Тихоокеанского мандата (1919) и Маньчжурии (1931). После Второй мировой войны империя распалась, и все эти регионы либо получили независимость, либо вернулись к бывшему владельцу. Главным образом в докладе сравниваются Тайвань, государства бывшего Южно-Тихоокеанского мандата, где существуют относительно сильные про-японские настроения, и Корея, где наблюдаются ярко выраженные анти-японские настроения.

Тайвань (1895–1945)

По итогам Первой японо-китайской войны (1894–1895) Япония получила первую колонию – Тайвань, которая вернулась к Китайской республике после Второй мировой войны. Несмотря на поражение Гоминьдановского правительства в китайской гражданской войне, остров и на сегодняшний день остаётся под управлением Китайской Республики в статусе практически независимого государства. По опросам общественного мнения, на Тайване особо не наблюдаются антияпонские настроения: согласно анкетированию 2010 г., 62 % населения Тайваня «настроены на дружбу с Японией», в то время как «не настроены на дружбу с Японией» всего лишь 13 %. 52 % опрошенных указали Японию как «самую любимую страну», что позволило ей занять первое место в этом рейтинге, в котором 2-е и 3-е место заняли США (8 %) и КНР (5 %) соответственно [1].

С началом Второй японо-китайской войны языковая политика Японской империи на Тайване претерпевает существенные изменения в 1937 г. Нельзя сказать, что до 1937 г. японская языковая политика на Тайване не включала ассимиляцию, однако после начала агрессии в Китае курс на assi-

миляцию стал резко выраженным, чему способствовала необходимость различения китайцев на континенте и китайцев на Тайване. Это можно видеть в содержании учебников японского языка. До 1937 г. японские и китайские персонажи на иллюстрациях изображались в соответственно японской и китайской одежде, в то время как после 1937 г. все персонажи (в т. ч. и китайские), здания стали изображаться в японском стиле [2].

В содержании текстов можно видеть намерение японского правительства ускорить ассимиляционные процессы. Ярким примером является текст под названием “君が代少年”(Кимигаё сё:нэн – «Мальчик Кимигаё»), в котором китайский мальчик, умирающий из-за землетрясения, в последнее мгновение перед смертью поёт «*Кими га ё*» – государственный гимн Японии. В целом, ассимиляционное давление на Тайване, будучи до 1937 г. относительно мягким, после 1937 г. заметно усилилось.

Можно упомянуть ещё одну особенность функционирования японского языка в Тайване. В отличие от других оккупированных регионов, на Тайване дольше продолжалось использование японского языка и после распада Японской империи, поскольку здесь японский язык играл роль общего языка-посредника в коммуникации между китайским и коренным населением [3].

Корея (1910–1945)

Процесс аннексии Кореи Японской империей начался после Первой японо-китайской войны в 1894–1895 гг. и полностью завершился в 1910 г. Как известно, после поражения Японской империи Корея была разделена на две части – КДНР и Корейскую республику, существующие и по сей день. В Южной Корее не наблюдаются прояпонские настроения. Согласно южнокорейским опросам общественного мнения, Япония заняла первое место в списке самых нелюбимых стран (57 %), в то время как Китай и США заняли второе и третье места соответственно (13 % и 10 %) [4].

Особенностью языковой политики Японской империи в Корее является так называемая «Доктрина общего происхождения Японии и Кореи» 日鮮同祖論 («ниссэн до:со-рон»). В этой доктрине японский и корейский народы считаются братскими и имеющими общее происхождение, что приводит к выводу о необходимости объединения японского и корейского государств. Эта доктрина активно использовалась японским правительством для оправдания аннексии Кореи. Несмотря на то, что «ниссэн до:со-рон» не основана на исторических фактах, она явилась главным средством японской языковой политики в Корее, основной целью которой стала ассимиляция корейского народа. Например, уже в 1910 г., сразу после аннексии, издательство газет на корейском языке было прекращено. Кроме того, смена имён и фамилий с местного языка на японский, которая на Тайване проходила на добровольной основе, в Корее имела ярко выраженный обязательный характер. После начала войны с США (1941) ассимиляционная политика ещё более усилилась в целях мобилизации корейцев к войне. В школе было запрещено использование корейского языка, а использование японского языка дома поощ-

рялось. На фоне такой языковой политики призыв в ряды японской армии корейцев стал обязательным после 1944 г., когда поражение стран Оси стало неминуемым.

Отсюда можно прийти к выводу, что под лозунгами близости японского и корейского народов, внедрение японского языка имело наиболее сильный характер именно в Корее, что и обусловило здесь самые сильные антияпонские настроения.

Южно-Тихоокеанский мандат (1919–1945)

Южно-Тихоокеанский мандат, который в настоящее время представлен такими островными государствами, как Северные Марианские Острова, Республика Палау, Республика Маршалловы Острова, Федеративные Штаты Микронезии, был сначала испанской колонией. Потерпев поражение в испано-американской войне, Испания не смогла удержать эти острова и продала их Германии. Япония, вступив в Первую мировую войну на стороне Антанты, оккупировала эти острова и ввела там собственную систему управления. Конкретные данные об отношении жителей этих государств к Японии отсутствуют, однако можно сказать, что в целом Япония поддерживает с ними хорошие отношения, что проявляется в сохранении там синтоистских храмов, созданных во времена японской администрации. Особенно положительное отношение к Японии наблюдается в республике Палау, где по конституции японский язык имеет статус одного из официальных языков. В Палау есть местные жители, носящие японские имена и фамилии.

Самое большое отличие Южно-Тихоокеанского мандата от других регионов в том, что местным жителям стран, входящих в мандат, не было предоставлено японского гражданства. Кроме того, хотя здесь также происходило внедрение японского языка в образовательной сфере, ассимиляционного характера японская языковая политика здесь не имела, поскольку местная культура значительно отличается от японской. Это можно видеть и в учебниках. На иллюстрациях, представленных в учебниках Южно-Тихоокеанского мандата, изображены не японские, а местные персонажи и ландшафт [5]. В содержаниях текстов также представлены местная мифология и культура, что может быть обусловлено намерением облегчения местным жителям понимания содержания текстов.

Можно сделать вывод, что не направленная на ассимиляцию языковая политика скорее способствовала хорошим прояпонским настроениям в обществе стран Южно-Тихоокеанского мандата.

Языковая политика Японской империи в Корее, имевшая по сравнению с другими оккупированными территориями самый яркий ассимиляционный характер, привела к самым сильным антияпонским настроениям, в то время как в Южно-Тихоокеанском мандате, где ассимиляционных процессов особенно не происходило, заметных антияпонских настроений не наблюдается. В заключении можно отметить, что чем более ассимиляционный характер имеет внедрение языка одного народа в образовательную систему другого наро-

да, тем наиболее вероятно возникновение у второго сильного отвращения к языку и культуре первого. Думается, что рассмотренный опыт Японской империи может представлять интерес и для Российской Федерации, которая также является многонациональным государством.

Литература

1. 台湾における対日世論調査 公益財団法人日本台湾交流協会 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.koryu.or.jp/business/poll/>.
2. 陳虹彪.台湾における初等学校国語教科書の考察//東北大学大学院教育学研究科研究年報 54 (1). 2005. С. 63–80.
3. 岡本輝彦.戦後台湾における日本語政策//別府大学日本語教育研究 別府大学日本語教育研究センター紀要 (4). 2014. С. 3–11.
4. 韓国人の「最も嫌いな国」は日本-Record China // Электронный ресурс. URL: <https://www.recordchina.co.jp/newsinfo.php?id=24555&ph=0&d=d0000>.
5. 寺本潔.日本委任統治下南洋群島の公学校における教育//新地理 33–4. 1986. С. 28–38.

УДК 81'272 (470+571) : 81'272 (510)

ББК 81.2

ВНЕШНЯЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА?

Н.В. Юдина, О.А. Селиверстова

Аннотация. В докладе предпринята попытка описать уровни лингвистической безопасности и соотнести их с разными направлениями языковой политики. Более подробно авторы рассматривают внешнюю языковую политику и планирование (далее – ЯПП) на примере США, КНР и РФ. Особое внимание уделено роли лингвистических исследований в повышении эффективности внешней ЯПП и политики мягкой силы.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, внешняя ЯПП, мягкая сила, лингвистическая безопасность.

EXTERNAL LANGUAGE POLICY AND PLANNING VS. LINGUISTIC SECURITY: CONFLICT OF INTEREST OR OPPORTUNITIES FOR COOPERATION?

N. Yudina, O. Seliverstova

Summary. The paper seeks to describe various levels of linguistic security and their correlation with types of language policy and planning. The authors focus on external language policy and planning (LPP) as part of linguistic security efforts considered from different perspectives and provide case study of the USA, the PRC and the RF. Linguistic research methods are seen as grounds to provide more efficient external LPP and soft power policy.

Key words: language policy, language planning, external LPP, soft power, linguistic security.

В условиях напряженной ситуации на международной арене и растущих геополитических рисков тема национальной безопасности все чаще звучит на всех уровнях. Одним из актуальных аспектов проблемы защиты инте-

ресов государства является, безусловно, лингвистическая безопасность. При этом относительная новизна понятия «лингвистическая безопасность» обусловила многообразие его трактовок.

Англоязычный термин *linguistic security* встречается, к примеру, в статье профессора Университета Торонто *Denise G. Reaume* в 1994 г., где идет речь о языковых правах групп-носителей в результате «нарастающего потока судебно-лингвистических экспертиз по спорным документам и текстам СМИ» [1]. Уже совсем скоро, в 2002 г., на научно-практическом семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» в России прозвучал призыв профессора М.В. Горбаневского к журналистам о соблюдении «техники лингвистической безопасности» и ответственному отношению не только к информации, но и к способам ее выражения [2]. Однако в последнее время на первый план все чаще выходит подход, рассматривающий лингвистическую безопасность с позиций государственно-политических интересов. Так, И.И. Халеева считает главной проблемой лингвистической безопасности полиэтничного государства «обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками» [3, с. 105]. Обобщая вышесказанное, на наш взгляд, можно выделить три уровня лингвистической безопасности, которые соотносятся с разными уровнями языковой политики.

1. Лингвистическая безопасность как характеристика дискурса, понимаемая как «такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным» [4, с. 28]. Достижение данного уровня лингвистической безопасности предполагает соблюдение языковых, социальных и культурных норм. При этом роль языковой политики на уровне кодификации языковой нормы состоит в фиксации особенностей употребления лексических единиц, включающих коннотативные особенности и социальную маркированность. Роль языковой политики на уровне обучения языку и образования в целом состоит в повышении общего уровня и культуры владения языком, воспитании ответственного отношения к слову и общению. Это предполагает такой подход к организации обучения гуманитарным дисциплинам, при котором больше внимания уделяется групповой работе и обсуждению материала, а не его заучиванию и пересказу.

2. Лингвистическая безопасность как гарантии прав национально-этнических меньшинств, обеспечивающие стабильное функционирование и поддержку миноритарных и национальных языков, предполагает взвешенную языковую политику в области статуса языка и ее правовое обеспечение. На первый взгляд, такое понимание лингвистической безопасности противоречит интересам государственного языка, устойчивое развитие которого является целью лингвистической безопасности на «макроуровне». Однако при таком подходе недооценивается то, что сам факт заботы государства о миноритарных языках закладывает гораздо более прочный фундамент здоровых межнациональных отношений и позитивного отношения к государству как

источнику власти, чем насаждение государственного языка и игнорирование языковой самобытности населяющих его народов. В этом отношении билингвальные образовательные программы на территории многоязычных субъектов, поддерживаемые государством, представляются логичным и обоснованным решением.

3. Лингвистическая безопасность на уровне сохранения политического кода государства и возможности лингвистики в ее обеспечении емко описаны в следующем определении, предложенном Б.А. Жигалевым и С.В. Устинкиным: «Исследование лингвистическими методами актуальных проблем сохранения геополитического кода государства как исторически сложившейся системы политических отношений с внешним миром, обеспечивающей определенным государственный статус на мировом, региональном и локальном уровнях» [5, с. 34].

В этом контексте языковая политика и планирование могут ориентироваться на ряд задач внутренней и внешней политики. Важнейшей задачей внутренней языковой политики и планирования является сохранение и укрепление позиций русского языка как средства обеспечения государственного единства и межнационального общения внутри страны. Внешняя языковая политика и планирование (далее – ЯПП) во многом связаны с понятием «мягкой силы», предполагающей популяризацию ценностей и культуры государства за его пределами, с использованием «языкового ресурса» в целях повышения привлекательности страны и более эффективной реализации стратегий внешней политики. Впервые задачу поддержки русского языка и «разработки программ его изучения в ближнем и дальнем зарубежье и в целом – популяризации русского языка и литературы в мире» В.В. Путин ставит в послании 2007 г., называя задачу увеличения влияния русского языка и культуры «важнейшим социальным и политическим вопросом» [6].

Идея трансляции привлекательности образа государства, его ценностей и культуры, составляющих мягкую силу, через обучение языку не нова. Британский совет успешно реализует деятельность в этом направлении с 1934 г. В последние годы значительных успехов добился в области распространения языка и мягкой силы Китай. При этом, если популярность английского языка, помимо внешней языковой политики, обусловлена целым рядом исторических, культурных, экономических и иных факторов, то рост популярности китайского языка происходит главным образом за счет целенаправленной работы по продвижению мягкой силы, основу которой составляют многовековые традиции китайской культуры и языка. Центрами мягкой силы Китая по всему миру становятся Институты Конфуция, реализующие программы обучения китайскому языку и смежные виды деятельности. Стремительно растущее число этих центров и высокий спрос на их услуги свидетельствует об успешной деятельности по продвижению языка. Таким образом, внешняя ЯПП создала предпосылки роста мягкой силы КНР.

Иная связь между мягкой силой и распространением языка наблюдается в США. «Распространение языка за пределами США является скорее не инструментом, а результатом мягкой силы США. При этом внешняя ЯПП реализуется скрыто через научные и образовательные программы и гранты, а также путем создания условий, при которых изучение языка становится необходимым для реализации индивидуальных целей» [7, с. 19]. Автор и идеолог концепции мягкой силы Джозеф Най считал, что мягкая сила складывается из культуры, ценностей и внешней политики государства [8, с. 84]. Примечательно, что основным источником мягкой силы Най видел в гражданском обществе, а не в государстве, особенно отмечая эффективность первых двух компонентов американской мягкой силы – привлекательность американской культуры и образа жизни, а также принципов и ценностей. Так, по замечанию Дж. Найя, «большая часть американской мягкой силы обеспечивалась Голливудом, Гарвардом, компанией Майкрософт и Майклом Джорданом» [8, с. 17].

Таким образом, США и КНР представляют собой разные, во многом противоположные, модели внешней ЯПП и мягкой силы: открытая, централизованная политика «сверху», нацеленная на быстрый результат в среднесрочной перспективе, – в Китае и «скрытая», реализуемая опосредованно, с преобладанием деятельности «снизу», на основе сформировавшейся в XX веке мягкой силы – в США.

Россия сегодня находится на этапе становления внешней ЯПП и поиска своего пути в политике мягкой силы. Обращает на себя внимание тот факт, что в российском политическом и медиа-дискурсе мягкая сила все чаще сближается по значению с информационным воздействием. Такое понимание значительно обедняет ее потенциал. Важно понимать, что в эпоху сверхлегкой доступности информации и ее лавинообразного потока снижается доверие к СМИ и более значимым становится собственный опыт. В большей степени это относится к молодому поколению. Поэтому в среднесрочной перспективе наиболее продуктивным инструментом можно считать развитие народной дипломатии, включающее работу с соотечественниками за рубежом, поддержку региональных и институциональных партнерств, широкую реализацию программ академического и культурного обмена, предоставление стипендий и стажировок для иностранных студентов и школьников. Ценность таких обменов состоит в их мультипликативном эффекте, когда впечатления «из первых уст» транслируются на все ближайшее окружение участников в личном общении и через социальные сети. Работа в этом направлении, несомненно, направлена на гораздо более долгосрочную перспективу, чем медиа-пропаганда, однако позволяет рассчитывать на более устойчивый эффект при должном уровне планирования и организации.

Сегодня в России серьезное внимание уделяется мероприятиям внешней ЯПП. В этой связи нельзя не отметить активную деятельность Института русского языка им. А.С. Пушкина, фонда «Русский мир», координирующего

сеть Русских Центров по продвижению русского языка и культуры, а также работу с соотечественниками по линии Россотрудничества.

При реализации мероприятий внешней ЯПП возможно возникновение конфликта интересов в случае, если государство-объект почувствует угрозу своей лингвистической безопасности. Конфликт интересов может быть спровоцирован рядом факторов: 1) международной геополитической ситуацией в мире; 2) сменой внешнеполитических приоритетов и изменением отношений между государствами; 3) недочетами и ошибками собственно внешней ЯПП. Для того, чтобы внешняя ЯПП открывала возможности сотрудничества и межнационального диалога, а не подрывала существующие отношения, необходим всесторонний учет потребностей, возможностей взаимовыгодного сотрудничества и имеющегося ресурса мягкой силы государства-субъекта в государстве-объекте, понимаемого как ресурс, обеспечивающий привлекательность и имеющий определенный потенциал воздействия [9, с.14].

По нашему мнению, лингвистика способна внести серьезный вклад в повышение эффективности внешней ЯПП России путем изучения ресурсов мягкой силы в государствах-объектах следующими методами: исследование концептов Россия / российский / русский в дискурсе наиболее влиятельных СМИ региона с целью выявления транслируемого образа России, проведение широких ассоциативных экспериментов с целью изучения представлений о России в сознании общества. Такое предварительное «зондирование» позволит выработать максимально эффективную программу мероприятий внешней ЯПП и политики мягкой силы для каждого региона.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что лингвистическая безопасность на макроуровне требует взвешенной внешней языковой политики, проводимой в неразрывной связи с политикой мягкой силы. Вместе с тем, важно понимать необходимость работы на долгосрочную перспективу и ориентацию на юное поколение, чей разум минимально отягощен навязываемыми стереотипами. При этом планирование такой деятельности должно быть адресным, основанным на предварительном широком изучении интересов государства-объекта и имеющегося в нем ресурса мягкой силы государства-субъекта, а методы – преимущественно открывающими возможности формирования отношения к России на основе личного опыта.

Литература

1. Reaume, Denise G. The Group Right to Linguistic Security: Whose Rights, What // Group Rights, Judith Baker, ed., University of Toronto Press, 1994 // Электронный ресурс. URL: <https://ssrn.com/abstract=1895708> (дата обр.: 12.09.2018).

2. Горбаневский, М.В. Будь осторожен, выбирая слово! // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002. С. 15–36.

3. Халеева, И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111.

4. Трофимова, Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24–28 // Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-bezopasnost-k-probleme-tolkovaniya> (дата обр.: 10.09.2018).

5. Жигалев, Б.А., Устинкин, С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32–41.

6. Послание Президента Федеральному собранию от 27 апр. 2007 г. // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html> (дата обр.: 11.09.2018).

7. Селиверстова, О.А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века (на материале российских, американских и китайских СМИ): Автореф. дис. ... канд. фил. н. Великий Новгород, 2017.

8. Nye, J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

9. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 14–21.

УДК 811.112.2

ББК 81.432.4

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.Г. Ястремская

***Аннотация.** Палитра базовых цветообозначений в современном социально-политическом дискурсе демонстрирует реализацию как традиционных, так и новых значений, отражающих трансформации в социально-экономической и политической жизни Германии. Семантические изменения цветообозначающей лексики, необходимость определения её функциональных характеристик обусловили актуальность исследования данной проблемы.*

***Ключевые слова:** политический дискурс, цветообозначения, вторичная номинация.*

SECONDARY NOMINATION OF GERMAN COLOR TERMS IN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

I. Yastremskaya

***Summary.** The palette of basic color terms in modern socio-political discourse demonstrates both traditional and new meanings that reflect transformations in the socio-economic and political life of Germany. Semantic changes in color-naming vocabulary, the need to determine its functional characteristics determine the relevance of this research.*

***Key words:** political discourse, color terms, secondary nomination.*

Цветообразующая лексика как лингвокультурный феномен стала объектом изучения лингвистов во второй половине XX в., продолжая и сегодня привлекать внимание исследователей.

К изучению цветообозначений обращалось множество зарубежных и отечественных германистов, таких как, например Г. Альтман, А.И. Белов, Г.

Браем, А.П. Василевич, В.С. Вашунин, К.-Д. Дюдвиг, А.Т. Кукушкина, Б. Леманн, И. Ридель, Р.М. Фрумкина, Е. Хеллер, М.И. Черемисина и др.

Однако, несмотря на несомненный интерес лингвистов к исследованию цветообозначений в немецком языке, проблема их функционирования в политическом дискурсе современной Германии остается малоизученной.

Проблемы политического дискурса стали в последние годы объектом обсуждения в лингвистике. Прежде всего это обусловлено тем, что в науке на сегодняшний день нет единого подхода к определению термина «дискурс» (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, Э. Лассан, М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Хайдегер, А.П. Чудинов и др.)

Полное противоречий представление о содержании понятия «дискурс» зачастую приводит к созданию большого количества его интерпретаций. Это связано не только с междисциплинарным характером предмета исследования, но и со сложной, многоаспектной природой самого дискурса [1, с. 7].

А.Г. Файзулина полагает, что в понятие дискурса сегодня вкладывается содержательное единство текста и социального контекста. Иными словами, большую роль при осуществлении дискурс-анализа играют текст и сопутствующие ему факторы социального характера (личность коммуникантов, знания, опыт, установки и др.) [2, с. 8].

Исследователь теории дискурса, один из известных отечественных лингвистов В.И. Карасик полагает, что дискурс представляет собой процесс живого вербального общения. По его мнению, данный процесс характеризуется множеством отклонений от письменной речи с её правилами и канонами.

Особое внимание в нём отводится спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для окружающих [3, с. 233].

Как отмечает В.И. Карасик, дискурсу присуща определённая тональность (серьёзность / несерьёзность; обиходность / официальность; направленность на сообщение информации или на воздействие) [3, с. 233]. Данные качества в сочетании с содержанием, адресованностью и структурой определяют вид дискурса.

В лингвистике выделяют сегодня: научный, педагогический, политический, юридический, военный, медицинский, религиозный, массово-информационный, рекламный и другие [3, с. 239].

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что в лингвистике существует большое количество подходов к исследованию дискурса, который определяется лингвистами и как коммуникативный процесс, и как коммуникативное событие, и как определенная система, и как текст. Однако, основываясь на различных характеристиках, данные подходы не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Для термина «политический дискурс», так же как и для термина «дискурс», на сегодняшний день нет однозначного определения в лингвистике, несмотря на то, что данное понятие носит все же более конкретный характер.

По мнению О.В. Эпштейна, политический дискурс есть не что иное, как совокупность речевых актов, публичных правил, традиций и опыта, обусловленных ситуативно и выраженных с помощью различных речевых конструкций, содержание, субъект и адресат которых имеют непосредственное отношение к политике [4, с. 151].

Характерные черты политического дискурса не могут не оказывать своего влияния на его вербальное выражение.

Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к своеобразной языковой «перестройке» [5, с. 42]. Изменения затрагивают различные стороны политического дискурса. Их можно проследить на различных уровнях: фонетике, синтаксисе, фразеологии, лексике. Наиболее заметными являются изменения лексического состава политического языка. В реалиях современного общества лексические единицы теряют старые и обретают совершенно новые значения, приобретают новые функции. Кроме того, политический дискурс постоянно пополняется за счёт заимствований из других языков и различных словообразовательных процессов. Также характерным явлением для политического дискурса является переход лексических единиц из других сфер общественной жизни (науки, культуры, экономики и др.), которые, попадая в данный тип дискурса, при различных условиях получают зачастую новую окраску.

В немецком языке существуют как первично-номинативные, имплицитные и эксплицитные цветообозначения, служащие для характеристики человека как биологического существа, его физических, нравственных, эмоционально-психологических качеств, его социальной природы, так и вторично-номинативные цветообозначения.

Некоторые лингвисты выделяют центральные и оттеночные цветообозначения.

Центральными цветообозначениями в немецком языке считаются *rot, gelb, grün, blau, weiß, grau, schwarz, braun*. Остальные цветообозначения относятся к оттеночным, которые классифицируются по способу отображения оттенков.

Рассмотрим функционирование базового цветообозначения *grün* в современном дискурсе, которое несет в себе большое количество смысловых значений. Это осуществляется в первую очередь за счет смысловой многозначности зеленого цвета, как в мировой культуре, так и немецкой лингвокультуре в частности. Зеленый цвет – синоним жизни, чистой природы, гармонии, здоровья, спокойствия. Именно этот цвет является символом свободы, безопасности и надежности. Не случайно, что часто этот цвет воспринимается как символ природы, окружающей среды и экологии (Г.И. Арнгольд [6], Б.А. Базыма, Б. Берлин, Т.М. Гайдукова, П. Кей, А.Т. Кукушкина [7]).

Символические значения зеленого цвета так или иначе находят свое отражение в современном немецком политическом дискурсе.

Анализ практического материала позволяет выделить его основные значения:

1. Традиционное значение зеленого цвета как цвета надежды.
2. Название политической партии Германии *Die Grünen*, партии, появившейся в связи с актуализацией экологических проблем в 70-80 гг. прошлого века, и использующей цветообозначение «зеленый» в качестве своего официального цвета. Утвердив зеленый цвет в качестве цвета партии, *Die Grünen* положили начало политизации зеленого цвета в целом. Зеленый цвет в виде субстантивированного прилагательного используется непосредственно в официальном названии партии.

Кроме обозначения политической партии *Die Grünen*, данное цветообозначение в немецком политическом дискурсе имеет и другие значения, которые, однако, могут находиться в тесной связи с данным значением.

3. Значение «стиль правления» (*grün regieren*), где цветообозначение *grün* выступает в качестве обстоятельства образа действия при сказуемом *regieren*.

4. Значение политической позиции электората (*grün wählen*), где цветообозначение *grün* выступает в качестве обстоятельства образа действия при сказуемом *wählen*.

5. Значение экологии и защиты окружающей среды, тесно связанное с символизмом зеленого цвета.

Экологические вопросы во многом определяют политику современной Германии. Неудивительно, что зеленый цвет в данном значении также приобрел такое широкое распространение в политическом дискурсе и получил новые значения, например *grüne Energie*, которое в переводе на русский означает «зеленая энергия» или «возобновляемая энергия».

Как следует из приведенных выше языковых фактов, цветообозначение *grün* в современном немецком политическом дискурсе обладает множеством значений. Своей политизации зеленый цвет во многом обязан тесной связи цвета с партией *Die Grünen*.

Таким образом, базовые цветообозначения в современном политическом дискурсе демонстрируют реализацию как традиционных, так и новых значений, отражающих современные реалии общественно-политической жизни Германии.

Литература

1. Касавин, И.Г. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. Т. X. № 4. 2006. С. 5–17.
2. Файзулина, А.Г. Инвективы-компози́ты как вид агрессивного дискурса в разноструктурных языках // Известия высш. уч. завед. Поволж. рег. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 99–105.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Моногр. 2-е изд. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Эпштейн, О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. С. 150–156.

5. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие для студ., асп., препод.-филологов. М.: Флинта, Наука, 2006. 176 с.

6. Арнгольц, Г.И. Становление системы цветообозначений в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Минск, 1977. 20 с.

7. Кукушкина, А.Т., Гайдукова, Т.М. Цветообозначения в современном немецком языке (человек и части его тела): Моногр. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 254 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ариян Маргарита Анастасовна, д-р пед. наук, профессор, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Ariyan Margarita, PhD, professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Багиян Александр Юрьевич, канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (Россия, Пятигорск). *Bagiyan Alexander, PhD, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University", Chair of the English Language and Professional Communication, associate professor (Russia, Pyatigorsk).*

Бурова Ирина Владимировна, канд. пед. наук, доцент, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Burova Irina, PhD, associate professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Воробьева Елена Ивановна, канд. пед. наук, доцент, заместитель директора Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Россия, Архангельск). *Vorobyeva Elena, PhD, associate professor, deputy director for education, Higher School of Social Studies, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University (Russia, Arkhangelsk).*

Глумова Елена Петровна, канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет (Россия, Н. Новгород). *Glumova Elena, PhD, head of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Глущенко Олеся Анатольевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Россия, Санкт-Петербург). *Glushchenko Olesya, PhD, professor, Department of Journalism and Media Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management.*

Голубева Надежда Александровна, д-р филол. наук, профессор, кафедра теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет (Россия, Н. Новгород). *Golubeva Nadezhda, PhD, professor, Department of Theory and Practice of German, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Евчик Надежда Семеновна, д-р филол. наук, профессор, кафедра речеведения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет (Бе-

ларусь, Минск). *Evchyk Nadejda, PhD, professor of the department of Speech Studies and Theory of Communication, Minsk State Linguistics University (Belarus, Minsk).*

Жарёнова Наталья Вячеславовна, доцент кафедры теории и практики немецкого языка факультета романо-германских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Zharyonova Natalya, associate professor, Chair of Theory and Practice of German, Department of Romanic-Germanic Languages, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Жиганова Анна Владимировна, канд. филол. наук, доцент, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Zhiganova Anna, associate professor of the Department of English Language and Professional Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Кабанова Ирина Николаевна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Kabanova Irina, PhD, Nizhny Novgorod Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Карпова Ольга Михайловна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, советник по связям с общественностью и воспитательной работе, Ивановский государственный университет (Россия, Н. Новгород). *Karpova Olga, PhD, professor, head of English Philology Department, adviser for Public Relations, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo).*

Колобова Ирина Сергеевна, магистрант 3-го года обучения факультета английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Kolobova Irina, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Колобова Светлана Анатольевна, д-р полит. наук, профессор, кафедра международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Kolobova Svetlana, PhD, professor, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Колобов Олег Алексеевич, д-р ист. наук (международные отношения), профессор кафедры мировой дипломатии и международного права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Н. Новгород). *Kolobov Oleg, PhD (diplomatic history), professor, Chair of World Diplomacy and International Law, Nizhny Novgorod State University (Russia, N. Novgorod).*

Королева Светлана Борисовна, д-р филол. наук, доцент, кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Koroliva Svetlana, doctor of philological Sciences, associate professor, Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Краева Ирина Аркадьевна, канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка, ректор Московского

государственного лингвистического университета (Россия, Москва). *Kraeva Irina, PhD, associate professor, professor of the English Lexicology Department of MSLU, Rector of Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow).*

Краева Ольга Леонтьевна, д-р филос. наук, профессор, кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Kraeva Olga, PhD, professor, Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Кувакова Ирина Михайловна, канд. соц. наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и социологии, Институт социальных наук (Россия, Москва). *Kuvakova Irina, associate professor, PhD, professor, Department of International Relations and Sociology, Institute of Social Sciences (Russia, Moscow).*

Кузина Мария Александровна, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, кафедра иноязычной профессиональной коммуникации (Россия, Н. Новгород). *Kuzina Maria, Department of Foreign Professional Communication, Minin University (Russia, N. Novgorod).*

Кузнецова Елена Игоревна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Kuznetsova Elena, PhD, associate professor, Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Лакхайн Барбара (Германия), почётный профессор, магистр, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород), Университет Дуйсбург–Эссен, ФРГ, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова (СПб., Россия). *Lachhein Barbara, Prof. h.c., M.A., Staatliche Linguistische Dobroljubov-Universität Nischni Nowgorod, Russland, Universität Duisburg–Essen, Deutschland, Staatliche Nord-West Medizinische Metschnikow Universität, St. Petersburg, Russland. Lachhein Barbara, Prof. h.c., M.A., Medical Management, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia, University Duisburg–Essen, Germany, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov (Russia, Saint Petersburg).*

Лешканова Елена Олеговна, магистрант кафедры теории и практики французского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Leshkanova E., graduate student of the Department of Theory and Practice of French Language and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Макшанцева Наталия Вениаминовна, д-р пед. наук профессор, заведующий кафедрой преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Makshantseva Natalia, PhD, professor, head of the Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Матвеева Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доцент, кафедра теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Matveyeva Irina, PhD, associate professor, Chair of Theory and Practice of German, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Мелека Виктория Юрьевна (Россия, Крым, г. Армянск). *Meleka Victoria (Russia, Crimea, Armiansk).*

Михайлова Евгения Владимировна, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет. *Mihailova Evgeniya, PhD, associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Russia, Crimea, Sevastopol).*

Морозова Наталья Михайловна, канд. полит. наук, доцент, кафедра международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, зам. директора ПРИФ ФНИСЦ РАН (Россия, Н. Новгород). *Morozova Natalia, PhD, assistant professor of the Faculty of International Relations and Politology, Nizhny Novgorod State Linguistics University, deputy director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia, N. Novgorod).*

Никонова Жанна Викторовна, д-р филол. наук, профессор, кафедра теории и практики немецкого языка, проректор по учебно-воспитательной работе, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Nikonova Zhanna, PhD, professor, Chair of Theory and Practice of German, vice-rector for Academic and Extracurricular Affairs, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Ножевникова Елена Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент, кафедра английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Nozhevnikova Elena, PhD (Philology), assistant professor at the English Philology Department, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Оберемко Ольга Георгиевна, д-р пед. наук, профессор, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Oberemko Olga, PhD, professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Осокина Нина Константиновна, студентка, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Россия, Н. Новгород). *Osokina Nina, student, Minin University (Russia, N. Novgorod).*

Панченко Юрий Юрьевич, ассистент, кафедра восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Panchenko Yuriy, assistant, Department of Eastern and European languages, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Парит Аруноаст, аспирант филологического факультета СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург). *Parit Aroonoast, PG Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)*.

Петрова Ольга Владимировна, канд. филол. наук, доцент, профессор, кафедра теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Petrova Olga, PhD (Philology), professor, Department of English and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Плаутина Наталья Юрьевна, ассистент, кафедра английского языка переводческого факультета, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Plautina Natalia, teaching assistant of The English Language Chair at Interpreting and Translating Department, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Поршнева Елена Рафаэлевна, д-р пед. наук, профессор, кафедра теории и практики французского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Porshneva Elena, PhD, professor, Department of Theory and Practice of French Language and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Прокопьева Надежда Николаевна, канд. филол. наук, доцент, кафедра теории и практики немецкого языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Prokopyeva Nadezhda, PhD, associate professor, Chair of Theory and Practice of German, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Пыхина Наталья Владимировна, канд. пед. наук, доцент, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Pykhina Natalia, PhD (Pedagogy), assistant professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Розанова Ирина Львовна, почетный работник МГЛУ, ст. препод., кафедра английского как второго, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) (Россия, Москва). *Rozanova Irina, assistant professor, Chair of English as Second Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistics University (Russia, Moscow)*.

Рудакова Екатерина Константиновна, канд. полит. наук, заведующая кафедрой международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Rudakova Ekaterina, PhD (Political Sciences), chief of International Relations and Political Science Department, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod)*.

Савруцкая Елизавета Петровна, д-р филос. наук, профессор, кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород).

Savrutskaya Elizabeth, PhD, professor, Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).

Савченко Ирина Александровна, д-р соц. наук, профессор, кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Savchenko Irina, PhD (Soc.), professor, Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Самойлова Мария Павловна, канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой истории, регионоведения и журналистики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Samoilova Mariya, PhD (Historical Sciences), associate professor, Department of History, Regional Studies and Journalism, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Сдобников Вадим Витальевич, д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Sdobnikov Vadim, PhD, docent, head of Chair of Theory and Practice in English Language and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Семенов Дмитрий Владимирович, канд. филос. наук, кафедра философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Semenov Dmitry, PhD, Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Соловьева Екатерина Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент, кафедра зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, Н. Новгород). *Soloveva Ekaterina, PhD, associate professor, Department of Foreign Linguistics, Institute of Philology and Journalistic, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, N. Novgorod).*

Солодова Елена Станиславовна, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Россия, Крым, Севастополь). *Solodova Elena, PhD, associate professor, Department of Foreign Languages, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Russia, Crimea, Sevastopol).*

Сорокоумова Галина Вениаминовна, д-р психол. наук, профессор, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Sorokoumova Galina, PhD, professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Татаурова Екатерина Михайловна, ассистент, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Tataurova*

Catherine, teaching assistant, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).

Тырыгина Валентина Алексеевна, д-р филол. наук, профессор, кафедра английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Tyrygina Valentina, PhD, professor, Department of English Philology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Устинкин Сергей Васильевич, д-р ист. наук, профессор, кафедра международных отношений и политологии, декан факультета международных отношений, экономики и управления, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, директор ПРИФ ФНИСЦ РАН (Россия, Н. Новгород). *Ustinkin Sergey, PhD (Hist.), professor, Chair of International Relations and Political Science, dean of the Faculty of International Relations, Economy and Management; Nizhny Novgorod State Linguistics University, Director of Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia, N. Novgorod).*

Уткина А.С., бакалавр 4-го курса, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Utina Anastasia, bachelor student, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Федосеева Ольга Игоревна, канд. психол. наук, доцент, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Fedoseeva Olga, PhD in Psychology, associate professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Федотова Юлия Игоревна, магистрант, направление подготовки «Перевод и дидактика перевода», Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Fedotova Yulia, master student, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Формозов Сергей Борисович, студент, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Formozov Sergey, student, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Фортунатова Вера Алексеевна, д-р филол. наук, профессор, кафедра культуры и психологии предпринимательства, Институт экономики предпринимательства, Нижегородский государственный научно-исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Н. Новгород). *Fortunatova Vera, PhD, professor, Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Institute of Business Economics, Nizhny Novgorod State Research University (Russia, N. Novgorod).*

Хохлышева Ольга Олеговна, д-р ист. наук, канд. юр. наук (международное право), профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Н. Новгород). *Khokhlysheva Olga, PhD, professor, Chair of World Diplomacy and International Law, Nizhny Novgorod State University (Russia, N. Novgorod).*

Чичерина Юлия Владимировна, канд. пед. наук, доцент, кафедра методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Chicherina Yuliya, PhD, associate Professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Чусуван Критсада (Таиланд), аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Chusuwan Kraitsada (Thailand), postgraduate student, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Ширяева Татьяна Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Россия, Пятигорск). *Shiryayeva Tatyana, PhD, professor, head of the Chair of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Russia, Pyatigorsk).*

Шокина Ирина Михайловна, канд. филол. наук, доцент, начальник Управления международного сотрудничества и интернационализации Московского государственного лингвистического университета, руководитель Программы подготовки к квалификационным экзаменам ООН в МГЛУ (Россия, Москва). *Shokina Irina, PhD, associate professor, head of the Department of International Cooperation and Internationalization of Moscow State Linguistics University, head of the UN Careers Language Competitive Examinations Training Programme in MSLU (Russia, Moscow).*

Шурыгина Ольга Васильевна, канд. психол. наук, доцент, кафедра теории и практики немецкого языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Shurygina Olga, PhD, associate professor, Department of Theory and Practice of German Language and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Эгон Хайн (Германия), ст. препод., кафедра теории и практики немецкого языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Egon Hein (Germany), Department of German Language, Translation and Interpreting, senior lecturer, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Эйтаро Хираи, ассистент, кафедра восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Eitaro Hirai, assistant, Department of Eastern and European languages, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).*

Юдина Наталья Владимировна, д-р филол. наук, профессор, директор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия, Владимир). *Yudina Natalya, PhD, professor, director of the Vladimir Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, Vladimir).*

Ястремская Инна Григорьевна, ассистент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова (Россия, Н. Новгород). *Yastremskaya Inna, assistant professor,*

German Department of Theory and Practice of Translation, School of Interpreting and Translation, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Russia, N. Novgorod).

Научное издание

**Языковая политика
и лингвистическая безопасность**

*Материалы
второго международного научно-образовательного форума
25–26 сентября 2018 г.*

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 18.12.2018.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,7.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 200 экз. Заказ № 9344

Отпечатано в полном соответствии с предоставленным
электронным оригинал-макетом
в типографии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а